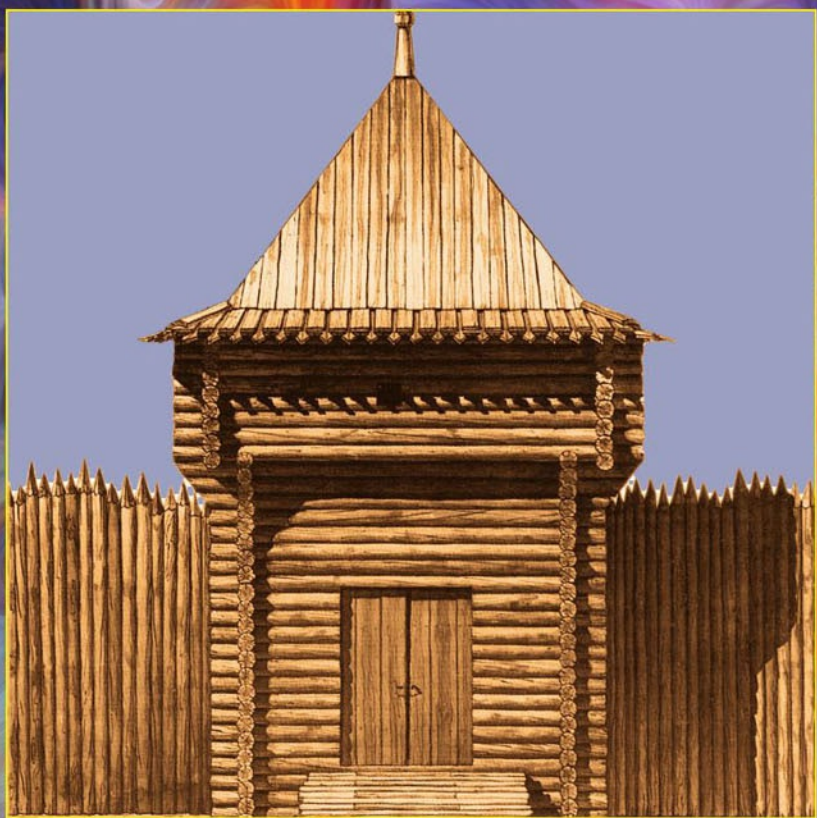

Т О Б О Л Ъ С К И ВСЯ СИБИРЬ

СУРГУТ

АЛЬМАНАХ
ТОБОЛЬСК И ВСЯ СИБИРЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКА»

ГЕРБ СИБИРИ

ГЕРБ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

ГЕРБ ГОРОДА СУРГУТА

АТЛЪЕМОДНЪСКЪ И ВСЯ СИБИРЬ

НОМЕР ВТОРОЙ
СУРГУТ

ТОБОЛЬСК
2004

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.С. ОСИПОВ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Е.М. АКУЛИЧ

АРХИЕПИСКОП ТОБОЛЬСКИЙ И ТЮМЕНСКИЙ
ДИМИТРИЙ

С.Р. ДУБИНСКИЙ

Н.А. ЗАПАДНОВА

И.А. ИВАНОВ

Г.С. КОРЕПАНОВ

Ю.М. ЛОЩИЦ

А.П. НОВОПАШИН

А.К. ОМЕЛЬЧУК

В.Г. РАСПУТИН

К.Б. РАШ

Ф.Г. САЙФЕТДИНОВ

С.М. САРЫЧЕВ

Г.В. СМЕРНОВ

В.И. СТЕПАНЧЕНКО

С.В. ЯМЩИКОВ

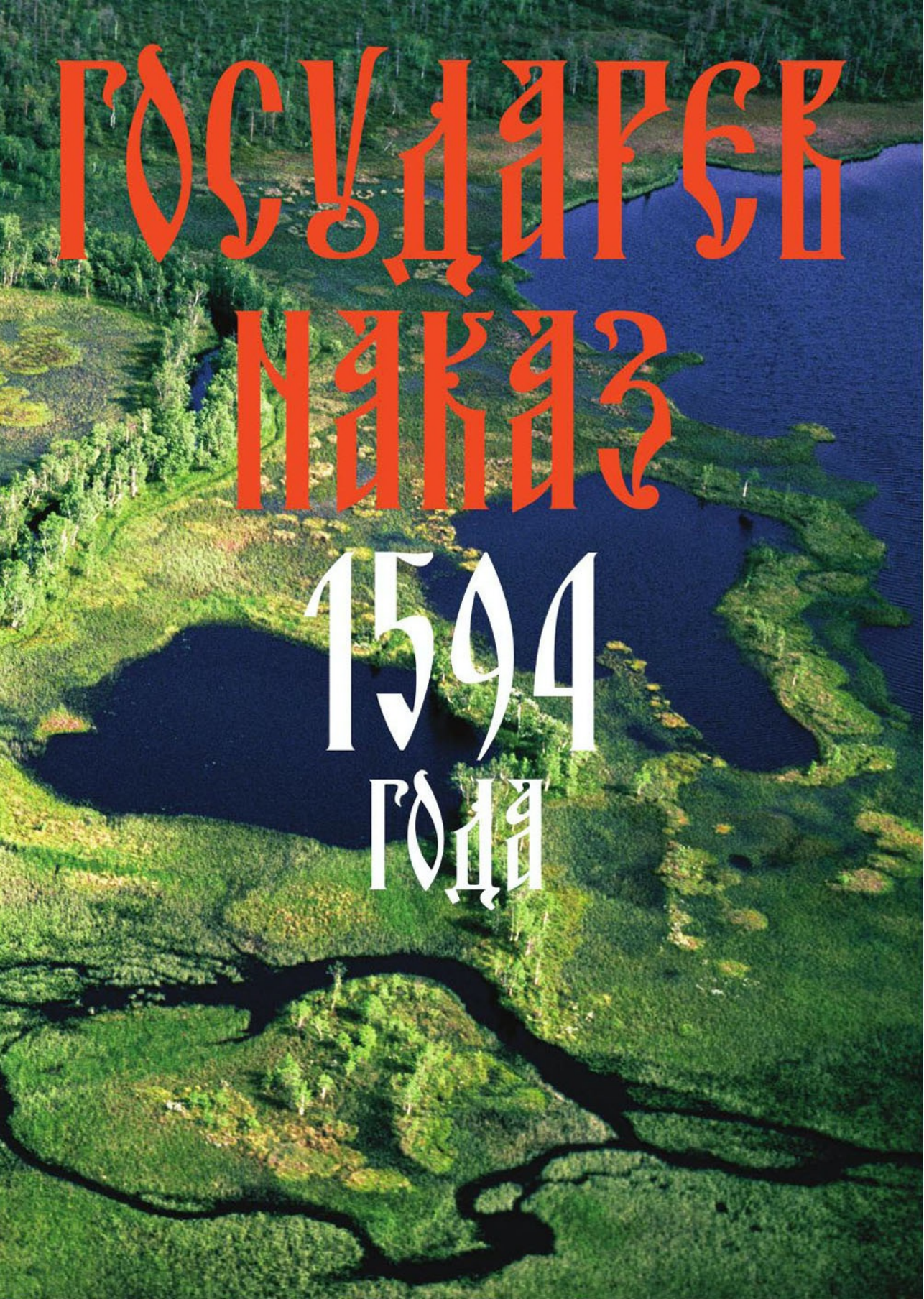
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
ОБЩЕСТВЕННОГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА
«ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКА»

НАПУТСТВЕННОЕ

ГОСУДАРСТВ НАКАЗ

1594

ГОДА

Лета 7102-го февраля в 19 день память князю Федору Петровичу Борятинскому да Володимеру Оничкову по государеву, цареву великого князя Федора Ивановича всея Руси указу велено им быти на государеве службе: вверх по обеи город ставити в сургуте или в беззубе воевод в аумпекех.

а что с Володимером послано будет с дозвы в тот в новый город наряд, и земля, и скинцу, и хлебных запасов, — и тому с ним послана роспись подлинная.

и Володимеру, взяв под себя подводы по подорожной, ехать ему вперемь великую, да на дозвы, а приехав на дозвы, взять у воеводы у князя Ондreja елецкого в новый город на обе государевы хлебные запасы и деньги по росписи, и подкласти те запасы в суды, идти с дозвы вместе с воеводою со князем Ондреем елецким на весне рано, как лед вскроется.

а приехав на пелымь, взять у воеводы у князя Петра Горчакова пелымских казаков по росписи, идти в тобольский город.

а приехав в тобольский город вместе с князем Федором з Борятинским, взять в тобольском у воеводы у князя Федора Лобановского с товарищи тобольских людей по росписи, — а подлинно об их отпуске писано ко князю Федору Михайловичу, как князь Федор приговорит, и в котором месте город им ставить — идти вниз по Иртышу в обский город.

и приехав в тот в обский город взять из обского города с усть Иртыша у гневаша Аютожина ратных людей, итву и казаков, которые годуют в обском городе, и наряд, и в казне земель, и скинец, и всякие пушечные запасы по росписи, а хлебные бы жалованье и денежное послал князь Федор к тем людям, чтобы они не разбежались з году.

и дожидаясь с беззуба города с головою с молчаном с поровым, да с атаманом з Денисом з Базаровым казаков, да князя Игича сего людьми с остяки, а послал бы князь Федор Лобанов к микифору Треханинцову с товарищи, чтоб ранее прислал людей и наряд, не мешкая. а микифору Треханинцову велено послать тех людей з беззуба, чтоб им в обский город на усть Иртыша прийти к Петрову дни.

а сождався князю Федору Борятинскому и Володимеру Оничкову с беззубскими людьми, сождався у обского города, идти из обского города вверх по обеи в сургут или в аумпек в беззубу воеводство. а обский город всея разломать, и жечь, и вперед ему не быть; а гневаша с детьми отпустить в тобольский город и быть им со князем Федором с Лобановым.

а приехав князю Федору и Володимеру в сургут, в котором месте пригоже, вымостя место крепкое под город, и подставить го-

род всеми людьми, и тутошними, и под город место очистить, и город поставить.

а делать город и лес возить всеми ратными людьми, — да то написать в роспись, и на чертеж начертить, и всякие крепости выписать, где станет город, да о том отписать ко государю подлинно, как пойдут из тобольского вниз ртишом и вверх по обью и сколько будет ходу сяды, — чтобы государю все было ведомо.

а вскинуть город делать на всю рать, на литву и на казак, на тобольских, и на березовских, и на новоприборных, и на татар на княж игичевых, и на ближние владости на остаток, которые блиско того нового города будут.

а лес на город велети ронить легкой, чтоб вскоре город сделать, и житницы на государев запас велети поставить, и государев запас велети на житницах устроить.

а сперва тутошних людей беречься, велети и лес ронить, и привозить под город, а стояли в под городом, а в город их не пущать, покаместа город укрепитца.

а которые не почнут слышать и лесу в городовому делу возить, и их велеть воевать и подстрашать.

устроив город, наряд по городу и всякие пушечные запасы устроить в казне по росписи, какова роспись с ними послана.

и быти в городе князю Федору и Владимиру по сему государеву наказу, и государев запас в житницах держать за сконими печатми, и устроить город, и сторожи по городу устроить крепкие.

а велети житницы делать подником в ту же пору тотчас, как город начнут делать. и жити в городе с великим береженьем, и сторожи по городу и караулы были в в день и в ночь крепкие, и выбирать сторожей к житницам и к городовым воротом их казне из ратных людей, которых добрых и годовое давати по государеву указу.

а как князь Федор и Владимир город поставит, — и им отписать и чертеж тому новому городу прислать ко государю к Москве в приказ ко дьяку Андрею Шелеканову, чтоб было государю ведомо.

а владости все и городки, которые пошли от беского городка от усть ртиша к новому городу сугут, и самаровская владость, и которые владости пошли вверх по оби к пердн орде, и выше песные орды велати сядом, и управдою, и асаком в тот в новый город князю Федору и Владимиру, и асак с них имать и велеть приходить к себе, и асак им платить подпрежнем, как они платили в тобольский город.

а имати соборы и боры и лисицы черные сорок соборей в 30 руб, и в 20 руб, и в 15 руб, а меньше 15 руб сорок не имати, и асачные книги тем всем владостям взати в тобольском в воеводы

У КНЯЗЯ ФЕДОРА ЛОБАНОВА, ПО ЧЕМУ С НИХ ЯСАКУ В ТОБОЛЬСКОМ ИМА-
НО ПРЕЖЕ ВСЕГО, И БЕРЕЖЕНЬЕ К ТЕМ БОЛОСТЯМ ДЕРЖАТЬ БЛАНИКОЕ,
И, ЗБИРАЯ, ОТСЫЛАТЬ ИМ В ТОБОЛЬСКОЙ ГОРОД К КНЯЗЮ ФЕДОРУ.

А ЧТО ЗБЕРУТ ЯСАКУ ВСАКОГО И ЧТО ОТОШЛЮТ В ТОБОЛЬСКОЙ, О ТОМ
ПОДЛИННО К ГОСУДАРЮ ОТПИСАТЬ, С КЕМ ПОШЛЮТ.

А КНЯЗЮ ФЕДОРУ ЛОБАНОВУ ВЕЛЕНО ИХ, ПЕРЕСМОТРЕА, С ТЕМИ ЛЮДМИ
И ОТПЫШАТЬ К ГОСУДАРЮ ВЕЛЕНО.

А ЧТО С ТЕХ ГОРОДКОВ И БОЛОСТЕЙ ЯСАКОВ ЗБЕРУТ, И КНЯЗЮ ФЕДОРУ
И БОЛОДИМИРУ ТОЕ ГОСУДАРЕВУ КАЗНУ ВЕСЬ ЗБОР ПОСЫЛАТЬ В ТО-
БОЛЬСКОЙ ГОРОД К ВОЕВОДЕ К КНЯЗЮ ФЕДОРУ ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ
СО ТОВАРИШИ.

А ДЛЯ БЕРЕЖЕНЬЯ ПОСЫЛАТИ ЗА КАЗНОЮ ДО ТОБОЛЬСКОГО ГОРОДА ИЗ
ТОБО ИЗ НОВОГО ГОРОДА ЛИТВУ И КАЗАКОВ, ЧТОБ ЕЕ ДОВЕСТИ ЗДОРОВО ДО
ТОБОЛЬСКОГО ГОРОДА.

А ИЗ ТОБОЛЬСКОГО ГОРОДА КНЯЗЮ ФЕДОРУ ВЕЛЕНО ТОЕ КАЗНУ ОБСЧУЮ
ПРИСЫЛАТИ К ГОСУДАРЮ К МОСКВЕ В ПРИКАЗ К ДЯКУ К ОНДРЕЮ
ШЕЛКАНОВУ ВМЕСТЕ С ТОБОЛЬСКОЮ КАЗНОЮ.

А КОТОРЫЕ БОЛОСТИ ПОШЛИ ПО ИРТИШУ ОТ УСТЬЯ ИРТИШКОГО К ТО-
БОЛЬСКОМУ ГОРОДУ, И С ТЕХ БОЛОСТЕЙ СО ВСЕХ ЯСАКОВ В ТОТ В НОВОЙ
ГОРОД КНЯЗЮ ФЕДОРУ И БОЛОДИМИРУ НЕ ИМАТЬ. А ИМАТИ ЯСАК ВЕЛЕ-
НО С ТЕХ ГОРОДОВ И С БОЛОСТЕЙ КНЯЗЮ ФЕДОРУ ЛОБАНОВУ В ТОБОЛЬ-
СКОЙ ГОРОД.

А КОТОРЫЕ ЛЮДИ ПОСЛАНЫ ПО РОСПИСИ ИЗ ТОБОЛЬСКОГО ГОРОДА, И КО-
ТОРЫЕ ПОСЛАНЫ С ПЕЛЫМИ, И КОТОРЫЕ С БЕРЕЗОВА ГОРОДА, И КОТО-
РЫЕ ИЗ СТАРОГО ИЗ ОБСКОГО ГОРОДА, И ТЕМ ВСЕМ КАЗАКОМ ГОСУДАРЕ-
ВО ЖЕЛЕНОЕ ЖАЛОВАНИЕ ВЕЛЕНО ДАТЬ ГОДОВОЕ ТОБОЛЬСКИМ ЛЮДЕМ
В ТОБОЛЬСКОМ, А ПЕЛЫМСКИМ НА ПЕЛЫМИ, А БЕРЕЗОВСКИМ НА БЕРЕ-
ЗОВЕ.

А КОТОРОЙ ЗАПАС ПОСЛАН В НОВОЙ ГОРОД НА ЗАПАС СВЕРХ ГОДОВОГО ЖА-
ЛОВАНИЯ, И ТОТ ЗАПАС ДЕРЖАТЬ И УСТРОИТЬ В ГОСУДАРЕВЫХ ЖИТНИ-
ЦАХ, А ВЗЯТИ ИЗ ТОГО ЗАПАСУ НА ТАТАРСКИЕ РАСХОДЫ 50 ЧЕТИ МУ-
КИ, 10 ЧЕТИ КРУПЫ, 10 ЧЕТИ ТОЛОКНА ЧЕМ ТАТАР И ОСТАЯКОВ КОРМИТЬ
И ПРИВОДИТЬ В НОВОЙ ГОРОД ПОД ГОСУДАРЕВУ РУКУ. А БУДЕТ КОТОРЫХ
КАЗАКОВ И ЛИТВУ НУЖА ИМЕТЬ ЖЕЛЕДОМ, И ДО ГОСУДАРЕВЫХ ДО НОВЫХ
ДО ЖЕЛЕБНЫХ ЗАПАСОВ ЖЕЛЕЗА У НИХ НЕ СТАНЕЕТ, И БУДУТ ЖЕЛЕДОМ ДО-
БРЕ НУЖНЫ, ИМ ДАВАТЬ ЖЕЛЕ ПОДЪЕМНОМУ ИЗ ТОГО ГОСУДАРЕВА ЗАПА-
СУ, ЧТОБ ИМ З ГОЛОДУ НЕ ПОМЕРЕТЬ ДО НОВЫХ ЖЕЛЕБНЫХ ЗАПАСОВ.

И БЫТИ В НОВОМ ГОРОДЕ КНЯЗЮ ФЕДОРУ И БОЛОДИМИРУ С БЛАНИКИМ
БЕРЕЖЕНЬЕМ, И СТОРОЖИ НА ГОРОДЕ И КАРАУЛЫ БЫЛИ В КРЕПКИЕ, ЧТО-
БЫ ГОРОДУ НИКОТОРОЙ ПОРУХИ НЕ БЫЛО.

А КОНИНА СЫНА УРУНКА ВЗЯТИ КНЯЗЮ ФЕДОРУ БОРЯТИНСКОМУ И БО-
ЛОДИМИРУ С СОБОЮ В НОВОЙ ГОРОД У КНЯЗЯ ФЕДОРА И К ОЦУ ЕГО ПРИ-
КАЗАТИ, ЧТОБ ОН В НОВОЙ ГОРОД В СУРГУТ И ЯСАК, С СЕБЯ И СО ВСЕЙ

пегой орды собрав, прикѣз к вам.

а государь его пожаловал, велел ему сына его отдать и велел его
держати под своею царскою рукою. а будет только боня сам в но-
вой город не будет, а придет ясак с племянником или с дѣт-
чими людьми, и ин ясак взять, а сына бонина отпустить к отцу.
а будет боня ясаку не придет к ним в город, а отпустить кня-
зю Федору с Володимиром, перебрав, с ним дѣтчих людей князя
игиареса с людьми и тутошних дстакое в пегую орду воевать,
чтоб его извоевать и ясак с него и всеи пегой орды прошлон
нынешний собрати и привесть их под государеву руку, чтоб
они приходили в новый город, и ясак с себя давали сподна.

а как с князем Федором и Володимиром город поставят и оста-
кое под государеву руку приведут и поустроятца, и им о том
отписать и чертежь новому городу прислать ко государю
в москве в приказ ко дяку ондрѣю шесаканову, чтоб про тамош-
ние про дела государю было ведомо.

а посылать ко государю в москве
с грамотами казаков,
человѣка по два или по три,
мимо безезов город да на быль,
и всяких о тамошних делах
отписать подлинно.

*Старинное Архипастырское седище
в Тобольске.
Иллюстрация из журнала «Нива». Конец XIX века*

МОЙ ГОРОД

ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВ ЭПОХИ

Сибирь изначально, в отличие от других российских территорий, начиналась с городов, а о каждом сибирском городе - Тюмени, Тобольске, Сургуте - изначально говорилось, что он есть «рожденный для государевой (то есть государственной!) службы». И города в конце XVI века на Туре, Иртыше, Оби основывали казаки и стрельцы, «государевы служилые люди», положившие основу сибирского самосознания с его особым патриотизмом - сибирским, государственным, общероссийским. В этом смысле, сибиряк, - добывал ли он раньше для казны меха или добывает в наше время нефть и газ, - остается в полном смысле государственным. Человеком, знающим, что без него государство будет неполным. Без его службы, без его города. В частности, Сургута, если он - сургутянин.

Известный финский ученый Матиас Александр Кастрен, побывавший в Сургуте в 1845 году, сделал любопытное наблюдение: «Решительно не много мест в Сибири, которые в эпоху завоевания ее играли бы такую важную роль, как отважный казацкий город Сургут...» Далее чужестранец приводит описание горожан, показательное в плане определения сибирского менталитета, претерпевшего с тех пор мало изменений: «Стороннему человеку казалось странным, что сургутяне страстно любят свои непроходимые болота и урман, и ничто не может заставить основную их массу бросить неуютный север». Сургутянам тогда даже предлагали переселиться на юг Тобольской губернии, но они решительно отказались. Ныне в глобальной, доступной по всему миру сети Интернета, на городском сайте заявлено: «Сургут вступает в XXI век, уверенно занимая среди российских городов одно из лидирующих по динамике экономического и социального развития мест». И еще: «...если высокий темп промышленного роста Сургута обеспечен экспортным потенциалом нефтедобывающей отрасли, то культурные достижения города в немалой степени обусловлены «импортом культуры».

Однако замечу, что ни одно определение, особенно, относящееся к динамично развивающимся северным сибирским городам, нельзя считать ни абсолютно полным, ни окончательным.

Вдобавок, для «импорта культуры» также необходима достаточно подготовленная почва. А «готовилась» она в Сургуте всей его теперь уже 410-летней историей, запечатленной, так сказать, для «ежедневной наглядности» в памятнике основателям города. Дабы молодые сургутяне - коренные, родившиеся на этой земле, - и гости города, приезжающие со всех концов бывшего Советского Союза, не забывали, «откуда есть пошла» сургутская земля. А также и те, кто здесь начинал задолго до того, как в 2002 году Сургут стал победителем Всероссийского конкурса «Самый благоустроенный город в России». Так что, культуру мы не только «импортируем», но и поделить ею можем. Хотя, как истинные, а значит и практичные, сибиряки, и от «импорта» не отказываемся. Наши нефтяники, газовики, геологи, энергетики всегда готовы достойно оценить высокую культуру в любом ее проявлении. Знаменательно, что печатное слово весомо и в XXI веке, несмотря на бурное развитие телевидения и Интернета. Поэтому сургутяне сразу откликнулись на появление альманаха «Тобольск и вся Сибирь», поддержали новую инициативу Общественного фонда «Возрождение Тобольска», озабоченного необходимым делом расширения сибирского культурного пространства. В этом начинании заключена важная заявка на то, что Сибирь - не только

энергетический, сырьевой ресурс страны, но и - духовный, культурный.

Как это важно - дать предельно емкое и со «стратегической точки зрения» верное название новому печатному изданию! Ведь оно должно в полной мере соответствовать сибирскому характеру, в котором, если чего недостает, так это провинциальной ограниченности. В этом названии должен присутствовать не «квасной», а истинный патриотизм. Который позволяет трезво осознавать и свое место, и место своего города в пространстве всего региона, всей Сибири и, наконец, всей необъятной России.

Здесь тоболяки заглянули немножко дальше нас, но они помнят о том, что некогда издававшийся в Тобольске журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», был, вообще, единственным такого рода периодическим изданием в российской провинции. И печатался он в типографии, принадлежавшей промышленнику Д.В. Корнилеву, деду великого ученого Дмитрия Ивановича Менделеева.

Можно смело опираться на такой культурный фундамент: он поддерживает, дает силу. Недаром сургутяне, особенно молодые, для лучшего познания истории края, любят ездить в Тобольск, открывают для себя, что лучшее туристическое путешествие, совсем не обязательно заграничное. Да и наша югорская приобская тайга для душевного обогащения дает ничуть не меньше, чем соблазнительные южные края. Богатейшая сибирская земля с ее рыбными реками, озерами, тайгой, привлекает людей не одной возможностью развернуться в работе, но и своей необъятной живой природой, с которой стоит иногда остаться наедине, почувствовать в себе кровь предков, живших с нею в ладу. И порой встретиться в тайге с местным охотником - ханты, манси, лесным ненцем, - этому ладу не изменившим. И порой удивиться, узнав, что встречный получил высшее образование в Сургутском университете, европейски образован и обладает тем духовным и культурным потенциалом, которого так не хватает урбанизированному «обществу потребления».

Есть чем поделиться с остальным человечеством коренным уроженцам Сибири и русским сибирским старожилам, которых также относят к коренному населению. В Сургуте, с его нынешним уже 300-тысячным населением таких, увы, осталось, немного... Но есть одна сибирская особенность, замеченная единственным декабристом-сибиряком, уроженцем Тобольска Гавриилом Степановичем Батеньковым: «Сибирь имеет чудное свойство: климатизировать всех, кто в нее как-нибудь попадает. Стоит перешагнуть единожды за Урал, тотчас и прильнет название сибиряка - надолго, на всю жизнь, хоть уезжай за море». Да и зачем ехать за море, если региона более перспективного, нежели Сибирь, уже нигде не найти. Даже за пределами России.

Оказавшись в XXI веке, мы увидели, что Сибирь, помимо нефти и газа, обладает еще и таким ресурсом, которого уже почти лишились иные государства. Это - сибирские пространства, дающие возможность для дальнейшего вложения народных сил и буквально притягивающие к себе экономические интересы наиболее развитых промышленных стран Европы, Азии, Америки. Пространство и энергия ныне приобретают самую высокую ценность для человечества. Ученые ищут новые источники энергии - и найдут, конечно. С пространством же на нашем земном шаре дела обстоят куда сложнее.

Опираясь на такие города, как Сургут, на надежные опорные пункты, Россия приобрела свои пространства, достигла своих пределов.

Разумеется, историческая значимость этих опорных пунктов не раз менялась. Некогда основав важный форпост на историческом пути России, сургутяне в продолжение всего XIX века числились обитателями тихого уездного городка Тобольской губернии, а в 1923 году оказались и вовсе сельскими жителями. Потом начался новый подъем: в 1958 году Сургут стал рабочим поселком и, наконец, 25 июня 1965 года вернул себе давным-давно заслуженный статус города.

В 1938 году общий жилой фонд Сургута составлял около шести тысяч квадратных метров, приходившихся на частные дома. На сегодняшний день в распоряжении сургутян более чем пять миллионов квадратных метров капитального жилья. И каким бы сложным ни считалось наше переменчивое время, но ежегодно прибавляется еще до двухсот тысяч квадратных метров. И при этом жилье возводится по самым прогрессивным технологиям...

Сургут вступает в XXI век, уверенно занимая среди российских городов одно из лидирующих по динамике экономического и социального развития мест.

Сейчас очень много говорят и пишут о «национальной идее», которая могла бы объединить российское общество, открыть людям достаточно конкретные цели и задачи сложные, но выполнимые.

Если посмотреть на географическую карту современного Российского государства, то большую часть его занимает Сибирь. Отсюда ее - эту идею - можно конкретизировать: освоение пространств за Уралом, должно идти по нарастающей, становиться общегосударственной целью. Каждый век бросал России свои «вызовы» - экономические, духовные, военные. Россия принимала их, отвечая на них неожиданно, нестандартно.

В этих пространствах должны подниматься города - высокоразвитые в промышленном, бытовом, коммунальном, научном, образовательном, культурном планах. В начавшемся веке это, пожалуй, главный вызов, и ответ на него - соответствовать времени. И жить в своих городах так, чтобы ни один год не был похож на предыдущий. То есть интересно.

А выражение «неуютный север», действительно, может исходить только от «стороннего человека». Сибирский Север - чудесное пространство для реализации энергии свободных инициатив, для образа жизни, отрицающего косные шаблоны.

Сургут энергично осваивает новую эпоху, находясь на перекрестках поистине глобального движения идей, финансов, товаров, ресурсов. Уверяю вас, этот город - отнюдь не шаблонный. О чем этот выпуск альманаха, надеюсь, и даст вполне ясное представление.

Бахосаа

Р. Бах

Р. Большой
Тымь
Калыса
Лупоко

Огнбшеры
нижерий
слоа
Касосий
мизорой

Р. Сор
Р. Урай
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора
Р. Тора

Свердловский уезд в конце XVII века
Чертеж С.У. Ремезова

Неизвестный художник
«Битва ояцких племен»
Бумага, тушь, акварель

ОСТРОГ И ОКРУГА

СУРГУТ И СУРГУТСКИЙ УЕЗД В 1594–1645 ГОДАХ

Исторический материал приводит нас к убеждению, что русское владычество в Сибири прежде всего «опнулось», по выражению Словцова, на правом берегу реки Оби, при впадении в нее Иртыша, в Обском городке, построенном Мансуровым еще в 1585 году Остяки, жившие здесь, называли его Рут-Ват, т.е. Русский город, так как этот городок был первым в Сибири, основанным русскими завоевателями. Миллер несправедливо говорит, что Обский городок существовал только одну зиму и будто бы оный навсегда был покинут русскими после оставления его Мансуровым весной 1586 году. Нет, этот городок существовал целых девять лет и разрушен только в 1594 году. Но в нем не было постоянного населения, а жили «годовальщики», присылаемые из Тобольска для удержания в повиновении обских остяков и сбора с них ясака. Эти годовальщики, двигаясь далее и далее вверх Оби за сбором ясака, скоро столкнулись с Пегой (Пестрой) Ордою, или нарымскими остяками, находившимися в то время под властью своего князя Воня, и захватили в плен сына последнего - Урунка. Когда об этом узнало русское правительство, то решилось воспользоваться этим пленником для подчинения своей власти князя Воня с его народом. Но из Обского городка вследствие отдаленности его от Пегой Орды довольно трудно было управиться с князем Воней, имевшим до 400 человек войска; поэтому Федор Иванович велел уничтожить этот городок, а на его место построил новый, поближе к Пегой Орде. Исполнителями этой задачи, т.е. основания нового города и покорения Пегой Орды, были назначены князь Федор Борятинский и Владимир Аничков...

Город был построен на правом берегу реки Оби при впадении в нее речки Сургутки, т.е. почти посреди той части Оби, которая находилась между Обским городом и Нарымом, или Пегою Ордою. Как и все сибирские города, Сургут представлял небольшую крепость с двумя воротами, четырьмя башнями глухими и одной башней проезжей; в ней были поставлены воеводский двор, тюрьма, зеленый (пороховой) погреб и церковь, острог с двумя воротами и одной проезжей башней; тут же находились и хаты для служилых людей. Все эти постройки воздвигнуты были в одно лето 1594 году. Такой быстроте оснований сибирских городов нечего удивляться: наказ всегда предписывал воеводам строить город «наспех», возить лес легкий, и в постройке должны были принимать участие не только все служилые люди, но и ближайшие инородцы. Поэтому часто случалось, что чрез каких-нибудь пять лет после основания города последний уже нуждался в большом ремонте, а лет чрез 15-20 воеводы доносили, что город совершенно ветхий и разваливается. Первоначальное население Сургута состояло из 155 служилых людей, прибывших вместе с первыми воеводами, из которых значительное большинство было семейных, а затем из ружников и оброчников; к последним принадлежали: духовенство, подьячие, толмачи, сторожа и палач. Но уже через два года число служилых людей значительно увеличилось. Подчинить русской власти Пегую Орду оказалось не так легко, как предполагало правительство: князь Воня не поддавался увещаниям сургутских воевод, не хотел добровольно платить ясак. Нужно было употребить силу,

но прежних служилых людей оказалось недостаточно, чтобы смирить упомянутого князя. Поэтому правительство в 1596 году и прислало в Сургут еще 112 человек, а в 1601 году сургутских служилых людей - казаков, стрельцов, литвы и черкас - было 280 человек. Но не все они постоянно жили в Сургуте; с построением острогов Нарымского и Кетского сургутские служилые люди посылались в эти остроги в качестве «годовальщиков» человек по 20 в каждый острог...

Главную статью денежного дохода Сургута составляли пошлины с торговых и промышленных людей; то же, впрочем, мы наблюдаем и во всех сибирских городах того времени. Но в первые годы существования Сургута этих пошлин не было: для привлечения сюда торговых и промышленных людей правительство им объявило, что они в новом городе будут пользоваться правами беспошлинной торговли. Это распоряжение действительно привлекло в Сургутскую область массу торговых и промышленных людей. Край оживлялся, по инородческим волостям появились вымичи, зыряне, пустозерцы, пермичи, устюжане, двиняне, важане, каргопольцы, москвичи и иных русских городов торговый люд, кто для промыслов, кто для меновой торговли с местным населением. Правительство скоро увидело, что данная льгота как средство привлечения в Сургутскую область купцов и промышленников более не нужна, и уже в 1597 году приказало сургутским воеводам уничтожить эту льготу и собирать всякую пошлину, как и в других сибирских городах. Торговые и промышленные люди не могли оставить этого распоряжения без протеста и в том же 1597 году подали через сургутского воеводу Лобанова-Ростовского челобитную царю, в которой просили сохранить за ними прежнюю льготу: «мы люди бедные, - писали они в своей челобитной, - платим всякия подати в Перми, нанимаем до Лозвы подводы под служилых людей и под государевы запасы, привозим сургутским служилым людям масло, сало говяжье, мясо и сукна»... Но ссылака челобитчиков на ту пользу, которую они приносят сургутским служилым людям, доставляя им из Руси разные необходимые товары, оказалась совсем не к делу: сами служилые люди жаловались царю, что торговые и промышленные люди, являясь в Сургут для торговли и промыслов без хлебных запасов, выкупают у них хлеб и заставляют голодать. Челобитная торговых и промышленных (людей - ред.) оставлена без последствий, «то ты сделал не гораздо, - писали из Москвы сургутскому воеводе, - что принял у них челобитную»... Затем по жалобе сургутских воевод, что торговые и промышленные люди выкупают у инородческого населения Сургутского уезда дорогих соболей и лисиц и что последние вследствие этого платят ясак в государеву казну плохую рухлядь, московское правительство, во-первых, запретило торговлю по инородческим юртам, а во-вторых, указало, чтобы торговые люди выменивали у инородцев только низшего качества пушной товар, который в царскую казну не годится, «а если кто из торговых людей после этого будет покупать и торговать лучшею и среднею рухлядью, то бить кнутом, сажать в тюрьму недель на пять и на шесть, а имущество отбирать на государя». Эти меры в значительной степени ослабили прилив в Сургутскую область торговых людей, так как выменивать товар низшего качества для них не представляло особенной выгоды. Велено также объявить и инородцам, чтобы они лучшую и среднюю рухлядь приносили в город, где будут покупать этот товар на государя, а чтобы русским людям они продавали бы только худую рухлядь.

Из этого видно, что царь, как первый купец пушным товаром, хотел быть вне конкуренции с своими подданными! Однако эти меры не вполне достигали цели: а) инородцы с большею охотою вступали в торговые сношения с торговыми людьми, чем с представителями царской торговли, и б) русские люди все-таки изыскивали способы обходить таможи и вывозить на Русь самую лучшую мягкую рухлядь. По крайней мере сибирские воеводы постоянно жалуются, что инородцы платят ясак плохую рухлядь и что в ясаке бывает ежегодный недобор... Мы, впрочем, далеки от того, чтобы упомянутые меры ставить в вину московским царям; они вызывались не алчностью и наживой, а необходимостью. Царская казна не вынесла бы тех громадных расходов, которые она затрачивала на содержание служилых людей, ружников и оброчников в сибирских городах, если бы не имела права на монополию торговли пушным товаром.

Возьмем хотя для примера Сургут: на его содержание - на денежное и хлебное жалованье и разные неокладные расходы - нужно было в год minimum 2 1/2 тыс. рублей, между тем как денежных

Scène de Trolzkoï sur l'Irtich, vers son embouchure dans la mer glaciale.

Е. Корнеев.
Весенняя переправа в устье Иртыша. 1810–1812.
Бумага, акварель.

доходов в этом городе собиралось в царскую казну всего рублей 600. При таком ежегодном дефиците царская казна обанкротилась бы довольно скоро. Но ясак, собираемый с инородцев Сургутского уезда, не только покрывал все казенные расходы, но иногда давал излишек в несколько сот рублей.

Сургутский уезд населен был исключительно остяками, и если в царских грамотах предписывается сургутским воеводам собирать ясак и «с татар», то это зависело: а) от того, что грамоты к сибирским воеводам писались по одному шаблону, а б) в одной Подгородной волости жили остяки, принявшие магометанство, а таковых инородцев русские всегда называли татарами; на самом же деле татар в этом уезде нигде не было.

Остяки под управлением своих князей жили по волостям, разбросанным на громадном пространстве всего Сургутского уезда. В наказах сургутским воеводам говорится, что к их ведомству принадлежат все остяцкие «городки и волости, которые пошли от Сургута вниз по Оби к устьям Иртыша и которые пошли от Сургута вверх по Оби к Пегой Орде и выше... В конце XVI века таких волостей в Сургутском уезде было десять: Селияровская при реке Лямине, Базионовская, или Темлячьева, на Оби, Салымская при реке Салыме, Юганская (Югорская тож) Большая и Меньшая по реке Югану, Бардакова по реке Бардаковке, Лунпокольская на Оби, Ларьяцкая по нижнему течению реки Ваха, Вахская по верхнему течению реки Ваха и Васьюганская по реке Васьюгану. На основании некоторых данных мы можем приблизительно определить и число ясачных людей в этих волостях, именно их было около 600 чел. Но скоро Сургутский уезд значительно увеличился.

Буххорн (?).
Праздник у самоедов и остяков. Начало XIX века.
Бумага, акварель.

Мы выше упомянули, что цель постройки Сургута главным образом состояла в том, чтобы подчинить московской власти Пегую Орду, или нарымских остяков. В наказе строителям этого города предписывалось: «Вонина сына Урунка взять с собой в новый город, и к отцу его приказать, чтобы он был в новый город в Сургут и ясак с себя и с своей братии Пегой Орды собрал и привез к вам. А государь его пожаловал, велел отдать ему его сына и велел держать его под своей высокой рукой. Буде сам Воня в новый город не будет, а пришлет ясак с племянником или с лучшими людьми и им ясак взять и сына Вонина отпустить к отцу. Если же Воня ясак не пришлет и им, собрав людей, Пегую Орду воевать, чтобы Воню извоевать, ясак взять и привести под государеву руку»...

К исполнению наказа воеводы должны были приступить немедленно после основания города.

Но первые воеводы не могли сломить упорство князя Воня; чтобы выручить из плена своего сына, он прислал ясак в том же 1594 году, и тем дело кончилось. В следующем году первых воевод сменили - на их место назначены воеводой Осип Ф. Плещеев и головой Иван И. Калемин.

Но когда эти последние послали за ясаком к князю Боне, то он ясачников в Пегую Орду не пустил и ясаку не дал.

Этого мало: Воня сам решился перейти в наступление, начал собирать войско, чтобы уничтожить город Сургут.

Новому русскому городу на Оби грозила серьезная опасность: Воня, как видно, был человеком энергичным и, по словам сургутского воеводы, мог выставить в поле до 400 человек войска. Кроме того, из Сургута писали в Москву: «сказывал князь Бардак, что царь Кучум подкочевал к Пегой Орде, ссылается с князем Воней, и что они постановили меж собой договор, чтоб весною со всеми своими людьми идти против Сургута»... Сообщая эти грозные вести, сургутский воевода еще писал, что мирными средствами нельзя достигнуть, чтобы Воня платил ясак, а необходимо предпринять

М. Знаменский.
Князь остяцкий Тайшин и тобольский губернатор Деспот-Зенович. 60-е годы XIX века.
Бумага, акварель.

*М. Знаменский.
Самоедinka. 60-е годы XIX века.
Бумага, акварель.*

М. Знаменский.
Остячка. 60-е годы XIX века.
Бумага, акварель.

против него военный поход и поставить в его земле на время острог, пока воинские люди приведут к покорности Пегую Орду и возьмут из лучших людей заложников (аманатов) из всех волостей. Получив эти известия, московское правительство отнеслось к ним очень серьезно; это видно из того, что оно немедленно решилось снарядить обширную экспедицию против князя Пегой Орды. Велено тобольскому воеводе, выбрав 50 лучших служилых людей, до 100 человек татар послать с атаманами и боярскими детьми в Сургут, велено березовскому воеводе послать туда же 50 человек с пятью полковыми пищалями, да еще известный князь Игичей Алачев должен был выбрать из своих людей 100 человек и сам с своей братией идти в поход против князя Воня. Все эти войска, 300 человек, должны были собраться в Сургуте весною 1597 году и поступить под начальство сургутского головы Ивана Калемина; к ним велено еще прибавить сургутских служилых людей 100 человек и 100 остяков из тех волостей, от которых нельзя ожидать измены. Таким образом, в походе против Воня должны были принять участие всего 500 человек; такой многочисленной экспедиции московское правительство не посылало даже против самого Кучума. Наказ предписывал Калемину, посадив войска на суда, плыть вверх Оби в Пегую Орду бережно, так, чтобы князь Воня не проведал о походе, а пришед туда, сначала поставить острог, а потом действовать против Пегой Орды «сколько Бог помощи подаст, и смотря по тамошнему делу и по вестям», чтобы непременно привести ее под царскую руку. Неизвестно почему, но поход против Воня в 1597 году не состоялся. Очень может быть, что его остановил бывший в это время бунт всей югорской земли; так как над умирением последней трудился березовский воевода с своими служилыми людьми и с людьми князя Игичея, то он не мог исполнить повеление Федора Ивановича - послать в Сургут помощь, а без нее, вероятно, не решались начать войну с Воней, и поход против него был отложен. Несомненно только, что поход в Пегую Орду был совершен в 1598 году и с теми же силами, хотя и под начальством других лиц. На успех и последствия этого похода мы имеем только косвенные указания. Именно, в 1598 году у сургутских служилых людей появилась масса пленных и о них-то сохранилась до нас грамота царя к сургутскому воеводе С.М. Лобанову-Ростовскому. В ней предписывалось, чтоб воевода отобрал у служилых людей всех пленников и, которые не крещены, отослал на родину, а с теми, которых служилые люди успели окрестить, поступить так: мужчин поверстать в службу, женок и девок выдавать замуж за служилых людей, которые захотят жениться; малых ребят крещеных поверстать в службу, когда подрастут, а малых девок, когда подрастут, выдать замуж за крещеных людей, но чтоб никто не смел пленных вывозить на Русь под страхом смертной казни. Очевидно, что эти пленные были результатом похода в Пегую Орду. Еще в 1597 году царь Федор Иванович, посылая в Сургут воеводу Лобанова-Ростовского и голову Ржевского, наказывал им непременно предпринять поход с тобольскими и березовскими служилыми людьми в Пегую Орду, на князя Воню, но этот наказ мог быть исполнен только в 1598 году. С этого времени Пегая Орда подчинилась московской власти и в ее земле построен в том же 1598 году русский острог Нарым. О князе Боне более не упоминается в документах, стало быть, ему нанесен решительный удар в том же самом году, как и его знаменитому союзнику царю Кучуму. Последний не мог исполнить своего обещания помочь Боне против Сургута и, вероятно, потому, что ему самому в это время не давали покоя энергичные предприятия тарских воевод. Со времени покорения Пегой Орды к Сургутскому уезду присоединены новые волости: Аслымская, Сымская, Карахонская по Оби и Тымская по реке Тыму. Затем и Муалымского городка остяки Ермачко с товарищами били челом государю, что прежде они платили ясак в Березов, а теперь желают платить в более близкий город Сургут. И царь пожаловал; эти остяки, жившие на Оби при устье Иртыша, в так называемом Белогорье, составили новую волость в Сургутском уезде - Белогорскую. В 1602 году воевода Борятинский хотел было присоединить еще к Сургутскому уезду кунную самоядь, жившую по реке Пуру, и с этою целью отправил служилых людей под начальством атамана Богдана Чубакина (из черкасов) к самоедским князьям - Акубе, Скамге, Салыму с жалованным царским словом и с предложением платить ясак в Сургут, но самоеды отказали, потому что уже платили ясак в Газовский город (в Мангазее).

Всего ясачных людей - старых и новиков - в Сургутском уезде в 1625 году было 796 человек, а с них

*М. Знаменский.
Старинная церковь в Рафайлово. 60-е годы XIX века.
Бумага, акварель.*

ясаку и поминков государских и воеводских собрано всяким зверем до 160 сороков соболей, по сибирской оценке более чем на 3 тысячи рублей.

Да в том же году отнята Ваховская волость у Димитрия Алачеева (внука Игичея), в которой ясачных людей было 95, так что всех ясачных людей (исключая женщин, детей, холопов, старых и увечных) в Сургутском уезде в 1645 году был 981 человек.

Сургутским воеводам никогда не удавалось взять полный ясак с инородцев Сургутского уезда; ежегодно был недобор, и иногда очень значительный, простиравшийся до нескольких десятков сороков соболей. А между тем ясачный оклад был невелик: сначала они платили по 11 соболей с человека, но с 1610 году, вследствие жалоб инородцев на тяжесть такого оклада, царь велел брать с них только по 9 соболей. Несмотря на это облегчение, инородцы и после того никогда не выплачивали полного оклада и всегда находили какие-нибудь объяснения этому: одни (1625 году) жаловались, что были больны осенью и на промысел не ходили, другие - что собаки «промышленные» повымерли, третьи - что «лешня не удалась», мало зверя было в промышленных

местах и т.п. Но, кажется, самую настоящую причину недобора ясака была лень инородцев и нежелание их выплачивать полный оклад, зная снисходительность русского правительства, например: почти все волости жаловались на недостаток зверя в 1625 году, а между тем русские промышленные люди в том же году и в тех же местах добыли почти по 120 соболей на человека. Если возможна подобная добыча, то оклад в 9 соболей можно считать сравнительно малым, потому что инородцы были более искусны в ловле зверей, чем русские промышленники. Притом ясак не обязательно было уплачивать соболями, а всякими пушными зверями, лишь бы ценность его равнялась девяти соболям; брали в ясак бобров, горностаев, лисиц, росомх, белок и пр. Воеводы дают более правдивое объяснение, почему инородцы никогда не выплачивают полного ясачного оклада. «Посылали мы, государь, - пишут они, - служилых людей по остяцким волостям высылать остяков на зверовые промыслы для твоего государева ясака и поминков, но ходили немногие люди... да и те, которые ходили, полного оклада не заплатили, потому, что лучших зверей тайно продали торговым и всяким людям... а наказанье им чинить не смеем, потому что, государь, в указе написано: к ясачным людям держать ласку и привет и береженье и твой государев ясак собирать ласково, а не жесточью и не правежом...». Впрочем, не все воеводы относились к инородцам так снисходительно; недобор ясака с последних был укором для службы воевод и часто вызывал замечания со стороны правительства. Поэтому некоторые воеводы, чтобы показать свою службу, мало обращали внимания на государев наказ «собирать ясак ласкою», а сажали инородцев в тюрьму и держали их по несколько недель на правеже в случае неуплаты ясака. К таким ретивым сборщикам принадлежал Я.П. Борятинский, бывший воеводой в Сургуте в 1601 и в 1602 годах. Он не церемонился с остяками, а кнутом и тюрьмою заставлял их выплачивать ясак. Инородцы верхних волостей не вытерпели этих мер (в том числе и Пегая Орда): в 1602 году подняли бунт и изменили государю. Когда преемнику Борятинского сургутскому воеводе Ф. Головину в 1603 году велено было произвести следствие о причинах бунта, то князья и лучшие люди всех волостей единодушно показали Головину, что верхние волости изменили потому, что Яков Борятинский собирал с них ясак «не ласкою», а «жесточью». Получив об этом деле отписку Головина, царь приказал ему: собрать в Сургут князьков и лучших людей всех волостей и объявить, что то делал Борятинский «воровством» и что впредь будут брать с них ясака столько, сколько можно им уплатить. Вообще московское правительство в видах финансовых, строго требуя от сибирских воевод полного сбора ясака и делая им выговоры за недобор, в то же время из политических видов относилось снисходительно к самим плательщикам - инородцам и даже делало им поблажки. Не редкость, что инородцы, не добыв на промыслах мягкой рухляди или просто распродав добычу торговым людям, чтобы уплатить ясак, занимали соболей у служилых людей и в заклад отдавали жен и детей, но сейчас же били челом государю о своей бедности. И государь приказывал воеводам «полегчить в ясаке», а на выкуп жен и детей выдать деньги из казны. А как в то время дешевы были люди, можно судить по тому, что, например, одному князю Кирше, чтобы занять 12 соболей, нужно было отдать в заклад жену и двух сыновей. Более основательны жалобы сургутских инородцев на ямскую службу: они обязаны были давать подводы служилым людям и под хлебные запасы от устьев Иртыша и до Нарыма. В 1625 году сургутские остяки подали челобитную, наполненную самыми горькими жалобами на ямскую гоньбу: «Даем мы, - жаловались они, - подводы под воевод и всяких служилых людей, а подводы, государь, берут с нас пред прежними годами, многие: летом на судах ходим, а зимою с женами тянем на себе нарты, и от подвод терпим нужду великую; недели по две и по три держат нас на судах и многая нарты возят не переменяясь, потому что мы живем в разных местах, а притеснения нам делают великия всякия проезжие люди: снимают с нас платишко, бьют нас и не дают корму...». Тягость ямской службы, по словам челобитчиков, увеличивается еще оттого, что эту повинность иногда приходится исполнять в то время, когда удобнее всего можно запастись на зиму рыбою... «А лето, государь, - пишут они, - живет у нас не много времени и кроме рыбных запасов у нас, сирот твоих, иных никаких нет: место у нас бедное, хлеба не пашем и скота нет никакого». И если не запастись рыбою, жалуются инородцы, то хоть помирай голодною смертью с женами и детьми. Затем в челобитной приводятся случаи, что некоторые бедные люди, не успевшие из-за ямской гоньбы сделать запасы рыбы на зиму, принуждены были есть собачину

*М. Знаменский.
Скутички у остяков. 60-е годы XIX века.
Бумага, акварель.*

и человечину, что одна женщина от голода съела двух детей своих и пр. Тяжесть ямской службы казалась инородцам столь великою, что они соглашались платить ясак вдвое и втрое более против положенного оклада, если только государь освободит их от этой повинности. Действительно, ленивым людям, не привыкшим к тяжелому физическому труду, ямская служба не могла быть легкою - возить на себе нарты или тащить бичевою суда вверх по Оби, хотя и при помощи собак, - дело тяжелое.

Царь Михаил Федорович, получивши эту челобитную, сделал предписание сургутским воеводам: собрать в Сургут человека по 2 и по 3 из всех волостей и объявить им, что если остяки согласятся платить мягкой рухлядью за подводы, то государь освободит от ямской гоньбы, и вместе с тем велено воеводе спросить, сколько инородцы намерены приплачивать за упомянутую льготу. Но оказалось на деле, что челобитчики желали только льготы и вовсе не были намерены что-либо приплачивать. И если они писали, что за освобождение от ямской повинности будут выплачивать ясак вдвое и втрое, то это только фразы, написанные с целью усилить тяжесть ямской гоньбы и разжалобить царя. Несколько ранее этого времени сургутский воевода сделал такой опыт: по соглашению с инородцами Юганской волости он поручил за них ямскую гоньбу от устья Иртыша до Сургута и обратно сургутскому служилому человеку с тем, чтобы юганцы заплатили соболями за эту льготу. За четыре месяца такой службы (с сентября по январь) служилый человек получил из казны 5 руб. 25 коп. - каковую сумму и должны были уплатить остяки Юганской волости. По расчету на каждого человека приходилось только по четыре копейки, но тем не менее юганские ясачные люди и этой ясачной суммы не уплатили сполна. Вообще, к челобитным инородцев, как к историческому материалу, нужно относиться критически, не особенно доверять их жалобам, а в противном случае можно сделать совершенно ложные выводы относительно положения инородцев под игом русской власти и отношения к ним русских людей. Сургутские остяки,

например, жалуются, что служилые люди отнимают у них носильное платье, но в то же время они в своих челобитных пишут, что большая часть из них люди настолько бедные, что ходят только в одних «рыбных кожаниках», поэтому трудно предположить, чтобы служилый человек мог похвастаться на подобное платье. В 1626 году те же инородцы жаловались Михаилу Федоровичу, что воевода Безобразов в 1625 году вписал в ясачные списки молодых, старых и увечных людей 256 человек и заставил их платить ясак наравне с прежними, но из ясачной книги того года мы видим, что прибрано новиков не 256, а только 46, и притом в списки записывались только те остяки, на которых они сами указывали, и не моложе 15 лет и не старше 50. Не следует также смотреть на сибирских инородцев - остяков, вогулов и самоедов как на робких, невинных детей природы, которым русские делают только обиды, а сами они беззащитны. Правда, воеводы и служилые люди относились к ним не всегда человечно, делали прижимки при сборе ясака, а иногда позволяли себе даже грабеж; такое отношение действительно тяжело отзывалось на благосостоянии инородцев, и жалобы последних на своих притеснителей большею частию справедливы. Но инородцы в то же время жалуются и на торговых и промышленных людей, что они не только «зверуют в их лесах», но и грабят. Это последнее неверно. Следственные дела и показания воевод не оправдывают подобных жалоб. Нужно заметить, что русские люди в большинстве случаев ходили на промыслы человека по 2 и по 3 и, стало быть, ни в каком случае не могли быть нападающею стороною. Напротив, инородцы часто нападали на них, отнимали добытую мягкую рухлядь и самих убивали. Это подтверждают и жалобы промышленных людей, и донесения воевод, и следственные дела. В 1617 году остяки Бардаковой волости дошли даже до такой дерзости, что под начальством двух сыновей Бардака напали на русского воеводу Бабарыкина, плывшего по р. Оби в году Томск, и нанесли ему жестокий погром. Первые вести об этом деле были в высшей степени тревожные: говорили, что сургутские остяки и нарымский князь Дона со всеми своими людьми подняли бунт, убили Бабарыкина и 60 человек русских и уже едут для разгрома Сургута. Но на деле оказалось, что это не бунт, а простой разбойнический набег Бардаковых детей со своими людьми: они действительно убили несколько русских людей, сопровождавших Бабарыкина, отняли царскую казну в 400 руб., а сам воевода спасся и благополучно добрался до Томска. В заключение отметим, что христианство имело очень слабый успех среди инородцев Сургутского уезда: во весь обозреваемый нами период мы встретили только одного остяка подгородной Юганской волости, принявшего крещение и жившего в Сургуте. Обыкновенно новокрещенцы записывались в царскую службу, но в списках сургутских служилых людей мы не встречаем никого из сургутских инородцев.

Фрагмент из книги «Петр Будинский. К истории Сибири». Тюмень. Мандрика, 2003.

Александр
КУЗНЕЦОВ

СТРАНИЦЫ МИЛОГО ДЕТСТВА

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

В семье Василия Алексеевича Кузнецова, коренного жителя Сургута, крестьянина-рыбака, нас, детей, было шестеро: три сына и три дочери. Из сыновей я был младшим, родился 29 октября 1914 года.

Самое раннее воспоминание моего детства - весна 1921 года. Однажды ранним утром, вскоре после ледохода, возле острова Раздоры (на Оби, напротив Белого Яра) показался дымок, а затем и медленно плывущий вверх по Оби пароход. Как обычно, сургутяне, от малого до старого, отправились на пристань, народу собралось много. Как только пароход с протоки Черной повернул в Бардаковку, с него открыли стрельбу. На пристани началась паника, люди бросились врассыпную по улицам, а те, кто был помоложе, бежали напрямик дворами, перепрыгивая через заборы.

Дома, в летней кухне, что стояла во дворе, оставались только мама, Мария Александровна, и я. Мама, испуганная стрельбой, разбудила меня, и мы спустились в подполье, но и там слышался свист пуль.

Не помню, по какой причине отец оставил лошадь на лето дома, обычно жители Сургута по последнему санному пути выводили лошадей в поймы рек Черной и Тром-Югана на летний выгул. Лошадь стояла в загородке, и во время обстрела я слышал из подполья, как она переступала на месте и тревожно ржала. Народ с пристани разбежался по домам, обстрел прекратился. Вернулась домой и наша семья. Мы с мамой выбрались из подполья. Увидев отца, стоящего у калитки, я бросился к нему. Вскоре во двор вошли трое военных, одетые в длинные серого сукна шинели и шлемы с красными звездами. Это были прибывшие на пароходе «Мария» красноармейцы из отряда А.А.Неборака. Переговорив с отцом, они ушли в соседний двор. Скоро я узнал, что в Народном доме разместились штаб красных. По словам мамы, раньше этот дом принадлежал офицерскому собранию города. Родители еще с детства отдали ее туда в услужение на кухню, там она проработала до замужества.

Через пару дней отец был мобилизован с лошадью для обслуживания отряда и его штаба. Во дворе Народного дома стояла походная кухня, ее в основном и обслуживал отец: привозил с речки воду, доставлял из лесу заготовленные красноармейцами дрова, выполнял другие хозяйственные работы. Помню, как в обеденное время я бегал с котелком к Народному дому, получал на кухне паек отца, поставленного на довольствие, и приносил домой. В котелке была пшенная каша с конопляным маслом, по сей день помнится мне ее бесподобный вкус.

С тех дней моя жизнь была постоянно связана с отцом. Дети постарше были

заняты: кто учился, кто уже работал. Я же оставался свободным и поэтому стал первым помощником отца. Он брал меня на весновку, где учил ловить перевесом уток. В варовую пору я постигал секреты добычи рыбы сетями и обработки её для посола, а в страду - навыки косьбы, гребли, метки сена. Зимой расчищал двор от снега, ухаживал за лошадьми, гонял на водопой домашний скот, убирал из конюшни навоз и в коробе вывозил его за город, пилил, колол и складывал в поленицу дрова, учился ездить верхом...

ЛОШАДИ

...Сургут омывают большие и малые реки и окружают многочисленные болота. Применить гужевой транспорт в летнее время было негде, поэтому, уезжая весновать, сургутяне увозили с собой все конское поголовье, включая и молодняк, и на местах промысла отпускали лошадей в пойму. В половодье пристанищем им были наиболее высокие острова и гривы, не затопляемые водой. Вокруг них из-под воды быстро поднимался пырей - отличный корм; за лето лошади становились упитанными и дичали, отвыкали от человека. Осенью, после ледостава, хозяева с большим трудом отлавливали их. Для этого на гривах устраивали изгородь, куда постепенно загоняли весь табун, затем ловили вожakov, уводили, а за ними уже шел весь табун.

Большинство хозяев молодняк дома не держали, он пасся за городом на навозной свалке, куда навоз вместе с объедками вывозили в плетеных из ивовых прутьев коробах. Эти кучки навоза молодые лошади разбивали копытами, тут и питались. Надо сказать, отец мой, любивший животных, не придерживался этого обычая и никогда ни одного подростка на навозную свалку не выгонял.

Вслед за ледоставом на Оби устанавливался зимний санный путь, связывавший между собой населенные пункты. Районные власти и сельские советы нанимали жителей для прокладывания зимнего тракта и расстановки вешек вдоль него. Вешки вырубали в густых зарослях молодого тальника, укладывали в розвальни и с полным возом двигались по зимнику, расставляя их на открытых местах, где в снежные бури дорогу переметало и след терялся, в 20-100 м одна от другой. Лошадей обычно не ковали. Хорошо следящая за дорогой лошадь, не теряя направления, самостоятельно приходила туда, куда было нужно, ямщику достаточно было привязать вожжи к облучку.

Перед установлением санного пути многие жители Сургута сами изготавливали сани - розвальни, кошевки и пошевни. На полозья шла прямая, без сучков, береза.

Нужной длины кряж разрубался пополам на две половины. Для того, чтобы один конец полоза загнуть вверх полукругом, его утончали, стесывая топором, и через 5-6 см делали неглубокие поперечные надрезы. Затем этот конец распаривали в воде или над небольшим костром, загибали и прикручивали в таком положении к основанию полоза веревкой. После этого ставили для просушки.

Еще до загибания головок саней в полозьях выбирали долотом или стамеской по четыре отверстия для копыльев на равных расстояниях одно от другого.

На вставленные в отверстия копылья сверху накладывали нащеп на всю длину полоза.

Для скрепления между собой полозья вкладывали в специально выпиленные выемки двух бревен (расстояние между выемками соответствовало заданной ширине саней) и закрепляли клиньями. Затем черемуховыми вязами (прутьями) обвивали пару расположенных друг против друга копыльев. Для того, чтобы вязы плотнее обхватывали копылья, в них вынимались долотом небольшие углубления. Концы

вязов срезались клинообразно под острым углом.

Дальнейшая сборка саней выполнялась следующим образом. В углубление вяза заливалось небольшое количество дегтя, затем вяз распаривался с наружной стороны на костре, чтобы легче облегался копыл. Когда это достигалось, вяз осторожно снимался с копыла и в согнутом положении фиксировался веревкой. Спустя некоторое время он снова надевался на копыл, и все описанное выше проделывали с противоположным концом, но только второй раз вяз уже не снимали. После этого концы вяза туго скрепляли с его стволом. Когда полозья были скреплены всеми четырьмя вязами, на копылья насаживали сверху плотно два нащепка. В головной части нащепов рядом с копыльями делали по отверстию, в них вставляли концы вяза, облегающего оголовки саней и фиксирующего его в согнутом положении.

Такие сани были основой для изготовления розвальней или пошевней. Последние имели вид продолговатого ящика с небольшими отводинами по обеим сторонам, которые предохраняли от перевертывания при раскатах и на ухабах. В них перевозили груз, а иногда и пассажиров. На розвальнях некоторые хозяева устраивали дополнительно наголовник с боковыми отводинами, обшитыми парусиной или брезентом, - так называемую лежанку, на которой обозник мог отдохнуть и укрыться от непогоды.

Подготовив упряжь и розвальни, приступали к вывозке сена из-за Оби и дров весенней заготовки, чтобы обеспечить семью на время длительного отсутствия хозяина.

В зимнее время некоторые сургутяне занимались перевозкой почты от Сургута до Солки (Пилюгино) вниз по Оби и до Широкова вверх по Оби и обратно. Другие перевозили пассажиров по «веревочке». Возили в кошевках по два пассажира. Ящик укрывал их по грудь теплым покрывалом, а сам на облучке управлял парой лошадей, запряженных «гусем». Запряжка простая: в оглобли кошевки впрягалась коренная лошадь, а впереди коренника - пристяжная. Постромки от гужей и хомута петель охватывали концы оглобель. Управлялась пристяжная вожжами, идущими от ямщика через гужи упряжи коренной лошади и далее пропущенными под шлею пристяжной. Под дугой подвешивались два колокольчика.

Многие брали подряд в госторге или кооперации на перевозку груза в Тобольск и из Тобольска. Получали аванс для расчета на постоянных дворах за фураж, питание и постой. Груз укладывали в розвальни, укрывали рогожами, брезентом и крепко увязывали прочной веревкой. Уходили в ямщину по 3-4 хозяина, поездки длились два - два с половиной месяца. Мой отец в начале 20-х годов трижды совершал такие поездки.

В дальнюю дорогу тщательно готовили одежду и обувь. Отец надевал сшитые из выделанной телячьей шкуры шерстью наружу шаровары, ватную куртку, покрытую сукном, которая затягивалась опояской, треух (шапку-ушанку), шерстяные рукавицы, обшитые сукном. На ноги - теплые шерстяные носки, связанные на одной игле, поверх них носки из волоса конской гривы, препятствующие проникновению сырости от валенок к ногам. Валенки брал казанского производства, с голенищами выше колен. В таком одеянии было легко шагать за возом. С собой брал в запас две пары носков, олений и байковый гуси, сшитые в виде рубахи ниже колен с наголовником, который одевался поверх треуха при сильном морозе и ветре. Двигались такие обозы не только в дневное время, но и ночами. Однажды поутру в «клящий» 55-60-градусный мороз мне пришлось видеть ямщика, рискнувшего ехать в ночь. Лошади тянули воза с огромным усилием, с верхней губы от поздрей свисали кровавые сосульки. Из-за куржака нельзя было определить масть лошади.

Громко скрипели полозья. Ямщик шел рядом, щеки и нос его были обморожены, на усах и бороде - лед. Большую часть пути от Тобольска этот ямщик прошел пешком и садился на воз отдохнуть только на ровных, без подъемов и спусков, участках дороги.

Прибыв на постоялый двор, путники покупали фураж, выпрягали лошадей, накрывали их попонами, давали сена и только после этого шли в помещение. На постоялых дворах всегда был запас мерзлых пельменей, горячий чай, белые калачи, пряники, сахар. Пока ямщик подкреплялся пельменями и согревал свою душу чаем, лошади, наевшись сена, ожидали водопоя. Напоив лошадей, им задавали овес в хребтуг. Сварливым, уросливым лошадям овес давали отдельно в торбе, которая навешивалась на голову. После небольшого отдыха запрягали лошадей и - в путь. Сон ямщика на постоялом дворе был коротким, особенно в хорошую погоду, когда удавалось вздремнуть и в пути, на возу. Остановки на ночевку делали через 2-3 суток. Особенно принуждали к ним сильные ночные морозы и снежные метели.

Во второй половине зимы путь становился легче. Днями пригревало солнце, дорога становилась мягче, легче катились полозья. Возвращались домой дней за 2-ю до масленицы. Отец каждому привозил подарки-обновки: кому сапоги, кому туфли, платье, материю на рубашку... Но самым ценным из всего была, конечно, мука-крупчатка, сеянка, которая в Тобольске стоила много дешевле, чем в Сургуте. Лошадь до появления моторов была незаменимой в хозяйстве сибиряка. Редко в каком, даже бедном, дворе не было хотя бы одной, а некоторые имели и по 12. Без лошади не обходилась вывозка дров, бревен, жердей, с установлением санного пути на ней вывозили сено с лугов, разные грузы как на короткие, так и на дальние расстояния, доставляли случайного пассажира до следующего села или постоялого двора. Лучших лошадей отбирали для кавалерии и хозяйственных работ в воинских частях.

В прежние времена подбирали для хозяйства коня такой масти, какая хорошо приживается. Возраст определяли по зубам. Делали это так: просовывали сбоку в рот пальцы, брали язык и вытаскивали его наружу. В таком положении лошадь открывала рот, и по зубам считали ее годы подобно тому, как у рыб считают по числу годовых колец на чешуе. Крепость и выносливость оценивали по величине паха. Если в пах вмещалось 2-3 пальца, значит лошадь не прожорливая, «маловытная» и при нормальном кормлении и большой нагрузке сохраняет хорошую упитанность. Если в пах входила вся ладонь, такую лошадь считали слабой, невыносливой и прожорливой. Сразу после еды она выглядит сытой, но стоит ее запрячь и поехать, как в пути живот быстро опадает, выступают ребра, хребет, и лошадь приобретает истощенный вид. Сильную лошадь определяли по большому густому хвосту.

Масти лошадей разнообразны: черная шерсть - воронья масть, чуть посветлее - карая, коричневого цвета - гнедая (различают темно-гнедую и светло-гнедую масти), желтоватого - саврасая, светло-серого - буланая; если шерсть разных цветов (черная и белая, гнедая и серая), - масть пегая. Самые распространенные масти - воронья, гнедая и рыжая. По характеру лошади тоже бывают разные: спокойные, горячие, дружные, ленивые, агрессивные. Иную хочешь погладить, а она норовит ухватить тебя зубами, ударить копытом передней ноги или лягнуть задней. Спокойные лошадки мало реагируют на команды хозяина, в своем большинстве они ленивы, такие уж не разбегутся. Здесь нужен хороший кнут, а для того, чтобы лошадь не видела кнута и хозяина, к уздечке с обеих сторон пришивают кожаные наглазники. Дружная лошадь хорошо идет за первой повозкой. При этом к саням, за которыми

она идет, прикрепляют так называемые пялы для того, чтобы при остановке передней лошади следующая за ней дружная не вскочила по инерции на сани. Пяло - это препятствие, сдерживающее и останавливающее лошадь. Дружная, выносливая лошадь всегда стоила больших денег.

Уросливая с виду спокойна, но стоит взяться за вожжи - срывается с места в карьер. Ямщик еле успевает вскочить в сани и, чуть натянув вожжи, старается дать ей нужное направление, как вдруг она останавливается как вкопанная. Хозяин пробует заставить сдвинуться с места, но не тут-то было: лошадь крутит хвостом, переступает с ноги на ногу, но не двигается. Хозяин выходит из саней, поправляет сбрую. Поговорит ласково, погладит мордочку, успокаивая, и вновь садится, трогая тихонько вожжами, но лошадь не подчиняется. Тогда последнее средство - кнут. После каждого удара лошадь вздрагивает, топчется на месте, но везти не хочет. Доходит до того, что лошадь начинает мочиться. Уставший хозяин перестает хлестать кнутом, делает передышку. И вдруг, как бы опомнившись, уросливый конь срывается с места и бежит нормальной рысью.

В нашем хозяйстве был такой мерин буланой масти. Немало отец потратил с ним сил и вот однажды во время поездки в Нижневартовск променял его там на гнедого. Мерин был спокойный, работающий. Этот обмен произошел осенью, по первому санному пути, а с наступлением зимы отец на трех лошадях уходил в извоз. Гнедой благополучно сходил в Тобольск и обратно, но дружбу ни с Вороным, ни с Саврасой не заводил, держался в стороне от них даже в конюшне.

С наступлением весенней распутицы выехали в Тром-Юган на весновку. Взяли с собой и Гнедого. Как только сошел снег и оголились гривы с прошлогодней густой травой (ветошью), сняли с лошадок уздечки и, перекрестив, отпустили пастись. Вместе с лошадьми соседних весновщиков они дружно паслись табуном, а выменянный Гнедой все держался в сторонке. Уезжали с весновки, когда на гривах уже появилась зелень. Мужики поехали попроведать своих лошадей и удостовериться в их благополучии. Нашли их за протокой Быстрой, все паслись по-прежнему табунком, и только Гнедой - отдельно от них в километре. Отец подогнал его костальным, и мы выехали на лодках домой.

Среди лета мы вернулись в Тром-Юган. Началась варовая пора. На следующий день поехали в обласках попроведать наш табун. Нашли его недалеко от Саниной протоки, лошади паслись около одного из островков прямо в воде, срывая перышки поднявшегося над водой пырея. Гнедого в табуне не было. Отец заволновался, поехали его искать. С трудом удалось поймать, надеть уздечку и увести обратно к табуну. Но осенью, когда застыли речки и выпал снег, при ловле лошадей Гнедого не отыскали, домой отец вернулся без него. Прошло больше месяца, когда через попутчика мы получили записку от прежнего хозяина Гнедого, извещавшего, что он еще до ледостава вернулся в Нижневартовск.

Оказывается, Гнедой вырос и постоянно жил у одного хозяина, свyksя с другими лошадьми и скучал по ним. Отделившись от табуна, он вышел к зимнику, что проходил через деревню Широково, и этой знакомой дорогой отправился на свою родину, переплывая несколько раз Обь и протоки. Отец понял, что Гнедой пришелся не ко двору и, несмотря на хороший уход за ним зимой, летом все равно уйдет. Посоветовавшись с бывшим хозяином, он продал его кому-то из нижевартовцев. Я не жалел о Гнедом, потому что вид его всегда был скучный, тоскливый.

В нашем хозяйстве постоянно были две лошади, выросшие вместе и жившие в одном дворе: саврасая кобылица - высокая, стройная, горячая, но не дружная и с хитринкой, и вороной мерин - спокойный, покладистый, видный, красивый

в упряжке. Впервые надевали на них уздечку и обучали для верховой езды с трехлетнего возраста. Когда лошадка привыкала к уздечке и свободно шла в поводу, ее заводили в глубокий сугроб слежавшегося снега, закладывали повод за гриву и быстро садились верхом. Молодая лошадь, впервые почувствовавшая на себе седока, вставала на дыбы, была задом и всячески старалась сбросить его, но мешал глубокий снег.

Вскоре она потела и уставала. После этого напарник выводил ее на дорогу и отпускал повод. Трудно приходилось седоку, но постепенно лошадь привыкала и к узде, и к седоку, и к хомуту. В четыре года (иногда в пять) ее запрягали в сани. Наш Вороной гулял до пяти лет. Конь был крепкий, сильный, зубастый, не подпускал к своему табунку ни одного чужого жеребца. В драке он всегда побеждал. В летнее время, на выпасе Вороной оберегал кобылиц и молодняк от медведя.

Однажды под вечер мы выставили сети и разводили на берегу курево от комаров, когда донесся неясный шум. Затем мы услышали топот копыт и увидели мчавшийся галопом табун. Позади метрах в 100-150 был Вороной. Догнав табун, он повернулся, словно собираясь бежать обратно, и тут мы заметили мчавшегося за лошадьми «косоланого». Вороной стоял с поднятой головой, как вкопанный, и только когда медведь был всего в двух прыжках, повернулся и ударил его в левую лопатку, сбив с ног. Медведь рывкнул, а Вороной побежал догонять табун. Догнав, он остановился и опять стал поджидать врага. Медведь бежал прямо на Вороного, но тот удачно отпрыгнул в сторону, и зверь промчался мимо. Опять Вороной стал уводить его от кобылиц и молодняка, которые в это время переплывали протоку. Тут вмешались мы: выхватили из облака медный чайник и пустое ведро, стали бить по ним поплавками и кричать. Медведь был уже в 15-20 метрах от Вороного, но, услышав крики и звон пустой посуды, прыгнул в воду и поплыл прочь.

Семь лет Вороной ходил в жеребчиках, так как в Сургуте не было ветеринара. В те времена кастрацию проводили только весной во избежание осложнений, в отсутствие мух и комаров разрез заживал быстрее. Наконец, приехал коновал и сделал свое дело. После кастрации конь стал спокойнее, послушнее. Во время летнего выпаса он по-прежнему опекал свой табун. Чтобы повернуть его в нужном направлении, Вороному достаточно было вытянуть шею, опустить голову и прижать уши - весь табун выполнял его требования беспрекословно. В результате такой строгой опеки все кобылицы в табуне оставались не огулянными и не приносили потомства, за что их хозяева были в обиде.

Став мерином, Вороной сделался обидчивым. Его нельзя было хлопнуть вожжой по боку и не дай бог - ударить кнутом.

Тогда он закусывал удила, срывался в карьер, мчался, как угорелый, и остановить его можно было, только направив с дороги в снег. Затем надо было просить у него прощения: поправить упряжь, погладить круп, потрепать гриву и челку, поговорить ласково - только тогда он постепенно успокаивался и забывал обиду.

В отличие от Саврасой Вороной был бесхитростным. Мне нравилось ездить на нем верхом на водопой к проруби на речке Бардаковке. Я выводил его со двора, взбирался на скамейку и с нее без всяких хлопот садился на спину. С Саврасой было не так просто: пока я вставал на скамейку, она поворачивалась ко мне головой, отставляла зад, и я не мог сесть. Приходилось спрыгивать со скамейки и повторять все снова, пока не удачал момент, чтобы сесть верхом. Нелегко было и одевать на нее хомут, она высоко поднимала голову или пяталась. Возраст мой был еще невелик, и управиться с Саврасой стоило большого труда. Другое дело Вороной: при запряжке он сам опускал голову и совал ее в хомут.

Вороного я очень любил. С ним мне было легко, он понимал мои намерения и помогал их выполнять. Был он хорошим другом. Частенько я угощал его кусочком хлеба, который мама специально для лошадей пекла из отрубей.

Довелось иметь дело с лошадьми и позднее - в предвоенные годы, во время службы в полковой батарее 76-миллиметровых пушек, которые были на конной тяге, и во время войны, когда дослужился до должности командира роты. При прорыве блокады Ленинграда был взят в качестве трофея конь светло-гнедой масти, пригодный для верховой езды, - стройный, видный, рысистый. Его и отдали мне. Я дал ему кличку Ядреный. Признавал он только меня и коновода омича Курпышева. Садиться на него надо было мгновенно, так как почувствовав ногу в стремях, он сразу вставал на дыбы, прыгал вперед, и седок сваливался наземь. Пока я находился в госпитале, многие офицеры полка пытались сесть верхом на Ядреного, и все безуспешно: конь не принимал никаких наездников. По-видимому, он тосковал и ждал своего друга-хозяина. Когда я вернулся после лечения в свой стрелковый полк и вошел в конюшню, конь, увидев меня, заржал. Я подошел, заговорил с ним, стал гладить, угостил кусочком сахара, и Ядреный положил голову на мое плечо. О неповиновении коня в мое отсутствие мне рассказали ротный писарь Иван Униковский и командир отделения Абдулла Закиров.

После увольнения из армии, когда я работал директором рыбоводного завода на Южном Урале, в нашем хозяйстве тоже была лошадка, с которой довелось пережить немало хлопот, но в конце концов мы нашли общий язык. На этом мое знакомство с лошадьми закончилось.

ЗЕМЛЯКИ

В годы моего детства в Сургуте жило несколько десятков административно-ссыльных. Власти разместили их по квартирам у местных жителей и выдавали на содержание какую-то сумму денег. Большинство из них работы не имело. Некоторые собирались по вечерам и играли в преферанс на деньги. После каждой игровой ночи колоду карт клали на шесток русской печи для сжигания, для следующей игры покупали в магазине новую колоду.

В нашем доме жил ссыльный из Ростова-на-Дону. Звали его Андрей Матвеевич, фамилии не помню. В первое же лето Андрей Матвеевич стал получать из дому посылки с помидорами, и мы впервые увидели такой овощ. Салат, приготовленный квартирантом, моим родителям почему-то не понравился. Скорее всего, они просто стеснялись есть, потому что помидоров было мало. Я же ел с удовольствием, и Андрей Матвеевич с тех пор завтракать без меня не садился.

В свою очередь, этот южный человек полюбил рыбные блюда. Как-то зимним вечером, когда мы ужинали, он зашел в кухню. Увидев, что мы едим патанку - сырую мерзлую рыбу, он был удивлен и смотрел с отвращением. Отец все же сумел уговорить Андрея Матвеевича попробовать, убеждая, что это очень вкусно. Он взял кусочек, медленно прожевал и оценил: «А ведь действительно рыбка вкусная.

Но хорошенького понемножку». - «Ешьте на здоровье, - сказал отец. - Как только захотите - попросите Шурика, он быстро вам приготовит. Рыбы хватит на всю зиму».

В августе 1928 года (это был месяц смерти отца) в Сургут привезли сосланных уголовников, большей частью это были москвичи и ленинградцы. Поместили их в большом пустовавшем до этого доме на углу Набережной и Народной, а некоторым разрешили жить на частных квартирах. Один из них по прозвищу Богданчик поселился через два дома от нас у Новосельцевых. Это был профессиональный музыкант, он играл на пианино, баяне, но любимым его инструментом была гитара -

с ней он приехал в ссылку и никогда не расставался. К Богданчику часто приходил тоже сосланный молодой артист, певец Евгений Бендлер. Услышав русскую народную песню в исполнении певца и гитариста, мы, соседские ребятишки, собирались под окном, усаживались поудобнее на зеленый бугорок и внимательно слушали.

Помнится, по истечении двух лет ссылки многие уголовники были вновь осуждены за хулиганские, грабительские и воровские дела. В их числе оказались Богданчик и Бендлер. Отправляли их в Тобольскую тюрьму на пароходе, имевшем в носовой части специально оборудованную для перевозки заключенных камеру. Перед отходом парохода оттуда неожиданно послышались аккорды гитары, и Женька запел. Сургутяне хлынули на пароход, стали бросать в окошко камеры деньги в благодарность за хорошее пение прощальной песни.

Когда я уже учился в Тобольском рыбтехникуме, как-то весной 1933 года на Пряжском взвозе я увидел спускавшегося мне навстречу человека с гитарой. Это был Богданчик. Узнав меня, он остановился, стал с интересом расспрашивать о жизни сургутян, которых полюбил за доброту и трудолюбие. О себе сообщил, что освобожден и идет на пристань, чтобы отправиться обратно в Москву. На вопрос о Бендлере сказал: «Через год освободится».

На частной квартире жил и один пожилой уголовник, все богатство которого составлял алмаз. С его помощью он зарабатывал себе пищу и выпивку - домашнее пиво - и очень им дорожил. Но однажды летом, изрядно захмелев, свалился прямо на перекрестке улиц, и алмаз каким-то образом выпал из стеклореза. Протрезвев, он обнаружил потерю и полных два дня с утра до вечера искал камешек, бормоча: «Зернышко ты мое, где ты, покажись, без тебя мне не жить». Мы, ребятишки, народ любопытный, изъявляли желание помочь в поиске, но несчастный и близко нас не подпускал. И что вы думаете: перебрав каждую песчинку, к исходу второго дня он нашел алмаз. С этого дня он получил прозвище Зернышко.

Каждое утро Зернышко брал свой стеклорез и ящик со стеклом и шел по Сургуту. Увидев разбитое стекло, не спрашивая хозяев, приступал к ремонту, после чего получал вознаграждение. Если при обходе битых стекол не обнаруживал, то поздним вечером сам бросал камень в чье-либо окно, а утром приходил вставлять стекло. Однажды мальчишки, играя в «сыщиков-разбойников», застали Зернышко за этим неблаговидным занятием и задержали. После этого случая он стал вставлять стекла только по просьбе хозяев. Те уголовники, что жили в общежитии, по ночам обшаривали амбары, погреба, крали продукты и вещи. Сентябрь 1928 года можно считать временем, когда сургутяне впервые начали закрывать двери амбаров и погребов на всякие замки. Но их мастерски открывали, и почти каждую ночь совершалась кража. Тогда местные жители стали дежурить, и как-то один из хозяев вынужден был выстрелить и ранил вора. Постепенно уголовников из Сургута увезли в другие места.

В конце зимы 1930 года в Сургут стали приезжать на собственном конном транспорте раскулаченные семьи из Тобольского, Вагайского, Уватского и других южных районов. К нам поставили на квартиру две семьи из Увата. Это были трудолюбивые крестьяне, лошади у них были сытые, крупные, с хорошей упряжью, в родной деревне они имели крепкие хозяйства. Места в доме у нас хватало, так как после смерти отца мы остались вдвоем с мамой. Видя, что я еле успеваю управляться с хозяйством, переселенцы решили нам помочь вывезти сено из-за Оби. Поехали я на одной подводе и они на четырех, собрали все сено в пять огромных возов и вывезли за один день. Жили эти семьи у нас всего только месяц, почему-то их отправили дальше вверх по Оби - в Локосово.

С открытием навигации стали прибывать на пароходах раскулаченные из-под Тюмени, Шадринска, Ялуторовска, Ишима, Кургана и даже Челябинска. Семьи этих переселенцев имели при себе только то, что могли сами унести. Расселяли их в необжитых местах, люди наспех строили себе жилье.

Тяжело пришлось тем, кто был отправлен на лесозаготовки: не каждый мог осилить высокую норму выработки, некоторые убегали из лесу в Сургут, и местные жители, хотя и с опаской, подкармливали их тем чем мог. Посчастливилось тем из раскулаченных, кто попал в рыбную промышленность, особенно в неводные бригады на стрелевые пески, - здесь легче было прокормиться.

Немало интересных людей было среди коренных сургутий. Были, например, силачи. По рассказам моего отца, таким был его прадед. Небольшого роста, коренастый, широкий в плечах, он получил от сургутий вторую, уличную фамилию - Гусевский-за переваливающуюся походку.

В те далекие времена томские купцы строили из толстых досок без единого гвоздя большие суда - барки. Доски в них скреплялись деревянными шкантами, которые вбивались в специально просверленные отверстия диаметром около 30 мм. В нашей кухне, пристроенной во дворе к амбарам, из таких досок был сделан потолок.

Весной, с открытием Оби, купцы сплавились на барках со своим товаром, причаливая у каждого населенного пункта для торговли. Зачастую конечным пунктом был Сургут, где распродажа товаров заканчивалась, и барку разбирали, а купец возвращался в Томск уже санным путем. Однажды под осень на такой барке один из подвыпивших рабочих, обладавший изрядной силой, разбушевался, выгнал всех вместе с хозяином на берег, а если кто пытался вернуться, сбрасывал его с трапа в воду. Тогда кто-то посоветовал хозяину позвать местного силача Кузнецова-Гусевского. Говорили, что он легко может посадить на хвост богатырского жеребца. Посыльный привел Кузнецова, и он стал медленно подниматься по трапу на барку, а когда буян двинулся навстречу, схватил его одной рукой за грудь, другой за ширинку, поднял над головой и бросил в воду. Так было покончено с неприступной обороной барки.

Как-то однажды приехали мы в Тром-Юган на весновку. В поймах и на гривах еще лежал снег. С утра промысловики ходили в свои плоти, налаживали журавцы, готовили перевесы к предстоящей ловле уток, а после обеда, как было заведено, оставались полежать в избушке на нарах, и кто-нибудь начинал рассказывать об интересном эпизоде, происшедшем на охоте или рыбалке. Разговор в этот раз зашел о сильных людях, и мой отец рассказал о прадеде и о том, что и ему по наследству досталась кой-какая сила.

Мужики спросили, чем он может доказать свою силу. Отец отвечал, что приходилось, когда лошадь не могла вытянуть воз в гору или из глубокого снега на дорогу, вытаскивать его самому. Приходилось и держать на себе до 12 пудов груза. Мужики не поверили и предложили отцу поднять старого ленивого мерина, принадлежавшего промысловнику Ивану Домашову (это был единственный в Сургуте мужичок небольшого роста; в семье его было четыре сына, но на весновку почему-то ни один не ездил). Отец согласился. Мужики спутали передние и задние ноги лошади и придерживали ее спереди за уздечку, а сзади - за хвост. Отец осторожно подлез под живот мерина, напрягся и поднял его сантиметров на 40 от земли. Мужики, увидев это, сказали: «Вот это да!»

Раньше мне доводилось видеть, как отец перетаскивал волоком через гриву шириной в 20-100 метров облас, нагруженный сетями и рыбой, взявшись рукой за шпорку¹ обласа. При этом он делал только одну остановку, чтобы поменять руку

¹ Шпорка - поперечная палка, соединяющая борта обласа; способствует его жесткости и предохраняет от образования трещин в дне.

и взяться за шпorkу с другой стороны.

В нашей семье немалую силу имел мой брат Иван. Еще в 20-е годы буксирные и пассажирские пароходы по Бардаковке заходили в Сургут. Пристань была за магазином Силина, в том месте, где сходились у берега улицы Республики и Советская. Весь груз, завезенный для Сургута до следующей весны, грузчики с парохода переносили на берег, а для переноски с берега в казенные амбары кооператоры нанимали местную молодежь. Мешки с мукой, сахаром, крупой переносили на спине на кобылках. Два молодца берут мешок за углы, подбрасывают третьему на кобылку, и он несет до амбаров, которые были метрах в 350 от пристани у берега Саймы, в начале улицы Просвещения.

Случилось это летом 1926 года. Пароход «Усневич» разгрузился и отправился на Томск, а молодые ребята, среди которых был и Иван, начали переносить мешки в казенные амбары. Сначала переносили по одному мешку муки, но этого показалось мало, решили убыстрить дело и стали брать по два, но с этим грузом дошел и поднялся по ступенькам в амбар только Иван, остальные побросали мешки, как только с твердого грунта сошли на песок. Во время отдыха ребята спросили его, сможет ли он перенести три мешка. Иван и сам не знал этого и решил попробовать. Три мешка он пронес около сотни метров по твердому грунту, но когда ступил на песок, ноги подсклизились, и он упал. С трудом поднялся и почувствовал сильную боль. Надорвался.

Недавно Александр Иванович Кушников, проживающий в Ульяновске, в письме рассказал мне еще об одном сургутском силаче - своем деде Александре Автономовиче Кушникове (уличная фамилия - Номшин). Я познакомился с ним в 1932 году на весновке. Наш выпускной седьмой класс колхозно-промысловой школы Сургута проходил производственную практику. Мы трое - Валентин Краснов, Алеша Кондаков и я, хорошо знавшие весенний лов уток перевесами, попали в Тром-Юган в распоряжение колхозного бригадира Александра Автономовича Кушникова. И вот через много лет из письма я узнаю, что этот человек правой рукой поднимал шесть двухпудовок, связанных вместе.

Однажды группа сургутских мужиков, возвратившись на лодках из Угута, куда они отвезли муку, увидела на берегу много людей, увлеченных зрелищем борьбы. Борец, говорили, был московский, он проезжал наши места в поисках сильных мужчин. Пока что в Сургуте никто его не поборо.

Когда Автономыч вышел на берег, народ стал просить его побороться. Он ответил: «Да вы что, сто километров на гребях и после этого бороться!» Тогда гость сказал мужикам: «Вы его хвалили, а он трусит». Это Автономыча заело. Он подошел, взял борца за пояс и говорит: «Ну, борись». А сам прижал его к земле, а потом поднял и бросил. На этом и закончился поединок. Другой эпизод, рассказанный в письме внука, произошел еще в то время, когда пристань была на Белом Яру. Разгрузив баржу с мукой, бригада решила испытать силу деда (тогда он был еще молод) и предложила ему унести мешок крупчатки первого сорта в Сургут без отдыха и не меняя положения: «Донесешь - мешок твой, нет - ставишь три четверти водки».

Автономыч, как утверждали старики, взял мешок под мышку и принес домой. Поступив в 1932 году в Тобольский рыбопромышленный техникум на рыбоводно-биологическое отделение, я встретил там земляков - Александра Ефимовича Торопчинова и Гавриила Васильевича Щепеткина. Оба учились на третьем курсе отделения технологов, увлекались штангой, лыжами. Равных им по силе в техникуме не было. Оба участвовали в лыжном переходе Тобольск - Москва, за что были награждены орденом «Знак Почета». На фронте, по рассказам, оба были разведчиками. Оба погибли.

Были среди сургутян и отважный охотник - дядя Петя - медвежатник. Дядя Петя Силин жил своим хозяйством на острове Банный. Был он отменный хозяин, мастер на все руки и заядлый охотник. Имел хороший дом, держал лошадок, коров, овец. Для скота поймы острова Банный была богатым пастбищем. Многие сургутяне, приезжая в эти места на весновку, отпускали здесь лошадей на все лето в пагул. В летнее время ежегодно эти места навещали медведи, их жертвами чаще всего были рогатый скот, реже лошади. По-видимому, необходимость оберегать свой и чужой скот и сделала дядю Петю медвежатником. Он стал выслеживать хищника, находил берлогу, выгонял из нее зверя и метким выстрелом убивал. Ловил он также медведей капканами, стрелял их из засады - с полатей, устроенных на крупных сучьях кучно стоящих деревьев, возле задранного несколько дней назад животного. К 1928 году на счету дяди Пети было уже около 30 медведей.

Мне шел тринадцатый год, учился я в четвертом классе и успешно, поэтому учительница отпускала меня в конце учебного года с отцом на весновку. Помнится, праздник Пасхи был в тот год рано, в середине апреля. После праздника наступило похолодание, образовался твердый наст, и отец с друзьями быстро собрались и выехали на лошадях в Тром-Юган. Выехали с рассветом, чтобы успеть по насту доехать до стана.

Так уж сложилось, что ехали ли на саних весной или на лодках летом, на острове Банный делали небольшую остановку для отдыха. Останавливались у дяди Пети, пили чай, обменивались новостями, кормили лошадей и ехали дальше.

На этот раз отдых был совсем коротким, так как из соседнего рыбацкого стана, расположенного на протоке Почекуйке, приехали посыльные - сургутские промысловики Куйвашевы-Нестеровы - за дядей Петей. Дело было необычным. Куйвашевы-Нестеровы приехали на весновку днем раньше. Кто-то из них пошел с собаками за протоку нарубить сушняка и обнаружил берлогу. Близость такого соседа ничего хорошего не предвещала. Человек вернулся, привязал собак, сообщил о находке - решили послать за дядей Петей.

Дядя Петя решил брать медведя, отец и его друзья попросились с ним, рассчитывая после охоты к заходу солнца добраться до Тром-Югана. Согласие было полное, и мы тронулись в путь. Дядя Петя взял с собой двух лаек. Расстояние километров в десять быстро проехали напрямую. Дед Нестеров волновался и с нетерпением ждал возвращения своих посланников и вот видит Петра Силина и с ним целое войско любопытных. Посоветовавшись с дедом, дядя Петя вышел из избушки и говорит отцу: «Василий, мне нужна твоя помощь. У тебя хорошая берданка - вот тебе два патрона, заряженных свинцовыми пулями. Стреляешь ты метко, поэтому и прошу: подстрахуй на всякий случай». Отец был не из трусливых и согласился. Пошли. Лаяк повели на поводках сыновья деда Нестерова, их дядя Петя предупредил, чтобы крепко держали собак, когда они начнут рваться, учуяв медведя, и отпустили только в том случае, если раненый медведь пустится наутек. От них он далеко не уйдет, они его посадят. Всех любопытствующих охотник попросил держаться метрах в 20 от берлоги и создавать больше шума. Мы с Сережей Вергуновым облюбовали сосенку и, забравшись на нее, с десятиметровой высоты наблюдали за происходящим.

Мужики подтащили к берлоге кряжи средней толщины и один из них просунули в отверстие. В берлоге тишина. Просунули второй кряж и, видимо, задел медведя, он издал шипящий звук, а затем, ухватив кряж, потянул его на себя. В это время дядя Петя двинул в сторону медведя первый кряж и, по-видимому, задел медвежонка, так как раздался писк. Медведь с ревом принялся освобождать берлогу от кряжей, но они крепко уперлись в стенку и загородили отверстие. Один из сыновей деда

Нестерова стал криком беспокоить медведя, а дядя Петя и отец стояли в напряжении, приложив приклады ружей к плечам. Вдруг в какой-то миг с противоположной стороны берлоги из белого снега выросла черная куча - разом прозвучали два выстрела, и зверь был убит. Это была медведица, очень истощенная. Расчистив от снега вход в берлогу, смельчаки полезли в нее и, вытащив двух маленьких сосунков, унесли в избушку.

К середине дня все вернулись на стан. Отец отрезал на память о своем участии в охоте один медвежий коготь, потом он постоянно висел у него на поясе рядом с ножом. Медвежат увезли в Сургут, а с открытием навигации отправили не то в Свердловск, не то в Москву в зоопарк.

Второй случай произошел в Тром-Югане в варовую пору. В тот год была большая вода. Рассчитывая на хороший улов, отец взял с собой обрабатывать рыбу мою сестру Манефу и меня, а дядя Саша Макушин приехал с племянником Митей. Рыба действительно ловилась хорошо, и работы нам хватало на весь день.

Как-то под вечер отец с дядей Сашей уехали ставить сети в Золкину курью. Погода была изумительно хорошая, небо чистое, водная гладь - как зеркало. Вот только вечером не давали покоя комары и мошкара, мы спасались от них дымокуром. Время подходило уже к ночи, мы сидели на берегу, и вдруг раздался страшный рев медведя. Впечатление было такое, будто он ревел в осиновой гриве, метрах в пятидесяти от сарая. Нас как ветром сдуло - убежали в избушку. Митя (ему было тогда лет 12) закрыл дверь на крючок, приготовил топор, мне дал большой кусок береста, а сестре спички, чтобы бросать горящее бересто в медведя, если он сорвет дверь. Митя в это время должен был нанести ему удар топором по голове. Сидим, дрожим, разговариваем шепотом. И вдруг снаружи кто-то дернул дверь. Сестра чиркает спичку - она ломается. Митя у двери поднял топор над головой.

- Эй, вы, уснули, что ли? - послышался за дверью голос дяди Саши.

Манефе все-таки удалось зажечь спичку, и когда дядя Саша открыл дверь, я бросил в него горящее бересто.

Увидев нас бледными, с трясущимися руками, он спросил, что случилось.

Мы рассказали о реве медведя в осиновой гриве.

Вскоре подъехал и отец и спросил дядю Митю: «Слышал, как медведя доняла мошкара в вершине Золкиной курьи?»

Оказывается, зверь ревел далеко, а нам показалось, что он за сараем. В свою очередь дядя Саша рассказал, как мы его приняли за медведя и чуть не лишили головы. Оба посмеялись, но и похвалили нас за то, что не растерялись.

Дней через пять с острова Банный приехал дядя Петя Силин, в обласке его лежали малый неводок и веревки. Он попросил помочь выловить из озера утонувшего медведя, попавшего в капкан. А дело было так. Несколько дней раньше он поставил сеть и решил осмотреть оказавшийся рядом небольшой островок. Пройдя немного, обнаружил лежку медведя. Быстро вернулся домой, взял капкан и к рассвету снова подъехал к островку. Сначала проверил сеть, потом с уловом пошел к лежке - насторожил капкан, замаскировал его, разбросал вокруг добытых зайцев и вернулся домой.

Приехав на островок через пару дней, капкана на месте дядя Петя не обнаружил. След вел к озеру, но у берега обрывался. Капкан утопил зверя, и требовалась помощь, чтобы достать его. Я упросил отца взять меня с собой.

Добравшись до места, забросили неводок и вместо медведя вытянули на берег килограммов пятьдесят рыбы. Забросили снова поглубже - на этот раз невод был совсем пустой. Тогда решили прощупать дно колыями и вскоре нашли утопленника. Вытащили неводком громадную тушу с капканом на ноге. Это был старый самец.

Шкура не успела испортиться в воде, и дядя Петя с дядей Сашей сняли ее. На обратном пути мы поставили сети, часа через два просмотрели их и с уловом приехали на стан. Убрали рыбу в сарай, поужинали. Отец снова поехал к сетям, а я закрыл на крючок дверь избушки и, забравшись в полог, заснул крепким сном... Единственным и притом замечательным гармонистом в Сургуте был Василий Ковшиков по прозвищу «Усневич». Прозвали его так потому, что он прихрамывал на одну ногу и как бы имел крен, как и пароход «Усневич», курсировавший по Иртышу и Оби всегда почему-то с осадкой на один бок. Василий виртуозно играл на однорядной тальянке, его приглашали на свадьбы и другие семейные торжества, на танцы в Народный дом. В праздники он играл на городской качели или на берегу Бардаковки на Барской горе, где собиралась молодежь. Все население Сургута уважало Васю. Помню, что в начале 30-х годов он был еще жив, но играл уже редко, только на свадьбах. Гармошку стали вытеснять другие инструменты: в Народном доме появился рояль, а танцевали под струнный оркестр.

Я хорошо помню все это, потому что, несмотря на занятость домашним хозяйством, успевал заниматься в школьном драмкружке, которым руководила учительница Анна Андреевна Знаменская. Исполнял чаще всего комические роли. Занимался и в военно-физкультурном кружке под руководством директора школы Степана Филипповича Пестова. По рекомендации Анны Андреевны был принят со своей балалайкой в самодеятельный струнный оркестр при Народном доме. Участвовал в концертах. Сопровождали немые кинокартины. Работа по дому, учеба, участие в художественной самодеятельности заполняли все мое время, включая и выходные дни. Вот в таком режиме и пробежали мои сургутское детство и юность. В 1932 году наш выпускной седьмой класс после весенней промысловой практики знакомился с работой консервной фабрики.

Фабрика появилась в Сургуте в 1930 году. Летом 1929 года в село стали съезжаться специалисты для организации рыбного промысла и обработки рыбы. Среди них были мастер консервного дела Соскин с семьей, Василий Уженцев, из Астрахани приехал специалист по добыче Иван Лежнев, также с семьей. В это же лето были доставлены два небольших шестисильных катера «Победа», работавших на нефти. Чтобы одноцилиндровый мотор такого катера привести в рабочее состояние, нужно было выкрутить из цилиндра металлическую пробку, нагреть ее докрасна паяльной лампой, затем быстро вставить в отверстие цилиндра, до отказа закрутить и сразу же вращать маховик. Нефть, попадая на раскаленную пробку, воспламенялась, образуяшийся от сгорания газ давил на поршень цилиндра, и мотор заводился. Катера «Победа» обслуживали рыболовные участки, таская за собой плашкоуты и «прорези». В «прорези» принимали живую рыбу для перегрузки в плашкоуты - в основном живых осетров и нельму. Для транспортировки использовались также парусные рыбницы, но они себя не оправдали. Когда Обь входила в берега, парусные суда теряли скорость и маневренность и в конце концов были признаны непригодными для условий Среднеобья. В 1930 году пришел и 25-сильный катер «Болиндер», более быстроходный, чем «Победа». Он стал обслуживать промысловые участки, расположенные по Оби в границах Сургутского района.

Для переработки рыбы стали строить консервную фабрику. На строительство пошел лес от разобранных амбаров купца Баскина. Весной 1930 года строительство фабрики было закончено, оборудование установлено. Принятая на промыслах рыба доставлялась на пристань, располагавшуюся тогда на берегу Бардаковки, и на лошадях перевозилась на фабрику. Во второй половине лета устье Бардаковки мелело, катера с плашкоутами уже не могли пройти к пристани и останавливались у устья. Расстояние перевозки намного увеличивалось и вдобавок затруднялось тем,

что путь через русло Бардаковки шел по топким закоскам².

На фабрике мы побывали во всех цехах: чистили и разделывали рыбу, обжаривали ее, укладывали в банки, помещали банки в автоклав и, наконец, смазывали солидолом и укладывали в деревянные ящики. На этом закончилась моя учеба в Сургутской семилетней школе колхозно-промысловой молодежи. В этом же году я поступил в Тобольский рыбопромышленный техникум. Судьба распорядилась так, что я навсегда расстался с родным Сургутом и с тех пор лишь изредка бываю в нем гостем.

Печатается по изданию А.В.Кузнецов. Мой Сургут. Ханты-Мансийск, 1996.

Фото А. Заика

² Закосок - часть водного пространства песчаной отмели, расположенная за косой.

КАЗАЧАТА- ПОТОМКИ ЕРМАКА

«Подъём!..» Властный крик командира бросает ребят из тёплых постелей в свежесть раннего утра. Ещё не успев сообразить, что к чему, побежали, на ходу сбивая с трав холодную росу. Зарядка есть зарядка, хочешь, не хочешь, а пять километров бегом, да еще с применением элементов рукопашного боя. Ну, если не нравится, возьми и уйди, силой сюда никто никого не тащил.

Летние сборы на острове. На зарядке Сургутский казачий кадетский корпус... Это только один час из насыщенной жизни ребят. День за днем, преодолевая трудности, они постигают военное мастерство. А еще посещают воскресную школу, где им читают лекции по истории. Кадеты учатся петь и танцевать и поэтому они - желанные гости на городских праздниках.

Одна из главных целей, ради которой собрались ребята в военно-патриотическом клубе под кадетским флагом, - возродить казачьи традиции. Сейчас это стало возможным, а лет пятнадцать назад о таком и не мечталось. До тех пор, пока в начале девяностых группа потомственных казаков во главе с первым атаманом возрождения Петром Антоновичем Сухановым не подняла вновь над Сургутом Знамя Сибирского казачьего войска. Не возродиться казачество в городе Сургуте просто не могло, не имело права. Ведь первыми, кто ступил на сургутскую землю, были казаки - сподвижники и продолжатели дела атамана Ермака.

Фото А. Бессмертных

Лето 2002 года... На улице Ленина в районе центрального агентства - море людей. Торжественный голос диктора, эхом возвращающийся из окрестных улиц, заставляет всех примолкнуть. Зачитывается древний текст государева наказа - повеление царя Фёдора Иоанновича строить град Сургут... Падает полог, и взорам собравшихся предстает памятник основателям города, среди которых и воины-казаки.

Одними из первых на сцену, сооруженную перед монументом, выходят юные потомки Ермака - кадеты. Они несут знамя своего корпуса, освященное самим Патриархом всея Руси Алексием. Поблизости в почетном карауле замерли взрослые казаки.

И увидел Сургут, что не перевелось казачество в земле сибирской, что не только ветераны сами готовы в трудный час встать на защиту России, но и смену себе готовят, передавая славу предков в надежные руки. Будто в подтверждение этого кадеты четким строем прошли к подножью сцены и влились в строй почетного караула. Значит, не забыта старая заповедь: казачьему роду нет переводу.

Не нужно быть крупным специалистом в военном деле, чтобы, исследуя документы истории, увидеть: сибирские казаки всегда выставляли для ратных нужд большое и хорошо обученное войско. Сам казачий уклад жизни представлял собой надежную базу для подготовки первоклассных военных кадров. Казака начинали воспитывать с малых лет, а потому не было равных ему в мастерстве джигитовки, умении владеть всеми видами оружия, вести бой в любое время дня и ночи и в любых условиях.

Благодаря этим качествам, сибирские казаки сыграли значительную роль в развитии Сибири и Казахстана. Именно они присоединили к России огромные территории, основали многие современные города и села, проложили путь промышленности и торговле, сопровождали русские посольства и экспедиции, в течение столетий охраняли наши азиатские границы.

Таково оно - наше славное прошлое, трудное, порой трагическое, особенно в первые десятилетия советской власти, когда доходило дело до массового уничтожения казаков. Не удивительно ли, что мало кто из них дожил до сегодняшнего дня с любовью к корням своим и открытой душой. Мечутся казаки, определяясь, к кому примкнуть. Где то истинное, ради чего стоит пренебречь общественным мнением (смеются, зачастую, горожане, видя мужей в форме казачьей: мол, вырядились!)

Передо мной множество документов, читая которые, хочется думать, что государство верит в казачество, надеется на него и что на сегодня сделано достаточно для его воссоздания.

«Казачество, стоящее на позициях российского национального возрождения, народного согласия, сохранения и упрочнения единой и неделимой России, укрепления Российской армии и флота, последовательно выступающее против национальных конфликтов, беспорядков и преступности, встречает все большее понимание и поддержку со стороны государства, всего населения России. Государственная власть, заинтересованная в надежной опоре в деле строительства и укрепления Российского государства в новых геополитических условиях, не может далее оставлять без внимания роль и значение казачества как многонациональной системы, его опыт демократического самоуправления, многовековой исторический опыт в обеспечении эффективной системы пограничной охраны, его особой роли в Вооруженных Силах и, наконец, весьма эффективную систему хозяйствования».

Эти слова принадлежат президенту Владимиру Путину. Они ли не подтверждение тому, что государство верит: у казаков есть будущее? Но возрождение казачества - явление многоплановое, во многом противоречивое, неоднозначное. Напомню, казачество сформировалось на четырех столпах: православие - воинская служба - землевладение - самоуправление. Одновременное восстановление этих принципов и есть неперемненное условие возрождения, причем приоритет здесь принадлежит православию.

Наверное, только ему и безразлично казачество. Пока казаки наводят порядок в своих рядах, преодолевая многочисленные внутренние раздоры, непременно возникающие, когда налицо слишком большой разрыв в традициях, у их подрастающей смены - кадетов - дел неуворот. Помимо основных занятий, они участвуют во многих городских мероприятиях. Интересно прошли

Фотос: Н. Мунгуш

для ребят новогодние праздники, они были в числе организаторов рождественской елки для православных детей. В конце января участвовали в торжественном собрании, посвященном 60-летию снятия блокады Ленинграда. В начале января нынешнего года - незабываемая поездка на зимние тактические учения в Сайгатино.

За три года существования корпуса, у него появилось много друзей. Так что не удивительно, что в прошедшей вылазке в лес вместе с кадетами были мальчишки и девчонки из лицея №1. Кстати, лицеисты самые давние друзья. Не один раз они вместе были в Тобольске, где встречались с владыкой Димитрием. Сургутский казачий кадетский корпус получил благословение владыки и лично им был приглашен на крестный ход из Абалацкого монастыря в Тобольск и на праздник в память святителя Иоанна Тобольского. Три дня ребята в кадетской форме охраняли порядок в городе, а заодно и знакомились с достопримечательностями древней столицы Сибири. Корпус пользуется большой поддержкой со стороны православной церкви Сургута города. Кадеты принимают участие во всех престольных праздниках, несут караульную службу у храма в Пасхальную ночь, а на Крещение окунаются в освященную воду. А у нас, между прочим, об эту пору холода бывают крепкие! Растут мальчишки, вот кому-то из них уже пришла пора и в армию идти. Провожать всем корпусом будем. А вернутся, как сложится их жизнь? Не потерять бы, не забыть, что они - казаки, и дух в них боевой, и к Родине любовь, и вера в Господа Бога. Давно об этом думали в руководстве корпусом, а когда узнали всю правду о реестровых казаках, с документами познакомились государственными, сопоставили, что к чему, то и решение приняли однозначное: вступить вместе с корпусом в реестровое казачество. До этого корпус подчинялся общественному атаману. Решение это было закреплено совместным договором, точки в котором поставили своим посещением корпуса атаман Обь-Иртышского отдельского казачьего общества В.В. Куликов и сам генерал Плетнев.

Приняли они наших казачат в свою семью, как детей родных. 28 гектаров земли выделено обществу под казачий хутор. Думают казаки здесь же школу кинологов открыть, где кадеты под руководством опытных собаководов смогут обучать щенков, готовя их к совместной службе на границе. А что за казак без лошади?! И об этом подумали наставники, с этой целью открывают казачий хутор в селе Сытомино Сургутского района, в деревне Ляминой также хутор планируют. Есть в районе потомственные казаки, кому, как не им молодежь под свое крыло брать да традиции казачьи передавать. А чтобы все законно было, договоры заключили с администрацией, и с районной и с городской. Предполагают они кроме всего прочего несение охранной службы в дачных поселках и на рынках, егерскую службу, экологическую. Для этого, понятно, учить людей надо, готовить казачьи кадры, нужны специалисты, а не свадебные генералы в красивой форме с орденами и медалями из прадедовских сундуков.

Вот так оно и должно быть в казачьей семье, это вам не папахи драть на сходах да разбор вести, у кого она из каракуля, а у кого нет. Да и не до папах нам пока, хутора строить надо, думать, как бы старших ребят по возможности в армию вместе, гуртом отправить, где деньги найти, пока своих не заработали, чтобы казачатам новую форму купить, из старой многие уже выросли. Куда летом свозить, чтобы и отдых был, и с пользой. Некоторые из детей в жизни еще дальше Сургута не выезжали. Когда вы будете читать мои заметки, наверняка в историко-культурном центре «Старый Сургут» уже будет открыт казачий дом, в котором разместилась экспозиция об истории казачества. Сегодня же опять наша забота, где экспонаты для него найти, утварь казачью, дети в этом как могут, помогают. Они хоть и не взрослые, а понимают, что память о тех, кто основал град Сургут, должна передаваться из поколения в поколение.

На то они и казачата - потомки Ермака.

Виктор
Козлов

ТЕТЯ
НЮРА

Дня за два до Нового года меня вызвали радиogramмой в Сургут. Не хотелось улетать из Усть-Балыка перед праздником, но я решил «распечатать» 1962 год на новом месте.

В Сургут я прилетел тридцать первого числа. В любой из остальных дней мое появление в конторе выглядело бы вполне обычным делом... Но за несколько часов до Нового года? Из-ви-ните! - пахло нахальством. Я это вовремя понял и спросил: как найти гостиницу?

«Кадры» в лице плотного дядьки с утиным носом удивленно крикнули и неожиданно - наверное, и для себя - пожалели:

- Как же это вы, дорогой, решились?.. Гнал вас кто, что ли?.. Радиogramма радиogramмой, а Новый год - раз в году бывает! Ох, молодежь - молодежь, не цените вы радости жизни... Может, ко мне пойдете?..

Я отказался и вышел. Дверь за мной облегченно вздохнула. Было уже совсем темно.

Гостиница, деревянный пятистенок, в котором клюквинке не упасть, забита разношерстным людом, вырвавшимся из тайги «погудеть».

После Усть-Балыка, месяц назад нареченного Нефтеюганском, центральная улица Сургута казалась сверкающим Невским проспектом! Много людей. Говор. Смех. Даже кружение снежинок у фонарей напоминало о праздничной суете и суматохе. Мне нравятся предпраздничные часы больше, чем сами праздники: уж больно счастливы лица людей, нет еще хмельного блеска в глазах, как в праздники, или похмельной виноватости - после...

Время шло. Мне надо было решиться: в какой первый дом «преподнести» новогодний подарок в виде молодого постояльца. Положение усугублялось тем, что у меня с собой не было никаких вещей, кроме туалетных принадлежностей, находившихся в необъятном кармане полущубка; из-за этого меня вполне могли принять за кого угодно.

Проходя мимо последнего магазина, я решительно завернул в него, купил шампанского и невзрачную бутылку с блеклой этикеткой и липкой сургучной головкой - питьевой спирт.

Вскоре я оказался возле просевшего пятистенного дома. Окна слабо светятся. Ворота полуоткрыты и занесены снегом. Хозяин, видно, не очень лопатку любит. Дальше по этому порядку - прогал и темные, неприветливые избы. Все: решился! Стучу в дверь, дергаю ручку - безуспешно. И чуть не падаю: дверь открывается от пинка изнутри. Ломкий голос:

- Пристыла... Не поевши не откроешь!

Не вхожу - врываюсь, как святой, на белых клубах холодного воздуха. Прямо передо мной стоит парень. Свет бьет из-за него, потому вижу только силуэт, юношески стройный, вокруг головы золотой ореол волос. Справа, из кухни, выглядывает добрейшего вида бабуса. Руки с недолепленным пельменем держит над столом. Под низкой лампочкой стоит - каждую морщину видно. Ощущение такое, словно допреж много раз ее видел.

Я поклонился:

- Здравствуйте!.. С Новым годом вас!..

- Здравствуйте, коль не шутите... - ласково ответила хозяйка и вопросительно посмотрела.

Пока я собирался с духом, чтобы объяснить свое «явление», она, видимо, все поняв, заговорила странным - для моего слуха - речитативом, с ударением на «те»:

- Что ж вы стоите?.. Проходите, гостем будете!.. Разоблокайтесь, шубу вешайте... под занавесь, на крюк...

Через минуту я сидел на кухне, между столом, запорошенным мукой, и кадкой, в которой плавал непривычный для меня, прямо сказочный, коврик, и я, честно говоря, чувствовал себя превосходно.

Тетя Нюра - так звали хозяйку этого дома - бутылкой раскатывала комочки теста, точным движением брала фарш из помятой алюминиевой чашки, пальцы быстро пробегали по кромке сочня - и очередной пельмень ложился на перевернутое сито.

Она непринужденно расспрашивала: кто я, из каких краев родом, что делаю вдали от матери и родственников?.. И сама рассказывала.

Тяжело хлопнула входная дверь, и на кухню внырнул молодой, крутолобый мужчина с ярко - голубыми, как у тети Нюры, глазами - только взгляд их был тверд, решителен, хотя по-матерински смешлив. В том, что это ее сын, я догадался сразу. Он сунул на ходу маленькую твердую ладонь лодочкой: «Валентин», поздравил с праздником и уже командовал:

- Налей-ка, мать, по стопке за знакомство... Тетя Нюра заворчала:

- Подождите малость: садите за стол...

Он перебил ее:

- Тогда, мать, мы и так выпьем, а сейчас - за знакомство... Сам вытащил из шкафчика граненые рюмки, достал огурцов, сбегал в сени за рыбой. Все это - не переставая разговаривать. Опрокинул рюмку, зажевал и:

- Ну, я побег... Окся у меня уже наклюкалась. Детишек уложу да на конный двор сбегать надо: есть там кто, нет?.. Я - скоро. Если что, не ждите - начинайте.

Он исчез, а у меня перед глазами еще стояло его лицо с порхающими бровями, погружавшими в тень ясные, как небо, глаза.

- Ветрогон... - с осуждением сказала тетя Нюра. - Шагом не походит... и женился на бегу... впопыхах... Нерусскую взял... остячку... - шепотом добавила она и в полный голос продолжила: - Как из армии пришел, на десятый день оженился...

- Они ж до армии д-дружили... Ч-чего уж наговаривать, мама... - Шурша праздничным, с блестками, платьем, на кухню вышла дочь: похожесть была удивительной, только у дочери уголки полных губ капризно приподняты, а у матери приспущены... ну, и молодость, конечно...

- Римма... - представилась она.

Следом вышагнул молодой парень. Блока и Есенина вспомнил одновременно, глянув на него.

- Санька! - он до боли жиманул мне руку.

- Она ждала его все три г-года... - чуть заикаясь, как бы для матери, а не для меня говорила между тем Римма. - К-кто ж знал, что так получится... П-пить ее на лесозаготовках научили: с у - устатку да для су-угреву... А Валентина она ждала. Хоть к ней и сватались. Так что не говори, мама...

- Торопыга и есть торопыга, - не сдавалась тетя Нюра, - вот за это его Бог и не замечает. Ведь чо: пять лет живут, а уж троих - да все девок! - настругали... Да и эти, - она лукаво глянула на дочь, - тоже внучку справили. А вот у старшего, Григоря, - три сына!..

- Ну, хватит, мама, - остановила дочь тетю Нюру и пригласила меня пройти в горницу. - И ты иди! - скомандовала мужу. - Стол раздвиньте...

Санька работал шофером единственного в экспедиции автобуса. Пока готовили стол, он посвятил меня в поселковую жизнь.

Вскоре пришел Валентин и, как катализатор, ускорил события. Стол был полон сибирских лакомств, я был в восторге от малосольной нельмы и маринованных маслят, моченой брусники и морошки. Тетя Нюра таскала горячие пельмени и все подкладывала: «Кушайте, кушайте!..» Глубокой ночью она пела с зятем старинные песни. Вел Санька ломким, вибрирующим тенором. У тещи голос был совсем

молодой, приятный, и только некоторые согласные выдавали возраст певуны.

От «северного сияния» и от всего хорошего - доброжелательности, душевности, вкусной еды, протяжно-го пения - меня потянуло в сон. Тетя Нюра заметила это и показала мне в крохотной каморке кровать: - Вот издеса отдыхайте...

Проснулся я довольно рано. Хозяйка уже хлопотала на кухне. Едва я заворочался, она тут же заглянула в мой закуток:

- Не спите?..

Прошла, села на табурет. В старой фуфайке. Из - под клетчатой толстой шали любопытно и весело глядят бойкие молодые глаза. Темные руки на коленях, поправляют фартук. От ее одежды пахнет сеном, навозом и парным молоком.

- На новом - от месте - приснилось ли чо, ай?.. Не заспалось?..

Я пожал плечами. Она усмехнулась:

- Крепко спите... заумер! Вчерась ведь такой шум был... Окся ведь приходила! Сноха то есть, жена Валентинова. Проспалась и пришла. С Санькой-т они ровно кошка с собакой - ну, и сцепились. Санька вытряхнул ее в сени-эт чтоб домой шла, - сени-т у нас обчие. Валентин-эт - следом за тобой уснул, так и дрых. Ну, Санька-т ее выставил, а она давай ломиться. В дверь никак, так давай раму высаживать! Летось, при ремонте, мужики топором не смогли, а эта пигалица - выставила!.. Пра!.. Только звон пошел. Мужики не осилили, а Окся - высадила!.. - Она, как бы снова переживая случившееся, хлопнула по коленям и покачала головой: - Ишь, дурная сила - велика! Кому скажи - не поверят. А куда тратится?.. На хулиганство!.. Ну, мужик бы - куда ни шло... Но баба... В доме, знамо дело, переполох. Девчонки проснулись - в рев. Валентин встал - всыпал ей. А не впрок - опять полезла. Только под утро угомон взял. Измаялась я с ними... - пожаловалась она и тут же с улыбкой добавила: - Дружинница ровно какая: разнимаю да миру. Хоть повязку красную шей, пра... Ну, вставайте: картоха поспела. С похмелки - т хорошо горячей картошки поесть - с соленым огурчиком да грибочками...

На крыльце, на крышах и деревьях, как праздничные блески, сверкал прошлогодний снег. Он был жестким, как стекловата. Я уже заканчивал зарядку, когда увидел заиндепевшего Валентина.

- Здоровы были! - как хорошо знакомого приветствовал он меня.

- Привет! - в тон ему ответил я. - Откуда так рано?

- А вон - за сеном ездил...

Я выглянул на его половину - у стойки воз сена, рядом заиндепевшая лошадь хрумкает из торбы.

- Давай, разомнись! - предложил он.

Откуда такое разнотравье? Настоящий гербарий... Запах густой, духмяный - словно бы жарким июлем повеяло...

- Когда ж ты успел? - восхищаюсь я.

- А я такой... - Валентин шурился, прикуривая «беломорину», - часок кемарнул - и готов хоть пахать, хоть щи хлебать. Вилы - то держать приходилось? Нет? Тогда лезь на стайку - принимать будешь.

Минут через пять стало жарко, а Валентин поддает да поддает.

На кухне - как в детском саду! На руках у тети Нюры грудной ребенок. На табуретке, возле кадки, на моем месте, маленькая девочка с косичками. На полу возятся еще две, сопливые, востроглазые: по-старше - черная, как смоль, меньшая - светленькая, с продолговатыми, как ивовые листочки, светлыми, с прозеленью, глазами.

- Все - ваши? - с неподдельным ужасом спрашиваю тетю Нюру.

- Мои... мои... - отвечает она с усмешкою. - Анна, не балуй: закрой дверцу! - кричит она вдруг на чернявую толстушку. - Закрой, лихоманка, дверцу - пожару наделаешь!

Та настырно смотрит на бабушку угольками глаз и продолжает копаться в припечке. Тетя Нюра встает, оттаскивает «лихоманку», садится - а там уж «немтушка» Ольга:

- Ох ты, матушка! Чуть не раздавила...

В это время входит худощавая женщина. В зубах папироска. Вежливо здоровается и тихо спрашивает:

- А что, мама, мы вчера, никак, пошумели малость?.. Прости уж, однако...

Тетя Нюра смеется, с явной ехидцей отвечает:

- Мне-т что? Я-т прошу: куды деваться?.. А вот дети - простят ли они? Их-от постыдились бы да человека постороннего...

Я с любопытством смотрю на Оксю: вот она какая!.. Я - то представлял ее этаким гром - бабищей, а вижу тонкую, узкобедрую женщину. Глаза... Вот в кого Ольга - то, «немтушка», - в мать... Губы красивые, чуть припухлые. Очень женственна. Как - то все не вяжется с буйством, но ведь вот оно, окно - наспех вставленное, с треснувшими стеклами, подушка в форточке...

- Ух ты какая, мама! - вроде шутя говорит Окся. - Все боишься: как бы про тебя плохо не подумали. Да уж все знают: страдала ты у нас... - С издевкой (а может, искренне?) сноха вздыхает: - Чужим - то что? Приехал - уехал. Нам жить - нам и мириться...

- Экая ты балаболка! - возмущается свекровь. - Ишь, как запела! Вчерась надо было думать - когда рюмку брала! Экошь: жить - от нас вместе - правильно говоришь! - да рази так жить? Дети родные бояться стали... Слыхано дело: родной матери бояться? Тут не то что перед чужим, перед собой со страху сгорать надо...

Окся, вроде уж и не слушая свекровь, подняла Ольгу, погладила Анну, потянулась к Таньке, горячо приговаривая:

- Да они же знают, что любит их мамочка! Мамочка крепко любит своих косеньких зайчиков, птишек певчих, белочек шустрых...

- Мамочка любит... - ворчит тетя Нюра, - до первой рюмки - любит...молчала бы уж...

А девчушки и отошли уже, притихли, похорошели. Только Ольга еще смотрит волчком; вот и она облегченно вздохнула и довольно четко повторила последние слова бабушки:

- Мольча - а бы...

Тетя Нюра встрепенулась:

- Батюшки!.. Неужто немтушечка наша заговорила?.. Распечаталась, матушка!.. Скажи - ка еще, Олюшка, словечко, молви еще что ни то...

Но та молчала и лънула к матери, хитро поблескивая серебристо - зелеными глазенками, тая на губах недетскую загадочную улыбку.

Из горницы выглянул заспанный Санька.

- Еще один воитель объявился... Ну - кось, подеритесь, али стыдно? Спите, а чужие люди для вашей коровы стараются - сено на вышку мечут! - напустилась на него теща.

Санька оторвался от овша, подмигнул мне:

- Мать! Новый год, а пилишь по - старому... Отстань хоть сегодня со своей коровой!

- Я-то отстану... - обиделась тетя Нюра, - скоро отстану... У меня уж и так все жилы трещать: ни один ведь стайку не почистите, сена скотине не дадите... А вот что пить будете?.. Зинку чем кормить будете?..

- Купим!

- Купите!.. И где купите?.. Водки рази купите!

На следующий день я сходил в контору экспедиции. Меня уговорили переехать в Сургут, заняться новым делом. «Только вот жилье... - мой новый шеф, Виктор Петрович Федоров, вздохнул, - ты уж сам поспрашивай - неужели такого парня не пустят? И просись на пансион: так проще...» С этим я и обратился к тете Нюре... Она сразу согласилась:

- Живите, коли не требуете... Не жалко - место не проспите...

В тот же день занесли с мороза кровать, застлали «чем ни то», и постель моя была готова. И на счет «пансиона» срядились быстро: пятьдесят рублей новыми за все. Напоследок тетя Нюра еще раз попыталась:

- Подумайте: может, не по нраву будет пища наша да порядки? Смотрите, чтоб без обиды...

Я сказал, что не у мачехи рос.

- Ну, ин и ладно, - заключила она, - живите, как дома. Коли не так что будет, не обессудьте...

Так по воле случая началась моя жизнь на Черном Мысу, в доме, где все было на глазах: и радость, и горе, и смех, и слезы.

Первое время я ходил на работу в контору - рядышком, поэтому завтракал один: Саньки с Риммой уже не было. Увлечшись делами на подворье, тетя Нюра забывала меня будить, и я, по студенческой привычке, вскидывался в последний момент, когда было не до завтрака. Тетя Нюра хлопотала вокруг ме-

ня, кляла свою забывчивость и заставляла выпить на ходу стакан молока, взять с собой кусок пирога или витушку. И только когда она затевала уху из сушеной рыбы, я просыпался сразу - не мог выносить запах варева. Тетя Нюра заметила это и сначала удивилась:

- Хорошая ушица, наваристая. Свежая - то, знамо, вкуснее. Попрошу Валентина, чтоб свежей привез от дедки. Пирогов напечем, с картошкой, по - хантыйски... - размечталась она. Потом задумалась, снова заговорила: - Так оно: с непривычки, в первое время муторно кажется. Я и сама пробовала - строганину эту, а то хуже - сушеную без соли... Первый год, как нас пригнали сюда, думала: помру с голоду, а есть не буду. Сейчас... э-э, Оксе не уступлю.

Меня поразило слово «пригнали» - может, ослышался? И переспросил:

- Как - пригнали?..

- А сослали... Мы же все...весь Мыс - из ссыльных: кто из раскулаченных, как мы, а кто, как Бауэр, - из немцев поволжских... Указ им вышел - кто уехал, а кто и остался. Народ они работающий, много труда вложили: как бросишь? Нонешние - то ссыльные - тунеядцы, а тоже не все на одну колодку - таки трудяги середь них есть!..

«Раскулаченные...» Вот оно что... Я слышал от матери, что на Алтае, где мы родились, тоже раскулачивали, а раскулаченных ссылали на Север. Часть из них сбегала из ссылки, организовывала целые банды, которые наводили ужас на коммунаров жестокими казнями. У меня в памяти мамин рассказ о том, как они повстречали в глухом лесу, где собирали ягоды, троих бандитов, - отделились легко - узелками с едой. По рассказам матери, и среди коммунаров, и среди раскулаченных были хорошие люди. Были и плохие. Совсем как в «Поднятой целине». Вот и мне довелось увидеть...

Какой край этот Сургут! Век нынешний и век минувший!

Декабристы и поляки, кулаки и немцы... Тунеядцы и мы... Потомки «государевых служивых» людей и сподвижников Ермака и воинов чума... и все - в одной буче, за одним столом, рядом - бок о бок... Вот она - история.

Когда я приходил с работы, кухня гудела ульем. Как на площади в девять - десять метров располагалось столько взрослых и детей?..

Завидев меня, шестилетняя Танька кричит:

- Дядя Витя пришел!.. Дайте пройти!..

Все чуть раздвигаются, я протискиваюсь к своему стулу... Если еще кто появлялся - находилось место и ему.

Я сажал Таньку на колени. У нее продолговатое лицо и фиалковые глаза. Она добра, понятлива и скромна. За смуглый цвет кожи я звал ее «креолкой». За столом она тиха, аккуратна. Не то что Анка - та хватает еду с чужих тарелок, запихивает рукой в рот, кидается. Санька не выдержал и огрел по лбу ложкой. Тетя Нюра отчитала внучку:

- Достукалась, лихоманка? Так тебе и надо! - И тут же напустилась на зятя: - Ты сначала свою выводи, потом чужих воспитывай! - И потрясла Зинкой, которую кормила из бутылочки. - Рази так можно?..

- Своей - то я еще и не так дам, если будет по чужим тарелкам тыкаться, - огрызнулся Санька.

Вечера проходили за подобными перепалками, часто заканчивались обсуждением местных, союзных и международных новостей. Причем самым своеобразным комментатором, особенно «международником», была тетя Нюра. К любому событию у нее был свой подход, своя оценка и обязательно прибаутка или аналогия. Вот обсуждаем события в Африке: войска ООН в Конго странно блюдут мир и порядок. Тетя Нюра тут как тут со своим резюме.

- Может, и не к месту, а расскажу вам про камышловского стражника. В германскую войну было, при царе еще - в первую мировую, значит. Наши ямщики возили тогда между Камышловым и Ирбитом товары разные. В Ирбите ярманки бывали богатые. Снарядили как - то обоз с вином. А вино тогда царь запретил, чтоб порядок навести. По этому случаю, для пушей надежи, стражника к обозу приставили, да. Как бы сейчас - мильцанера, вроде Витьки Кузнецова. Строгий такой, стражник - от попал, обличья свирепого. А выпить - та... видать, покрепше ямщиков любил. Мужики и так и сяк - боятся! Токо от Камышлова отъехали, он им и предлагает: «Слышь, - говорит, - робя, обруч - от у бочки давайте сдвинем, дырочку просверлим, вставим дудочку и будем потягивать винцо - то, через энту дудочку -

все дорога покороче покажется». А у самого ж и буравчик заготовлен и дудочка припасена. Ну, ямши-ки так и сделали - имя - то что? Всю дорогу и потягивали винцо - то, кто сколь желал. А перед Ирби-том дырочку заколотили, обручи на старо место набили, и все у них благополучно обошлось... Вот вам и стражник! Нынешние-т стражники - и похлеще чего придумают что в Конге, что в Корее...

- Н - ну, ты мама, скажешь - как Швейк!.. - упрекала, смеясь, дочь. - Обязательно что-нибудь сморо-зишь, за тобой хоть з-записывай...

После вечери расходились спать, а тетя Нюра мыла посуду, что - то готовила к «завтрему». В своем за-кутке я час - другой читал. От горницы отделяла меня крашенная тесовая «заборка», оттуда порой слы-шался сдавленный шепот: «Да не спит он еще, не спит, куцы лезишь, вишь - свет горит...» Я быстро га-сил лампочку, сразу же начинал посапывать и в самом деле засыпал - «без задних ног», как попрекала порой тетя Нюра. Иной раз, управившись с делами, она заглядывала с «сонником» - стаканом молока, морса или «пива»: «На-ко, на сон грядущий, испей сонника - спать будет слаще, може, кто привидит-ся: мать али невестушка...»

Как - то, придя с работы, я застал в своем закутке спящего парня. Лицо его было обветрено и багро-во, темные редковолосые брови ходили в такт тяжелому дыханию. От него несло свежим перегаром. Вдруг он резко сел на постели, протер белесые, диковатые со сна глаза и представился:

- Мхал!.. Ммхал Сандрыч Саввин...кэп «Зелинского» - слышал?.. Ну и хорэ, пнял?.. Я здесь живу. И ты живи - я не взражаю... Хорэ?.. Я ще дреману - минут шессот, хорэ?..

И тут я вспомнил разговор Риммы с матерью. Когда я просился на «пансион», она матери напомнила: «А Мишка приедет - он куда?» Тетя Нюра отмахнулась: «Когда ишшо приедет. А и приедет - так што?..» Теперь я понял: о «Мхал Сандрыче» и шла речь тогда, вот он и приехал. Настроение у меня испорти-лось. Я пошел на почту: нет ли чего «до востребования» от родных или Валентины... Там меня доби-ли: мне дали письмо из Новосибирска, а мое письмо, из Уфы, забрал однофамилец. Молоденькая связи-стка в тесной школьной форме, оправдываясь, пообещала письма обменять:

- Это не страшно, он завтра звонить придет - заберу. А вот раньше, с другим вашим однофамильцем, действительно казус произошел: исполнительный лист пришел! Вот смеху - то было: все совпало, да-же месяц и год, только число рождения другое. Больше года разбирались, он с женой чуть не развел-ся. А вы женаты?..

Да... Для полного счастья мне еще только «листа» и не хватает... Где этого однофамильца найти? Хоро-шо, если человек порядочный... и наверняка - письмо от Валентины... Как мог взять - не свое?..

Возле моста через Сайму меня догнал автобус, резко притормозил. Открылась дверь, я запрыгнул на ходу. - Садись! - крикнул Санька. - Эх, прокачу! - Он был весел. Серая кроличья шапка, очень шедшая ему, чудом держалась на шевелюре. Он газанул на всю железку и, улыбаясь, запел высоким ломким голо-сом: - Конь летит стре-ло-о-ю... - Не дожидаясь вопроса, пояснил: - С Мишкой вмазали. Парень - во! С зимовки прилетел за пешнями, продуктами... У них караван вмерз - вымораживают... чтоб по весне не раздавало... понял?.. Оборзели они:там, вот он и загудел маненько... Ниччо! Мишка - парень молоток! Шебутной - когда поддаст, это есть... Нет бы - как я! Выпил - и пою! А добавлю - сразу на боковую... Я засмеялся и поддел его незлобливо:

- И с Оксей не тянет повоевать... Санька не обиделся.

- О - о! Окся - это... Точно! Она на меня - как муха цеце... Пьяные сойдемся - всё: рога в землю, хвост трубой!..

Возле нашей избы Санька лихо тормознул, заглушил двигатель и уткнулся в баранку; когда я приот-крыл дверцу с его стороны, он вывалился на снег - я и не успел его подхватить.

Мишка к этому времени выпался, был чисто выбрит, надушен; в черном костюме и начищенных бо-тинках он выглядел по - флотски элегантно. Он помог затащить в дом румяного и красивого, как спя-щая царевна, Саньку и предложил «прошвырнуться по набережной» или в клуб рыбаков на танцы. Римма успела меня предупредить интригующим шепотом: «В Шанхай с ним не ходи: он ко всем цеп-ляется, за к - компанию вломят...»

Пару раз станцевав местный вариант буги - вуги, потерял Михаила. Пошел в «курилку» - в вестибюль: там! Слышно задиристо: «Для моряка это пыль!.. Хорэ - хорэ!..»

- Прошвырнёмся! - говорю.

- Хорэ, - согласился он. - Шанхай он и есть Шанхай!

По дороге он, вкусно причмокивая, пытался декламировать есенинские стихи:

- Эх, словно в душу мою заглянул, мысли мои прочитал!.. Да... Есенин... Пушкин - поэты! А Маяковский

- «поэт социалистической эпохи» - дерьмо! Ассенизатор! и водовоз!..

Я возмутился:

- Сам ты дерьмо! Сельпо... Ничего, верно, кроме учебника не читал, а пытаешься судить Маяковского!

Мы не заметили за спором, как прошли мимо дома, опомнились на пустыре, где недавно еще стояли локаторщики, - там уж недалеко было и до самого Сургута, поэтому решили «отметиться» и в «ПДК» - районном Доме культуры, длинном старом строении. Там тоже долго не задержались: продолжили спор - разговор. За один вечер мы сблизились и утром расстались уже друзьями.

Я закончил изготовление приспособлений для погружения зарядов в пливуны и стал летать по сейс-мопартиям, занимаясь их внедрением. Дома бывал редко. Моя шепетильная хозяйка даже не хотела брать плату за февраль. Мне хотелось узнать поподробнее о том, как они оказались в Сургуте, на Черном Мысу. Спрашивать об этом казалось неудобным: мало ли какие могли быть воспоминания. И тем не менее при первой возможности я перевел разговор на эту скользкую тему.

У себя в Башкирии я, помнится, собирал росшие по вязовым колодам вешенки да сыроежки. Нападал, случалось, и на сырые грузди. Остальные грибы были для меня - темный лес.

- А грибки - то, однако, вы любите! - заметила тетя Нюра, глядя, как я ловко управляюсь с маслятами и обабками. - Здесь ведь их... и - и! - хоть косой коси да в кузов мечи! Не ленись - обрабатывай! Да... В Камышлове - а мы недалеко жили - тож грибки были всякие... Мы, девчонками, часто в лес хаживали с корзинками да кузовками. Но таких - не бывало. Ведь тут иной боровик - что тыква, а красно-головики - от дождя можно спрятаться... Молоденький - то грибок, режешь ино - ну сало и сало, белое, без прожилочки - такое, когда сам откармливаешь, хлебом...

- Хорошие, видно, места у вас там. Как же вы здесь оказались в ссылке? Почему?

- Издеса - то?... - тетя Нюра несколько не удивилась вопросу. - Как все - обыкновенно... Село у нас было большое, привольное. Жили мы справно. Да ведь и пластались от зари до зари. Без выходных, было времечко и повеселиться - не все ж страда. А коли начали в колхозы сгонять - тут и загремели, не токо мы - почитай полсела: шестьдесят дворов! Кто по навету злобному, кто из - за характера поперешного. Увозили когда - рев стоял над селом! Голосили - как над рекрутами не голосили. Были, конечно, кулаки - мироеды. Дак ведь народ - то не спрашивали: кто сноровлив да удачлив, а кто - жад - живоглот, - всех под едину метелку мели...Маслобойку держишь, мельницу имеешь, тройку лошадей, полон двор скотины, товаром торгуешь? Вот и ксплуататор, вот и мироед... Так вот и причесали село: в ссылку! А ведь и в артель бы пошли, работали бы ино получше других. Здесь ведь, на Мысу, и колхоз организовался тож, и жить стали не хуже, чем на родине...

Тетя Нюра на этом замолчала, задумалась, отрешенными стали ее голубые глаза, смурными...

- У меня, однако, другое дело было... Все по - иному сложиться могло. Замуж меня выдали не по воле. Родитель мой, не тем будь помянут, пропил меня загодя - породниться захотел с соседом - богатеем. По нынешним - то временам оставила бы батюшке писульку да и укатила со своим ухажером в город али на стройку коммунизма куда ни то... Да об ту пору не посмела родителя послушаться: грех! Жалела после - да вот он, локоток - т: близко, а не укусишь... На роду, знать, написано было так. Испытание ишло тако выпало: уполномоченным по раскулачиванию ухажер мой прибыл. Стал манить: «Брось, - говорит, - свою подкулачника, айда со мной - пропадешь вместе с имя, загремят твои в первую очередь». А у меня - свой гонор. Спасибо, товарищ полномочный, куда муж - туды и я со своими малыыми детками. Григорею - то седьмой год уж шел, Валентин - грудной был. Намаялась я с имя и в дороге, и на новом месте. Ох, Господи, не приведи кому стоко мук принять! Высадили нас на Мысу. Это счас - то по улице до Сургута рукой подать, а тогда - тайга стеной, болотина, ручьи... Сайма та же - не перейдешь! Только на гребях и выбирались - в лавку или к властям. А жили - землянок нарыли, для себя и скотины... Чо уж - не голышом нас выкинули: были и коровы, и лошади, и семена были, и кой - какой крестьянский инвентарь. Где счас эродром - то и дальше - к Черной речке, гривы корчевали,

озимия сеяли. Рыбу начали промышлять, а было то ее - Господи! Лови - не выловишь, только вот соли нехватка... Комендант у нас был хороший, помогал - и со снастями, и с солью, у местных доставал. При нем у нас рыболовецкая артель сколотилась - рыбозавод - от с нее пошел. Порешили его, сердешного: пошел по зиме на охоту и не вернулся. Сказали посля: на самопал, мол, попал, что ханты на лося ставят. Так оно, нет ли - поди разберись. Всяких атлетов с нами было, чего уж греха таить: могли и порешить. Прислали нам другого - построже был, но зря не обижал. Всяко бывало, если вспомнить. А и у него свое начальство: требовало, знать...

Зимой - еще ничего: мясца мужики раздобудут, рыбки спроворят, а к весне - бедовать стали, животами все перемаялись, зубы ронять начали... Проредила людей тогда костлявая, многих выкосила. Местные, конечно, выручали; той же рыбкой вяленой, от которой вы нос воротите. Как нето, выжили, кому на роду было написано, посеяли по гривкам хлеба, картошку да овощ всяку по полянкам да огородишкам. В душе - то все были хлебоборами, потому и семена сохранили, и живность какую нето выходили. Так оно и пошло: где навоз, там и урожаи пошли, земля - то здесь на назем отзывчива: рожь да овес сам пять, а то и сам десять выходил, а уж ячмень - и того выше. И к рыбе склонность пришла: ловить стали не хуже местных, готовить впрок научились. Ягоды собирали. Грибы. Орех кедровый. Дома рубленные стали ставить: пятистенки, на два хозяина - полегше все же. Вот эта изба - то - четвертый десяток стоит, осела, знамо, но на мой век - хватит. А имя, - она кивнула в сторону горницы, - имя пусть ваша кспидиция квартиру дает...

Помолчали. Тетя Нюра - как встряхнулась, сбросила груз воспоминаний, заговорила о дне сегодняшнем:

- Вот у меня молоко берет Афанасьевна, жена твоего Федорова, так Афанасьевна и рассказывает: город строить будут, дома высоки ставить. Чегой - то не верится. Сколь уж оне издеса? Третий год, а окромя конторки да таких же изб, что мы первый год ставили, ничего и нету: временки да вагончики, иные - что твои стайки али собачьи конурки. Рази это ладно?.. У нас, что ни говори, люд подневольный был, сыльный, а вы - то, чать, все - добровольные? Что ж начальство об вас не радеет?..

- Полевые платят, - защищаю я начальство, - компенсируют...

- А снабжение взять? Нам деваться некули было - на самообеспечение нужда заставила стать. Вас понаехало, а чем кормить? Картошка в какой цене? Тридцать рубликов старыми пуд! Мыслимо ли? Продавать - от - хорошо, а как покупать? Санька вот попрекает меня: картошку продаю, молоком снабжаю, кварталентов держу - куда, мол, мне деньги - т? А и на сам деле - куда они мне? В кубышку не кладу - на них же и уходят... Приемник купили, радиоволу, комод цельный - сто рубликов выложила. Коське вот, последышу, что во флоте служит, - тожа что нето справить надо. Приедет не приедет - а хош и во Владивостоке, у невесты, останется, - все равно надо обзаведенье. По хозяйству, опять же, расходы. Все ведь мимо их: мужиков нанять, помочь сделать: сено, дрова... Саньке - все не до рук. Родны-т его - недалеко тут живут - в Каргаске. Сваха рассказывала: весь в отца свою. Тому тож, грит, бывало, мировую революцию подавай! А валенки подшить, в стайке навоз подчистить - неколи все.

Валентину - тому на самом деле неколи: в совхозе весь! Остались у него одни бабы, как в войну... Мужики - все за длинным рублем к вам подались. Пьют да браконьерничают.

Имя теперь, ровно пьяной бабе, - и свое не свое. Валентин грозитя: плюну да и тож уйду, подбивает его кто - то завхозом к сейсмикам. Ой, позарастают ведь осинником пашенки наши, позарастают... Гли-ко, уж и огороды бурьяном пустырят у иных. А ведь земелька приусадебна все родит: свеклу и капусту, морковку и репку, лучок и редьку... - да всего не сочтешь. А уж картошку и говорить нечего. Слава Богу, пока у меня здоровье есть да у Окси - управляемся с огородом.

Окся - то ведь, хоть и ругаю ее, а ведь девка - хоть куда! Не пила б еще - цены б не было. Как с Валентином в упряге возьмется за что - все в руках горит. Весной, к слову, за день огород вспашут и засеют... да и нам помогут, и рука легкая у имя... В хозяйстве ведь как? А так: как потопашь, так полопашь! Саньке покушать - то глянется, особо мяско - кажон день бы косточку глодал, а труд хрестьянский - кто бы другой делал. Знамо, он при своем деле, специалист, заработок увесистый. Дак ведь банок да всякой мелочи на кажон день напаси - никакой зарплаты не хватит.

Она замолчала и некоторое время сидела сгорбившись и глядя мимо меня на пустую стену. И выгля-

дела старой и жалкой.

- Маюсь эдак, маюсь, кручусь, хлопочу, - со вздохом промолвила, - а ино подумаешь: на кой ляд мне все это?.. Пензию мне, сколь нето, совхоз положил - лежи да, как ведьма старая, в потолок поплеывай...

От сравнения ей стало смешно, она преобразилась, повеселела.

- А то: у Грегорея внуки большие - прабабка ведь уже! Вот и уеду к кому нето: не выгонят, чай, всех вынянчила. Сосед вон, Бауэр, таки и решился - уехал. Думаю - подумаю, а решиться - сил нет. Такая жаль подступает: а как тут они без меня?.. Все ведь порушится!

В конце марта, когда дороги осели и приколотые зимой объявления о продаже мяса, коров (и до Сургута докатилась волна новой борьбы с личным подворьем) оказались настолько высоко, что их невозможно было прочитать, приехал наконец Мишка - капитан: выморозили они свои суда...

И что - то крепко удерживало меня в этом доме. Это «что - то» было похоже на тети Нюрину «жаль». Подобное чувство я испытал уже однажды. Поздним вечером, в сыкотную пору, меня подобрал сердобольный шофер, а на полпути забарахлил двигатель. И хоть мимо проходили рейсовые автобусы, легковушки, не поднялась рука тормознуть одну из них, помочь водителю я не мог, просто стоял рядом с ним. Один раз взглянул на меня шофер, хмыкнул и опять нырнул в недра старенького «Москвича». Молча ехали мы и остальную часть пути. Он спросил меня, где живу, и довез до подъезда. И я не предложил ему плату, потому что почувствовал - обидится, только «спасибо» сказал, он мне махнул дружески...

Чувствуй я, что тетя Нюра - стяжательница, Санька - неблагодарный человек, а Окся - неисправимая пьяница или склочница, я ушел бы, не раздумывая ни минуты. Так же бросил бы и шофера - калымщика, который заранее содрал бы с меня за проезд, а потом застрял...

Здесь же все иначе. Тем более что я помогал «ремонтировать» этой сложной машине под названием «тетинюрин дом». Исподволь я помог Саньке возобновить занятия в вечерней школе, приохотил его к рационализации - помог оформить пару предложений и, когда позже он получил тридцать рублей вознаграждения, - радовался им, словно первой зарплате. Загорелся он и совсем трудноосуществимой идеей: сделать трактор! И не меньше! Чтоб теща не приставала с огородом. К внукам хозяйкиным привык, и они скупали без меня...

...Улетая в очередной раз в командировку, я всегда стараюсь напоследок глянуть на «свой» дом.

Самолет АН-2 - «аннушка» - ложась на курс, делает разворот над тети Нюриным подворьем. Прижавшись лбом к холодному блистеру, я смотрю сверху на тот двор с теплым чувством...

Самолет поднимается выше, ложится на курс. Виден весь Сургут. Он похож на срез дерева: темная, древняя сердцевина, уходящая во времена Ермака. Вокруг - несколько колец посветлее.

Внешнее полукольцо - это новенькие экспедиционные коттеджи из свежих смолистых брусьев - они словно всегда освещены солнцем. И корявая кора наростом - времянки, «шанхай»...

В районе Тунгусского метеорита, как я читал еще студентом, на срезах деревьев было ясно видно, что кольца, образовавшиеся после взрыва, были шире - явное свидетельство воздействия радиации.

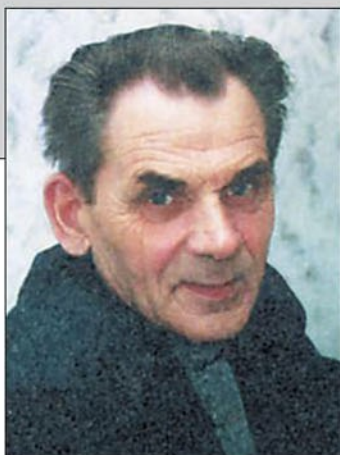
Вот и здесь, думал я, происходит своеобразное «облучение» Сургута и как бы новые, мощные кольца совсем не затянули его сердцевину. Собственно, сейчас еще и не «взрыв», а горение «запала». Сам - то взрыв - впереди, и прогремит он, наверное, не хуже Тунгусского, на весь мир, восхитит и удивит многих, а для кого и останется такой же загадкой, если не более таинственной.

Пусть Сургут станет городом! Городом, который построят люди, приехавшие в этот суровый край, как сказала тетя Нюра, «по собственной причуде». Но пусть в нем останется, как мягкая, маленькая сердцевина, - какой-нибудь старый, осевший, построенный еще в прошлом веке, дом... на худой конец - тети Нюрина изба.

1965 - 1967 годы.
Сургут - Тюмень

Иван
Захаров

СТАРОЖИЛЫ ГДЕ ЭТА УЛИЦА?

...Всякое пережил Сургут за свои века. В его биографии были подъемы и были падения. Он становился во главе огромного края и выгорал дотла, затем снова поднимался из пепла. В 1708 году Петр Первый назвал Сургут городом Сибирской губернии, а в 1782 году он стал уездным центром Тобольского наместничества. 17 марта 1785 года утвержден герб Сургутского уезда и города: «в золотом поле чернубрая лисица: в знак изобильной ловли оных в округе сего города». Свыше 200 лет назад, в 1781 году, в Сургуте появилось первое каменное здание - Троицкий собор. Церковь стояла на высоком месте, примерно там, где сейчас мемориал солдатской славы и памяти. Тогда церковь возвышалась над городом и ее можно было видеть за много верст.

Настоящим бедствием для Сургута были пожары, случались и опустошительные. В начале пятидесятых годов XIX века город посетил финский лингвист Матвей Кастрен. Он нашел здесь картину полного упадка: жалкие хижины, лежащие разбросанно и без всякого порядка между развалинами сгоревшего в 1840 году города.

Далее он пишет: «Здесь нет ни одной приличной улицы, ни одной хорошей постройки, здесь редки даже окна из стекол, целая чашка является редким исключением».

Но трудолюбивыми и любящими свой город были наши предки, из руин они поднимали новые дома. Здесь было много местных мастеров, которые могли вязать настоящие кружева из дерева. Резные наличники, ворота, карнизы украшали богатые постройки. В старом Сургуте не было двух одинаковых домов.

В середине XX столетия здесь насчитывалось около трехсот добротных деревянных строений. Располагались они на ровных и зеленых улицах. Дома в основном одноэтажные под тесовыми крышами, но несколько старых купеческих построек стояли под железной кровлей. Это «Белая» школа, принадлежавшая когда-то богатому торговцу Тетюцкому, «красная» школа Клепиковых, да в придачу к ним амбулатория, почта, церковная сторожка, военкомат. Вот, пожалуй, и все.

Самым высоким зданием считалась пожарная каланча. С верхней ее площадки просматривалось все село. Двухэтажных домов было не больше десятка, а самым большим считалось здание районного Дома культуры, построенное в советское время на школьной площади имени Гагарина.

Магазины, склады, школы, больница, учреждения располагались в деревянных домах. Каменных или кирпичных не было ни одного.

Дом сургутянина - это целая усадьба со всеми жизненно важными объектами. На дворе амбар или два, завозня, баня, стойки для скота, пригон или загородь. Под крышей погреб со льдом или снегом, который не таял все лето. Там хозяева хранили свежую рыбу, молоко, мясо, другие продукты. О холодильниках тогда представления не имели.

В огороде - глубокая яма, обрамленная срубом из нетолстых бревен. Там сохраняли картофель, овощи. Хранилище плотно закрывали, иногда на него сметывали сено, оставляли лишь небольшую отдушину для притока свежего воздуха. Открывали в марте или апреле, семенной картофель доставали в мае и до посадки проращивали его в теплом месте, чаще прямо в избе. В глубине огорода располагались помойная яма и туалет, сколоченный из досок.

Дом окружал палисадник из штакетника, а позднее предприимчивые хозяева находили для этой цели вольерную сетку. Под окнами росли березки, рябины, черемухи, шиповник, цветы.

Радовали глаз резные ворота. Окна закрывались ставнями, обычно на ночь и в непогоду. Ворота открывали редко, только когда надо было завезти какой-либо груз на лошадах, а постоянно ходили через калитку. В ограде - поленницы дров, рядом навес, где лежала разная утварь, сохли сети и невода, а весной вялилась рыба. Тут же стояли лопаты, метлы, грабли, на большом гвозде висело коромысло. Чуть поодаль - собачья конура с Бобиком или Пальмой.

Перед входом в дом - крылечко, сени, бывали они тесовые или бревенчатые, совсем небольшие и просторные. В них кладовка, или чулан (по-разному называли). А там полки с кастрюлями, крынками и корчагами, бочки и кадки, лари или просто ящики: все это с запасами продуктов. Из кладовки - лаз на вышку (чердак). Там обычно сушили белье и складывали разные старые вещи, которые уже никому не были нужны, но и выбрасывать было жалко. Валялись там старые самовары, прохуdivшиеся чайники, вкопец изношенные бродни, рваные калоши, драные фуфайки. В летнюю пору на вышке натягивали полога, в них спали подростки и взрослые.

Войдем в такой сибирский дом. Белесые клубы морозного воздуха опережают нас и наполняют жилище зимней свежестью. Рыжий кот, дремавший у входа, поднялся и лениво отправился на свою лежанку. Небольшая прихожая с вешалками для верхней одежды, со скамейкой, под которой лежит кожаная обувь. Справа дверь, за ней кухня, где стоят крашенные в темно-желтый цвет лавки, стол под клеенкой, самовар, у стены - бочка с водой, в углу - рукомойник. К стене прибит шкаф с посудой. Большая русская печь с камином. На печи сохнут валенки и сосновые поленья на лучину, лежат шубы, стоит фляга. Что в ней, мы пока не знаем. У печи и под нею - ухват, лопата, сковородник, помело, другие принадлежности, на виду - противни, сковороды, чугуны и жаровни.

В середине минувшего века и раньше во всех сургутских домах было печное отопление, которое согревало в любую стужу. Но от печей порой исходили и несчастья. На протяжении всей сургутской истории отмечены пожары, дотла уничтожавшие жилые постройки, бани; горели также стойки, амбары, завозни, а во второй половине XIX века Сургут выгорел почти полностью.

Но вернемся в наш дом. Из кухни можно пройти в небольшую комнату - это хозяйская спальня. В ней деревянная кровать, уже основательно расшатанная, рядом комод, стул и опять лавка. На кровати перины, покрытая простыней с кружевами, подушки с наволочками в горошек, ватное одеяло. Окна прикрыты ставнями. На улице ветер, а ставень защищает спальню от сквозняков и холода.

Из прихожей можно пройти в горницу, или, как ее теперь называют, «залу». Здесь все нарядно и празднично. Пол только что вымыт и застлан половиками. В левом углу божница, на ней иконы и распятие Христа. За иконами хозяева хранят самое ценное -

*Двор крестьянской усадьбы села Ларьяк Сургутского уезда.
Фото Г.Дмитриева-Садовникова. 1912.*

небольшие запасы денег, золотые украшения, семейные реликвии. Там же евангелие, свечи, которые зажигают по большим праздникам.

В простенке портрет Сталина. На стенах рамки с фотографиями под стеклом. На снимках - родители и деды, ушедшие в мир иной, хозяева с детьми, друзья, соседи, погибшие на войне родственники. Над рамками - черная тарелка репродуктора. Каждое утро из него доносилась торжественная мелодия гимна Советского Союза.

В углу у двух окон кросна (домашний ткацкий станок). Уже натянута основа, подготовлены клубки с ветошью. Вдоль стен широкие лавки. На них можно полежать, отдохнуть после трудов праведных. Посередине большой стол, над ним прикрепленная к потолку керосиновая лампа-молния с абажуром. Ее зажигают по праздникам, а в будние дни освещаются ю-линейными переносными лампами. Керосин для них запасен с осени и теперь хранится в жестяном бидоне в холодном амбаре.

В горнице прохладно, «голландку», обтянутую листовым железом и покрытую черным лаком, еще не топили, но дрова уже занесли. Надо только открыть выюшку, поленья сложить в тонку, подложить лучину или бересту, зажечь спичку, и загудит «голландка», наполняя избу теплом.

Часть горницы отгорожена казенкой. За ней тоже кровать. Там спят молодые. Посторонним туда ходить нельзя, даже дверной проем закрыт плотными шторами. Ничего не видно, но слышимость отличная. Теперь до нас доносится чье-то прерывистое дыхание, похоже, что за казенкой свершается великое таинство горячей любви.

Мы осмотрели почти всю избу. Возвращаемся на кухню. Гостеприимный хозяин поднимается на печку к той самой фляге, которую мы заметили при входе. Открывает ее и наливает в кринку желтоватую жидкость. Знакомый дух тотчас смешивается с за-

пахами свежего хлеба и рыбного пирога, только что вынутого из русской печки. Брага, традиционный сургутский напиток, сразу же поднимает настроение, вызывает желание закусить не только пирогом, но и патанкой из свежемороженой щуки, расколотой обухом топора на пороге избы.

Хороший получился обед! Назавтра нам рассказывали, будто у той самой фляги мы и ужинали. Но этого никто не помнит.

Конечно, не во всех сургутских домах были горницы и спальни. Многие жили скромнее, все в одной комнате, спали кто на полу, кто на топчане или на полотах, а старики обычно грели свои кости на печке. Небеленый дощатый потолок мыли раза два в год, обычно к 1 Мая да к 7 Ноября. Некрашенный пол по субботам скоблили специальным ножом, отмывали вехтем. Иногда для чистки пола использовали щелок.

В каждой избе был подпол, подполье. «Ходили» туда обычно из кухни или прихожей. В сусеках да ларях подпола хранились запасы картошки, овощей, на полках стояли кринки и банки с молоком, сметаной, маслом, другие продукты.

Неразлучные спутники сургутских домов - тараканы. Огромное скопище их собиралось за печкой, под шестком, в углах за занавесками, в щелях заборов и той самой казенки, за которой спали молодые. Химических средств защиты от надоедливых насекомых тогда не было. Потому единственным способом избавиться от них был холод. Когда на улице под сорок, хозяева настезь открывали дверь, выставляли окна, сами уходили к друзьям, а господин дедушка мороз запросто расправлялся со своими жертвами.

Клопов, напротив, ошпаривали кипятком, места их обитания, обычно в кроватях, смазывали керосином, разными ядами. Говорят, что кусучие твари боялись рыбьего жира. Водились у сургутов и вши, особенно в годы бедствий и войн. Из головы их вычесывали гребнем, из белья выводили кипятком, горячим утюгом, существовали и другие способы их уничтожения. Часто «искались». Мать усаживала дочь или сына рядышком, ложила его голову на свои колени и прядь за прядью тунным ножом разбирала волосы. Ни один паразит не спрячется. «Искались» также подруги, муж с женой, соседи. Свои жилища сургутяне берегли и содержали их всегда в опрятном виде. Зимой к дому вели расчищенные от снега дорожки, летом вокруг усадьбы все убрали под метелку. У ворот - скамейка, где хозяева частенько отдыхали да любовались красотами своей улицы, родного села. У домов вечерами собиралась молодежь. Помните хорошую песенку про завалинку? Это про сургутских парней да девушек.

Одевались сургутяне не роскошно, но всегда чисто и опрятно. Обычный костюм с ботинками или хромовыми сапогами, начищенными до зеркального блеска, рубашка-косоворотка, сорочки с галстуками одевали редко, шляпы почти никто не носил. Зимой - кожаные шапки, отделанные каракулем, суконные полупальто, которые называли «москвичками». Все имели ватные фуфайки и такие же брюки. В них ходили и в кино, и на работу. Всегда в моде были овчинные полушубки, шубы, тулупы, валенки, погавицы, бродни. Лапти не носили, да и плести их не умели.

Женщины и девушки любили пуховые полушалки, шали, платки. Шапки, даже из меха соболя или черно-серебристой лисички, не носили, хотя мехов было всегда много. Зато каждая модница имела выходные туфельки. Стояли такие лакированные «лодочки» на высоком каблучке как украшение в переднем углу горницы, на самом видном месте. Хозяйка берегла их как свое счастье. А как нарядится в свое ситцевое расклевашенное платье, наденет те туфельки да выйдет на бережок - глаз от нее не оторвешь, залюбуешься ее станом и походкой. Не зря о сибирских красавицах сложено так много песен, а о беззаветной любви их, пронесенной по жизни, написаны книги.

Все здесь, в древнем городе, история. Самыми древними занятиями местных жителей считаются рыбная ловля, охота на пушных зверей и дичь. Почти 150 лет назад сдела-

ны первые опыты хлебопашества и огородничества. С давних пор сургутяне держали лошадей, коров, иногда заводили свиней и овец; они занимались выделкой кож и шкур, заготовкой кедрового ореха, ягод, грибов, пошивом обуви и одежды, кузнечным делом, держали много собак для охоты и езды.

Много хлопот доставляло домашнее хозяйство. Уже в конце марта, весь апрель и начало мая местные жители заготавливали дрова на предстоящую зиму. Лесосеки отводились за Саймой, за Оленьим болотом, по Кушниковой или Грязной дорогам. На работу уходили рано утром и целыми семьями. Весь день тогда в лесу звенели пилы да слышался перестук топоров. Сваленные деревья разделяли на чурки, кололи их, складывали в поленницы и на месте заготовки оставляли до осени, до первого снега, а затем вывозили на лошадях. Каждая семья обычно ставила по 25-30 кубометров дров, а при ручном труде это сделать нелегко, и требовалось немало времени.

Весной заготавливали и строевой лес. Его шкурили и укладывали в штабеля на просушку. Плавной лес сургутяне не любили, и в дело он шел мало, разве что опять-таки в печку. Промокшая древесина нестойка, быстро гниет, а многие сургутские дома стояли по 20-100 и более лет.

Огородничество, содержание домашних животных также требовали немалого труда и забот. Надо было вовремя вскопать огород, сделать грядки, посадить картофель, разную мелочь. Огуречные гряды делали из навоза. Рассаду и молодые растения на ночь обычно закрывали зимними оконными рамами, которые выставляли в избе с наступлением теплых дней.

Позднее, когда в Сургут стали завозить достаточное количество стекла, стали делать небольшие теплицы, где выращивали помидоры, другие теплолюбивые культуры.

Весной же, когда растает снег и станет пробиваться наружу молодая трава, весь домашний скот - коров, телят, лошадей - переводили на подножный корм. Большие стада паслись на пастбищах за Бардаковкой и за Саймой (на поскотине). Каждое утро, часов в пять или раньше, хозяйки на лодках переправлялись на тот берег и доили своих буренок, а затем возвращались домой с песнями и полными ведрами парного молока.

Но случалось, и не раз, когда коровушка в поисках сочного корма забредет за Гусиный остров или дальше, тогда на поиски животного и дойку уходило много времени. Блудливым коровам вешали на шею ботало - колокольчик, по которому легче определить местонахождение скотины.

Летом, обычно в июле и августе, наступала пора сенокоса. И этой важной работой занимались все, от мала до велика. Взрослые косили траву литовками, подростки работали деревянными граблями, ребяташки семи-десяти лет возили копны на лошадях. Самые сильные мужики и бабы метали сено в большие стога.

Корма для домашнего скота обычно заготавливали за Обью, где простиралась неоглядные луга с разнотравьем пырея и осоки. Там в шалашах и жили, иногда по целой неделе. Питались продуктами из дома, а на озерах, которых там очень много, ставили сети, ловили карасей и гальянов. Хорошая получалась уха!

Ребятам 10-15 лет на покосе поручали очень важное дело - ночную пастьбу коней. Вночное обычно ходили группами по три-пять человек. Засветло ребята треножили лошадей специальными веревочными путами (обычно связывали обе передние ноги) и отпускали их на волю, а сами запасали как можно больше валежника и, когда стемнеет, разжигали огромный костер. Пламя его до неба, а искры до самых звезд и еще выше. Ночью меняется все: кочка или коряга кажутся огромными хищными зверями, кусты превращаются в большие деревья, а те же лошади, приблизившись к костру, похожи на доисторических мамонтов, гигантских ящеров, земноводных и пресмыкающихся. Страшно, мурашки бегает по коже. Но детское время, проведенное в ночном,

как и вся деревенская жизнь, остается в памяти навсегда.

Коротка летняя ночь. С рассветом все становится на свои места, догорает костер, и первые лучи солнышка озаряют луга. Мальчишки ловят своих коней, освобождают их от пут и едут к стану, где ласковая и добрая мать приготовила для них вкусный завтрак. Сенокосная страда и варовая путина часто совпадали по времени. И когда так случалось, улицы Сургута и дома пустыни. Весь народ на работе. Летние денечки пролетали быстро, а сделать надо было много, потому все спешили, без дела никто не сидел. Заканчивался сенокос, и наступало время созревания ягод. Сначала подходила морошка, затем черника с голубикой, а потом брусника да клюква. Одновременно поспевали кедровые орехи. Все эти так называемые дикоросы собирали и запасали впрок местные жители. Ягоды росли в сосновом лесу за Саймой, в бору за районной больницей, на Оленьем и Кокорином болотах. За брусничкой ходили на Марьину гору, на Силинский остров. За шишками ездили по рекам Кривой и Сургутке. Там, за Обью, были неплохие кедровники, и в урожайные годы шишкарки привозили оттуда полные лодки орехов, излишки которых сдавали в кооперацию, получая за это приличные деньги.

Самым древним транспортом в крае считается водный. На стругах приплыли сюда первые русские люди, основатели города. В 1657 году сургутяне купили два судна у томского строителя Петра Терентьева, а потом сами научились их строить.

Ездили в огромных неводниках на шесть или восемь гребцов, в бударках, иногда под парусом, в небольших лодках или юрких обласах.

После создания паровых машин и строительства больших пароходов вблизи Сургута, а точнее на Белом Яру, оборудовали специальную пристань. К началу XX века там были купеческие и казенные амбары и четыре жилых дома.

В 1879 году открыли метеорологическую станцию, а в 1893 году - водомерный пост. В 1900 году на пристань протянули семикилометровую телефонную линию. Это был первый сургутский телефон. На пристань была проложена грунтовая дорога.

Во время навигации к пристани «Белый Яр» причаливали пароходы, курсирующие от Тюмени до Барнаула и Томска. Они привозили в Сургут и увозили отсюда различные грузы, почту, редких пассажиров.

Здесь отбывали наказания декабристы, народники, демократы, разные социалисты, откровенно критиковавшие самодержавие, вступившие на путь открытой борьбы с существовавшим тогда режимом. Среди множества ссыльных в сургутской неволе жили С.П. Швецов, И.Я. Неклепаев. Они написали хорошие очерки о городе, о нашем крае, которые и сейчас читаются с большим интересом.

Пароходами приезжали сюда ученые - этнографы, историки, экономисты из европейских и российских городов. Их заметки, статьи можно было встретить в журналах и газетах далекого прошлого.

20 июля 1891 года на Белоярской пристани останавливался будущий царь - 23-летний Николай Романов, совершавший поездку по Сибири и Дальнему Востоку.

Белоярская пристань перестала существовать в конце 20-х годов XX столетия.

В 30-ые годы в районе появились первые самоходные суда. На них возили почту, различные грузы, позднее стали приобретать катера для рыбного промысла, лесосплава, для перевозки товаров, продуктов, оборудования по малым рекам района. Во второй половине 50-х годов наиболее состоятельные сургутяне стали покупать подвесные лодочные моторы. Одним из первых у нас появился мотор «Москва», имевший 8 или 10 лошадиных сил, затем «Стрела», были и 3-сильные бензиновые двигатели, которые подвешивали на небольшие лодочки. Уважением рыбаков и охотников пользовались стационарные моторы Л-6, Л-3 и так называемые «рви сапог».

Зимой, когда мороз всюду создавал свой природный «асфальт», строил мосты через

*Часовня в селе Ларьяк Сургутского уезда.
Фото Г.Дмитрисва-Сидовникова. Начало XX века.*

реки и озера, широко применялся гужевой транспорт. На лошадях можно было уехать вплоть до Ханты-Мансийска и Тобольска и на восток, до Томска и Новосибирска, а обозы с рыбой и пушниной ходили до Тюмени и Ирбита.

Популярностью пользовалась так называемая «веревочка». Это когда едешь на перекладных, сменяемых на постоянных дворах конях. Зимняя поездка в экипаже с хорошей лошастью, с колокольчиком под дугой полна романтики и воспета многими поколениями россиян, особенно сибиряков.

Всякое случалось в дороге: попадали в слепую метель, в наледь на реке, во внезапно нахлынувший холод с северным ветерком. Не дай Бог, когда в пути, да на сорокаградусном морозе, сломается оглобля или порвется завертка. Хватишь горя. Случалось, что возчик или пассажир не возвращались в родную деревню.

Но все равно «веревочка» осталась в памяти сургутян навсегда. Бывало, приедешь на постоянный двор, а там тепло, топится железная печка- «буржуйка», большой стол готов принять любого гостя. На видном месте висит «меню» для лошади и постояльца, в котором расписано все: 10 кг сена стоили 1 рубль, пудовка овса - 3 руб. 50 коп., десяток пельменей - 1 руб. 50 коп., 100 граммов спирта - 1 руб. 35 коп., ночлег на полу - 50 коп., на нарах - 75 коп. Кое-где на постоянных дворах в отдельной комнате стояли кровати, там ночевка стоила дороже. Отдыхали также на полотах, на русской печи.

«Веревочка» «ходила» в основном по приобским селам и деревням, а в сторону Тром-Агана, Варь-Егана, Пима обычно ездили на оленях, до Угута чаще всего добирались на своих или колхозных лошадях, притом обязательно брали с собой сено и мешок овса. В той стороне населенные пункты были очень редкими.

В отпуску тогда, в середине минувшего столетия, ездили мало. Далеко не просто было выбраться из Сургута. Самолеты почти не летали, о железной дороге и представления не имели, а пароходом -долго. Пока плывешь до Томска или Тюмени, половина отпуска пройдет. Только на девятый день по Оби и Иртышу можно было добраться до Омска. К тому же отпуска в те годы у местных жителей были короткие - по 12 или 18 суток. А в зимнюю пору из Сургута за пределы района или округа выбраться было почти невозможно.

Глубокие корни имеет у нас торговля. В 1790 году в Сургуте было пять человек, входивших в местное купеческое общество. Они вели торговлю в своих домах «разным мелочным товаром», привезенным из Тобольска и Ирбита. На Ирбитскую ярмарку и в Тобольск сургутские купцы возили на продажу пушнины «каждый раз на сумму 5175 рублей». Много это или мало, судите сами: тысяча белок стоила на ярмарке до трех рублей, а медвежья шкура - 1 рубль 50 копеек.

К концу XVIII века относится возникновение в Сургуте ежегодных ярмарок. Крупными торговыми центрами стали селения Юган и Ларьяк. Сургутская ярмарка всегда была шумной и богатой, в отдельные годы на ней продавалось товаров на 50 тысяч рублей серебром. В обмен на пушнину и рыбу шли мука, печеный хлеб, сухари, табак, сукно, холст, гарусные пояски, бисер, платки, а также капканы, топоры, ножи, пещни, пилы, медные и железные котлы, кружки и прочее.

В 1938 году в Сургуте впервые показали звуковое кино, и оно быстро вошло в культурный быт населения. В районном клубе и клубе рыбаков работали кружки художественной самодеятельности. Местные артисты ставили пьесы Островского и Чехова, распевали хорошие песни, танцевали под струнные оркестры, баяны, гармошки. Очень любили духовой оркестр, который в погожие летние дни часто играл на улицах села.

А праздники песен! Разве можно их забыть! Они проводились ежегодно во второе или третье воскресенье июня. На большой, залитой солнцем поляне, в сосновом лесу за больницей, на берегу речушки Боровой устраивали сцену, мастерили торговые ряды с буфетами, вкусной стряпней и пирогами, с чаем, квасом и медком. И пели. Хор в сто и больше голосов исполнял песни о Родине, о родном крае, о любви и детях. Пели о партии коммунистов, о Ленине и Сталине, о Красной Армии.

Зимой устраивали катушки, ледяные карусели, лыжные гонки, весело встречали Новый год, Святки, Масленицу. Частенько по заснеженным улицам парни катали своих возлюбленных на горячих лошадях.

Всегда торжественно и всенародно отмечались праздники 7 Ноября, 1 и 9 Мая, 8 Марта, 23 Февраля. В клубах проходили собрания рабочих, колхозников, рыбаков, служащих, комсомольцев и молодежи, концерты. Как всеобщие торжества проводили выборы депутатов трудящихся в верховные и местные советы. На избирательные участки, которых обычно создавали два (один в Сургуте, другой на Черном Мысу), приходили все, кто имел право голоса. Стопроцентная явка избирателей всегда была в селах и деревнях Сургутского района. Организаторами всех этих мероприятий выступали райком партии и райисполком.

Жили сургутяне дружно, не таясь, не прятались друг от друга. Замков на входные двери не вешали. Просто приткнул ее лопатой или метлой, чтобы собака или теленок не забралась, а сами уходят куда надо. Воровство хотя и случалось иногда, но не из дома. Бывало, утащат дрова или чужого сенца на сору прихватят, а то на угодье соседскую сеть снимут. Но подобные выходки бывали редко. А если случится у кого-то беда, на помощь придут друзья и соседи, все односельчане. Разделят горе великое - и опять за работу, на свое и общее благо.

Печатается по изданию: Иван Захаров. Старожилы. -Сургут, ОАО «Сургутнефтегаз», РИИЦ «Нефть Приобья», 2001

*Церковь в селе Ларьяк Сургутского уезда.
Фото Г. Дмитриева-Сидовникова. Начало XX века.*

В начале века в Сургуте насчитывался какой-то десяток улиц и переулков общей протяженностью немногим более семи километров. Вот как назывались наши улицы столет назад: Николаевская, Казачья, Святой Троицы, Мещанская, Богородицкая, Купеческая, Набережная, Кладбищенская. После установления советской власти все они были переименованы.

Тогда и в последующие годы на карте Сургута появились улицы Свободы, Красных партизан, Ленина, Революционная, Народная, Красноармейская, Просвещения, Советская. Февральская революция 1917 года промелькнула в названиях таких сургутских улиц, как Февральская и Мартовская (вначале и сама революция называлась февральско-мартовской). Позднее эти улицы также переименовали, одна стала имени Зырянова (Антонин Петрович Зырянов - один из основателей Сургутской организации большевиков, убит в 1921 году), другая - имени Кайдалова (Иван Матвеевич Кайдалов, первый председатель Сургутского комитета комсомола, расстрелян в 1921 году). Сейчас этих улиц в городе нет.

С 1961 года, после полета в космос Юрия Алексеевича Гагарина, у нас появилась улица его имени (переименовали улицу Набережную). Позднее на Черном Мысу одну из улиц назвали именем Валентины Терешковой.

Сейчас в Сургуте около сотни улиц, велика их протяженность, разнообразнейшие у них названия - от Медвежьего угла до... бульвара Писателей. Похоже, за городской топонимикой никто не следит. Но есть среди разных улиц названия, которые по-особому дороги сердцу старого сургутянина.

Улица Бахилова. Здесь оставлено на память потомкам имя замечательного человека, Героя Социалистического Труда, партийного руководителя, работавшего в Сургуте в самые трудные годы его становления. С 1959 и по 1970 год Василий Васильевич Бахи-

лов был первым секретарем райкома и горкома КПСС.

Улица Щепёткина. Названа именем Михаила Щепёткина - одного из первых комсомольцев Сургута, погибшего в Великую Отечественную войну под Сталинградом.

Улица Фёдорова. Виктор Петрович Фёдоров был главным геофизиком Сургутской нефтеразведочной экспедиции. Участник Великой Отечественной войны, лауреат Сталинской премии.

Улица Мелик-Карамова. Николай Борисович Мелик-Карамов - буровой мастер Усть-Балыкской, Сургутской нефтеразведочных экспедиций, открывший со своей бригадой не одно месторождение нефти. Герой Социалистического Труда.

Улица Кукуевецкого. Григорий Михайлович Кукуевецкий работал заместителем генерального директора объединения «Сургутнефтегаз». Велик его личный вклад в развитие города, в строительство жилых домов, школ, других объектов различного назначения.

Проезд Мунарева. Проезд с таким названием появился недавно в восточной части города. Назван в память о бывшем председателе горисполкома и первом председателе общества «Старожилы Сургута» Петре Александровиче Мунареве.

Улица Безверхова. Сергей Николаевич Безверхов - первый сургутский альпинист, организатор клуба местных альпинистов. С группой сургутских спортсменов поднимался на самые высокие вершины Памира и Кавказа, побывал почти на всех семитысячниках, оставил там памятные знаки, таблички о нашем городе, о заслугах нефтяников и геологов. Много работал с молодежью. Погиб в горах. Похоронен в Сургуте.

Улица Каролинского. Иосиф Наумович Каролинский внес огромный личный вклад в строительство Сургутских ГРЭС, микрорайона энергетиков и города в целом, активно участвовал в общественной жизни города, округа и области. Награжден орденами и медалями.

Улица Киртбая. Игорь Алексеевич Киртбая - организатор энергетического строительства в Сургутском районе. Возглавляемые им механизированная колонна, затем трест «Запсибэлектросетьстрой» проложили по сибирским просторам сотни километров линий электропередачи, построили уникальный переход через Обь ЛЭП-500 Сургут - Тюмень в районе деревни Сайгатино. Лауреат многих премий и наград.

Но давайте вспомним и коротко расскажем об улицах старого Сургута, которых теперь нет, но которые всё же остались в памяти старожилов.

Сама природа подарила Сургуту Барскую гору. Красивейшее было место. Взойдешь на нее и открывается взору величественная панорама могучей сибирской реки. Необъятные заливные дуга и поймы, протоки и истоки, ямы и острова далеко-далеко за Обью обрамляются лесистой возвышенностью - Полуденной горой, тянувшейся узкой полосой на многие сотни километров, вплоть до Самарово - Ханты-Мансийска.

Летописи свидетельствуют, что именно с Барской горы начинался наш Сургут. Сюда летом 1593 года причалили первые струги московских князей, воевод Матвея Львова и Михайлы Волконского. Сибирские первопроходцы, заложившие на самой восточной окраине государства российского новый форпост, совершили свой великий подвиг, оставшийся навсегда в истории. Они одолели упрямство местного князька Бардака, который никак не хотел пускать в свои владения пришельцев, срубили первые жилища на русский манер, а потом, вернувшись в первопрестольную, убедили царя Федора Иоанновича и фактического правителя России Бориса Годунова в необходимости «ставить город в Сургуте».

Спустя многие десятилетия с Барской горы и брали начало первые улицы Сургута. Одна из них - улица Святой Троицы, которую в народе называли просто - улица Троицы. Названа она в честь Троицкого собора, который был построен более двухсот лет назад на восточном склоне Барской горы и виден был на многие версты вокруг.

Собор украшал город своим нарядным видом, белизной стен и башен, золотом купо-

лов и крестов. В нем проходили службы, отмечали праздники, совершали таинства человеческого бытия. Там же, в церкви, в 1879 году первый сургутский геодезист Мирошниченко определил координаты местонахождения нашего города для карты Российской империи.

Долго простоял Троицкий собор на Барской горе, но в конце концов и он состарился. Исследователь нашего края народник Сергей Порфирьевич Швецов отмечал в своем сургутском очерке: «Почти над обрывом прилепилась бедная и ветхая, немного покосившаяся церковь».

Впоследствии местные жители разобрали собор по кирпичику - на кладку печей и каминов.

В начале двадцатых годов у нас, как и по всей стране, начался ажиотаж переименований. Не стало Богородиценовской, Мещанской, Купеческой, Казачьей, Николаевской. А улица Святой Троицы стала называться именем Ленина.

Много примечательных мест и немало событий связано с этой улицей за годы советской власти. Вот что писал в 1974 году мой товарищ, талантливый журналист Николай Иванович Ездаков: «Дом номер пять. Здесь проживал несколько десятилетий учитель Аркадий Степанович Знаменский, давший многим сургутянам путевку в большую жизнь». Напротив его дома - широкоэкранный кинотеатр «Октябрь». На фасаде его - мемориальная доска, память о декабристе, полковнике Василии Карловиче Тизенгаузене, который в 1825 году осмелился выступить против царского самодержавия, а затем отбывал ссылку в нашем городе.

К улице Ленина примыкала площадь Красных партизан, где стоит небольшой обелиск памяти героям, павшим в 1921 году, во время кулацко-эсеровского мятежа. 8 сентября 1968 года, в День танкистов, торжественно открыли мемориальное сооружение в память сургутян, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. На плитах мемориала - более тысячи фамилий. Неузнаваемой теперь стала старая площадь.

В давние времена на улице Ленина жили семьи сургутских старожилов Тимофеевых, Тарасовых, Перфильевых, сыльных поляков, Казарцевых. На этой же улице в 1930 году, к 13-й годовщине Октября, заработал первый громкоговоритель местного радиопузла. Его смонтировала группа комсомольцев, которую возглавлял Василий Захарович Уженцев, ветеран связи.

Теперь нет Барской горы. На ее месте вырыли огромную яму, в которой разместили овощехранилище. Не течет больше речка под горой, ее засыпали песком и щебнем, а поверх поставили гаражи. Давно уже снесен сургутский клуб, в котором еще в 1938 году впервые показали звуковое кино, разобрали кинотеатр «Октябрь», ушли под бульдозер да на костер все без исключения жилые дома.

Именем Ленина теперь называется проспект, который пролегает совсем в другом месте, прихватив солидный участок Оленьего болота, перерезав старые сургутские дороги и тропы, ведущие к реке Черной, где в изобилии были ягоды и грибы, кедровые орехи и боровая дичь, рыба и пушные звери.

Люблю бродить по землям старого Сургута. Деревянных домов почти не осталось, а сохранившие свои очертания проулки, палисадники, огороды давно уже заросли лебедой, чертополохом и разной сорной травой. Но все равно каждый раз, когда бываю на бывшей улице Советской, память воскрешает молодость и события давно минувших дней.

Вот стоим мы с Борисом Андреевичем Проводниковым у развалин здания бывшего народного суда. От двухэтажной постройки осталось лишь несколько нижних венцов. Огромные кучи мусора, а у бывших резных ворот и расписной калитки чудом сохранился куст калины. Красные ягоды, как капельки крови погибшего друга, застыли на холодном ветру.

Рядом - парткабинет, напротив - «красная школа». Теперь оба здания - это наш музей. В одном - экспонаты, а в другом - запасник, несколько комнат в нем занимает администрация очень уважаемого нами учреждения.

Когда-то в глубокой давности дома эти принадлежали купцам Клепиковым. Их было пять братьев: Галактион, Павел, Алексей, Александр и Иван. У каждого свой двор и дом. И почти все они стояли на одной улице. Но со временем одни сгорели, другие разрушились. А эти два дома стоят и поныне, хотя и в них не раз бушевали пожары.

Рядом с «красной» была «белая школа». Дом другого сургутского купца - Ивана Ивановича Тетюцкого - простоял под кронами берез и огромных тополей сто лет. Он мог бы и теперь служить городу верой и правдой, но сожгли его злые люди ночью 6 мая 1990 года. Это был страшный пожар. Пламя бушевало при северном ветре, огонь плавил оконные стекла, рвал железную кровлю, ломал стропила, в мгновение ока узорчатые карнизы и наличники обугливались и превращались в пепел. Мало что удалось спасти. Теперь лишь отдельные детали красивейшего здания изредка можно встретить в интерьере дачных домиков предприимчивых сургутов.

Улица Советская пересекала весь городской полуостров с юго-запада на северо-восток. А начиналась она магазинами от берега Бардаковки и заканчивалась жилыми домами у самой кромки Саймы. Любили сургутяне эту улицу. В погожие дни и вечера близ речек всегда гуляли влюбленные парочки, ранней весной на Бардаковке шел активный подледный промысел рыбы, сетями ловили мохтиков и сорог. Позднее, когда лед исчезал под лучами весеннего солнышка, к берегу причаливали пароходы и катера. Одно время на естественной набережной в начале улицы располагался веселый сургутский рынок. А в магазинах полки ломались от осетров, муксунов, нельм, щуки и другой сибирской рыбы, по два рубля за килограмм продавали говядину и свинину. В избытке были водка, вино, разные закуски...

Более полусотни добротных домов стояли на улице Советской. У каждого - палисадник с черемухой, рябиной и цветами, у каждого - огород с картошкой-морковкой, огурцами и помидорами.

В начале улицы в добротном двухэтажном доме располагалась контора колхоза «Красный северянин». Рядом стояли скотные дворы и хозяйственные постройки. Судьбы многих людей связаны с первым сургутским коллективным хозяйством, созданным в начале тридцатых годов. Председателем колхоза много лет работал Георгий Гаврилович Кушников, награжденный впоследствии орденом Ленина и удостоенный звания «Почетный гражданин города Сургута».

На этой же улице начала свой путь городская служба газового хозяйства - наш знаменитый Горгаз.

Дом под номером 22 мы называли райкомовским. Это была большая крестьянская изба-пятистенка, а жили в ней секретари райкома партии со своими семьями: Виктор Гаврилович Бахмат, позднее Василий Васильевич Бахлов, а в последнее время Петр Александрович Мунарев. При доме был и конный двор с райкомовскими лошадьми, баня, огород, сарай, разные хозяйственные постройки.

Улица, о которой мы сегодня вспоминаем, была проложена в сосновом лесу очень давно, никто теперь не скажет когда - два или три столетия назад. Естественно, на ней проживало много коренных жителей Сургута. Кондаковы, Кайдаловы, Щепеткины, Тверетины - такие фамилии носили казаки, основавшие наш город четыреста лет назад. Потомки их и поныне живут и работают среди нас. Изредка они собираются вместе в обществе старожилов Сургута. Из окон комнаты, где до недавнего времени работало это общество, просматривается небольшой кусочек улицы Советской, единственный жилой дом остался теперь на ней - дом № 6.

Самой большой по протяженности в Сургуте считалась улица Просвещения (прежнее

название - Казачья). Она начиналась от картофельного поля на северо-западе и заканчивалась на юго-востоке у берега Саймы, в том самом месте, где в давние годы стояли казенные хлебные амбары. К ним каждую весну причаливали пароходы с продовольствием на предстоящую зиму.

Много событий поистине исторического значения связано с этой улицей. Здесь, в народном доме, 16 апреля 1918 года была провозглашена советская власть, которая успешно работала в нашем городе почти 75 лет.

Теперь нет советской власти. В столице ее расстреляли из танковых пушек, а в Сургуте тихонько распустили. Давно нет и того дома, где она была когда-то провозглашена. Лишь белые березы, посаженные много лет назад, напоминали о том памятном событии. Но и их выкорчевали, построив на этом месте гаражи.

На улице Просвещения много лет работал райком партии, а рядом, в двухэтажном доме, построенном в начале 30-х годов леспромхозом, размещался исполком районного совета депутатов трудящихся. В памяти людей остался труд председателя райисполкома Леонида Ивановича Михайлова, Виктора Захаровича Хуланхова и незабвенной Антонины Георгиевны Григорьевой. Многие сургутяне знают этих людей и хорошо о них отзываются.

У райисполкомовского дома в дни наших революционных праздников - 1 мая, 7 ноября - проходили митинги и общенародные сборы. С балкона второго этажа выступали ораторы, приветствуя своих земляков. Самым многочисленным был, конечно, митинг 9 мая 1945 года в день Победы советского народа в Великой Отечественной войне. На него пришли все от мала до велика. Выступали фронтовики, вернувшиеся с полей сражений, матери погибших, молодые ребята, собирающиеся на военную службу. Запомнился также траурный митинг сургутян 9 марта 1953 года в день похорон И.В. Сталина. Это было поистине великое прощание с человеком, стоявшим во главе партии и государства больше 30 лет. И каких лет!

Улица Просвещения названа так не случайно. На ней работали отделы народного образования, культуры, здравоохранения, социального обеспечения, редакция районной газеты, типография, детские учреждения. Да и «белая» и «красная» школы стояли на углу улиц Советской и Просвещения. Так что в домах этой улицы зрели добрые семьи, которые потом дали прекрасные и яркие всходы. Среди выпускников сургутских школ - ученые, инженеры, художники, известные в России люди.

Целое землячество бывших сургутян работает в Санкт-Петербурге. В юбилейный для Сургута год 400-летия доктор биологических наук Юрий Конев напечатал в районной газете «Вестник» свои интересные воспоминания, а почетный полярник Геннадий Бардин подарил нам хорошую книгу «От Чукотки до Антарктиды». В ней много теплых слов о нашем городе.

Любили сургутяне свое село, улицы, дома. Улица Просвещения, как и все другие, радовала глаз в любое время года. Почти у каждого дома росли деревья, кустарники. Весной расцветала черемуха, распускал свои яркие лепестки шиповник. А зимой! Резные наличники, ограды, деревья - все в серебре. Но пролетит по улице ветер, унесет пгольчатый иней да снег, и вновь предстают взору нарядные дома, украшенные трудом талантливых хозяев. Трещат морозы, бушуют бураны, короткие дни оттепелей вновь сменяются слепыми метелями, оставляющими огромные сугробы. Но в любую погоду, в любое время года жили и работали сургутяне с улицы Просвещения, каждый занимался своим делом.

На улице Республики, в прошлом Николаевской, свито немало родовых гнезд старых сургутских жителей. Добротные дома имели семьи Проводниковых, Туполевых, Щепеткинних, Клепиковых, Кайдаловых, Непомнящих, Буканиных, Кузнецовых, Федуловых и многих, многих других. На этой же улице располагались купеческие особняки.

В одном из них, Баскинском, в 1928 году сургутяне открыли свое первое промышленное предприятие - консервную фабрику, на которой выпускали не только рыбные консервы из осетра, муксуна, нельмы, но и закатывали в баночки мясо рябчиков, глухарей, косачей, диких гусей.

Навсегда останется в памяти дом купца Силина - красивейшее здание с резными наличниками, карнизами, стальными кружевами над парадным входом и под железной крышей. В конце 20-х и в начале 30-х годов в доме находился совет рабочих и крестьянских депутатов, а потом многие десятилетия в нем работала районная амбулатория. Развитие сургутского здравоохранения связано с тем силинским домом. Множество добрых, заботливых врачей, фельдшеров, медицинских сестер работало на ниве охраны народного здоровья, и многие люди спасены ими и возвращены к труду. Местные жители никогда не забудут своих докторов.

В центре улицы располагалось здание государственного правления - управа, а в советское время - сельский совет. Рядом - пожарная каланча. На ней многие годы бдительно несли дежурство члены пожарной команды сургутских казаков. День и ночь в любое время года зоркий глаз наблюдателя следил за родным селом. Случись беда, и частые удары колокола соберут народ на защиту своих жилищ от огня, наводнения или других стихийных бедствий. Сургутяне жили дружно, они всегда готовы были прийти на помощь друг другу. В помещении под каланчой постоянно находилась готовая к работе ручная пожарная машина, рядом, на санях или телегах, стояли бочки с водой, в стойлах - сытые лошади. Но как бы ни были бдительны и дружны горожане, огонь всё же приносил селу много бед и несчастий.

Страшный пожар на улице Республики случился в ночь на 6 апреля 1953 года - дотла сгорела средняя школа. С великим трудом удалось отстоять дома Владимира Степановича Кочеткова, Михаила Филипповича Хозяинова, другие постройки, в том числе сельский совет и саму пожарную каланчу. Сильнейший северо-западный ветер нес горящие головни до самого моста через Сайму, по дороге на Черный Мыс. Загорания были отмечены на улицах Советской, Красноармейской, Февральской, в других местах верхней части села.

На том страшном пожаре, спасая школьное имущество, погиб в огне ученик 9 класса Толя Тверетин. Хоронили его всем селом. Первое время после трагедии сургутяне высоко чтили подвиг юного земляка. Толпыным именем назывались вновь отстроенная школа, пионерская дружина. Потом все забыли.

В конце 30-х годов на улице Республики велось большое строительство. Именно тогда были построены аптека, сберкасса, универмаг, ряд других зданий, верно служивших местным жителям многие годы.

В конце улицы стоял еще один памятный для многих, в том числе и для автора этих строк, дом - контора машинно-тракторной станции.

Сельское хозяйство до нефтяной эры было одним из главных занятий населения. Посевная площадь в районе превышала 1000 гектаров. На полях колхозов выращивали картофель, овощи, зерновые культуры. МТС, имевшая в своем распоряжении тракторы, прицепные орудия, кормозаготовительную технику, активно помогала колхозам получать высокие урожаи.

На углу улиц Республики и Красных партизан работало еще одно учреждение, характеризующее экономику района тех лет, - контора Омпушиной, впоследствии Заготовживсырье. А напротив конторы стоял склад. Каких только богатств там не было: шкурки соболей, белок, горностаев, ондатр, песцов, норок, красных и черно-бурых лисич. Из урманов охотники привозили шкуры медведей, выдр, лосей, барсуков, оленей, других диких животных, обитающих в сургутской тайге. На склад Заготовживсырья поступала также боровая дичь: глухари, косачи, рябчики. Все это можно было свободно и де-

шево купить в магазинах.

На этой же улице стоял районный клуб, которым долго руководил веселый человек, остролов и заводила добрых дел Иван Андреевич Кайдалов. По вечерам в клубе устраивались танцы под гармошку, баян или струнный оркестр. В этом клубе зародился и духовой оркестр, главным дирижером которого выступал Петр Иванович Лежнев, а впоследствии Виктор Максимович Вьюшков.

На сцене клуба показывали пьесы А.Н.Островского, А.П.Чехова, Д.И.Фонвизина, других русских и советских драматургов. В почете было хоровое пение, выступали также солисты, дуэты, квартеты. Умели сургутяне хорошо отдыхать после тяжелой работы, любили русские раздольные, удалые песни, песни советских авторов, наполненные любовью к Родине, прославляющие труд, подвиг и чистые человеческие отношения.

Раньше улица Гагарина называлась Набережной. В марте 1961 года, после полета в космос первого советского человека, улицу назвали его именем. Тогда же у нас появилась школа имени Гагарина. Именем первого космонавта Земли назвали площадь, прилегающую к школе.

Улица проходила в основном по берегу Бардаковки, где стояли добротные дома старых и молодых жителей села. В самом начале улицы был пятистенный дом, построенный в начале века священнослужителем Селеховым. Вскоре после Октябрьской революции хозяин исчез, а в доме разместились телефонная станция и радиоузел.

На улице Гагарина жили трудолюбивые семьи Мунарёва, Боровикова, Филистовича, Семенова, Кольцова, Туполева, Взорова, Макарова, Лоншакова, Першина, Кайдаловых, Четветкиной, Дюндика, Шалаева, Чудинова, Логинова, Буслаевых, Королей, Ботникова, Зиновия Тверетина, Лопатина и других сургутян. Михаил Максимович Тверетин, один из жителей улицы Гагарина, был глухонемой, но этот недостаток ничуть не мешал ему трудиться на рыбалке и на охоте, в сельском хозяйстве. В годы войны Михаил Максимович работал не зная усталости, все ценил его честность, порядочность. Много добра он оставил людям.

Почти напротив бани жил Михаил Шатов. В ограде его дома на привязи обитал взрослый медведь. Непоседа все время разгуливал на цепи, собирая у ворот большие группы зевак.

В первой половине шестидесятых годов на улице Гагарина были проведены странные испытания. Пытаясь избавиться от пыли, улицу полили сырой нефтью. Думали, что смешавшись с пылью, нефть образует нечто вроде битума. Но битума не получилось, а пыли, пропитанной нефтью, стало еще больше.

И поныне одна из городских магистралей носит имя первого космонавта планеты Юрия Алексеевича Гагарина. Но это уже совсем другая улица. От старой ничего не осталось.

Улица Свободы проходила по западной окраине старого Сургута. Она брала начало от улицы Гагарина и заканчивалась на пустыре, там, где когда-то были загороды коренных жителей Сургута. Сразу же за улицей Свободы начинались поля колхоза «Красный северянин». На месте, где сейчас парадный подъезд городской мэрии, раньше стоял полевой стан. Этакая небольшая изба, окруженная бочками, плугами и ржавым железом, в самой избе обедали и отдыхали полеводы.

Улица была небольшая, без особых достопримечательностей. В конце неё в давние времена выкопали колодец, в котором была чистая питьевая вода, этим колодцем пользовалось все население.

Рядом с колодцем жила в своем «гнездышке» тетя Варя Кайдалова, милейшая женщина, тихая, спокойная труженица. Многие годы она работала техничкой в районном Доме культуры. Вырастила хороших детей, которые верно служили России.

Запомнился дом Домашовых - Андрея Федоровича и Дарьи Хрисанфовны. Старая приземистая постройка на протяжении многих лет сохраняла покой, дружбу и трудолюбие этой большой семьи. Сейчас в Сургуте живут сыновья, дочь и многие наследники этой фамилии. Они часто вспоминают старую улицу и дом, в котором росли.

На улице Свободы жили семьи Вяловых, Фоминных, Вятчинных, Федоровых, Распоповых и других сургутян. Там же когда-то обитала Елена Тихоновна Самарина, в кругу старожилов мы часто ее вспоминаем. Работала Елена Тихоновна учительницей, затем заведовала архивом и библиотекой, к ней обращались почти все жители села.

В северной части улицы стояла ветлечебница, где сургутяне лечили коров, лошадей, собак и даже петухов, делали животным прививки, кастрировали жеребцов и котов. Там всегда пахло карболкой, йодом и хлоркой. Старые сургутяне до сих пор помнят ветеринарных специалистов - Алексея Осипова, Валентина Соловьева, Александра Шевелева, Ивана Милякова, Валентину Ткачеву, Василия Кайдалова.

Сразу за лечебницей лежало обширное поле. Там, где теперь западное крыло университета, дом мостостроительного треста № 1 и дорога на автомобильный мост через Сайму, в 50-е годы росли подсолнухи, кукуруза, вика, овес, ячмень. Все это давало хорошие урожаи и шло на корм скоту. В нынешнем Сургуте на бульваре Свободы стоят так называемые престижные дома - с множеством этажей и подъездов, с небольшими дворами и огромным количеством машин. Всюду асфальт и бетон. Все это, видимо, хорошо, но урожденному сургутянину хочется иногда пройтись по травянистой улице старого города. Да вот беда, нет такой улицы.

Были в старом Сургуте и другие улицы со своими особенностями, домами, не похожими друг на друга, жилыми, общественными, хозяйственными, бытовыми постройками. Например, на улице Красных партизан стояли предприятия связи: главная Сургутская почта (она занимала старый купеческий дом, впоследствии поврежденный пожаром), с конным двором для почтовых лошадей, дальше - телефонно-телеграфный пункт, отделение Союзпечати. На этой же улице построили двухэтажный дом для связистов. В своих домах жили ветераны Сургутской почты Михаил Кузьмич Шишкин, Федор Александрович Куйвашев. Да и начальник конторы связи Василий Захарович Уженцев жил с семьей на улице Красных партизан.

На улице Красноармейской стояли в основном жилые дома. Она начиналась от Бардаковки и шла до площади Гагарина и дальше, почти до самой Саймы.

В начале 60-х годов на Красноармейской открыли первый медицинский вытрезвитель. По этому случаю состоялось нечто вроде митинга. Кто-то из начальников разрезал бечевку, и все участники собрания вошли в помещение, где было две комнаты - одна для мужчин, другая для женщин, кровати с белоснежными простынями и перовыми подушками. Много разных забавных историй связано с тем учреждением. В основном туда помещали пьяных, но иногда случалось и так: придет мужик из деревни, почевать негде, выпьет за углом бутылку водки - и в вытрезвитель. Там его разденут, спать уложат, а утром со свежей головой отпустят. Правда, за ночлег надо было заплатить 5 или 10 рублей. Через несколько лет вытрезвитель сгорел. На пепелище собрались податые мужики и закричали: «Враги сожгли родную хату...».

На Красноармейской жили Александр Куйвашев, Кузьма Чемакин, мастер сапожных дел Николай Кондаков, Проводниковы, в конце улицы напротив школы имени Гагарина - семья Афонина Тихона Тимофеевича.

С северной стороны старого Сургута в давнюю пору проходила улица Кайдалова. По-разному она называлась. В глубокой давности - Кладбищенская, с двадцатых годов нашего века - Мартовская. В глубине улицы стояло прекрасное здание районного Дома культуры. Его строили всем селом почти два года, открыли в 1963 году, а спустя десять лет с небольшим, 20 июля 1974 года, огонь дотла уничтожил здание.

На улице работала первая сургутская водокачка. Ее услугами пользовались почти все верховские жители старого Сургута.

Все в округе знали замечательного портного Луку Кузеванова, предсказательницу и целительницу бабушку Галю, первого баяниста Мишу Тверетина. В свое время они также жили на этой старой улице.

Теперь нет улицы Кайдалова, но ещё есть старожилы, которым память о ней дорога. Улица Зырянова начиналась пищекомбинатом, где директором много лет работал Иван Федорович Дюндик. На комбинате пекли и хлеб, и пряники, и пироги с рыбой, вырабатывали колбасу, газированную воду, медок. Хороший был напиток, выпьешь пару бутылок - и хорош, можно пойти в вытрезвитель: примут.

На улице жили Тетюцкие, Меншиковы, мой давний друг Борис Андреевич Проводников, его брат Николай Андреевич, Силины, Галаховы, Чаузовы, Панкины, Кушниковы и другие.

В Мостовом переулке стоял родительский дом Щепеткиных. Татьяна Николаевна, ее братья Николай, Борис и Григорий, сестра Тамара выросли в том доме. Напротив - усадьба знаменитого земледельца с Банного, «районного бригадира» (так он себя называл) Георгия Егорова.

На берегу Саймы жили Андрей Сибирцев, Антон Тверетин, Геннадий Рычанов, Горбачевы, Незговоровы. Недалеко от речки стояли дома Лежневых, Васильковых. Дальше - дом Владимира Кирилловича Захарова, райисполкомовский, где жил Александр Ефимович Кайдалов, дом Кондратия Ивановича Кривых...

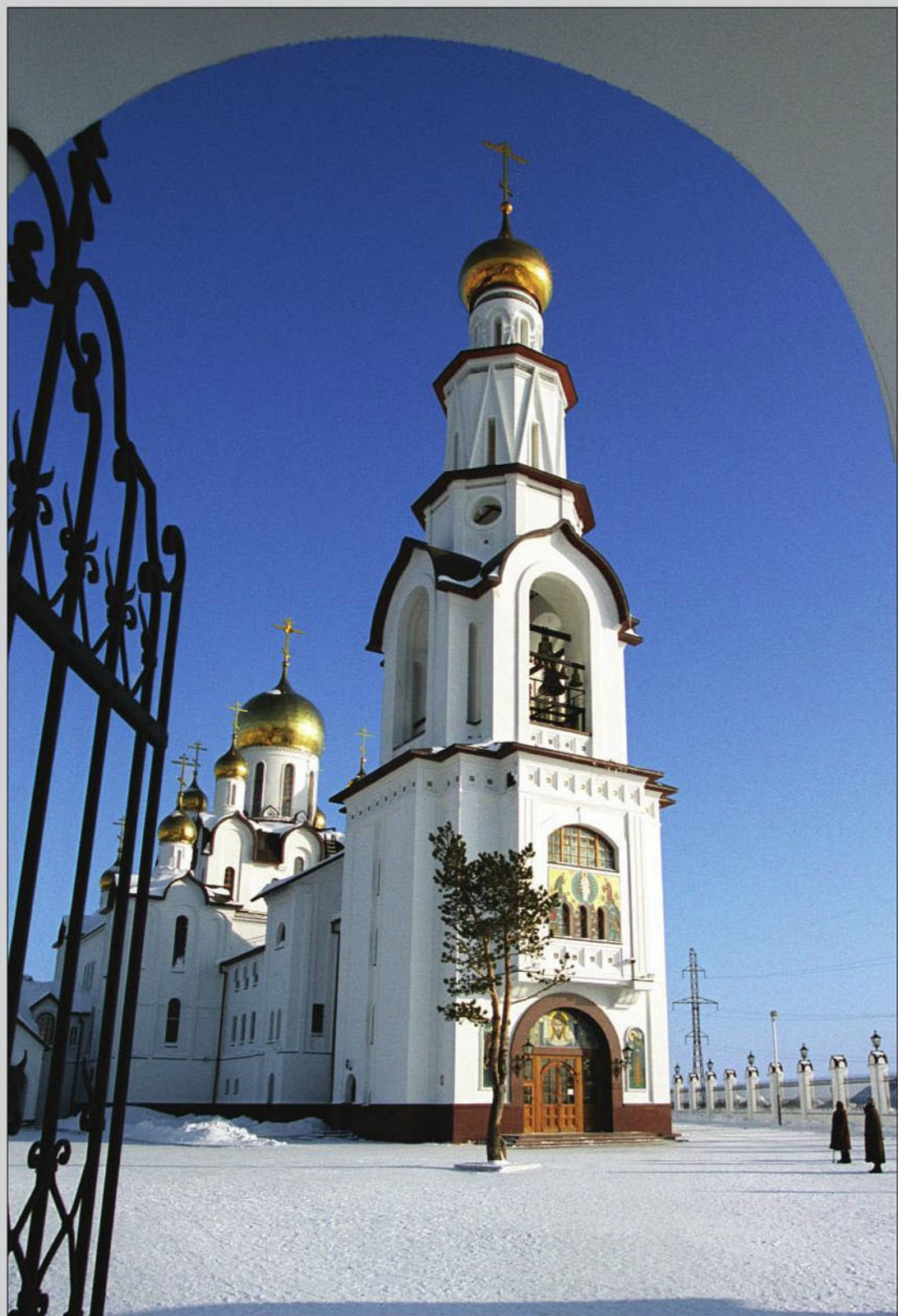
В весеннюю и летнюю пору у берегов скапливалось большое количество лодок. Сургутяне уезжали от родных берегов на свои угодья и всегда возвращались с добычей. Труженикам сопутствовала удача.

Печатается по изданию: Иван Захаров. Моя Земля.

Сургут, Рекламно-издательский информационный центр «Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз», 1999

*Самое старое здание Сургута из ныне сохранившихся -
усадьба купца А.Г.Клепикова (конец XIX века).
Осенью 2003 года реконструируется.*

СИБИРСКИЙ ИЗБОРНИК

*Павел Васильев и Нина Голицына.
1935.*

Павел
Васильев

«МЫ ЕЩЕ
НЕ НАЧИНАЛИ
ЖИТЬ...»

СЕСТРА

В луговинах по всей стране
Рыжим ветром шумят костры,
И, от голода осатанев,
Начинают петь комары
На хребтах пронося траву,
Осетры проходят на юг,
И за ними следом плывут
Косяки тяжёлых белуг.
Ярко-красный теряет пух
На твоём полотенце петух.
За твоим порогом - река,
Льнут к окну твоему облака,
И поскрипывает, чуть слышна,
Половицами тишина.
Ой, темно иртышское дно,-
Отвори, отвори окно!
Слушай, как водянаямышь
На поёмах грызёт камыш.
И спокойна вода, и вот
Молчаливая тень скользнёт:
Это синие стрелы щук
Бороздят лопухи излук,
Это всходит вода ясней
Звонкой радугой окуней.
... Ночь тиха, и печаль остра,
дай мне руки твои, сестра.
Твой родной постаревший дом
Пахнет мёдом и молоком.
Наступил нашей встречи срок,
Дай мне руки, я не остыл,
Синь махорки моей - дымок
Пусть взойдёт, как тогда всходил.
Под резным глухим потолком
Пусть рассеется тонкий дым,
О далёком и дорогом

Мы с тобою поговорим.
Горячей шумит разговор,-
Вот в зелёных мхах и лугах
Юность мчится во весь опор
На крутых степных лошадях.
По траве, по корявым пням
Юность мчится навстречу нам,
Расплеснулись во все концы
С расписной дуги бубенцы!
Проплывает туман давно,
Отвори, отвори окно!
Слушай, как тальник, отсырев,
Набирает соки заре.
Закипевшей листвою пыли,
Шатаются пьяные тополя,
Всходит рыжею головой
Раньше солнца подсолнух твой.
Осыпая горячий пух,
С полотенца кричит петух...
Утро, утро, сестра, встречай,
Дай мне руки твои. Прощай!

1930

ТРОЙКА

Вновь на снегах, от бурь покатых,
В колючих бусах из репья,
Ты на ногах своих лохматых
Переступаешь вдаль, храпя,
И кажешь морды в пенных розах,-
Кто смог, собираясь в дальний путь,
К саням - на тёсанных берёзах
Такую силу притянуть?
Но даже стрёкот сбруй сорочий
Закован в обруч ледяной.
Ты медлишь, вдаль вперяя очи,
Дыша соломой и слюной.
И коренник, как баня, дышит,
Щекою к поводам припав,
Он ухом водит, будто слышит,
Как рядом в горне бьют хозяев;
Стальными блещет каблуками
И белозубый скалит рот,
И харя с красными белками,
Цыганская, от злобы ржёт.
В его глазах костры косые,
В нём зверья стать и зверья прыть,
К такому можно пол-России
Тачанкой гиблой прицепить!
И пристяжные! Отступая,
Одна стоит на месте вскачь,
Другая, рыжая и злая,

*Лубянка.
Февраль 1937 года.*

Вся в красный согнута калач.
Одна - из меченых и ражих,
Другая - краденая знать -
Татарская княжна да б...ь -
Кто выдумал хмельных лошажных
Разгульных девок запрягать?
Ресниц декабрьское сиянье
И бабий запах пьяных кож,
Ведро серебряного ржанья -
Подставишь к мордам - наберёшь.
Но вот сундук в обивке медной
На сани ставят. Веселей!
И чьи-то руки в миг последний
С цепей спускают кобелей.
И коренник, вовсю кобенясь,
Под тенью длинного бича,
Выходит в поле, подбоченясь,
Приплясывая и хохоча.
Рванулись. И - деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта,
Полмира тащит на вожжах!

1933

ГРАМОТА

Отрывок из поэмы «Соляной бунт»

Эти стаи привёл на Иртыш Ермак,
Здесь они карагач на костры вырубали
И селились станицами возле зелёной волны,
Тыня, крепости называли по-рыбы и птичьи,-
так возникли Лебяжье, Черлак и Гусиная Пристань.

На буграх прииртышских поджарые кони паслись
Этих лыцарей с Яика, этих малиновых шапок,
Этих сабель свирепых и длинных пищалей,
И в Тоболе остались широкие крылья знамён,
Обгоревшие крылья, которыми битва махала.

К устью каменных гор они песни и струги вели:
Где стреляли по лебедю - там возникало Лебяжье,
Где осётр попадался обильно - Черлак возникал,
Где тяжёлые гуси ломали осоку в полёте -
Там Гусиная Пристань тын городила...

Ермак Тимофеич давал есаулам наказ,
Чтоб рубили дома казаки и ставили бани,
И брюхатили пуще баб завезённых,
И заставы покрепче держали на сопках дозорных,
Да блюли свои грамоты, власть и оружие.

Край богат. По Тоболу и дальше, в леса,
Собирай, словно ягоду, соболя, бей горностаю,
Заводи неводами лисиц черно-бурых и красных,
Там на лбах у сохатых кусты костяные растут,
И гуляют вразвалку тяжёлые шубы медвежьи.

Край обилен. Пониже, к пескам Чернолучья,
Столько птицы, что нету под нею песка.
И из каждой волны осетринные жабры да шучьи...
И чем больше ты выловишь - будет всё гуще и гуще,
И чем больше убьёшь - остальная жирней и нежней.

А к Ишиму, к аулам, курган на курган,
И трава на траву, и луна на луну, и звезда под копытом,-
Воеводство коровьего рёва, курчавое море овечьё,
Лошадиные реки, тяжёлый кумыс в бурдюках,
Земли стонут от сытости, истосковавшись под ветром.

Край чужой. По ночам начинается где-то тоска,
Стонут выпи по-бабьи, кричат по-кошачьи, и долго
Поднимаются в небо тревожные волоки волчьи.
Выдра всплещется. Выстрелит рядом пищаль,
Раздадутся копыта,- кочевники под боком были.

Край недобрый. Наклонишься только к ручью,
Только спешишься, чтобы подпругу подправить,
Тетива загудит, под сосок, в крестовину иль в глотку,
В оперении диком, шатаясь, вгрызётся стрела,-
Степняки и дики и раскосы, а метятся ладно.

У Шапёрого Яра на пузах они подползли,
Караульных прирезали, после ловили арканом,
Да губили стрелой, да с размаху давили конями,
Есаула Седых растянули крестом и везли
Три корзины ушей золочёному хану в подарок.

А до Яика сто перелётов гусиных -
В поворот бы да шибко! И в свист - и назад.
Отгуляться за всё в кабаках даромшинных,
Да купцам повыламывать длинные руки покруче.
Там добыча полегче, чем эти пуды в осетрах.

Но купцы за широкой и дюжей спиной
Атаманского войска велись и радели,
И несли на подмогу царёву заступу и милость,
Подвозили припасы, давали оружием корма
И навстречу гонцам Ермаковым катили бочаги.

К устью каменных гор и Тоболу купцы подошли,
Подошли, словно к горлу, тряслись по дорогам товарным,-
Там, где сабля встречалась с копьём и щитами,
Крепко-накрепко встали лабазы, обмен и обман.

А станицы тянулись туда, где Зайсан и Монгол,
От зелёной волны и до чёрной тянулись и крепи,
Становились на травах зелёных, на пепле,
На костях, на смертях, и весёлую ладили жизнь
Под ясачным хоругвем ночных грабежей и разбоя.

И когда не хватало станичникам жён привозных,
Снаряжались в аулы, чинили резню, табуны угоняли,
Волокли полонянок скуластых за косы по травам
И, бросая в седло, увозили к себе на тыны,
Там, в постелях пуховых, с дикарками тешились вволю.

Оттого среди русских чубатых иртышских станиц
Тут и там азиатские водятся скулы,
Узкий глаз азиата и дугами гнутые ноги,-
Это кровь матерей поднимается исподволь в них,
Слишком красная, чтобы смешаться с другою.

Но купецкие люди своих не держали кровей,
Шибче крови степями купецкие деньги ходили,
Открывали дорогу в глубинную степь, к Атбасару,
Шли на юг и на север, искали в горах серебро,
И косили зверьё, и людишек вповалку косили.

Вознесли города над собой - золотые кресты,
А кочевники согнаны были к горам и озёрам,
Чтобы соль вырубать и руду и пасти табуны.
Казаков же держали вместо дозорных собак
И с цепей спускали, когда бунтовали аулы.

1934

СТИХИ В ЧЕСТЬ НАТАЛЬИ

В наши окна, щурясь, смотрит лето,
Только жалко - занавесок нету,
Ветреных, весёлых, кружевных.
Как бы они весело летали
В окнах приоткрытых у Натальи,
В окнах незатворенных твоих!

И ещё прошеньем прибалую -
Сшей ты, ради бога, продувную
Кофту с рукавом по локоток,
Чтобы твоё яростное тело
С ядрами грудей позолотело,
Чтобы наглядеться я не мог.

Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ноготков люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор, и рассудительные речи,
И походку важную твою.

А улыбка - ведь какая малость!-
Но хочу, чтоб вечно улыбалась -
До чего тогда ты хороша!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного:
Вот где помещается душа.

Прогуляться ль выйдешь, дорогая,
Всё в тебе цenia и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ,
Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой:
«По стране красавица идёт».

Так идёт, что ветви зеленеют,
Так идёт, что соловьи чумеют,
Так идёт, что облака стоят.
Так идёт, пшеничная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.

Так идёт, земли едва касаясь,
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табунов,
У которых кудлы пахнут псиной,
Бёдра крыты кожей гусиной,
На ногах мозоли от обнов.

Лето пьёт в глазах её из брашен,
Нам пока Вертинский ваш не страшен -
Чёртова рогулька, волчья сыть.
Мы ещё Некрасова знавали,
Мы ещё «Калинушку» певали,
Мы ещё не начинали жить.

И в июне в первые недели
По стране весёлое веселье,
И стране нет дела до трухи.
Слышишь, звон прекрасный возникает?
Это петь невеста начинает,
Пробуют гитары женихи.

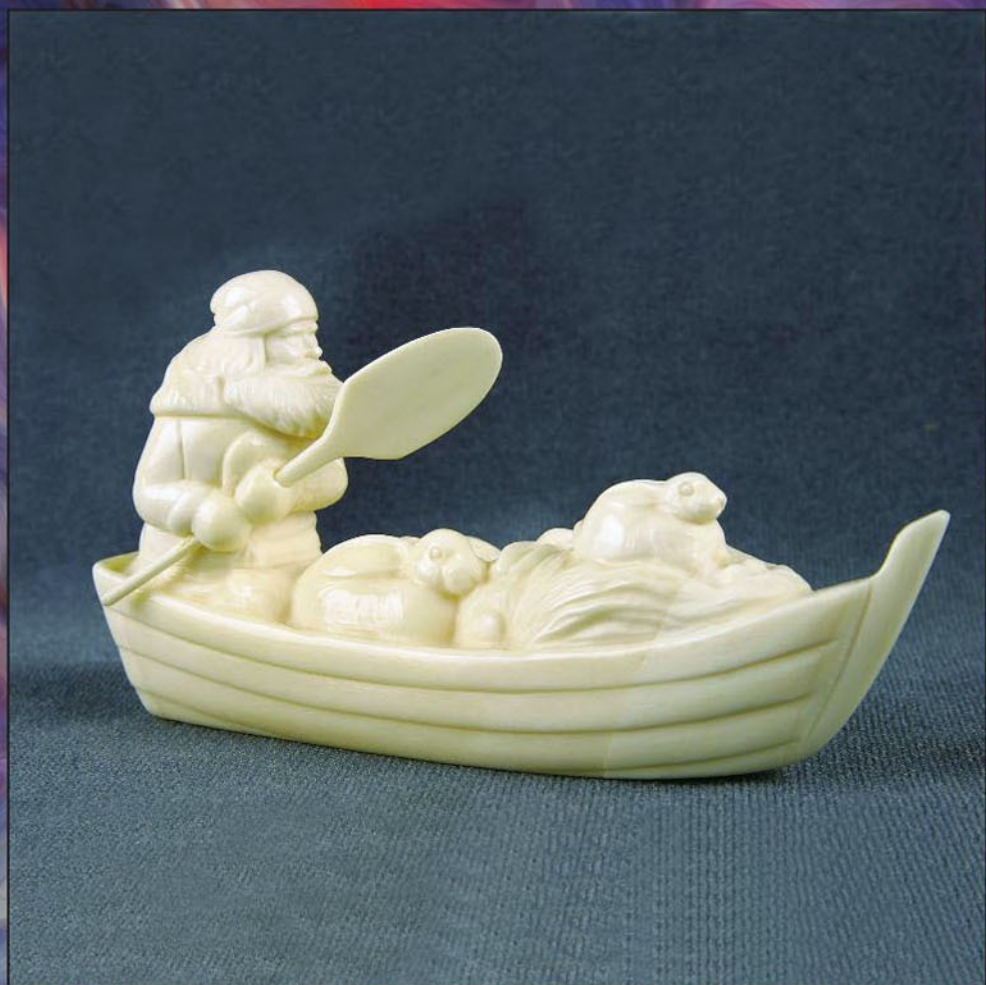
А гитары под вечер речисты,
Чем не парни наши трактористы?
Мыты, бриты, кепки набекрень.
Слава, слава счастью, жизни слава.
Ты кольцо из рук своих, забава,
Вместо обручального надень.

Восславляю светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью,
Убегаю от сомнений прочь,
Славлю все цветы на одеяле,
Долгий сон, короткий сон Натальи,
Восславляю свадебную ночь.

Май 1934

Александр Быков.
Снежная королева
Из серии «НЛО» /«Неопознанные лирические отступления»/.
2004

ГАЛЕРЕЯ

Заболоцкий Анатолий Дмитриевич

Родился 16 сентября 1935 года в селе Сыда
Краснотуранского района Красноярского края.

Закончил школу в городе Абакане.

В 1960 году закончил ВГИК.

Работал на киностудии «Беларусьфильм».

Заслуженный деятель искусств БССР.

В качестве кинооператора снимал

фильмы Василия Макаровича

Шукшина «Печки-лавочки»,

«Калина красная».

Профессионально занимается

фотографией.

В апреле-мае

нынешнего года

в выставочном зале

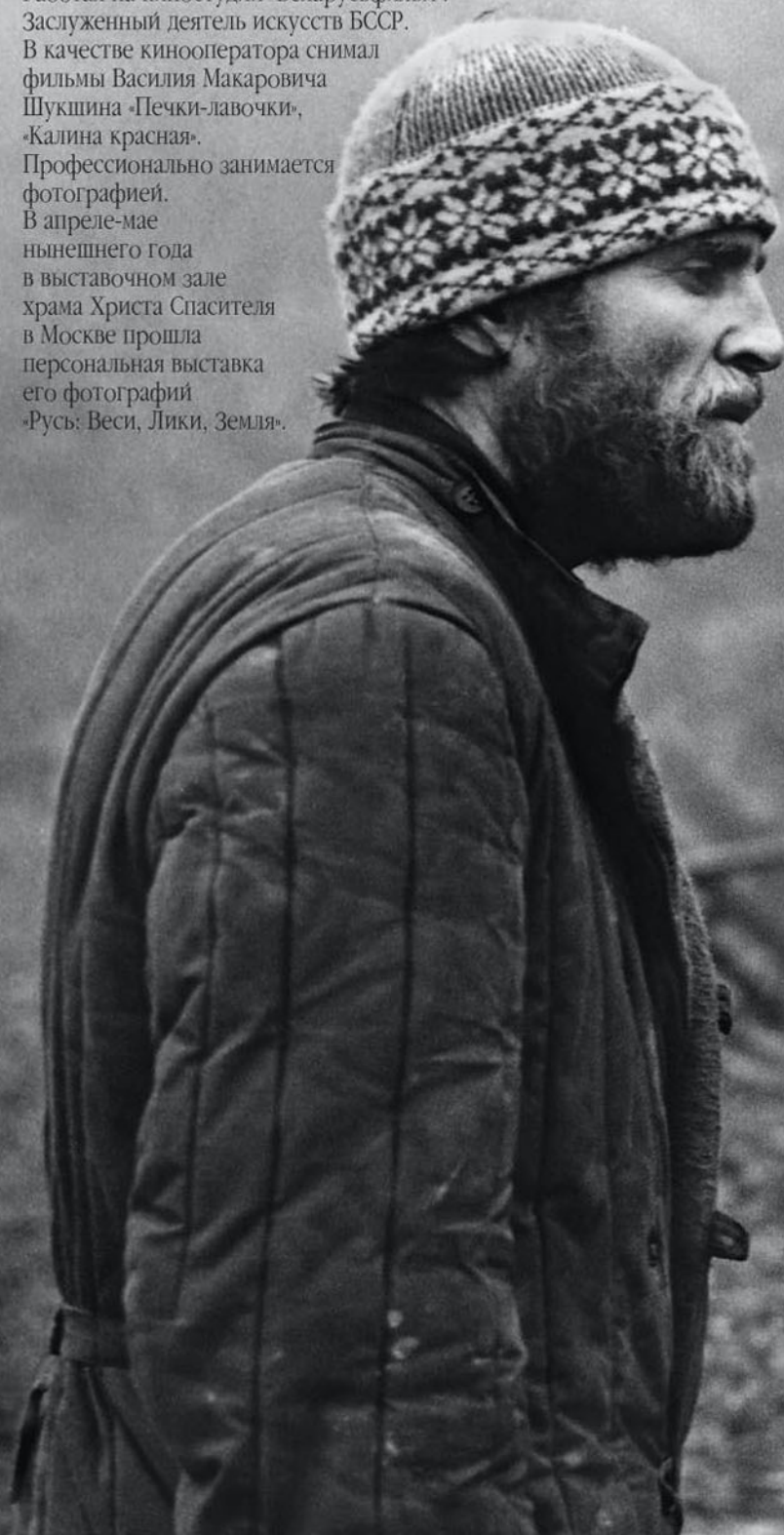
храма Христа Спасителя

в Москве прошла

персональная выставка

его фотографий

«Русь: Веси, Лики, Земля».

Валентин
Распутин

РУСЬ:
ВЕСИ,
ЛИКИ,
ЗЕМЛЯ

Работы для этой выставки Анатолий Заболоцкий подобрал в точном соответствии с ее названием. Да, здесь все то, что Родину делает Родиной: Веси, Лики, Земля - с заглавных букв. А название дано в точном соответствии с местом размещения выставки - в музее Храма Христа Спасителя. Это собрание фигур, лиц, глаз и настроений; эта вереница людских и природных «выходов на сцену»; эта галерея земного и небесного, сошедшего вместе по-братски малого и великого, до боли родного - хоть руки простирай для объятий, и отстраненного, мудро взирающего из глубины веков, как древние рукописные книги; многоликий этот мир, многогласно и слаженно выводящий мелодию бытия - все это способно одновременно и в радость окунуть, и привести в смущение. Мы привыкли к тому, что сегодняшняя наша действительность, как бы уже заключенная и в скобки от неспособности к безопасному ходу, переполненная несоответствиями и противоречиями, - что она прежде всего выставляет грубость, уродство, разлад. Здесь же ничего подобного нет. В этом развороте какой-то почти патриархальной, какой-то почти пригрезившейся и все же настоящей, еще сохранившейся в тихих местах, жизни - красота, умиротворенность, вечность, лад...

Впечатление такое, что Русь наконец нашла себя, осознала и духовно сдвигается все тесней и тесней. А ведь тут и верно вся Русь, все лики из самых дальних и глухих углов, все не побитые бурями и лихом деревянные и каменные веси вдоль вековых большаков, вся скромная благодать вокруг... Но и все величие рукотворного и нерукотворного, вместе с печалью и морщинами вышедшая наружу правда, непреходящее терпение... Тут, как в граде едином, Русский Север, Горный Алтай, Хакасия и Тыва, побережье Холодного океана на крайнем северо-востоке Якутии, Байкал и Лена, Саяны и Обь, Русская равнина и Урал. Тут и Святая Русь: Оптиная пустынь и Шамордино, Валаам и Дивеево, Храм на Крови на месте Ипатьевского дома в Екатеринбурге и точно неустанный покаянный «крестный ход» восьмью монастырских нове-храмов возле Ганиной Ямы на месте уничтожения останков царской семьи.

До чего же мила ты и тепла, до чего же по-матерински родна ты и прекрасна, ненаглядна и приветлива, матушка Русь! Все-все здесь знакомое, пережитое, пройденное надышанное нами, жившее в сердце - если даже не привела судьба везде побывать. А постоишь, взглядишься повнимательней - неправда, бывал, помню, каждая клеточка отзывается и признает за свое. Вот девушка после причастия: удивительно красивое, одухотворенное лицо, повязанное легким платочком, глаза большие, глубокие, светящиеся благодатной чистотой. Так бы глядел и глядел на нее в восторженном узнавании. Нет, эта девушка из Руси не выпадет, она на своей земле стоит крепко. Вот три отборного сорта богатыря, три белобрых подростка двенадцати-тринадцати лет: славяне. Да, ни с кем не перепутаешь: славяне, знающие себе цену, глядящие перед собой смело и как-то по-хозяйски. Небрежно навалились на изгородь, за которой неподвижно лежит небольшенькая речка, а дальше луговина сплошной дремлющей зелени. Славянская земля, на которой эти молодцы чувствуют себя как нельзя лучше. А вот «Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь» - как и при Пушкине, как и тысячу лет

назад все та же простенькая и сладкая, шемая сердце картина: трусит по целику, по нетронутому еще снегу, и верно «обновляя путь» лошадка и мужичья фигура в саних. Только и всего. Как говорится, смотреть не на что. Кому-то не на что, а ты то ли от простоты своей натуры, или от притяжения к детским деревенским впечатлениям смотрел и смотрел бы неотрывно, как зачарованный, на это тысячу раз милое сердцу видение нашей «лапотности», слушал и слушал бы скрип полозьев по утреннему морозцу, игру селезенки у лошадки и ленивое понукание мужика. Господи, не дай этому никогда стинуть, из этого да из похожего многого и вылепилась наша непряхотливая душа, знающая хорошо цену истинному. А вот во все глаза глядят изнутри в оконную раму два лица - материнское, совсем еще молодое, спокойное, расслабленное, и мальчишечье, любопытное, живое. Ни мы не знаем их, ни они нас, но отчего так хорошо, что они ненароком увидели нас, а мы их, отчего верим мы, что за их лицами и глазами открылось нам большее, чем мы способны сразу осознать! А вот два молодых мужика из вологодских или архангельских ставят по старинке домину, как ставили деды и прадеды, и присели ненадолго отдохнуть. Но до чего же просторна, до чего же величава будет эта хоромина; и уж сомневаться нельзя, любуясь ею, что дурного человека она в свои стены не выпустит... Девочка-пастушка возле коровы, из повязанного по-старушечьи платочка выбивается челка, лицо озабоченное, чуть смущенное тем, что оторвали ее от дела, за спиной вдалеке излучина реки, лес, дремлющее под приглядом пастушки притомившееся солнышко - и опять, и опять ни с чего перехватывает дыхание, и на глаза наворачиваются слезы. Все, все родное, куда ни взгляни, все узнается, тянется навстречу, нашептывает признания, просит прикосновения, ждет доброго слова.

Будто автор сознательно собрал для родственного общения близких людей и близкие картины. И верно - по Руси-России, как по матери, мы все кровная родня. Все одного поля ягода, взрослая не на асфальте, а на пашне да на лесных полянах. Когда нашептываются, наплескиваются нам ее бесхитростные и драгоценные образы - полнитися и предельно распускается душа, дает нам зрение и слух приласкать каждую былинку, вздымает в высоту, чтобы в торжественном парении не упустили мы ничего нужного, вешего, что, подобно зрячему посоху, ответит нас от кривой дороги.

И уж, конечно, как водится, среди родных картин - родные лица тех, кого хорошо знает вся русская земля и кто немало ей порадел: Василий Белов и Георгий Жженов, Олег Волков и Александр Михайлов, Владимир Крупин и Владимир Солоухин, Виктор Астафьев и Иван Рыжов, Сергей Залыгин и Татьяна Петрова... А эти мостки подле деревни Никола на Вологодчине знамениты тем, что по ним хаживал и, должно быть, наговаривал стихи Николай Рубцов. А это в панораме шукшинской родины гора Пикет, на которой в день рождения Василия Макаровича ежегодно собираются десятки тысяч почитателей его имени. А это сын Геннадия Заволокина в сороковой день после трагической гибели любимца всей России... Сын в то мгновение был рядом с отцом... вытянутый язычок свечи, напоминающий вспархивающую душу, застывшее от боли мужественное, похожее на отцовское, лицо и клятвенная решимость во всей фигуре: нет, не перестанет на Руси играть гармонь.

Мы дома, на Руси-России; несмотря ни на что, нам в ней всегда было уютно и отратно. И нас с нею не разлучить даже и смерти. Но и Русь в нас; она в нас, может быть, даже больше, чем мы в ней, ибо нет, кроме нее, у нас другой души и другого сердца. И нет в глазах другого света. С нею, только с нею мы и можем держаться вместе.

*Деревня Межурки
Вологодская область.
1992*

*Деревня Межурки
Вологодская область.
1992*

*Закат в начале марта
на Чуйском тракте.
2001*

*Василий Белов на речке Сохта у деревни Вахруниха
в мае 2002 года.*

*Валентин Распутин
в селе Русское Устье
на берегу Ледовитого океана
(бывший поселок Полярный).
1983*

*Красноярский край.
Устье реки Индигирка
(берег Ледовитого океана).
1988*

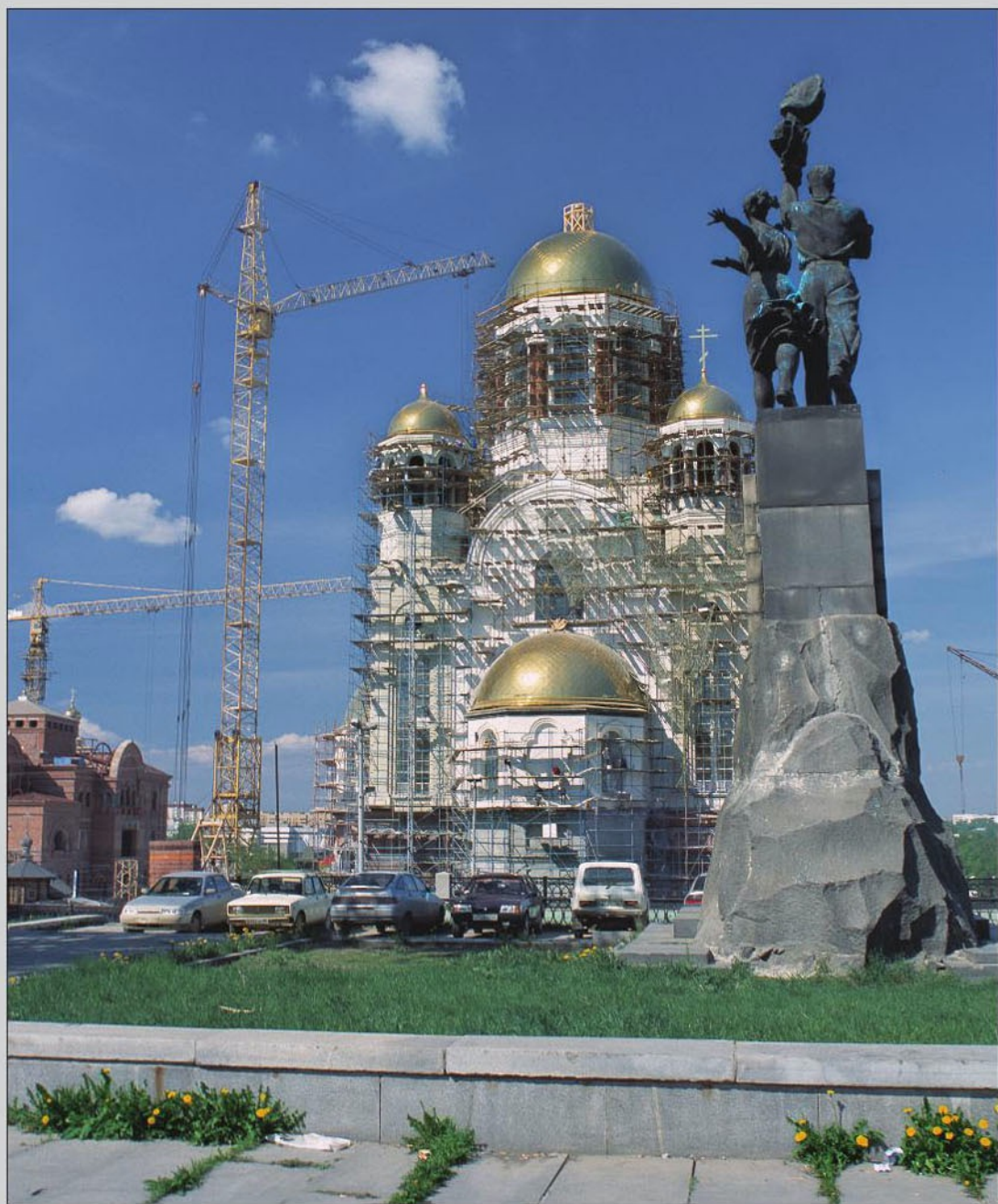
*Разлив
на реке Сохта
в Вологодской области.
1998*

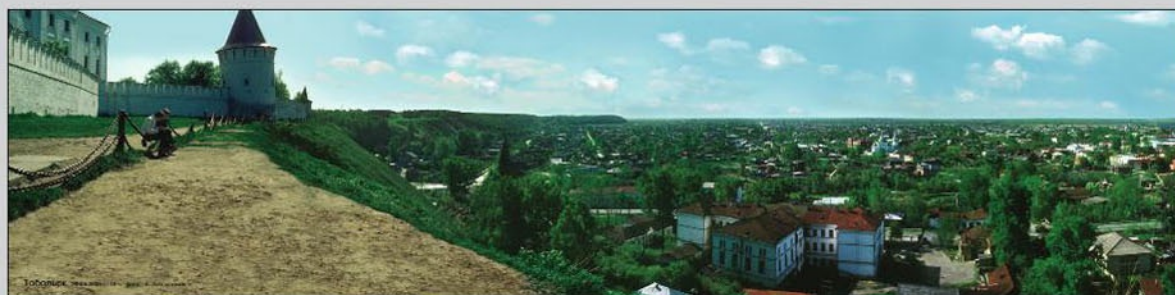
*Мостик в селе Никола,
по которому ходил
Николай Рубцов.
1993*

*Строительство
Саяно-Шушенской ГЭС имени В.И. Ленина
за два года до окончания.*

*Две стихии.
Храм на Крови на месте дома Ипатьевых.
Памятник комсомольцам.
Екатеринбург.
2000*

*Тобольск.
Панорамы подгорной части.*

*Специальная фотосъемка и компьютерная обработка
выполнены в 2003 году.*

Схимник Мельхиседек.
Псково-Печерский монастырь.
1987

*Отец Сергей.
Валаам.
На месте возможного строительства скита.
2003*

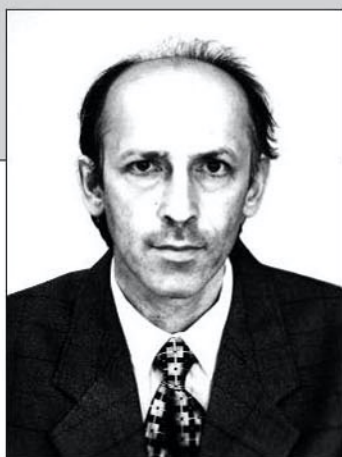

*Окно в городе Верхотурье.
2002*

ВЕКА
И СУДЬБЫ

Яков
СОЛОДКИН

«НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ»

Обычно современные историки,
повествуя об основании первых русских
городов-крепостей в Сибири,
лишь мельком упоминают тех посланцев Москвы,
которые возглавляли новые походы
и строительство новых острогов.
Между тем, лица эти были вовсе не второстепенными
в тогдашней военно-административной иерархии
Русского государства.
Их деятельность, как правило, вовсе не ограничивалась
одними лишь сибирскими поручениями.
Это отлично видно на примере «начальных людей» Сургута.
Из представленных в этой небольшой статье
биографических «анкет» хорошо просматривается,
что первые воеводы, письменные головы, атаманы Сургута
были деятелями, весьма заметными
в масштабах всей тогдашней Руси.
Почти все они так или иначе участвовали
в противоречивейших коллизиях охватившей страну Смуты,
а «географические карты» их судеб
охватывали практически все тогдашние пределы
Российского государства!

ОСНОВАТЕЛЬ «СУРГУТЦКОГО ГОРОДА»

«Отец сибирской истории» академик Герард Фридрих Миллер, исходя из текста царского наказа о сооружении Пельма, склонен был думать, что Сургут заложили служилые люди под началом князей Михаила Волконского и Матвея Львова. Вскоре, внимательно прочитав «инструкцию» об «устроении» русского города «на Таре-реке», знаменитый ученый объявил основателем крепости близ устья Сальмы Владимира Аничкова (или, как нередко называется он в документах, Оничкова). С находкой в конце XIX века предписания царя Федора Ивановича о постройке Сургута большинство историков стало утверждать, что город при впадении речки Бардаковки в «великую Обь» «срубили» князь Федор Барятинский и Владимир Аничков. Скорее всего, это предписание, однако, не было исполнено в точности. Изучение «государева» наказа о возведении Тары позволяет вслед за Миллером честь основания Сургута приписать Владимиру Владимировичу (точнее, как говорили в Московской Руси, Владимирову сыну) Аничкову.

Многочисленные Аничковы, проживавшие большей частью в Новгородской земле, вели свой род от ордынского царевича Берки, в крещении Иоанникия. Незадолго до смерти Ивана Грозного несколько новгородцев в опале (о ее причинах остается только гадать) было сослано в Казанский край. Среди испытавших царскую немилость оказались, вероятно, Владимир Аничков с сыном Воинном. Их наделили поместьями в Казанском и Нижегородском уездах. Доставшееся Владимиру село Подвьязь на Оке, хотя славилось тем, что в окрестностях водилось много рыбы, запустело «от черемисские войны», то есть в ходе антирусского восстания местных народностей.

Воин Аничков, который в начале царствования Федора Ивановича носил относительно высокий чин стрелецкого головы, еще в 1582 году посылался в Пермь, чтобы вместе с здешними и вятскими ратниками, а также казаками Ермака «воевать вогулич и отяков». Ввиду ухода ермаковцев за Урал этот поход не состоялся. (Некоторые исследователи ошибочно считают, что Воин Аничков был тогда пермским наместником).

19 февраля 1594 года появился наказ царя Федора Ивановича о «поставлении» Сургута. Возможно, в тот же или на следующий день это распоряжение было вручено Владимиру Аничкову. Из Москвы через Лозьву и недавно выстроенный Пелым казанскому «жилцу» и нижегородскому помещику надлежало добраться до Тобольска. В этой крепости, которой суждено было скоро стать сибирской столицей, ратников, возглавляемых Аничковым, ждал со служилыми людьми князь Федор Барятинский. Предполагалось, что следом объединенный отряд достигнет Обского городка, где пополнится березовскими казаками и воинами кодского властителя Игичея Алачева. После этого Барятинский с Аничковым обязывались сжечь заложенный Иваном Мансуровым острог и, включив в свою рать несших там службу «годовальщиков», двинуться на правобережье Оби и «в Сургуте» либо «Безекове волости в Лумпекех» построить крепость. Замысел сооружения еще одного русского города в «далечайшей стране», как иногда называли Сибирь, не был полностью осуществлен. Можно думать, оттого, что одновременно шла подготовка экспедиции в Среднее Припиртышье, на Тару. Судя по наказу князю Андрею Елецкому о строительстве на ее берегу крепости, летом - в первые недели осени 1594 года Сургут стал возводиться под руководством Владимира Аничкова, а Федор Барятинский явился из Тобольска во владения остяцкого князя Бардака, когда там уже поднялись стены и башни нового города.

Сейчас трудно решить, почему при назначении первого письменного головы Сургута выбор пал на казанского и нижегородского дворянина. Быть может, к тому времени Аничков имел опыт сооружения городов в Поволжье либо службы в Сибири.

Новопостроенной крепостью, место которой скорее всего он сам и определил, Владимир Владимирович управлял (поначалу в одиночку) около года. С назначением в Сур-

гут в феврале 1595 года воеводы Осипа Плещеева и письменного головы Ивана Колемина Аничков остался в Сургуте, видимо, в прежней должности. Государевым наказом предусматривалось «посылати на всякие посылки воеводе Осипу Володимера Аничкова, а с ним посылати, выбрав лутчих людей, литву и казаков добрых, с вогненным боем», то есть огнестрельным оружием. Как видно, отныне главной задачей первого сургутского администратора сделалось подчинение местных «инородцев», нередко отказывавшихся платить ясак, и защита обширного уезда от возможных нападений непокорного хана Кучума и его сыновей.

Весной 1604 года в награду за сибирскую службу Аничкову в Москве выдали жалование (при этом он расписался и за сына). Как известно, «Володимер» пробыл в Сургуте не более двух с половиной лет. Поэтому можно думать, что в самом начале «бунташного» XVII века Аничков снова нес службу где-то в Сибири.

Вскоре в Московском государстве разразилась затяжная Смута, на арене которой один за другим появлялись бесчисленные самозванцы. В 1607 - 1608 годах астраханский «царевич» Иван Иванович осаждал Саратов. Воеводы Заматия Сабуров и Владимир Аничков сумели отразить приступы отрядов «вора». Летом 1610 года верные «боярскому» царю Василию Шуйскому войска во главе со стольником князем Алексеем Львовым и Аничковым, выступившие из Нижнего Новгорода, овладели державшим сторону Лжедмитрия II Арзамасом; воевода самозванца Федор Киреев был убит. В последующие месяцы Владимир Владимирович, дослужившийся до высокого чина дворянина московского, управлял Нижним Новгородом и соседней Балахной.

Через месяц после избрания на русский престол Михаила Федоровича Романова, сумевшего покончить с «межусобной бранью», Аничкова послали из столицы «в Городецкий уезд» (что возле Твери). Воевода должен был отвести к Пскову, которому угрожали шведы, сражавшихся накануне с «литвой» и татарами казаков. Аничков, посулив, видимо, этой вольнице «государево жалованье», смог выполнить поручение боярского правительства, продолжавшего ведать «царствующим градом» до приезда из Костромы молодого самодержца. Следом вместе со стольником князем Борисом Хилковым Владимир Владимирович воеводствовал в Уфе. В 1616 году Аничков провожал из Москвы до хорошо ему знакомых Нижнего Новгорода и Казани персидского посланника Булак Бека, после чего вернулся в столицу. Вскоре расположившемуся с большим отрядом у Водяных ворот первому сургутскому голове пришлось защищать Москву от войск польского королевича Владислава, хотевшего силой заставить русских признать себя царем. То была едва ли не последняя служба провинциального помещика, в преклонные годы сумевшего пробыть в ряды московского дворянства.

ПЕРВЫЙ ВОЕВОДА

Сослуживец Владимира Аничкова по Сургуту Федор Петрович Барятинский принадлежал к ветви черниговских князей, прежде не игравших заметных ролей на политической сцене Московской Руси. Старший из пяти сыновей Петра Ивановича, опричника «гордояростного» царя Ивана IV, Федор в конце 1580-х годов имел младший придворный чин жильца. Вскоре князя Петра, отказавшегося подчиниться более родовитым воеводам, со всеми детьми сослали в Сибирь. Когда отца назначили управлять Тюменью, Федор, как можно полагать, стал его помощником. Летом - в начале осени 1594 года Барятинский, видимо, занимался подготовкой экспедиции «на Тару-реку», а вслед за выступлением в Среднее Прииртышье полукторатысячной рати князя Андрея Елецкого из Тобольска отправился в Сургут с двадцатью плотниками-пермичами, чтобы довершить «рублю» новой крепости и ведать ею.

В городе, выросшем на правобережье Оби, Федор Петрович провел менее года. «Отпущенный» в столицу, первый сургутский воевода в прежнем чине участвовал в из-

брании на царство Бориса Годунова, а затем, уже в звании дворянина московского, сопровождал казахского султана Ораз-Мохаммада, наделенного городом Касимовым и ставшего коронованным вассалом «земского государя». (Этот султан, кстати, попал в русский плен в Тобольске при его основателе Даниле Чулкове). По том Барятинский оказался одним из воевод недавно заложенного на южной границе России Царева-Борисова. Направленный с дьяком Дорофеем Бохиным послом к крымскому хану, князь Федор был выслан из Бахчисарая за отказ усмирить «воровских» казаков, напавших на татарские владения. Год спустя Барятинскому вместе с князем Дмитрием Аксаком Бельским приказали ехать в Колу для размежевания русских и датских земель в «Лопи Дикой» (Лапландии).

В начале царствования Василия Шуйского Федор Петрович воеводствовал в Ивангороде, защищавшем северо-западный рубеж страны. Очевидно, такая роль Барятинского не устраивала, и с появлением «второлижвого» Дмитрия Ивановича князь переметнулся на его сторону. Федор Петрович стал боярином «Тушинского вора» и был назначен воеводой в богатый Ярославль. Поблизости от этого города князь «присмотрел» земли, о которых «был челом» и самому «царю Дмитрию», и литовскому гетману Яну Сапеге. При деятельном участии Барятинского «Вору» «целовали крест» как своему государю жителю Вологды.

Миновало, однако, всего несколько месяцев, и население северо-восточных уездов, возмущенное бесконечными поборами и прямыми грабежами тушинцев, поднялось против самозванца. Федор Петрович, которого называли вождем городской «черни», вынужден был бежать из Ярославля. Но князь сохранил верность «царику», как называли Лжедмитрия II, и тогда, когда тот поневоле сделал своей резиденцией Калугу. «Воровской» боярин Барятинский теперь получил назначение в Новгород Северский. Там, уже под началом брата Михаила, князь Федор в головах нес службу и после избрания царем «великой России» юного Романова. Направленный с отрядом под Стародуб Северский, Барятинский привел его жителей к присяге на имя нового государя. В январе 1614 года во главе нескольких сотен дворян, детей боярских и казаков Федор Петрович выжег окрестности литовского города Гомея и разбил осажденных, когда те устроили вылазку (тогда под князем убили коня). Барятинский, накануне жаловавшийся на то, что не имеет ни вотчин, ни поместий, за «гомейскую службу» удостоился щедрых наград: от имени царя Михаила ему поднесли чарку, камку (отрез дорогой ткани), 40 шкурок кунниц, «новгородку золотую» (эта монета являлась своеобразной медалью), почти вдвое увеличили денежный оклад.

После недолгого воеводства в Рязани Федору Петровичу было поручено собирать служилых людей Торжка в поход против шведов, удерживавших под своей властью Новгород Великий. Барятинский участвовал в переговорах со шведскими дипломатами на пограничной реке Ловце и ездил в Стокгольм для ратификации мирного соглашения, заключенного в деревне Столбово. По возвращении денежный оклад князя снова был почти удвоен, составив солидную по тем временам сумму - 140 рублей. Вознаграждением за успешную посольскую миссию может считаться и назначение на воеводство в Казань (с боярином Борисом Лыковым). Умер князь Федор около 1628 года, не оставив детей.

ПОТОМОК СТАРОМОСКОВСКИХ БОЯР

Князя Федора Барятинского сменил на сургутском воеводстве Осип Тимофеев сын Плещеев, отпрыск плодovitого рода нетитулованных бояр, служивших еще князю Василию III.

Сын одного из опричников Ивана Грозного, Осип Плещеев в конце 1580-х годов, имея заурядный чин дворянина московского, участвовал в походе к Нарве (древнерусскому

Ругодиву) против шведов. Затем, будучи вторым воеводой, управлял псковским пригородом Гдовом, нес крымскую службу на берегах Оки и сражался с татарами, когда в 1591 году им удалось в последний раз прорваться к русской столице.

Ведая недавно выстроенным Сургуцким городом, Плещеев деятельно занимался сбором ясака с местных остяков и снарядил экспедицию письменного головы Ивана Колемина на Пегую Орду, властитель которой, князь Воня, был союзником хана Кучума, никак не желавшего сделаться вассалом московского царя.

По возвращении из Сибири Осип Плещеев воеводствовал в Астрахани, а в 1603 году вместе с Иваном Бутурлиным, князем Владимиром Бахтеяровым-Ростовским и Иваном Полевым предводительствовал несколькими тысячами ратных людей, двинутыми по согласованию с персидским шахом на Грузию. Под Тарками русское войско было наголову разбито северокавказским правителем шамхалом, которого поддерживал турецкий султан. В числе многих павших оказались и сам Плещеев, и его сыновья - Богдан и Лев.

ОТПРЫСК РОСТОВСКИХ КНЯЗЕЙ

Преемником Осипа Плещеева в граде, заложенном на Оби, стал князь Семен Михайлович Лобанов-Ростовский. К Тому времени его послужной список был уже весьма внушительным. Он еще в 1577 году принадлежал к кругу выборных, то есть самых богатых и влиятельных, дворян Рязанского края. Позднее в чине головы Лобанов-Ростовский служил в Серпухове, которому постоянно угрожали крымские татары, на исходе Ливонской войны воеводствовал в Новгороде Великом и соседних с ним Порхове и Ладоге. А когда князю Дмитрию Елецкому и другим русским дипломатам удалось заключить перемирие с Речью Посполитой, они послали Семена Михайловича с «сеунчем», то есть радостной вестью об этом, к царю Ивану Васильевичу.

После вступления на московский трон Федора Ивановича князь Семен побывал наместником Брянска, воеводствовал в Дедилове и Рязани, возглавлял столичный Разбойный приказ. В конце 1580-х годов знатный дворянин собирал в Рязке служилых людей в поход против шведов, во время которого в чине головы участвовал в неудачном штурме Нарвы (когда, между прочим, мог и познакомиться с Осипом Плещеевым). Позднее Лобанов-Ростовский состоял у наряду (то есть артиллерии) на Оке в ожидании возможного нападения татар, в середине 1590-х годов был воронежским воеводой, а вскоре после избрания на царство Бориса Годунова отправился в Серпухов в рядах многочисленной армии, направленной на возможное отражение Крымской орды.

ЧЕСТОЛЮБЕЦ «С РЯЗАНИ»

Как и старший сын Петра Барятинского, недолго пробыл в Сургуте Иван Никитич Ржевский - письменный голова при воеводе князе Семене Михайловиче Лобанове-Ростовском. Из крепости, срубленной у впадения в Обь Бардаковки, его перевели на тобольское воеводство - в сослуживцы к знатному Ефиму Варфоломеевичу Бутурлину. Видный (так называемый выборный) рязанский дворянин, имевший высокий земельный оклад, со временем увеличившийся, Иван Никитич летом 1585 года нес службу при дворе нового царя Федора Ивановича, а четыре года спустя собирал под Коломной ратных людей в поход на шведов. Из Сибири в Москву он вернулся через Верхотурье, доставив «государеву казну» (главным образом «соболью»), а вскоре с дьяком Постником Дмитриевым отправился посланником в Данию.

В Смутное время Ржевский воеводствовал в Ладоге и сражался с «ворами» под Москвой. Перейдя в стан Лжедмитрия II, рязанский дворянин удостоился боярского звания. Когда Иван Никитич покинул лагерь самозванца, московские власти «разжаловали» его в околышники, но уже осенью 1610 года бывший сургутский голова бил челом Сигизмунду III - отцу избранного на русский престол польского королевича Влади-

слава - о переводе в бояре. Новоявленный окольный с сыном Иваном просил Спигизмунда наделить их землями. Обманувшись, видимо, в надеждах на короля и верную ему московскую «семибоярщину», Ржевский примкнул к Первому ополчению, целью которого было изгнание польско-литовских завоевателей.

В ополчении, возглавленном рязанским воеводой Прокопием Петровичем Ляпуновым, быстро возник разлад между дворянами и казаками. Чтобы углубить раскол в земской рати, осадившей Москву, командовавший оккупационным гарнизоном Александр Говсевский приказал подбросить в казацкие «таборы» грамоты с призывом истреблять казаков, подписанные якобы Ляпуновым. Вызванного для объяснения в казачий круг Прокопия «разнесли на саблях». При этом, по свидетельству летописца, Ляпунова (тоже по происхождению рязанского дворянина) бросили защищать Ржевский, хотя прежде был ему «великий недруг». Казаки зарубили и Ивана Никитича; его столичный двор вскоре подвергся разграблению. Вместе с Ляпуновым Ржевского похоронили в окрестностях Москвы - в Благовещенской церкви на Воронцовском поле.

ДВОРЯНИН МОСКОВСКИЙ

В самом конце XVI века сургутское воеводство занимал Федор Тимофеевич Долгорукий из старинного рода князей Оболенских.

Дворянин московский, он в 1525 года был оставлен в столице на время поездки царя Федора Ивановича в Троице-Сергиев монастырь, через пять лет с братьями Владимиром и Григорием участвовал в походе против шведов (его кульминацией стала неудачная осада Нарвы), позднее командовал отрядами, расположившимися в ожидании крымского вторжения на берегу Оки и под Тулой, проверял засеки, сооруженные на южных рубежах, чтобы задержать продвижение татар в центральные уезды страны. Незадолго до отправки в Сибирь Долгорукий избрал на Земском соборе российским государем Бориса Годунова, шурина прежнего царя Федора.

Вторжение в страну осенью 1604 года отрядов первого самозванца положило начало многолетней Смуте или «разорению русскому». Федор Тимофеевич, тогда воевода Курска, оказавшегося посреди театра боевых действий, подобно «начальным людям» многих других пограничных городов и острогов переметнулся на сторону «царевича Димитрия Ивановича» и встречал его у стен Москвы. Новый государь, именовавший себя «цесарем» (императором), пожаловал Долгорукого в бояре и пригласил на свою свадьбу.

Осенью 1606 года против Василия Шуйского, сменившего на троне Лжедмитрия, вспыхнуло восстание под предводительством Ивана Болотникова. Когда мятежники вышли на ближние подступы к Москве, князь Федор с митрополитом Крутицким Пафнутием, скорее всего без официальной санкции, попытались вступить в переговоры с болотниковцами, дабы замедлить их продвижение. На время похода царя Василия к Туле, ставшей последним прибежищем восставших, Долгорукий был оставлен в столице. Несколько лет кряду вместе с Прокопием Ляпуновым князь воеводствовал в Рязани, затем управлял Коломной, где поочередно присягнул Лжедмитрию II и польскому королевичу Владиславу. Умер Долгорукий в начале «безгосударного времени» (разделяющего низложение Шуйского и избрание на трон Михаила Федоровича) - в конце 1610 года или в первые месяцы следующего.

ПАСЫНОК ИВАНА ГРОЗНОГО

В письменных головах при воеводе Долгоруком в «Сургутском городе» нес службу Афанасий Иванович Мелентьев-Курлаков - сын дьяка, вдова которого Василиса стала предпоследней, шестой женой или же, как тогда выражались, женищей (сожительницей) царя Ивана Васильевича.

В конце 1570-х - начале 1580-х годов, будучи стряпчим (в иерархии придворных чинов это звание считалось весьма престижным), Афанасий возил награды («золотые») воеводам в Прибалтику, присутствовал на свадьбе московского самодержца с Марией Нагой и приеме в столице папского дипломата Антонио Поссевино, бывшего посредником в русско-польских переговорах.

При царях Федоре и Борисе, имея высокие земельные оклады, Мелентьев входил в число «лучших» (так называемых выборных) дворян Вяземского уезда. Он участвовал тогда в войне со Швецией и поимке разбойников, которых, по словам летописца, «зело умножилося в Русской земле».

Лжедмитрий I, представлявшийся младшим сыном Ивана Грозного, направил своего «родственника» гонцом в Крым. Афанасий Мелентьев ездил туда и после коронации Василия Шуйского, опять-таки с известием о воцарении нового московского государя.

«НЕ ЛАСКОЮ, А ЖЕСТОЧЬЮ»

Так, прибегая к кнуту и тюрьме, по утверждениям местных остяков, собирал с них ясак воеводствовал в Сургуте в самом начале XVII в. Яков Петрович Барятинский - родной брат знакомого нам князя Федора.

В конце 1580-х годов считавшийся одно время лучшим в своем роду отпрыск Черниговского правящего дома носил скромный придворный чин жильца. Через десять лет, вернувшись из Сибири (где поневоле очутился со строптивым отцом и, видимо, помогал ему управлять Тюменью), Яков Петрович уже относился к элитному слою столичных дворян, но вскоре был понижен до «выборного» Тульского уезда. Поэтому отдельные историки полагают, что назначение Барятинского в Сургут было почетной ссылкой. Такое суждение, впрочем, малоосновательно. Ведь на сибирских воеводствах «сидели» и дворяне московские, не говоря уже про «выборных», то есть виднейших провинциальных. Жестокое обращение князя Якова с сургутскими остяками правительство царя Бориса позднее квалифицировало как «воровство», следствием которого стали «измена инородцев» и даже их открытый бунт, прежде всего у Нарыма. Но столичные власти не закрывали глаза на заслуги воеводы: по его приказам новгородские дворяне Марк Лодыгин и Иван Мещерский заложили Кетский острог, а полсотни служилых людей направились «ставить» такое же укрепленное поселение на Енисей.

Барятинский был в числе воевод Новгорода Северского, сумевших отстоять крепость, когда осенью 1604 года ее осадил Лжедмитрий Первый с польско-литовскими шляхтичами и запорожскими казаками. При самозванце Яков Петрович наделал жалованьем костромских и ярославских служилых людей.

Вскоре после воцарения Шуйского, снова став дворянином московским, князь ходил против мятежников к Кромам. Его отказ подчиниться боярам Борису Лыкову и Михаилу Нагому стал одной из причин неудачи, постигшей тогда правительственные войска. Яков Петрович оборонял Москву от болотниковцев, а в сражении с ними на реке Пчельне близ Калуги оказался единственным из трех главных воевод, которому удалось спастись. Осенью 1607 года князь управлял Алексием на Оке, недавно отбитым у повстанцев.

Когда к Москве подошел новый Лжедмитрий, Барятинского во главе разведывательного отряда послали навстречу ему по Калужской дороге. Яков Петрович оборонял «царствующий град» от тушинцев, участвовал в походе (правда, безуспешном) против них к Троице-Сергиеву монастырю, провожал на родину жену первого самозванца Марину Мнишек (возле литовского рубежа ее перехватили сторонники «Вора» и доставили в ставку «второлживого» правителя, которого дочь польского воеводы поспешила признать мужем). Направленный для сбора войск к Смоленску, князь разбил ротмистра Чижа у Дорогобужа и очистил этот город от приверженцев «государя Димит-

рия Ивановича». Летом 1609 года в Торжке отряд Бяратинского, выступивший из Смоленска к Москве, соединился с новгородско-шведской ратью царского племянника Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Сторожевой полк князя Якова бился с тушинцами у стен Калязина монастыря, под Кашином, Костромой, Суздалем, Ржевой и Белой. (Федор же Петрович, брат Якова, напомним, был в ту пору боярином «Вора»). Предвидя скорый крах самозванничества в России, польско-литовский король Сигизмунд решил сам захватить Москву. Его армию, однако, почти на два года сковала осада Смоленска. Тогда Сигизмунд двинул к Москве часть своих сил под командованием гетмана Жолкевского. В июне 1610 года в битве у села Клушино полякам удалось разгромить московских воевод, в числе которых находился и Бяратинский. Спустя три недели оставшийся без войска царь Василий был низложен заговорщиками, и под нажимом подступившего к русской столице Жолкевского временное боярское правительство провозгласило новым государем королевича Владислава. Якова Петровича включили в состав «великого посольства», которому надлежало договориться с Сигизмундом III об условиях возведения его сына на московский престол. В ходе переговоров под Смоленском, однако, быстро выяснилось, что король сам хотел сделаться царем «великой России». Не желавших согласиться с кандидатурой Сигизмунда русских послов арестовали и выслали в Литву. Среди них был и Бяратинский. Прах князя, скончавшегося в неволе, привезли на родину после заключения русско-польского перемирия в 1619 году.

РАЗЖАЛОВАННЫЙ ОКОЛЬНИЧИЙ

Якова Бяратинского сменил на сургутском воеводстве Федор Васильевич Головин, принадлежавший к аристократической семье, которая вела свое происхождение из Византии. Федор (в крещении Перфилий), средний сын видного московского дворянина, числился рындой (телохранителем) царевича Ивана Ивановича во время похода в Прибалтику в начале 1570-х годов. Вскоре Головин получил придворный чин стольника, затем - чашника. Дворовый Ивана Грозного, Федор Васильевич участвовал в его последней, шестой, свадьбе, собирав под Орешком детей боярских для обороны этой крепости от шведов, возглавлял отряд служилых людей в окрестностях Серпухова, где могли появиться татары. В правление и царствование Бориса Годунова почти все Головины подверглись опале. Федор Васильевич управлял тогда небольшими городками Казанского края - Царевосанчурском, Яранском, Лаишевом, Царевококшайском. В качестве почетной ссылки обычно рассматривают и пребывание Головина на сургутском воеводстве. Находившемуся в немилости знатному дворянину пришлось искоренять «шатость» местных остяков, вызванную откровенным произволом его предшественника. Возвращением в Москву Головины были обязаны Лжедмитрию I. При царе Василии Федор в чине окольного стал заседать в Боярской думе, но не играл важной политической роли.

В конце 1607 года Головин посылался с войсками к Туле против Лжедмитрия Второго, потом оборонял от него Москву, располагаясь возле Яузы. В походе на тушинцев, завершившемся сражением у села Рахманцева близ Троице-Сергиева монастыря, Федор Васильевич командовал сторожевым полком. Окольный трусливо бежал с поля боя. Получивший отставку по болезни, Головин через несколько месяцев после этого разгрома правительственных войск принял участие в новом походе против «Вора». Царь Василий Иванович, узнав в то время о намерении ряда своих воевод перейти к самозванцу, повелел вернуть армию с реки Незнашь в Москву.

После свержения Шуйского с престола Головин вошел в состав «семибоярщины». От короля Сигизмунда, распорядившегося московскими делами в начале «междоусобицы», Федор Васильевич получил земли на Смоленщине.

В начале 1613 года Головин присутствовал на заседаниях Земского собора, избравшего на царский престол Михаила Романова. Соборную грамоту с известием об этом, посланную в Холмогоры, подписал и Федор Васильевич.

Вслед за избранием московского государя, ставшего родоначальником новой династии, Головин ездил в Кострому просить юного Романова принять царский скипетр. Определенный воеводой на Белоозере, он собирал деньги для снаряжения ратных людей против поляков и «литвы», а вернувшись в столицу, наделял новиков («поспевших в службу» дворян и детей боярских) поместьями и денежными окладами. В 1618 году вместе с другим «думным человеком» Владимиром Вешняковым Федор Васильевич защищал от войск королевича Владислава Чертольские ворота Москвы.

В течение трех лет, когда ему довелось возглавлять приказ сыских дел, Головин не раз обедал за царским столом и сопровождал молодого самодержца в поездке в Троице-Сергиев монастырь. В 1622 году Федора Васильевича назначили воеводой в пограничную Вязьму, но вскоре отозвали оттуда, как и его помощников. Головин по неясной нам причине вновь оказался в опале. Царь Михаил даже распорядился отобрать у него чин окольничего. Умер Головин в 1625 году, накануне постригшись в монахи под именем Пафнутия.

ПЕРВОСТРОИТЕЛЬ «ТОМСКОГО ГОРОДА»

Письменным головой Сургута, когда там воеводствовал Головин, был Гаврила Иванович Писемский.

В начале «царства» Федора Ивановича Писемский служил при дворе жильцом. Через несколько лет Гаврила в память об отце (в монашестве Иоре) внес немалую сумму - 50 рублей - в казну прославленной Троице-Сергиевой обители. В бытность сургутским головой Писемский уже имел чин выборного дворянина Тульского уезда; с высоким окладом (600 четвертей, то есть свыше 300 гектаров). В 1604 году со служилыми людьми Пелыма, Березова, Тобольска, Тюмени, Сургута, татарами и остяками Гаврила Иванович и верхотурский сын боярский Василий Фомич Тырков на правом берегу Томи, у впадения в нее речки Ушайки заложили новую русскую крепость за «Камнем». В том же чине, что и в «Сургутском городе», Писемский в течение полутора лет управлял «градом», построенным в «улусе» Тояна, князя томских татар-эуштинцев.

В последние годы российской Смуты Гаврила Иванович, получив высокий чин стольничного дворянина, был воеводой Алатыря (что в Среднем Поволжье), там и в соседнем Арзамасе собирал ратников и деньги в помощь ополченцам, державшим в осаде захваченную поляками и «литвой» Москву. Под Арзамасом Писемскому принадлежало и поместье, которое у него отобрали по распоряжению нового царя Михаила Федоровича. Гаврила Иванович владел землями и возле старинного верхневолжского города Углича. В начале царствования Михаила Романова Писемский служил на северо-западе страны - вторым воеводой в Невле (первым был Василий Волинский), а потом занимался размежеванием русских и польско-литовских земель.

«СЛУЖИЛ ВСЯКИЕ ГОСУДАРЬСКИЕ СЛУЖБЫ»

Так говорил о себе на закате жизни атаман сургутских казаков Тугарин Федоров. Он появился в Сибири в начале 1590-х годов. Бился ли прежде Тугарин с татарами в Диком поле (раскинувшемся между русскими землями и крымскими кочевьями) или в Поволжье, либо нес государеву службу в северных уездах, мы скорее всего не узнаем, как и то, откуда и из какой среды был родом атаман, «ставивший» Пелым и Сургут. В 1598 году русские власти снарядили экспедицию на Пегую орду, князец которой Воя оставался союзником непокорного Кучума. Чтобы держать в повиновении завое-

ванный край, было решено соорудить Нарымский острог. Основал это укрепление и поначалу управлял им Тугарин. По распоряжению сургутского воеводы князя Семена Михайловича Лобанова-Ростовского из Нарыма атаман отправился на Томь, где собрал ясак с местных татар и привел их «под государеву руку», то есть заставил принять подданство московского царя. Новые «начальные люди» Сургута - воевода князь Федор Тимофеевич Долгорукий и письменный голова Алексей Иванович Голохвастов - послали Тугарина и его казаков на среднее течение Енисея. И здесь Федоров «ясак взял» и принудил «инородцев» платить его впредь. При этом атаман «непослушников воевал и многих побил, а иных князцов и лутчих людей в Сургут привел».

Когда от России попыталась «отложиться» Пегая орда, управлявшие «Сургуцким городом» воевода князь Яков Петрович Барятинский и письменный голова Владимир Васильевич Пивов отправили против мятежников в 1601 году отряд под началом дворянина Марка Лодыгина. Тугарин строил тогда на Кети острог и собрал там ясак. Через десять лет, кстати, атаман с Первушкой Колпашиником и другими сургутскими казаками уверял московских приказных людей в ведавшем Сибирью «Казанском дворце», что Нарым и Кетск «стали не у места», и предложил оставить их, «срубив» взамен город или острог «на Кетцком устье на Роздоре», по левую сторону Оби. Но кетский воевода Григорий Елизаров «скаску» сургутян назвал ложью, и по его настоянию новый острог выстроили поблизости от прежнего, «вверх по Кети, к озеру». Вскоре Федоров «годовал» в этом остроге с десятком казаков.

Весьма привычной была для Тугарина и служба, которую он выполнял в 1607 году - возил в Тобольск из Верхотурья, считавшегося воротами в Сибирь, печати этих городов, топоры, сукна, мед. Накануне же, выехав в Москву с ясачной «казной», сургутянин оказался впервые втянутым в события Смутного времени: под Калугой, в полку прославленного боярина Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, Тугарин сражался с болотниковцами, затем в рядах сотни Гаврилы Посевьева овладел Лихвинской засекой. Сибиряк был ранен, но взял немало языков. Вновь отправившийся из Сургута на «Русь», Федоров «без съезду», иначе говоря, не покидая ополчения, осаждал Москву и «бился явственно» с поляками, «литвой», русскими «ворами», причем снова «многжды был ранен». Вернувшись с освобождением «царствующего града» в Сургут, Тугарин, получая солидные оклады - денежный и хлебный - возглавлял местных казаков до 1626 году, когда был челом об отставке и просил «за службишка и за кровь» определить на свое место 20-летнего сына Петра.

ИЗ РОДА ЗНАМЕНСКИХ

С В Я Щ Е Н Н И К

Многие из тех, кому выпало детские и юношеские годы провести в Сургуте, берегут в памяти светлый образ школьного учителя Аркадия Степановича Знаменского. Дорог этот человек и мне. После его кончины появилась насущная потребность написать о нем, сфокусировать в памяти драгоценные для меня свойства его незаурядной личности. Углубляясь в материал, в какой-то момент я почувствовал, что нахожусь в кругу новых знакомых - предшественников Аркадия Степановича, Знаменских старших поколений.

Оказалось, что мой учитель - веточка от родового древа западносибирских просветителей и деятелей культуры Знаменских. Кто же они? Наиболее широко сибирякам известен тобольский художник XIX века Михаил Степанович Знаменский. Но он - только одно звено в цепи, а начинается она, по крайней мере, для меня теперь, - с весьма заметной в Тобольской епархии фигуры протоиерея Степана Яковлевича Знаменского, отца художника. Это был безупречный нравственный авторитет среди духовенства Тобольской губернии того столетия, единомышленник и друг многих декабристов. Связь Знаменского и его семьи с декабристами была настолько заметной и выразительной, что не могла не найти отражения в многочисленных исторических документах и исследованиях.

Ссылные декабристы, особенно там, где имели возможность для непосредственного общения друг с другом, создавали ту концентрацию высокой культуры, при которой могли «кристаллизироваться» самобытные личности остро необходимых Сибири собственных деятелей науки, просвещения, искусства.

Появление в сибирских городах Кургане, Тобольске, а затем в Ялуторовске, Омске молодого священника, отца Стефана Знаменского не могло не обратить на себя внимания многих декабристов. Очень уж ярко бросались в глаза его незаурядные достоинства - сочувствие людскому горю, доступность, скромность, усердие в служении людям, добросердечие, нестяжательность. И, конечно, отсутствие пристрастного отношения к «преступникам». Далеко не каждый из тогдашних священнослужителей мог позволить себе такой открытый характер общения с ними. Не зря же декабрист И.И. Пущин назвал его «уродом в своем сословии».

В 1824 году Знаменский, окончив курс семинарских наук, выбирает стезю священнослужителя и пишет архиепископу Амвросию прошение о рукоположении его в священники Барнаульской церкви и дозволении вступить в брак. 3 сентября 1824 года в Тобольской Благовещенской церкви венчались восемнадцатилетний студент Степан Знаменский и четырнадцатилетняя девица Александра Земляницына.

Позже последовало назначение на новое место службы - в Курган, священником Троицкой церкви.

Переезд в Курган был, по-видимому, решающим поворотом в жизни отца Стефана. Это был 1826 год - год начала поселения в Тобольской губернии осужденных

декабристов. В Кургане молодой пастырь добротой и усердием заслужил любовь прихожан, но нажил первых завистников и врагов. А позже судьба послала ему новых знакомых - прибывших сюда на поселение декабристов М.А.Назимова, В.Н.Лихарева и многих других.

Положение поднадзорных, каждое письмо которых, прежде чем попасть к адресату, прочитывалось не одной парой чиновничьих глаз, было невыносимо. Декабристы искали и находили нелегальные пути для переписки, многие сибиряки содействовали душевному общению декабристов между собой и родственниками, оставшимися в России. Одним из них стал молодой священник Стефан Знаменский.

Впоследствии сам он признался: «Мое знакомство со странниками мира может быть для другого подозрительно, но я спокоен, потому что в этом совесть моя не укоряет; а обязанность еще не только не воспрещает, но даже повелевает посещать таковых. Если это подозрение и могло переменить мнение в высших... пройдет брожение, отстоится, и ошибочные и односторонние мнения примут правильное направление».

В декабре 1835 года последовал перевод Знаменского в Тобольск, а вскоре и большая часть духовно окормляемых им декабристов была отправлена в действующую армию на Кавказ. Память о пройденной вместе части жизненного пути осталась на всю жизнь. Известны письма М.А.Назимова, в которых он еще и через десять лет после отъезда из Кургана продолжает посылать приветы Знаменскому. (И.И.Пушину 6 сентября 1847 года: «Благодарю добрейшего Степана Яковлевича за его привет и молитвы. Всей душой люблю и чту этого чудного человека и утешаюсь его воспоминанием обо мне, надеюсь на его молитвы о нас. Жена моя разделяет мои чувства к нему»).

Итак, отец Стефан снова в городе, где провел десять детских и юношеских лет. Ему 32 года, он самый молодой из священников Софийского кафедрального собора, но уже обладает серьезным пастырским опытом. У него семья, трое детей, и суждено прибавление в тобольский период еще одной дочери. Из декабристов в Тобольске только Николай Алексеевич Чижев - бывший морской офицер, участник полярных исследований и одаренный поэт, а ныне - солдат линейного батальона. Вряд ли они знакомы. Но в августе 1838 года здесь появились Фонвизины: Михаил Александрович, генерал-майор, один из видных участников декабристского движения, и жена его Наталья Дмитриевна. Их дом быстро становится центром духовной жизни города. Здесь ищутся способы оказания помощи разбросанным по Сибири «нашим», как декабристы называли своих единомышленников. Заботятся Фонвизины и об устройстве прибывших на поселение в Тобольск следом за ними других ссыльных. Отец Стефан вскоре сблизился с Фонвизинными.

В конце 1839 года последовал новый перевод священника Знаменского - в Ялуторовск, как пишет его биограф протонерей А. Сулоцкий, «для остановки сильного распространения раскола в уезде этого города и прекращения в тамошнем духовенстве кой-каких нестроений». В Ялуторовске к этому времени тоже сложилась небольшая, но впоследствии очень сплоченная декабристская семья - супруги Ентальцевы, В.К.Тизенгаузен, И.Д.Якушкин, М.И.Муравьев-Апостол. Через три с половиной года сюда переехали из Туринска два друга - И.И.Пушкин и Е.П.Оболенский. Фонвизины в своих письмах к ялуторовским поселенцам дали самую высокую аттестацию отцу Стефану. Сего приездом Иван Дмитриевич Якушкин (тот самый, о котором Пушкин в «Евгении Онегине» писал: «...Меланхолический Якушкин, казалось, молча обнажал цареубийственный кинжал»), получил наконец возможность осуществления своего давнего замысла открыть общедоступную начальную школу и этим воплотить одну из главных программных целей декабризма - просвещать народ.

В плане Якушкина отец Стефан вскоре занял ключевое место. Иван Дмитриевич воспользовался изданными незадолго до этого указами Синода, поощрявшими местное ду-

ховенство к организации при церквях приходских училищ. Начались нелегкие хлопоты о разрешении открыть училище.

С открытием 7 августа 1842 года училища для мальчиков начались неприятности. Причиной - фактическое руководство им осуществлял «государственный преступник», который к тому же вел дело самостоятельно, совершенно не считаясь, нравится это или не нравится тем, кто руководил народным образованием в уезде и в губернии.

В середине апреля 1846 года Якушкин получил известие о смерти жены, Анастасии Васильевны. Деятельный и нестигаемый Иван Дмитриевич решает в память о ней открыть в Ялуторовске вторую, теперь уже женскую, школу. 1 июля 1846 года она уже начала работать, и опять при Сретенском соборе, под крылом отца Стефана. Эта дата помечена в его карманном месяцеслове. И снова - тревоги, волнения, стычки с недоброжелателями, весьма болезненные для священника еще и потому, что был он по натуре исполнительным, законопослушным.

В конце-концов в школьные дела оказалась вовлеченной вся семья отца Стефана. Здесь прошли курс обучения его дети - Михаил, Александра и Константин. Дочь, обнаружив хорошие способности, впоследствии давала уроки в девичьем училище, стараясь поддержать усилия отца и его друзей. Своими школьными заботами священник постоянно делился с женой.

В результате перевода в Омск в ноябре 1853 года отец Стефан лишился привычного и дорогого для него декабристского окружения. На новом месте он, уже в одиночку, продолжил начатое в Ялуторовске дело - открыл для девочек так называемое ланкастерское училище, где преподавали сами ученицы, прошедшие специальные курсы.

Обстоятельную характеристику личности отца Стефана Знаменского читаем у протоперея Александра Сулоцкого, биографа строгого и точного: «Если к исправности о. Стефана на всех должностях присовокупить еще его совершенную нестяжательность, его всегдашнюю трезвость, строжайшую, высоконравственную, образцовую жизнь, глубокое смирение, ласковое обращение со всеми, между прочим, и со своими подчиненными, снисходительность к ним в случае их погрешностей, старания возникшие иногда и у духовенства между собой и у прихожан с духовенством распри и неудовольствия всегда оканчивать миром, его доступность для всех и скорое и верное разъяснение недоуменных вопросов из церковной практики и в особенности по делам брачным, усердную помощь ищущим полезного и спасительного духовного чтения - и тогда будет понятно, почему его везде почитали и любили... В Кургане, а после в Ялуторовске и Тобольске лица знатного происхождения и высокого образования, но по несчастию жившие в Сибири, из желания получить в христианском духе наставления и утешения в скорбях, наперерыв искали его знакомства, избрали его себе в духовники и вообще в руководители в духовной жизни, вели с ним переписку даже и по возвращении в Россию, а иные из них оставили о нем добрые воспоминания и в посмертных своих записках».

Близость Знаменского к декабристам не представляла, конечно, секрета для духовенства западносибирских городов, из-за чего он немало вытерпел укоров, неприязненных взглядов, язвительных реплик и от равных по званию, и от начальства. Но при всем при этом его расположение к претерпевшим сохранялась, не поддаваясь влиянию никакой конъюнктуры.

Для второй генерации Знаменских характерен переход от духовной деятельности к светской. Речь пойдет прежде всего о сыновьях отца Стефана Михаиле и Николае. И все же со Степаном Яковлевичем у них было немало общего. На их судьбы также наложило сильный отпечаток длительное общение с декабристами.

Вот как писал об этом молодой художник Михаил Степанович Знаменский: «Появилось 14 декабря и 25-й год. Десятки пошли в каторгу, потом рассыпались по Сибири, их разбитые верования и надежды заменила глубокая вера в промысел и желание делать добро. А московская натура влекла их набирать воспитанников... На мое удаление от бурсацкой науки раболепствующее начальство смотрело снисходительно и передвигало из класса в класс, а не выбрасывало, как негодные плевеы. И проявляющаяся склонность к рисованию, приобретенная мною от созерцания в детстве живописного обозрения, нашла с их стороны одобрение».

Первые впечатления от людей, так странно выделявшихся на фоне привычного окружения, относятся к раннему детству. Михаил еще пятилетним ребенком слышал, как в семейном кругу упоминали некую «черную даму». Так звали в Тобольске Н.Д. Фонвизину за ее пристрастие к черным цветам одежды.

«Мы жили тогда бедно, - пишет он в автобиографическом очерке «Детство среди декабристов», - и Фонвизины старались помочь нам, чем могли. Помню, в это время отца перевели на службу в город Ялуторовск... Неохотно расставались мы с Тобольском. Но отец утешал нас тем, что и в Ялуторовске есть «ихние», т. е. декабристы».

Первым из них мальчик увидел Ивана Дмитриевича Якушкина. Затем последовали другие знакомства. Миша запомнил и первую встречу с Пушным и Оболенским, переселившимися в Ялуторовск из Туринска, и молчаливого барона, бывшего командира полка Тизенгаузена с его неизменной трубкой, и обеды у Муравьевых-Апостолов, и хозяина этого дома Матвея Ивановича за фортепиано, единственным тогда в Ялуторовске, с его песней «Уж как пал туман на Неву - реку, крепость царскую, Петропавловку...». Нашелся в его памяти уголок, где зафиксировался даже момент кратковременного посещения Ялуторовска Кюхельбекером. Но самую обширную область воспоминаний занимает школа.

О Якушкине: «Его душевная мечта была - сельские школы, где бы, кроме предварительных познаний, познакомить крестьян с законами, насколько они касаются их быта. Но это была не более как мечта. Прежде чем устраивать это в селах, нужно было сделать такой опыт в городе, но сделать это можно было только в таком случае, когда бы имела поддержка хотя бы в одном лице официальном, о чем нечего было и думать. Наконец, явился в Ялуторовск мой отец. Поддержка была найдена, и горячее сочувствие с его стороны решило начало ланкастерской школы в городе. И вот без всяких подписок явилась при церкви школа, и 5 мальчиков стояли уже около железного круга. Это было для нас ново и оригинально, и очень нас занимало».

Детские впечатления о школе, где учителя - это старшие товарищи, где нет муштры и жестокости, формировали в сознании учеников почтительное к ней отношение. Это подтверждают слова М. С. Знаменского: «...они не ограничивались одними словами. Дознательство того - не одна сотня грамотных ялуторовцев мужского и женского населения, которые без 25 года и 14-го декабря оставались бы такими, какими остается большинство уездных городов Тобольской губернии...»

В сентябре 1846 года для продолжения учебы Миша Знаменский переехал в Тобольск. В семинарию он поступил легко, но скоро почувствовал разочарование. С первых же дней это учебное заведение сильно проигрывало в его глазах в сравнении с ялуторовскими училищами.

*М. Знаменский.
Посиделки. 60-е годы XIX века.
Бумага, акварель.*

Тобольские декабристы тоже взяли Мишу под свою опеку, но отношения с ними у него налаживались трудно. С самого начала он был разочарован несоответствием тех, кого здесь встретил, своим представлениям о них. Он ожидал найти в Тобольске кружок, во всем аналогичный ялutorовскому, а увидел людей в полном смысле слова светских, одинаково любезно беседовавших как между собой, так и с высшими городскими чиновниками. Позднее Михаил Знаменский писал: «...тобольские мало подходили к моим идеалам героев, изгоняемых из городов...»

Сближение, однако, происходило мало-помалу. Сначала, по-видимому, с П.С. Бобрисевым-Пушкиным - человеком простым и доступным, к тому же мастером на все руки и неплохим рисовальщиком. Скорее всего, Павел Сергеевич и открыл первым художественный дар в Мише Знаменском и этим предопределил решающий поворот в его судьбе. Известно также, что М.А. Фонвизин нанял для Миши учителя рисования, а некоторое время спустя выпускник Тобольской семинарии поехал в Петербург, чтобы в столичной семинарии совершенствоваться в живописи и графике. Выпуску Михаила Знаменского из Петербургской семинарии по первому разряду способствовало и ходатайство госпожи Пушиной: она убедила ректора, что духовным лицом Знаменский не будет, а первый разряд даст ему возможность получить первый классный чин. «Гос-

пожа Пушкина, должно быть, сестра Ивана Ивановича Пушкина, промелькнуло у меня в голове, - писал потом Знаменский. - Следовательно, в чин коллежского регистратора произведен я в городе Ялutorовске, в сереньком с колоннами домике, - в квартире Ивана Ивановича Пушкина. Это было его дело».

Словно бы зная, что готовый к отъезду из Петербурга на родину выпускник семинарии сидит без копейки денег, сын декабриста В.К.Тизенгаузена Михаил помог ему добраться до подмосковного имения Марьино, куда к тому времени возвратились из тобольской ссылки Фонвизины. Удивительно ли после сказанного, что декабристская тема заняла особое место в творчестве художника Знаменского. Им написаны цикл иллюстраций на рылеевские сюжеты и акварельные портреты многих деятелей движения.

Если Михаил Знаменский сформировался под сильным воздействием ялutorовских декабристов, то его старший брат Николай с раннего школьного возраста и до окончания семинарии жил и воспитывался в доме Фонвизиных. По их переписке с другими декабристами и с самим отцом Стефаном видно, что Николай был у них на правах члена семьи. Жизнь в демократическом, открытом и вместе с тем аристократическом доме Фонвизиных наложила, конечно, свой отпечаток. Близкая к этому дому М.Д.Францева вспоминает о балах, встречах и долгих беседах с видными представителями духовенства, традиционных семейных выездах за город в день рождения Натальи Дмитриевны.

Но на этом фоне были и такие замечательные события, как борьба декабристов против холеры, свирепствовавшей в Тобольске в 1848 году. В июле Николай писал родителям: «К нам являються почти каждый день по 60 или 70 человек, и мы благодаря Бога помогаем самыми простыми средствами - камфарным спиртом и камфарным спиртом с опиумом - Бог благословил это средство - ...умирает очень немного...».

В то же лето из красивого деревянного дома в нагорной части Тобольска, близ кремля и церкви Петра и Павла, Николай Знаменский отправился в Казань, в духовную академию. Фонвизины все годы учебы следили за успехами Николая, всячески старались ему помочь и, по всей видимости, материально обеспечили его высшее образование. По окончании академии и возвращении из Казани в Тобольск он еще успел застать в нем Фонвизинных.

Итак, не будет никакой натяжки в том, чтобы назвать братьев Знаменских воспитанниками декабристов. Как же они распорядились столь богатым «наследством»?

По возвращении из Петербурга в Тобольск Михаил стал преподавателем духовной семинарии, бесплатным учителем Марининской женской школы, наконец, другом поэта П.П.Ершова (в то время - директора гимназии), а также домашним учителем «ершат». В 1863 году Михаил Степанович уволился из духовного звания и с тех пор долгие годы жил без постоянного заработка, скромно и временами просто бедно. Сотрудничал с прогрессивными российскими журналами «Искра» и «Маяр», опубликовал там многие десятки сатирических рисунков, имел постоянно натянутые отношения с цензурой. Стоял переводчиком с татарского языка при Тобольском губернском правлении. Много путешествовал, бывал и в Средней Азии, и на Севере Сибири - в Обдорске, Березове, Пельме. Делал этнографические зарисовки быта «самоедов», остяков, вогулов. Вел раскопки. Часть найденных им предметов вошла в археологическую коллекцию Томского университета. Увлекался резьбой по мамонтовой кости, участвовал в любительских спектаклях, занимался литературой, публицистикой. Словом, был одной из заметных фигур в общественной жизни Тобольска второй половины XIX века.

Спустя шесть лет после окончания академии по неизвестным мотивам он из духовного уездного училища, где преподавал латынь, географию, арифметику и закон божий, перешел в светскую службу и после непродолжительной работы в Тобольском приказе о ссыльных на долгие годы принял на себя обязанности губернского уголовного дел стряпчего - чиновника по судебному надзору. Вёл следственные дела, вступал в контакты

*М. Знаменский.
Наследник-цесаревич Николай Александрович
на пароходной палубе с тобольским губернатором.
Конец XIX века.
Бумага, акварель.*

с политическими ссыльными, разбирал конфликты, ревизовал различные учреждения, часто разъезжая по обширной губернии. Без сомнения, он был образцовым чиновником. Об этом говорят и все более усложнявшиеся и частые поручения, получаемые непосредственно от губернатора (даже никак не относящиеся к кругу обязанностей стряпчего, как, например, исследования русел рек Ишима и Пышмы на предмет устройства по ним судоходства), и постоянные его замещения - то прокурора, то - председателя губернского правления, а в последние годы службы - и губернатора. И пять орденов, и другие знаки отличия. В 1883 году коллежский советник Николай Знаменский был из министерства внутренних дел причислен, помимо его воли, к министерству юстиции с выездом на новое место службы. По этому случаю губернатор Лысогорский обратился к министру внутренних дел со следующим письмом: «...Зная г. Знаменского как чиновника примерно-трудолюбивого, усердного, честного, исполнительного и заслуженного, т.к. он, не говоря о его вообще продолжительной и полезной службе, состоя в должности губернского стряпчего, в то же время исполнял с аккуратностью многие и посторонние поручения, я с полной готовностью желал бы иметь его в своем распоряжении, тем более что во вверенной мне губернии вообще крайний недостаток в способных и дельных чиновниках...». Итак, по своему общественному положению братья Знаменские были людьми совсем разными: один - солидный чиновник, другой - лицо без определенных занятий, к тому же еще едкий, насмешливый человек и вечный холостяк. Николаю Степановичу, как видим, весьма лестную характеристику даёт губернатор Лысогорский, и на этого же губернатора Михаила Степанович рисует злые карикатуры, сравнивая его с городничим из гоголевского «Ревизора»...

Теперь остаётся представить еще одного из этого поколения Знаменских - их двоюродного брата Степана Ильича. Когда молодой священник, отец Стефан Знаменский переехал в Курган, там уже служил его старший брат Илья, по-видимому, судейский чиновник. Затем дороги их разошлись. Илья Яковлевич перебрался в Томскую губернию, затем дальше на восток. Была в эту пору у него крайне неприятная полоса.

Сам он описывает случившееся в письме к младшему брату от 4 августа 1849 г. так: «Я с 24 июня проживаю в Томске с семейством, оставив службу в Красноярске по обстоятельству, бывшему в 1842 году, а именно: в Канском округе высек одного негодя лозами. Дело тянулось; наконец в минувшем году К. рассудилось предать меня суду...». В дело вмешался генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, посоветовавший подать прошение об увольнении от службы по домашним обстоятельствам. В это смутное, тревожное время добрая душа отца Стефана не могла оставаться праздною, и он взял в свою семью детей брата - Степу и Лизу.

Разумеется, на детей обратили внимание и декабристы. Спустя шесть лет П.Д. Якушкин, сообщая С.Я. Знаменскому о днях, проведенных в Томске по пути в Иркутск, писал: «Вы мне не сказали, что братец ваш служит в Томске, и я, увидав его неожиданно, очень ему обрадовался, и он, и все его семейство здоровы; к сожалению моему, я не видал Степаники и узнал после, что он заходил ко мне, когда меня уже не было в Томске. Учится он прекрасно, и есть надежда, что дирекция отправит его в университет».

Томскую гимназию Степа Знаменский, действительно, окончил весьма успешно, но образования своего - скорее всего, по недостатку средств - не продолжил. Много лет был акцизным чиновником - занимался сбором налогов. Исколесил Сибирь, овдовел, в преклонные годы снова женился и наконец поселился в Тобольске. По семейному преданию, Степан Ильич отлично играл на скрипке, и скрипка была у него какая-то редкая, старинная, работы одного из знаменитых итальянских мастеров.

Так знакомство с двоюродным братом Михаилом и Николаем Знаменских Степаном Ильичём выводит нас напрямую к судьбе его сына - моего сургутского учителя Аркадия Степановича Знаменского.

Даже самым младшим из его воспитанников уже перевалило за 60. Но любой из них при встрече с одноклассниками опять хоть на мгновение почувствует себя школьником и обязательно вспомнит незабвенного Аркадия Степановича. Потому что каждый в большей или меньшей степени несет на себе отпечаток этой незаурядной личности.

Чем же привлекал к себе наш учитель? Своей добротой? Нет, это слово как-то не вполне подходит. Можно ли сказать, характеризуя мудреца, что он добр? Вряд ли. Так и здесь. Свойственная Аркадию Степановичу доброта была совсем незаметной, по крайней мере, неафишируемой. Главным было, пожалуй, другое: он жил, чтобы понимать жизнь, и в этом, скорее всего, и заключена магнетическая сила его воздействия на других. Человек большой эрудиции, обширнейших познаний, он жил в состоянии повышенной активности духа. Сумев сохранить в целостности самостоятельность ума в эпоху всеобщего конформизма, унификации людей и идей, он выработал собственное оригинальное мировоззрение. Может быть, в этом и состоит его главный урок для нас. Но прежде чем рассказать об А.С. Знаменском, переброшу мостик в прошлое.

Тобольск, 1898 год. В многодетной семье Степана Ильича Знаменского (того самого «Степанки», которого Якушкин хвалил в письме за успехи в науках) родился ещё один сын - Аркадий. Семья была дворянской. Но это бесполезное дворянство, которого отец-старик удостоился за год до рождения сына, ничуть не избавляло семью от очевидной для всех бедности. Аркадий Степанович в «Автобиографии» писал: «После смерти отца семья в семь человек существовала на пенсию в 36 рублей в месяц, не имея ни дома, ни хозяйства».

Большого достатка, надо сказать, и после никогда не было в этой семье, а сама Августа Фёдоровна (мать А.С. ?), бывшая народная учительница, умерла в 1903 году от истощения на больничной койке. Рядом с ней лежала тогда в тяжелейшем состоянии её дочь Екатерина.

Единственное, в чем не могла отказать себе семья Знаменских, это в стремлении дать детям образование. Все они учились в гимназии, и, как когда-то отец, весьма прилежно. «В 1909 году, - пишет далее Аркадий Степанович в «Автобиографии», - я закончил курс трехклассного приходского училища и, сдав приемный экзамен, был зачислен в 1-й класс Тобольской гимназии. По материальной несостоятельности был освобожден от платы за право учения, а в седьмом и восьмом классах был зачислен на государственную стипендию. В 1918 году заканчиваю курс гимназии и до ноября 1919 года даю частные уроки по математике, вплоть до прихода красных в Тобольск. С приходом красных мне предложено было работать в реорганизованной школе II ступени (бывшая женская гимназия) в качестве преподавателя физики, где и проработал полный учебный год (1919/20), но в силу значительных материальных затруднений перешел на работу заведующим детским домом №2, проработав зиму 1920/21 г. По заявке Сургутского УОНО Тобольский отдел народного образования откомандировал меня в Сургут, где с сентября 1921 года работаю в качестве преподавателя математики и физики...».

Справедливо говорят, что истоки судьбы человека надо искать в его детстве. Выбор Знаменским Сургута не был случайностью. Еще мальчишкой в гимназии он учился вместе с сыном тамошнего исправника Григория Пирожникова. Тот много рассказывал ему о сургутских лесах, о речке Черной. «И мне захотелось, - вспоминал потом мой учитель, - увидеть эти берега, речные повороты, пески. И вот приехал». Приехал Аркадий Степанович не один, а с молодой женой Анной Андреевной - выпускницей Марининской женской гимназии. В Тобольске они вместе работали в детском доме. Старые сургутяне помнят появление в селе этой молодой четы. Анна Андреевна была в скромном, чуть ли не из марли белом платье - красноречивом свидетельстве бедности.

В 20-е годы здесь образовался интересный учительский коллектив, в котором не было многоопытных педагогов, ни один не имел высшего образования, но собрались люди умные, с творческим характером и молодой жадой работы. К примеру, литературу преподавал Петр Ильич Кучков - по профессии музыкант. Аркадий Степанович Знаменский вел физику и математику, к тому же обнаружил музыкальный дар и пристрастие к фортепианному исполнительству. Кучков и Знаменский (оба, кстати тоболяки, знакомые между собой с детства) были по-видимому, первыми музыкальными просветителями Сургута. Анна Андреевна тоже преподавала математику, но была еще и организатором театральной жизни школы.

Жизнь учителей не замыкалась стенами школы. Аркадий Степанович, склонный к исследовательской работе, вошел в Сургутское краеведческое общество. В наброске плана изучения природы края на 1930-31 гг. он предлагал описать геологические особенности района, составить карты лесов, транспортных линий, описать озерные системы, что могло бы послужить обоснованием расчетов при планировании лесного и рыбного хозяйства. Сам он во время летних каникул много путешествовал на лодке или пешком, со временем это стало одним из его любимых занятий.

Однажды от родственницы Знаменского Т.Н. Зыковой я услышал суждение, что Аркадий Степанович по своей натуре больше был ученый, чем учитель, и мысленно согласился. Позже находилось этому не одно подтверждение. Уже в самые первые годы его педагогической деятельности в связи с его работой «О конических сечениях» шла оживленная переписка между местными органами народного образования и Наркомпросом и другими столичными учреждениями. Речь шла о необходимости поддержки молодого учителя «ввиду выдающихся его способностей в области математики» и предоставлении ему возможности для обучения в университете.

В итоге в 1924 году на заявлении учителя А.С. Знаменского появилась резолюция: «...1) тов. Знаменского зачислить на стипендию; 2) выдать ему единовременное пособие 2 червонца, А.В. Луначарский». В 1925 году была выслана зачетная книжка на студента физического факультета Томского государственного университета Знаменского. Но к учебе он не приступил, так как обещанная стипендия по какой-то причине не была назначена. Однако научных занятий не оставлял.

Особенно захватила его воображение... теорема Римана! Году в 23-м приезжал в Сургут ленинградский астроном Орлов. Знаменский, не упускавший подобных возможностей для общения, после знакомства и первых вежливых расспросов предложил: «Решите задачку». Тот в ответ предложил свою, в которой выходило, что от перемены мест слагаемых сумма... меняется. «Сумма меняется! Наваждение какое-то». Это «сумасшествие», как любил выражаться Аркадий Степанович, занимало его многие годы и в конце концов вылилось в неординарную работу «Логические пространия в теореме Римана о свойствах условно-сходящихся рядов».

От уроков физики хорошо запомнились опыты, которые учитель выполнял со скрупулезной точностью. Нередко он приносил и собственноручно изготовленные приборы, приспособления и пособия. Например, при прохождении свойств жидкостей использовал тончайшие капиллярные трубочки, которые сам же вытягивал из расплавленного стекла.

Конечно, Аркадий Степанович был и увлеченным популяризатором физико-математических знаний, и стоило кому-нибудь из учеников обнаружить повышенный к ним интерес, как учитель уже делал шаг навстречу. Эта сторона деятельности занимала его ум, пожалуй, повседневно. Знаменский-педагог, как и во всем, был оригинален. Не дававшим себе труда понять, с кем они имеют дело, он казался экстравагантным, странным, чудаковатым. Но вот что говорят спустя много лет учителя, которым довелось начинать свой путь вместе с ним, в частности, З.Х. Трофимова: «Аркадий Степанович

еще тогда применял метод дифференцированного обучения - то, что никаким методом не считалось и оформилось как понятие значительно позднее. Он повседневно и точно учитывал знания каждого ученика, степень усвоения, («прекрасная гимнастика памяти!» - подтвердил бы сам учитель). Он почти не ставил двоек и не оставлял на второй год, хотя в то время это не запрещалось; он работал с теми, кто плохо усваивал материал, и добивался удовлетворительных знаний».

...Когда я читал воспоминания о священнике Стефане Знаменском, меня не покидало ощущение удивительного сходства между Степаном Яковлевичем и его внучатым племянником Аркадием Степановичем. Объяснить это могу только памятью генов. Я и сейчас остаюсь в полной уверенности, что словами, написанными в XIX веке об отце Стефане, можно было бы сегодня, пусть и с некоторыми поправками на время, характеризовать нашего учителя.

Так, А.П.Созонович, воспитанница декабриста М.П.Муравьева-Апостола, вспоминала: «Дети собирались в школу, как на праздник. Протоиерея Знаменского они всегда нетерпеливо ожидали и слушали с благоговением. Его прекрасная наружность вполне соответствовала сану священнослужителя: немного выше среднего роста, худощавый, но при слабом здоровье, он не имел следа утомления или болезненного изнурения постника, походка его была легкая, все движения просты и естественны, кротость и спокойствие чистой совести отражались в его черных глазах, и одушевление его лица было как бы человека не от мира сего».

Можно говорить и о прямых совпадениях: тот и другой были вегетарианцами, не пили вина, никогда не носили дорогой одежды, мало думали об оказываемых им почестях, вели достаточно уединенную жизнь.

Здесь мне сразу приходит на память, как однажды сентябрьским вечером я провожал Аркадия Степановича из Ханты-Мансийска, где он находился проездом, в Тобольск. Несмотря на мои попытки устроить его ночлег поудобней (все-таки человеку уже за 70!), он деликатно, но твердо отказался. А вскоре из Тобольска прислал письмо, где извещал: «В Ханты-Мансийске в пристанской гостинице я получил раскладушку, матрас, подушку, простыню, пододеяльник и одеяло, ночевал в теплом вестибюле с другими пассажирами, которым не хватило коек в номерах. «Ракета» вышла в путь аккуратно по расписанию... Большое спасибо за содействие».

Это особое отношение к жизни в свое время удачно отметил известный сургутский журналист Н.И. Ездаков, вспоминая в одном из очерков, как однажды захотел узнать мнение Аркадия Степановича о только что услышанной песенке по поводу льготной и беззаботной будто бы жизни геологов в тайге. Тот улыбнулся и достал с полки небольшую книжицу. Это была работа историка П.И.Рошевского «Воспитанник декабристов художник М.С.Знаменский». На одном из воспроизведенных в ней сатирических рисунков тобольского художника легко шествовали веселые бурлаки; они шутя несли невесомую бечеву, а над головами их кружились бабочки.

Говорят, настоящий педагог тот, кто воспитывает, «не воспитывая», - вне урока, наставлений, поучений и даже в свое отсутствие. Знаменский как раз и был таким. Во мне ощущение необычности его личности навсегда осталось от тех моментов, когда он музицировал. До начала школьных концертов и в антрактах он обычно за сценой усаживался за пианино и своими быстрыми пальцами извлекал из инструмента каскады великолепных звуков - все это были отрывки, отдельные пассажи. Если кто-нибудь спрашивал, откуда это, отвечал уклончиво: «Из разных произведений». Услышать что-либо полностью, от начала до конца, можно было в теплый летний вечер из распахнутых окон дома Знаменских, и от этого становилось так празднично и умиротворенно на душе. Шопен, Бетховен, Чайковский, Глинка, Мендельсон, Шуберт, Лист - его любимые композиторы - как бы обращались к нам через Аркадия Степановича,

он говорил с нами от их имени, а иногда в этот разговор вплеталась и собственные сочинения учителя.

Здесь хотел бы опять вернуться к тобольскому детству Аркадия Степановича и сказать, что дом Знаменских при отсутствии какой-либо роскоши жил одухотворенной жизнью. В нем пели, играли на флейте, фортепиано и на чем угодно, - «хоть на печной заслонке», как шутливо заметила сестра учителя Екатерина Степановна Пухова. Заключая воспоминания об А.С.Знаменском-педагоге, считаю необходимым сказать следующее: нам, ученикам, он представлялся, по наивности нашей и житейской неопытности, личностью раз и навсегда сложившейся, завершённой. А он был в непрерывном развитии, двигался вперед незаметными для нас шагами. Это подтверждается хотя бы тем, что выпускники разных лет воспринимали его по-разному. Мысль его никогда не останавливалась. Находясь среди материалистов, он имел твердость духа, чтобы верить в некую управляющую Вселенной силу. Ему была близка концепция «благоговения перед жизнью» немецкого мыслителя Альберта Швейцера («Я есть жизнь, которая живет среди жизней, которые тоже хотят жить»), хотя он, вполне возможно, об этой концепции и не знал. Необычайную сложность и целесообразность организмов он не мог и не хотел объяснить эволюцией. Он видел в этом волю Творца. Все темное, злое в человеке, действующее вопреки добру и хорошему, Аркадий Степанович называл словом «сатанизм». Он говорил о сатанизме тех, кто во имя удовлетворения своих страстей может перешагивать через людей, мучить их, делать несчастными, не останавливаясь даже перед убийством.

В один из ноябрьских вечеров уже далекого 1973 года учитель рассказывал мне, как давным-давно в нем начиналось то, что составило дело всей его жизни. И выходило так все очень просто. Музыкой увлекся еще в Тобольске; играла сестра - «посредственно, но с чувством». Разрешили взять с какого-то склада старый рояль - попробовал играть. Открыл для себя Шопена, потом Мендельсона. Стал сам сочинять... В Сургуте под влиянием учителя Палисадова увлекся работой над признаками делимости. Попробовал - получил интересные результаты. И так во всем...

Заглядывая в будущее, Аркадий Степанович считал, что никакого изобилия ожидать не стоит. Возможности людские всегда были и будут ограниченными. Но в каждой из них всё же таится бесконечность, нужно только извлечь ее, как это сделали в свое время декабрист Якушкин и священник Стефан Знаменский, открывая свои школы и распространяя грамотность в народе. А начинается всё с такого казалось бы крохотного первого шага.

Аркадий
Степанович
Знаменский

Фотография из фондов
Сургутского краеведческого музея.
1918 год.

ПОВЕРЕННЫЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

*Многие литераторы
и «демократическая пресса» разных эпох
немало постарались,
создавая нелицеприятный образ
государственного служащего дореволюционной поры.
«Царский чиновник» - это стало звучать, как приговор.
Взгляд, мало сказать, однобокий...*

*Между тем, великую страну
от Балтики до Тихого океана,
по верному замечанию историка и мыслителя
Ивана Солоневича,
построили и держали на своих плечах
отнюдь не «маленькие люди» Чехова
и не те, неврастенические герои Достоевского.*

*При всех трудностях, недостатках и злоупотреблениях
(в какой стране их нет или не было?)
управление обширными губерниями,
уездами, волостями, городами России
осуществлялось вполне эффективно,
чему есть масса исторических подтверждений.
В их числе и биография «царского чиновника»
Григория Пирожникова - человека честного,
исполнительного, проявившего незаурядные способности
во всех необходимых для устройства
уездной жизни делах,
коими он занимался по службе или по велению сердца.
Как будучи на службе
у Его Величества Государя Императора,
так и в первые годы
Советской власти.*

1. Труды уездные

...Морозным солнечным утром 1 января 1915 года сургутская детвора стайками стекалась к дому исправника. Здесь их ждала нарядная новогодняя елка, установленная в большой зале, и встречал при полном параде сам уездный исправник Григорий Александрович Пирожников, вручая каждому подарки. Дети весело и бойко отвечали на его приветствие, ничуть не смущаясь «самого главного», по словам их родителей, человека в городе.

Григорий Александрович был строг и одновременно открыт для общения, умел найти подход ко всем, к представителям всех сословий и народностей уезда, занимавшем очень большую территорию в Тобольской губернии.

Пирожников получил назначение в Сургут летом 1903 года. Сюда он приехал с детьми и супругой Евфросинией Степановной, с которой познакомился в Березовском уезде, где служил в окружном полицейском управлении сначала надзирателем, а затем секретарем. Сын простого псаломщика, он сделал незаурядную карьеру, когда после Тобольского духовного училища настоял, чтобы его направили на государственную службу на Север. В двадцать пять лет он был назначен земским заседателем в поселок Кондинский, а в тридцать четыре занял высокий пост сургутского уездного исправника.

Он при этом исполнял обязанности крестьянского начальника, заведовал шестью волостями, одной русской и пятью инородческими, а также - девятью хлебозапасными магазинами. И, кроме того, состоял председателем уездного комитета общественного здоровья, совета Сургутской инородческой больницы, уездного комитета по оказанию помощи семьям воинов, больным и раненым воинам.

Г.А. Пирожников был действительным членом Архангельского общества изучения русского Севера, членом Тобольского губернского музея, имел благодарность лично от ректора томского университета за оказание практической помощи профессору С.М. Чугунову и содействие в проведении научных исследований в Сургутском уезде. Сохранилось благодарственное письмо Парижского Географического Общества в адрес исправника Пирожникова за посылку экспонатов в Париж и оказание помощи французскому ученому и путешественнику Полю Лабе во время работы в Сургутском уезде. Парижское общество ставило вопрос о награждении Пирожникова французским орденом, но, к сожалению, необходимые для представления документы осели где-то в петербургских кабинетах.

Энергичный и деловой руководитель уезда постепенно развеял сонную атмосферу провинциального города на Оби... Хотя поначалу настороженно встретило население большую семью, которая разместилась в арендованном у богатого Сургутского купца пятистенном добротном доме. Три комнаты были отведены под административный кабинет. Детская заняла еще две большие комнаты, в которых поселились четыре дочери и три сына исправника. Кухня и столовая были совмещены, и здесь за трапезами собиралась вся семья. Частенько к ней присоединялись и частые гости. Всем в доме заправляла красивая, всегда сдержанная и приветливая хозяйка.

Отца и мать дети называли не иначе как «папочка» и «мамочка» и обращались только на «вы», как, собственно, и ко всем взрослым. Добрая и трудолюбивая служанка Прасковья считалась равноправным членом семьи. В доме было много книг, поступали периодические издания. И уроки закона Божьего были обязательны. С молитвой здесь вставали, садились за стол, провожали день. Позже, в годы Советской власти, ни отец, ни мать никогда не позволят себе упрекнуть повзрослевших детей за то, что они под влиянием времени и общества отошли от веры. Но и сами дети сохраняют уважительное отношение к вере родителей, которые до последних дней жизни ходили в церковь, а дома подолгу молились перед иконами и по своим молитвенникам. Вера в Бога была для Григория Александровича в трудные годы гонения главной опорой. Он до конца жизни пронес в своем сердце не только веру, но и преданность Государю Императору Николаю Александровичу...

Но вернемся к уездным будням 1915 года. В Сургуте было тогда четыре улицы, семь переулков и большая городская площадь, куда любили собираться на гуляния местные жители. Вот что сообщает в годовом отчете уездный исправник: «Мощеных улиц нет, тротуаров не существует. Общественных садов нет. Жилых строений - 230, все строения деревянные, крытых железом - 7 строений, деревом (тесом) - 223. Улицы не освещаются. Жители пользуются водой из притока Оби - речки Бардаковки, возя в бочках зимой, а большей частью носят прямо в ведрах на коромыслах. В Сургуте две православ-

ные церкви и три часовни, два кладбища (одно холерное), имеется одна инородческая больница на 16 кроватей. Жители города хотя и принимаются в больницу, но с платой 8 рублей 70 копеек в месяц. Приемных покоев нет. Нищих в городе нет. В городе тюремного замка нет. Все подлежащие выдержанию в тюремных учреждениях содержатся при полицейском управлении и препровождаются в Тобольск. В каталажных камерах в отчетном году содержался 21 человек. А именно: за кражу - 6, убийства - 4, по приговорам судебных мест - 8 и по распоряжениям административных властей - 3.

Врачей в городе Сургуте по штату полагается два - городской и уездный, причем должность первого уже много лет состоит вакантной, и обязанности городского врача с большим ущербом для дела исполняет сургутский сельский врач. В городе имеются только две школы: мужское двухклассное училище Министерства народного просвещения и женская церковно-приходская школа. В течение года в них обучалось: в мужском - 91 мальчик, в женской школе - 52 девочки. Городское население, кроме расходов на содержание городского управления и небольшой пожарной команды, а так же на отопление приходского училища, никаких повинностей не несет. Преимущественное занятие жителей составляют рыболовство, птицеводство, поставка дров на пароходе. Несмотря, однако, на незначительность промыслов, население особой нужды не терпит, чем и объясняется почти полное отсутствие нищенствующих и слабый процент преступности. Доступный почти для всякого пола и возраста промысел рыбы и дичи вполне обеспечивает существование. Промышленности фабричной и заводской не существует. Ремесленничество в Сургуте почти совсем не развито. Специальными ремесленными заведениями можно считать только три кузни и три при них слесарни, в которых работают сами хозяева. Затем из числа домашних занятий населения является лишь выделка кирпича-сырца и то в самом ограниченном количестве (около 20 000 штук в лето) для местных надобностей, главным образом для кладки печей.

При всей своей формальности, отчет дает очень живую и достаточно полную картину жизни старого Сургута. Более того, в нем чувствуется озабоченность автора. Он искренне верил в развитие своего уезда. Делал все возможное, чтобы сургутянам жилось лучше. В силу своих прав, обязанностей и возможностей, он способствовал развитию образования детей инородцев, селению и оседанию кочевников в приобских деревнях, которых ко времени установления Советской власти в пределах уезда, от села Александровского до села Сытомино, насчитывалось несколько десятков. Инородцы воспринимали и усваивали русский образ жизни, строили дома, держали лошадей, коров, овец, приобщались к огородничеству. Пирожников за казенный счет содержал школу и несколько учеников ханты в селе Ларьякском, о чем красноречиво говорят документы и многочисленные счета торговцев и портных на продажу и пошив детской одежды для учеников Ларьякской школы. Уездный исправник проявлял постоянную заботу и большую настойчивость в развитии средств связи в уезде. В отчете за 1911 год он писал: «В интересах оживления края, подъема торгово-промышленной жизни и приобщения его к культурно-экономическому росту давно уже является необходимость в проведении телеграфа от Самарово до Сургута на протяжении 250 верст.» Его настойчивые хлопоты увенчались успехом. 10 ноября 1913 года телеграфист Шишкин принял первые телеграммы на имя Пирожникова. Из Тюмени: «Приветствую энергичного инициатора прорубленным окном Сургута к свету. Швецов». Из Тобольска: «Сердечно благодарю за память и внимание близких мне северян, радуясь осуществлению их давнишнего желания. Дунин-Горкавич». Оба - люди в губернии известные. Александр Дунин-Горкавич был главным губернским лесничим и одним из самых активных краеведов, а ссыльный Сергей Швецов также сделал немало для изучения края.

13 ноября была получена телеграмма и от бывшего Тобольского губернатора Николая Гондатти, побывавшего в Сургуте в 1907 году: «Сердечно благодарю Вас, городского старшину, граждан города, представителей ведомств за память и приветы, которые мне дороги. Радуюсь, что наконец-то наступило давно желанное оживление. Теперь далекая сибирская окраина соединена телеграфом с общей имперской сетью. Уверен, что это послужит развитию города, которому искренне желаю дальнейшего процветания. Почетный гражданин Гондатти». С этим известным ученым и выдающимся государственным деятелем у Пирожникова сложились не только сугубо деловые отношения. Их связывало сотрудничество с просветительскими учреждениями России. Николай Львович Гондатти служил в То-

Стоянище. Фото Г. Корченкина

больской губернии всего три года, но много поспособствовал ее экономическому развитию. Не случайно в четырех городах губернии - Ишиме, Тюмени, Березове и Сургуте - ему присвоили звание почетного гражданина.

Толковый администратор, Пирожников успешно вел порученные ему дела. С особым старанием он занимался продовольственным обеспечением населения уезда. Благодаря ему, местные жители покупали муку порой даже по более низким ценам, чем в Тобольске. Он сам лично выезжал для закупки хлеба на известные ярмарки, никогда не позволял купцам в своем уезде завышать цены на необходимые продукты питания. Он вынес на своих плечах все трудности по доставке продовольствия во время первой мировой войны. В разгар Гражданской войны, в хаосе крушения колчаковской власти, когда большинство служащих готовилось к бегству, Пирожников поехал в Томск за хлебом, доставил и на этот раз необходимые запасы на зиму, развез по хлебозапасным магазинам и сберег все имеющиеся продукты и денежные суммы вплоть до установления в Сургутском уезде Советской власти. И сдал ее представителям как продукты, так и прочее имущество с деньгами на сумму более двадцати миллионов рублей. Хотя хлебозапасные магазины в Тобольской губернии учреждались исключительно для снабжения коренного населения, однако, как пишет Пирожников в своем отчете, «в этих магазинах покупало продовольствие и русское население, что приходило благодаря тому, что делались настолько значительные запасы хлеба, что получались излишки от удовлетворения инородцев, и я находил возможным снабжать мукою из этих излишков нуждающееся русское население, главным образом солдатские семьи, проживающие в городе и уезде».

Известны и другие добрые дела сургутского исправника, которые он успел совершить «при царе». Он лично собирал пожертвования в пользу участников русско-японской войны, получивших ранения, разыскивал предметы быта ханты для экспозиции Тобольской губернии на торгово-промышленной и сельскохозяйственной выставке 1911 года в Омске, открыл в Сургуте 13 октября 1913 года Народный дом. За отличия на службе Г.А. Пирожников не раз получал награды: ордена святого Станислава 3-й и 2-й степеней, святой Анны 3-й степени, медаль за труды по первой всеобщей переписи населения 1898 года, знак Красного Креста. К концу своей дореволюционной карьеры он имел чин надворного советника.

2. Удары судьбы

О высоких деловых и моральных качествах уездного исправника Григория Пирожникова и его авторитете администратора говорит и тот факт, что несмотря на разразившийся в 1917 году кризис власти, частую ее смену, он постоянно оказывался нужным, особенно в деле продовольственного обеспечения.

В декабре 1919 года, занимая должность агента Министерства снабжения и продовольствия Сибирского временного правительства по Сургутскому уезду, Пирожников отказался от эвакуации. Он чувствовал, что сургутяне ему доверяют, он служил им верой и правдой уже 14 лет.

Младшая дочь Пирожникова, Мария Григорьевна, родившаяся в Сургуте, так писала об этом времени сургутскому журналисту и краеведу Н.И. Ездакову в 1977 году: «Последние годы жили в Сургуте очень тяжело. Отец хотя и заведовал продовольственным делом, а для своей семьи не сделал необходимых запасов муки. Семья перебивалась на одной рыбе. Рядом с нами жили Панкины, у них была мука, и мать нас посылала к ним попросить хоть несколько стаканов муки».

Революция в Сургуте запомнилась Марии Григорьевне, в то время девятилетней девочке, страшными картинами: убийствами, расстрелами, обстрелом города из пулемета с палубы парохода. Вся семья, кроме отца, сутками отсиживалась в подвале. Отец туда не спускался, находился в своем кабинете, принимал всех - и «красных», и «белых» - и со всеми разговаривал одинаково выдержанно, спокойно. Однажды кто-то из сургутян решил проявить инициативу: приготовили лошадей, принесли тулупы, предложили эвакуироваться. Но отец отказался. Мать плакала, боялась за детей, а отец заявил: «Я не преступник - не побегу»...

В конце 1920 года семья все же выехала в Тюмень, где в это время жила и работала врачом старшая дочь Пирожниковых Пульхерия Григорьевна. С декабря 1922 года по апрель 1924 года Пирожников

служил делопроизводителем Обь-Иртышского госрыбтреста в городе Тюмени. Но поступил «сигнал», мол, бывший царский чиновник высокого ранга и поверенный Его Величества не заслуживает такой должности при рабоче-крестьянской власти. Григория Александровича уволили с «волчьим билетом», хотя никаких претензий по работе к нему у руководства треста не было.

Начались годы скитаний. Пирожников работал, кем приходилось: в Омске - грузчиком, в Тобольске - истопником, случалось бывать в те годы и в Сургуте. Главным было заработать хоть какие-то деньги, чтобы обеспечить большую семью, которая жила в Тюмени. Кроме того, Григорий Александрович понимал, что, находясь в семье, подвергает опасности детей. Поэтому встречи в семейном кругу стали редкими. Зато отовсюду он писал трогательные письма родным.

Как бывший исправник, Пирожников был лишен избирательных прав. Но он стойко выдержал удары судьбы, не пал духом и, вернувшись, наконец, к семье, стал усиленно заниматься самообразованием. Он много читал - художественную литературу, труды по истории, экономике, политике, естествознанию, - работал в библиотеках, писал собственные сочинения о Тобольском Севере. И трудился над своими записками до последних дней, скончавшись в 1963 году...

3. Наследие сургутского исправника

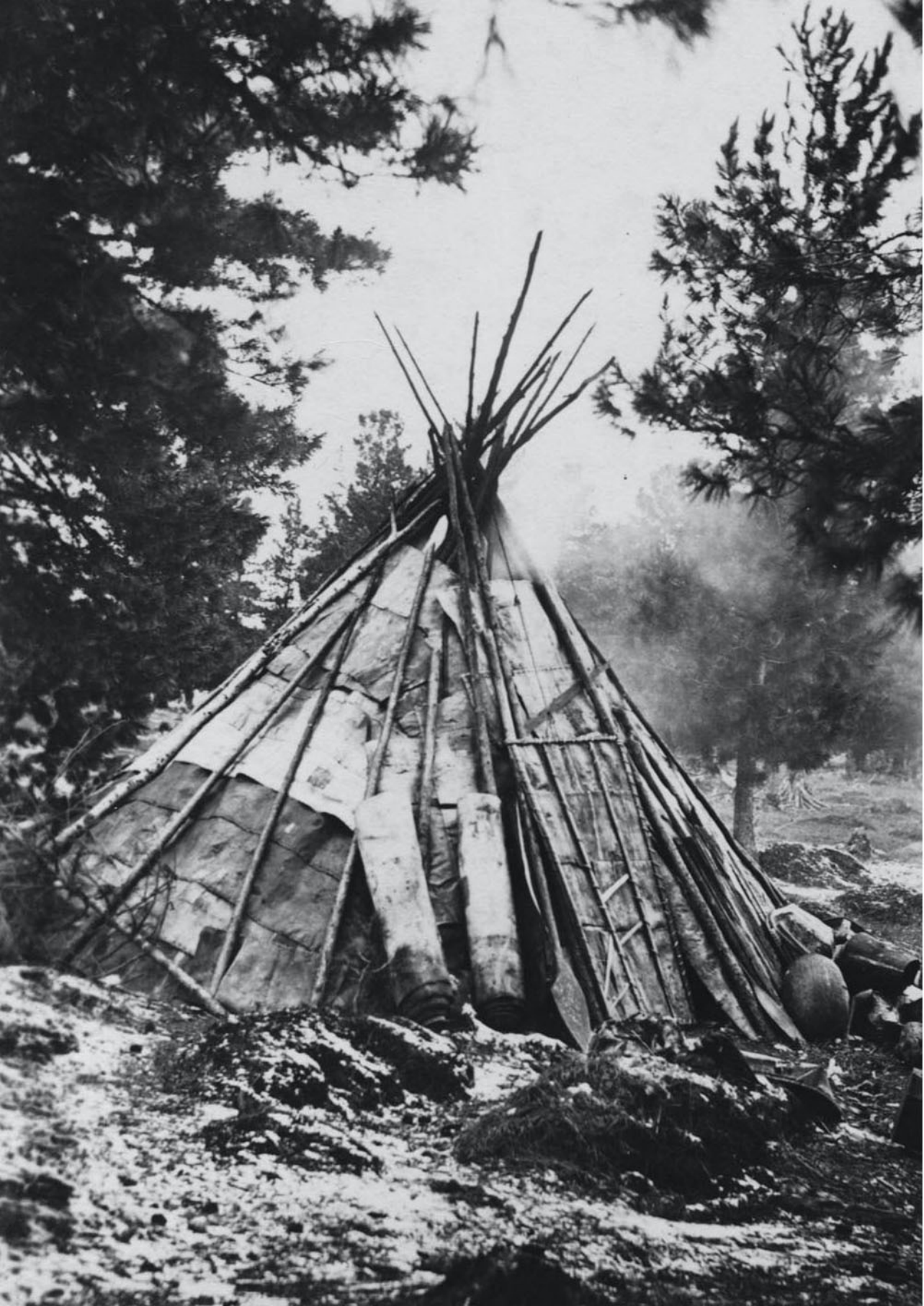
Это - своего рода «послесловие к краткой биографии», без которого никак не обойтись. «Есть тайные, властительные связи» в судьбах человеческих и в самой Истории. Так, судьба заочно свела удивительно цельных людей: бывшего уездного исправника Григория Пирожникова и сургутского партийного работника, преданного истории родного города, Флегонта Яковлевича Показаньева. Фактически Показаньев открыл для новых поколений жизнь поистине образцового сибиряка, подготовив к печати «Записки уездного исправника». Рукопись ему передала Мария Григорьевна Юмина-Пирожникова. Сохранился и весь архив ее отца, который он вынужден был прятать долгие годы. Уникальный материал по истории города начала XX века получили краеведы Сургута.

Показаньев был убежден, что имя и деяния исправника сургутского уезда обязательно должны запечатлеться в памяти новых поколений сургутян. Была еще одна мечта у Флегонта Яковлевича - установить достойный памятник на могиле уважаемого земляка, который был похоронен на Широкореченском кладбище в Екатеринбурге. Но, к сожалению, при его жизни мечта не сбылась.

Творческий коллектив, работавший над изданием «Записок», все гонорары за свой труд передал на создание памятника на могиле Г.А. Пирожникова в Екатеринбурге, который и был, наконец, установлен в октябре 2000 года.

Жизненный путь и творческая деятельность Г.А. Пирожникова еще требует своего исследования. Но уже сегодня с уверенностью можно сказать, что личность уездного исправника опровергает устоявшиеся представления о служителях государственной власти в царской России и их роли в судьбе государства и ее народа. Ибо именно такие люди, а их было очень немало, и создавали многотрудную, но славную Историю государства Российского на протяжении веков.

Валерий
Белобородов

ОН МЕЧТАЛ
ИЗУЧАТЬ
РОДИНУ

*Первые сведения о Григории Матвеевиче Дмитриеве-Садовникове
были получены автором этого биографического очерка
в начале 90-х годов.*

Вскоре герой «ожил»:

*ясно обозначился облик учителя ваховских хантов,
исследователя природы Севера и жизни его аборигенов -
вечно чем-то занятого непоседы,*

деятельного мечтателя и отважного странника.

*Облик человека, щедро одарённого самыми разными талантами: от
педагога, этнографа, фольклориста, естествоиспытателя -
до журналиста, литератора...*

*Но человека, увы, так и не успевшего реализовать
своих недюжинных задатков,
бесследно исчезнувшего, как и многие его сверстники,
в пламени гражданской войны.*

*Григорий Матвеевич Дмитриев-Садовников на прогулке на обласе по реке Вах. 1913.
Слева: летний чум из бересты. Фото Г. Дмитриева-Садовникова. 1912.*

Первые сведения о Григории Матвеевиче Дмитриеве-Садовникове были получены автором этого биографического очерка в начале 90-х годов. Вскоре герой «ожил»: ясно обозначился облик учителя ваховских хантов, исследователя природы Севера и жизни его аборигенов - вечно чем-то занятого непоседы, деятельного мечтателя и отважного странника. Облик человека, щедро одарённого самыми разными талантами: от педагога, этнографа, фольклориста, естествоиспытателя - до журналиста, литератора... Но человека, увы, так и не успевшего реализовать своих недюжинных задатков, бесследно исчезнувшего, как и многие его сверстники, в пламени гражданской войны.

Дмитриев-Садовников - тоболяк. Здесь, в губернском центре, он родился 3 ноября 1885 года в семье мещанина Матвея Васильевича Дмитриева. Здесь и учился - сначала в образцовой школе при духовной семинарии, потом - в уездном училище.

В конце 1903 года произошло событие, определившее жизненный путь юноши. В один из дней ежегодной Ларьякской ярмарки сургутский уездный исправник Г.А. Пирожников предложил остякам открыть школу. Был вынесен соответствующий приговор ярмарочного съезда и найдены необходимые средства. Исправник добился разрешения на открытие в Ларьяке начального училища Министерства народного просвещения и подыскал в Тобольске учителя - Григория Дмитриева-Садовникова, которого губернский училищный совет и назначил на эту должность. Вместе с Пирожниковым он в январе 1904 года и приехал в Сургут, а до Ларьяка, расположенного на берегу притока Оби Ваха, учитель добирался уже один.

По прибытии на место службы юноша сразу приступил к делу. Отобрал 15 учеников, среди которых было шестеро остяцких детей: четыре мальчика и две девочки. Особенно трудным оказалось начало, так как ученики не знали русского языка, а учитель - остяцкого. Но постепенно дети овладели русским, а учитель настолько хорошо освоил их язык, что через несколько лет составил подсобный словарь и грамматику. Дети учились со старанием. Часто они расспрашивали о городах, о жизни других народов. После занятий вместе катались на санках, ловили рыбу, охотились. Зимой школа пользовалась волшебным фонарем, и ее тесное помещение бывало битком набито остяцким народом, знакомившимся по картинкам со священной и гражданской историей, невиданными городами и чудесами природы. Учитель привез семена огородных культур и устроил при школе силами учеников огород.

Человек городской, Дмитриев-Садовников не мог не тяготиться оторванностью от привычных условий, но довольно быстро освоился, получив хорошую опору в лице попечителя училища Прохора Акимовича Кайдалова. Через два года после приезда в Ларьяк он женился на дочери Кайдалова Анне Прохоровне. Семейные узы, конечно, способствовали укоренению учителя в Ларьяке.

Молодой учитель оказался жадным до дела. Открылась при Ларьякском училище и кузнечно-слесарная мастерская. Назначенный преподавателем ремесел, Григорий заранее подготовился к исполнению этой новой обязанности: освоил столярное дело, в Сургуте выучился лудить посуду и ремонтировать ружья, прошел обучение в Самаровском двухклассном училище. По всей Тобольской губернии ремесленных отделений при народных училищах насчитывались лишь единицы, и то, что одно из них успешно действовало в такой глубинке, как Ларьяк, нужно отнести к заслуге Дмитриева-Садовникова. В 1911 году, когда готовилась 1-я Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка в Омске, дирекция народных училищ, включила в нее экспонаты из Ларьяка: фотографии с видами здания училища с улицы и со двора, снимки группы учеников в классном помещении и в мастерской и несколько изготовленных в училище изделий: коловорот, лобзик, пресс-папье, острогу для ловли рыбы, клепальный молоток, циркуль, кронциркуль, пешню, кузнечные тисы, образцы резьбы по дереву.

Легкий на подъем, любознательный и восприимчивый, Григорий Матвеевич любил и умел учиться, располагая порой весьма скромными возможностями для этого. Он многое познавал во время рыбалки и охоты, в беседах с местными жителями, когда доводилось наблюдать за их трудом - изготовлением остяцкой лодки - обласа, охотничьего лука со стрелами, берестяного кузова,

*Русский и остяк – жители села Ларьяк
Сургутского уезда.
Фото Г. Дмитриева-Садовникова.
1912*

постановкой рыболовного запора, все глубже проникал в культуру аборигенов. Знания о Ваховском крае накапливались, и в 1909 году появляются первые его заметки и корреспонденции в «Сибирском листке». Северный опыт учителя заинтересовал редакцию, через него губерния узнавала о жизни населения реки Вах. По 1917 год Григорий Матвеевич был одним из наиболее заметных корреспондентов «Сибирского листка», сблизившись с фактическим его редактором, бывшим революционером-народником Виктором Федоровичем Костюриным, у которого многому научился. Став в конце жизни профессиональным газетчиком, Дмитриев-Садовников в мае 1919 года откликнулся на смерть Костюрина такими строками: «...до последних дней своей жизни он не слагал оружия и нес раз поднятое им знамя народовольца... работая часто при самых трудных условиях жизни, давая все, что мог дать, и часто служа нам, жителям отдаленных концов Севера, единственной надеждой, что вот он в своем печатном органе выступит на защиту нас. И он нередко выступал: появлялись в «Сибирском листке» корреспонденции с севера - тревожилось начальство, шли следствия - а в результате это имело немалое значение для нас, и мы чувствовали, какую помощь оказывает старый революционер Костюрин своим независимым печатным словом».

С началом литературной работы Дмитриева почти совпадает по времени и возникновение тесных и плодотворных связей с Тобольским губернским музеем. В 1910 году его разыскал консерватор музея В.Н. Пигнатти, написал письмо и получил из Ларьякского ответ. Соглашаясь на предложение сотрудничать, учитель сообщал: «На лето будущего года я остаюсь в Ларьяке для сбора гербария и насекомых, и если Вам что-нибудь будет нужно, то пишите. В настоящее время у меня есть модели нарты, обласа, перевеса, черкан, женское весло и проч., которые пошлю музею весною, потому что зимняя пересылка сопряжена с большими трудностями... К Рождеству пришлю Вам несколько описаний быта остяков, словарь с краткой грамматикой и небольшое количество фотографических снимков...»

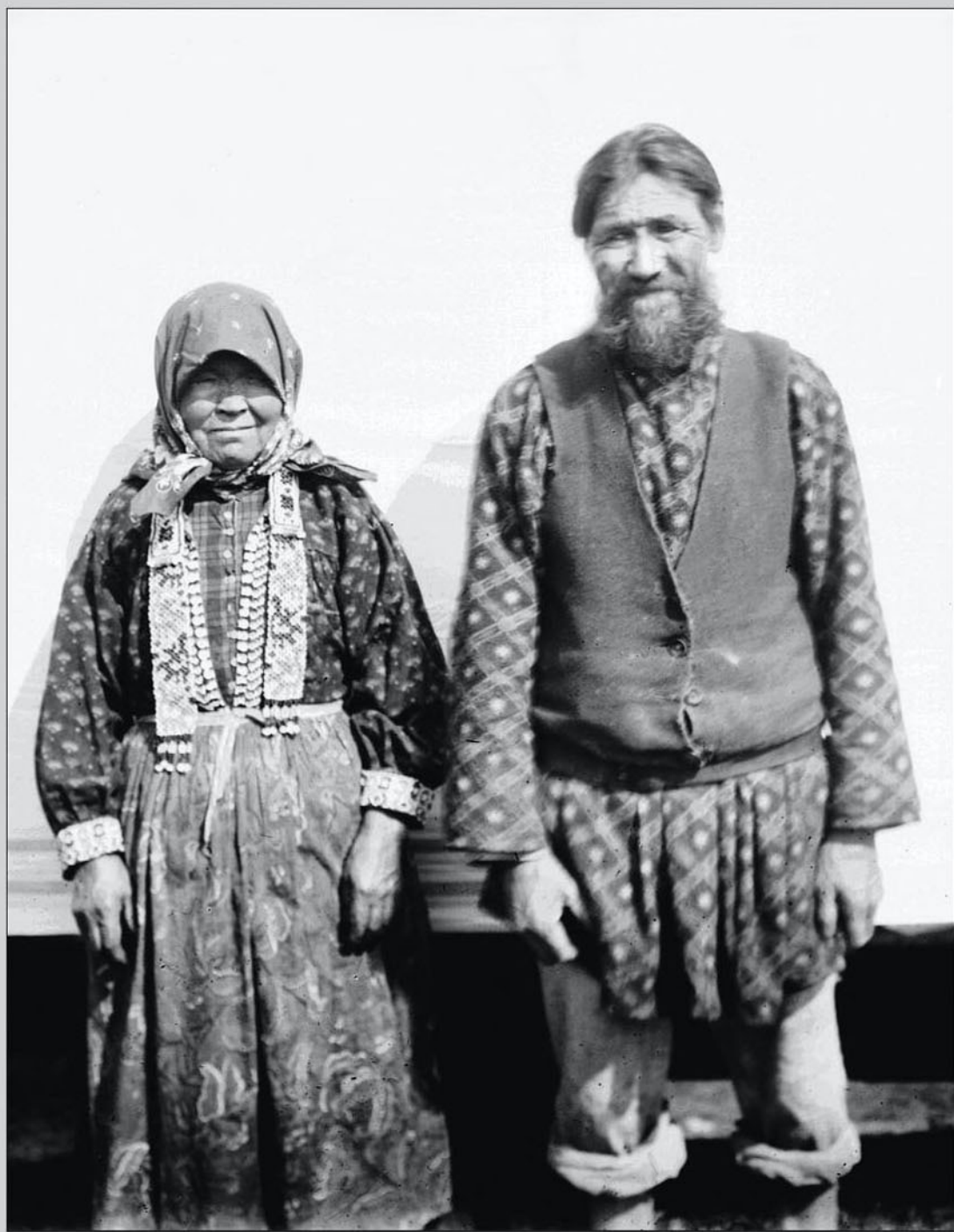
В Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области в фонде В.Н. Пигнатти сохранилось несколько снимков, сделанных в 1910 году в Ларьяке, на которых запечатлены промысловая избушка на берегу Ваха, Ларьякская церковь, два русских ученика Ларьякского училища и мальчик по имени Дюша (скорее всего сын Дмитриева-Садовникова Андрей).

В следующем году в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» появилась первая научная статья ларьякского учителя - «С реки Ваха Сургутского уезда». Работа получила положительный отзыв зоолога из Томского университета С.М. Чугунова, он много раз ссылается на нее в статье «Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 года». Он же в статье «Природа и люди Сургутского края» пишет: «...многие наблюдения г. Садовникова часто представляют немалый интерес».

Летом 1912 года учитель на средства, изысканные Пигнатти, сумел с проводником-ханты по имени Егор, ларьякским кузнецом, пробраться на обласе к одному из культовых мест и сфотографировать его. Эта поездка описана в статье «На Вахе», напечатанной в 26-м выпуске музейного «Ежегодника» (Отрывки из неё печатаются в этом номере альманаха. - Ред).

Пожалуй, наиболее плодотворным был для Григория Матвеевича 1913 год - последний год его жизни в Ларьяке. Это было время интенсивного литературного труда, в процессе которого происходила кристаллизация всего накопленного, начиная с 1904 года. В апреле он обобщил свои фенологические наблюдения нескольких лет - получилась рукопись в 21 тетрадную страницу (с приложением таблицы) под названием «Наблюдения над явлениями природы четырех времен года на Ваху», оставшаяся неопубликованной. В июне написана работа «О вымирании инородцев р. Ваха, их болезнях и лекарствах», в которой приведен 21 способ лечения от различных болезней, применяемый в хантыйской народной медицине. В июне же закончена и статья «Ваховской облас»; описание технологии изготовления обласа дано в ней со скрупулезностью профессионального этнографа.

В конце лета 1913 года Дмитриев-Садовников покинул Ларьяк и перебрался еще севернее - в Обдорск. И здесь Григорий Матвеевич остался верен своим пристрастиям: служебные часы

*Остяки села Ларьяк
Сургутского уезда.
Фото Г. Дмитриева-Садовникова.
1912*

отдавал школе с ее повседневными заботами, досуг - краеведению, сотрудничеству с «Сибирским листком». Газета печатала «Обдорские очерки», в которых сообщалось о плохом снабжении приходской школы учебниками, начале эпидемии тифа, устройстве спектаклей, маскарадных вечеров, бесплатных услугах библиотеки при народном доме.

Летом 1914 года Дмитриев-Садовников - участник поездки на реку Полуй, организованной Тобольским музеем. Экскурсия оказалась удачной: проведены ботанико-географические и почвенные исследования, собрано более 600 гербарных листов цветковых растений, около 300 листов мхов, лишайников и паразитных грибов, произведена маршрутная съемка пройденного по реке пути, сделаны фотоснимки, взяты почвенные образцы, привезено несколько остяцких изображений шайтанов. Для Григория Матвеевича итогом этой поездки стала публикация статьи «Река Полуй» в «Известиях Русского географического общества». В ней содержится описание рельефа, характера водоемов, растительности, животного мира, населения, промыслов. Экземпляр этой работы с дарственной надписью автора можно и сейчас увидеть в библиотеке Тобольского музея-заповедника.

Краеведческие занятия Дмитриева-Садовникова в Обдорске стали интенсивнее, так как здесь уже существовал свой, местный музей при миссионерском братстве во имя святителя Гурия. Григорий Матвеевич составил и опубликовал краткое описание его коллекций, пополнял их, заведовал с октября 1913 года его библиотекой и даже вместе с единомышленниками вынашивал дерзкий план, о котором сделал следующее сообщение в «Сибирском листке»: «Обдорское миссионерское братство св. Гурия журнальным постановлением 30 ноября решило издавать при этнографическом музее при братстве «Ежегодник».

Вряд ли удалось осуществить этот замысел, разве что в рукописном варианте. Зато параллельно зрел другой проект: Тобольский музей готовил новую экспедицию, на этот раз на реку Надым. Разные стадии подготовки к ней запечатлелись в переписке Дмитриева-Садовникова и Пигнатти. Как руководитель Дмитриев-Садовников отчитался перед музеем о выполненной работе. Сам он занимался маршрутной съемкой, этнографическими и археологическими работами, участвовал в сборе орнитологической и энтомологической коллекций.

Результаты экспедиции - картографический материал с обозначением перекастов Надыма, формаций лесной растительности и населенных пунктов, данные метеорологических наблюдений, сведения о вскрытии и замерзании рек, глубине снегового покрова и др., полученные путем опросов, образцы почв, 840 листов гербария и до 500 образцов мхов и лишайников, 56 чучел птиц, более 100 экземпляров птиц, зверьков, рыб, яиц, гусениц в виде спиртовых препаратов, 7900 насекомых, остяцко-самоедский словарь с краткой грамматикой и небольшой словарь народа пняхазово, 78 приобретений для этнографической коллекции, более сотни фотоснимков, план и описание старинного городища в нижнем течении Надыма, копии восьми дел Обдорской остяцко-самоедской управы. Все материалы поступили в Тобольский губернский музей.

Поездка подробно описана Дмитриевым-Садовниковым в большой работе «Река Надым», напечатанной в 28-м и 29-м выпусках музейного «Ежегодника». Кроме того, в конце 1918 года в газете «Тобольское народное слово» появился его очерк «В низовьях Оби», в котором уже в беллетристической форме описана наиболее трудная и опасная начальная часть пути по бурной Оби от Хе до устья Надыма. Сохранились и полевые дневники Дмитриева-Садовникова - как надымской, так и полуйской экспедиции, они находятся в РГАЛИ. О значительности результатов надымской экспедиции говорит упоминание о ней в «Хронологических датах путешествий и экспедиций в приполярную часть Омской области» известного исследователя Севера проф. И.Н. Шухова (Омская область. 1940. № 7). Проведенные Дмитриевым-Садовниковым исследования Полуя и Надыма и опубликованные материалы послужили основанием для включения статьи о нем в биобиблиографический словарь «Русские ботаники».

По окончании надымской экспедиции Григорий Матвеевич сделал новый крутой поворот в своей жизни: из Обдорска переехал в иртышское село Демьянское. Верный себе, на новом месте он быстро нашел множество дел: учительство, этнографические поиски и сборы, фенологические наблюдения...

Охотник из села Ларьяк
Сургутского уезда.
Фото Г. Дмитриева-Садовникова.
1912

Здесь пора сказать еще об одном увлечении Дмитриева-Садовникова - русским фольклором. Только летом 1999 года, во время работы с его фондом в РГАЛИ, по отдельным записям стало понятно, что корни его интереса к народному русскому слову - в его тобольском детстве.

«Говоря о гибели инородческой поэзии и собирая остатки, - записывал в тетрадь молодой учитель, - мы под носом у себя не видим гибели старинной русской поэзии, не видим потому, что это так близко к нам, так родно и вместе с тем так далеко от нас. Лет 12-15 тому назад, еще живая на постоялом дворе своих родителей, я слышал песни низовских стариков, старинные песни-былины про «добра молодца», про его «добра коня, друга вернова».

О стойком интересе к родному слову свидетельствует и другая запись - по впечатлениям той поры, когда, добираясь в дни летних каникул от Ларьяка до Тобольска, случалось подолгу жить на пристанях в ожидании парохода. Чего только не наслушался там учитель! Даже научился по образным выражениям распознавать, из какой части губернии тот или иной тип - низовской ли это крестьянин - «талоед» или подгородный, из ближних к Тобольску деревень, либо городской «париман» из тех, что «ухорезы-ребята», «семеро одного не бояться».

В Демьянском Дмитриева-Садовникова увлекла частушечная стихия; он записал несколько десятков этих поэтических миниатюр и в 1918 году опубликовал в тобольской газете «Земля и воля». Значительная часть их вошла в книгу «Версты и строки», а в 1999 году некоторые воспроизведены в первом номере нового журнала «Играй, гармонь». Автор вступительной статьи В. Новиков сравнивает их с великолепнейшими украшениями, извлеченными археологом из-под слоя почвы и щебня.

Человек дела, настроенный позитивно, увлеченный своими многочисленными занятиями, не оставившими ему времени для мрачных сетований, Григорий Матвеевич, однако, не мог не замечать теневых сторон российской жизни и постепенно проникался критическим духом. Последовательный во всем, он пришел к общественной деятельности.

Заметка в «Бюллетене Тобольского Временного комитета общественного спокойствия» сообщала 16 марта 1917 года: «С. Демьянское. Население вполне уяснило суть происходящих событий. Избран комитет общественной безопасности в следующем составе: председатель - учитель Г. Дмитриев-Садовников, товарищи председателя - Н.Н. Перевалов и П.С. Доронин».

Но административная деятельность, по-видимому, не влекла Григория Матвеевича, и вскоре из Демьянского он перебрался в Тобольск. В начале 1918 года регулярно печатался в газете местной организации партии социалистов-революционеров «Земля и воля», а после ее закрытия - в «Тобольском народном слове». Политически он уже вполне определился: он разделял идеи эсеров и сибирских областников-патриотов. Но при этом в публикациях Дмитриева-Садовникова (часто он подписывался псевдонимом «Н. Сутма») трудно усмотреть четко обозначенные политические пристрастия и тем более - политический расчет. Скорее он выглядит рыцарем идеи справедливого общественного устройства, мало различающим политические оттенки.

В «Земле и воле» регулярно велся «Школьный отдел». В нем злобой дня для Дмитриева-Садовникова были всевозможные неурядицы в деле народного просвещения, переживавшем смену ценностных ориентиров, нелегкое положение учителя, повседневная деятельность учительского союза, вообще так называемые «мелочи» текущей жизни.

Надо заметить, что обе газеты - и «Земля и воля», и «Тобольское народное слово» - делались интересно: чуждые политического экстремизма, они отличались созидательной направленностью, желанием содействовать становлению кооперации, молодых земских учреждений и вообще всякому полезному живому делу. Думается, этим они и привлекали Дмитриева-Садовникова. «Земля и воля» вскоре после своего рождения получила высокую оценку петроградской газеты «Вольная Сибирь». Вот что писал анонимный автор в № 17 за 1918 год в заметке «Новости сибирской печати»:

«Горькая действительность приучила нас относиться скептически к тем сибирским газетам, которые стали определенно под то или иное политическое знамя. Мы привыкли в таких газетах встречать длиннейшие рассуждения о тех или иных задачах большой государственной политики. Близорукие и глухие политические работники Сибири не слышали стонов карагасов, тунгусов, бурят, орочей;

*Остяцкие дети с реки Вах Сургутского уезда.
Фото Г. Дмитриева-Садовникова.
1912*

не видели они всех невероятно жестоких испытаний, выпавших на долю наших меньших братьев. Зато видели и слышали международные кличи. «Земля и воля» представляет счастливейшее исключение, редчайшее явление! Вместо барабанной гражданской поэзии здесь зачастую высоко поэтические образы Сибири, ее просторов, рек, гор, минувшего... Вместо устремления в сторону безликого человечества газета устремила все свое внимание в сторону человека, обитающего на территории Тобольской губернии. Вместо зова ко всему миру газета призывает, и горячо призывает, к внимательному и вдумчивому отношению к своему краю, к осязкам и самоедам (например, прекрасная статья Г. Дмитриева-Садовникова «Изучение Родины»). Грешит немного газета политической наивностью. Но любовь, горячая любовь к родному краю, верим, выведет газету на верный и нужный путь. Мы не можем не радоваться за Сибирь, обогащающуюся сибирскими изданиями, а газете желаем самого широкого распространения!»

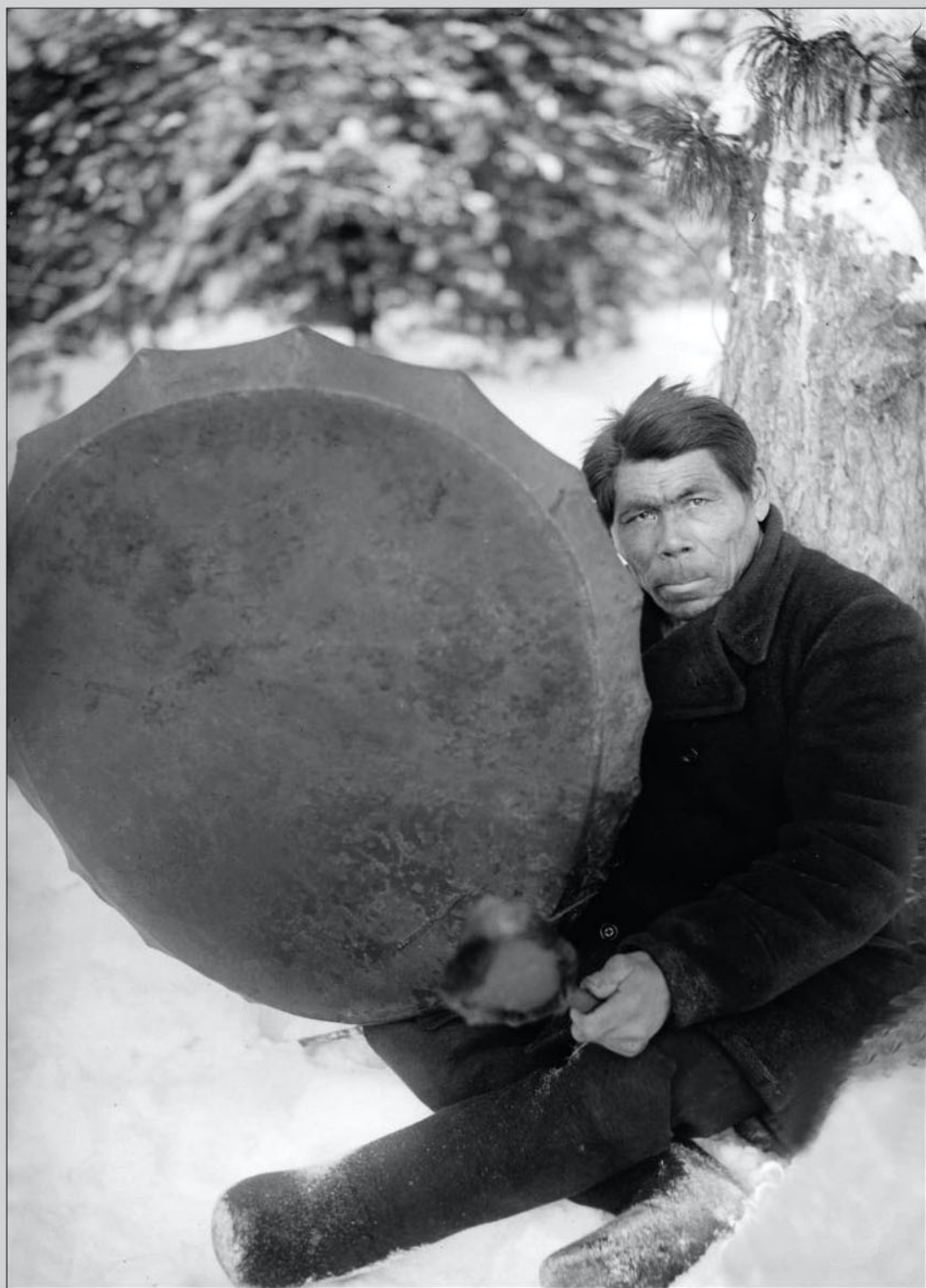
Автор заметки мог и не знать этого, но большая часть его добрых слов по адресу «Земли и воли» с полным правом должна быть переадресована Дмитриеву-Садовникову. Это с его стихотворениями пришли в газету «высоко поэтические образы Сибири», от него шла конкретно-патриотическая линия, уводящая от соблазна абстрактных демагогических рассуждений к живому человеку и месту его обитания.

В цикле «Изучение Родины», так высоко оцененном «Вольной Сибирью», особенно сильное впечатление производит первая статья - программная. В ней ясно выражена жизненная позиция автора, очерчен его духовный путь, который привел к пониманию назначения учителя быть связующим звеном между народом и наукой, помочь землякам взять свою судьбу в собственные руки. Следуя этим путем, Дмитриев-Садовников и сформировался как учитель-исследователь, краевед. Весной 1918 года в Тобольске появилась новая газета - «Северное сибирское кооперативно-народное хозяйство». Издавал ее Обь-Иртышский союз кооперативов (Северосоюз) при активном участии Тобольского уездного земства. По инициативе земских деятелей с августа 1918 года в газете открылся «Отдел народного образования», выходивший отдельными вкладышами. И снова Дмитриев-Садовников - один из ведущих сотрудников. В конце года отдел напечатал программу школьного курса родино-ведения, разработанную группой сельских учителей при его активном участии. Здесь же печатались и его очерки о Тобольском Севере: «Плюхи»¹, «В станке», «На быстрой реке».

Нельзя не сказать нескольких слов и о своеобразном стиле Дмитриева-Садовникова: ему присущи динамизм, простота и нередко эпическая приподнятость речи, разговорная интонация и отсутствие какого-либо намека на морализирование. Это как будто картинки, выхваченные прямо из уличной жизни. Подмечая многие нелепости и неурядицы революционного времени, он пишет о них без сарказма и даже почти без иронии и поэтому нередко к заголовку прибавляет: «Вместо фельетона», «Полуфельетон», «Впечатления» и т.п.

Просматривая газеты, видишь, насколько интенсивной была журналистская работа Дмитриева-Садовникова в 1918-1919 годах и какую весомую часть редакционной ноши он брал на свои плечи. В последний месяц существования «Земли и воли» на него легли и редакторские обязанности, и он, следуя своему правилу идти до конца, довел издание до последнего номера.

После прихода красных частей Блюхера Дмитриев-Садовников сотрудничал с советской властью - заведовал внешкольным подотделом уездного отдела народного образования при Тобольском военно-революционном комитете, продолжал свои музейные занятия. А в 1920 году сверх этого подключился еще и к подготовительным работам экспедиции Наркомвнешторга для научно-экономического обследования Обь-Урало-Печорского Севера (руководил ею известный уральский краевед Д.М. Бобылев). В архиве А.А. Дунина-Горкавича, который находится в Тобольском музее, есть текст сообщения Дмитриева-Садовникова «Летние районы разведочных экспедиционных партий по обследованию тундры в 1921 г.», датированный 25 января 1921 года и переданный Дунину-Горкавичу на заключение. Из текста видно, что Григорий Матвеевич замыслил для себя большой объем исследовательских работ на севере губернии, предполагая участвовать в обследовании рыболовства и морских звероловных промыслов. Видимо, работа «Рыболовные осенние и зимние промыслы окрестностей Обдорска» была частью его вклада в экспедиционное дело.

*Остяцкий шаман. Сургутский уезд.
Фото Г. Дмитриева-Садовникова.
1913*

Но этому плану не суждено было исполниться: началось крестьянское восстание. В Тобольске образовался Главный штаб Народной армии из деятелей эсеровской партии, и 27 февраля вышел первый номер газеты «Голос Народной Армии». Авторы ее, понимая смертельную опасность своего труда, не подписывали статей и заметок собственными именами, а скрывались за псевдонимами или придуманными инициалами, но есть серьезные основания считать, что Дмитриев-Садовников сыграл активную роль в этом издании. Во-первых, это стихотворения «Мечта моя молнией в жизни сверкнула» и «Сибирячкам» в № 5 и 13 за подписью «Г. С.», близкие по содержанию и стилю к его стихотворениям 1918-1919 годов. Затем это заметки «Приезжего» с характерными заголовками «Вместо фельетона», «Картинка с натуры», в которых узнается, как и в ряде публикаций без подписи, стиль его журналистских работ 1918-1919 годов. Этот же автор угадывается и при чтении некрологов «Петр Феликсович Равский» и «Валентин Иванович Алмазов». И Равский, и Алмазов были расстреляны вместе с двадцатью тремя другими заложниками при отступлении большевиков из Березова, обоих должен был знать Дмитриев-Садовников, так как первый учительствовал в Березове, а второй, по профессии журналист, участвовал в экономическом обследовании Обского Севера. Далее, в чудом сохранившемся полном комплекте газеты (31 номер) внимательнейшим образом выявлены и подчеркнуты все фамилии и по тексту статьи «Март 1917 - март 1921» написано от руки: «Димитриев». Наконец, К.Я. Лагунов в очерке «Двадцать первый» прямо утверждает, что среди активнейших авторов «Голоса Народной Армии» был эсер Дмитриев-Садовников. После подавления восстания след его затерялся. Ныне живущие родственники считают, что летом 1921 года он был взят на улице какими-то людьми в военной форме и тут же застрелен. Однако исследовательница Тобольского Севера этнограф Р.П. Митусова в 1929 году писала, что он погиб во время восстания в Обдорске.

В тюменской газете «Трудовой набат» (№ 1113 от 26 октября 1922 года) в статье А. Клыкова «Ликвидация бандитизма на Севере» мне попались на глаза такие строки: «Несколько человек скрывавшихся в тундре бандитов угнали 3700 голов оленей из советских стад у верховья реки Щучья. За ними была послана погоня из Березова и Обдорска. Бандиты были настигнуты около Байдарацкой губы. Был открыт огонь. Бандиты вышли из чума и залегли за яром озера и стали отстреливаться. Брошенной в них бомбой один из бандитов был убит, двое сражены пулями. Один из бандитов скрылся и один утонул в озере. Один из убитых по найденным документам оказался офицером Киселевым и двое бывшими народоармейцами из Тобольска - Садовниковым и Сухих...» Когда всё же, где и при каких обстоятельствах закончил свой земной путь Григорий Матвеевич Дмитриев-Садовников? На основе имеющихся фактов можно утверждать, что жизнь этого даровитого человека, устремленного к добру, познанию и многообразному творчеству, прервалась именно в том 1921 году.

Будем верить, что мудрые потомки когда-то всё же примирят в своём сознании разные правды тех, кого равно горячая любовь к Родине свела в смертельном гражданском поединке XX века.

¹ Падча - просека в лесу, на которой устанавливался перенос - сеть для весеннего промысла перелетной птицы. (Прим. авт.)

Валерий
Матвеев

ТЫЛ
И ФРОНТ

В сорок первом, Сургут, как и вся остальная страна, надел солдатскую шинель. Мобилизован был каждый пятый сургутянин. Но сначала о тех, кто в тылу остался.

Сургут дал стране и фронту в те годы 280 тысяч центнеров рыбы. Стар и млад, все, кто мог держать в руках промысловое оружие – даже женщины – вышли на охотничью тропу и добывали таежного зверя, заготавливали пушнину и отправляли ее все по тому же всем известному адресу – для нужд фронта. Знаменитого на весь мир сибирского «пушного товара» сургутяне заготовили за время войны более чем на пять миллионов рублей!.. Тогда же, в 1942 году, выдал для нужд обороны и свою первую продукцию эвакуированный из Одессы Сургутский рыбоконсервный комбинат. Во всенародный фонд – для создания танков и самолетов – сургутяне сдавали деньги, драгоценные металлы: отправляли в воинские части, в партизанские отряды, в госпитали посылки с сибирскими деликатесами и теплыми вещами...

А еще они, как могли и из чего получалось, строили жилье, больницы. Растили и учили ребятишек... В те годы сургутяне ухитрились построить в самом городе и его окрестностях более десятка школ. Причем, к требующему навыков плотницкому и столярному делу приспособились не только освобожденные от фронтового призыва мужчины, но и педагоги, их ученики. Отправлялись санным путем в тайгу, заготавливали древесину, доставляли в Сургут, обрабатывали... А потом, едва передохнув, отправлялись в плохо отопленные классы, чтобы учить и учиться... Обмакивая простенькие ученические ручки в «чернила», приготовленные на чаге да на сажевом растворе, писали диктанты... А еще – письма на фронт.

В минуты тревожных предчувствий выходили к пристани, откуда пароходы увезли их близких в сторону войны, с надеждой, с тревогой всматривались в даль... Не придет ли оттуда, из-за молчаливой линии горизонта какая-нибудь весточка? Добрые вести иногда и в самом деле приходили... А вот конца войне никак не наступало. Для очень многих из тех, кто ушел, и тех, кто ждал их благополучного возвращения из огня – она так никогда и не кончилась...

Площадь Красных партизан... Лучи неяркого солнца трепещут на позолоте скромной часовенки; отражаются от матовой поверхности мраморных плит...

Мартиролог имен и фамилий... Невольно ловишь себя на фантастических догадках: этого знаю, этого недавно встретил в автобусе... С этим познакомился в гостях у друзей.

Но нет: не виделось, не встречались, не знакомились. Но встречаться, знакомиться и видеться довелось — с их близкими, с сыновьями и дочерьми, с внуками и правнуками. С новыми поколениями коренных граждан города — Кайдаловых, Силиных, Панкиных, Щепеткиных, Менчиковых, Захаровых, Старинные сургутские фамилии, выходцы из древних казачьих, рыбацких, охотничьих родов.

Всего за годы войны из районного центра и подчиненных ему населенных пунктов на фронт было мобилизовано 2615 человек. Сначала уходили (добровольцами и по призыву) в основном лишь коренные сибиряки и специалисты, приехавшие в этот край прямо в канун лихолетья. В сентябре начала работать специальная комиссия по сбору теплых вещей для бойцов Красной Армии...

В 1942 году на фронт ушло более тысячи сургутян. В основном это были выходцы из переселенческих семей, оказавшиеся здесь, отнюдь, не по доброй воле. Оставив в стороне все обиды, мужественно и достойно проявили себя на фронте сургутские переселенцы. До самого января 1945 года Сургут отправлял и отправлял на фронта Великой Отечественной своих сограждан. О них обо всех хорошо сказал позже почетный гражданин Сургута и наш знаменитый краевед Флегонт Яковлевич Показаньев: «Не надо этих людей разделять по количеству и достоинству боевых орденов и медалей, совершенных ими поступков... Они все достойны глубочайшего уважения и памяти потомков».

Флегонт Яковлевич знал цену своим словам: «Как не считать, а сургутяне для действующей армии были резервом особого назначения. Причина проста — их специфический образ довоенной жизни. Ведь кто они такие, наши сограждане 30-40-х годов? Это — рыбаки, охотники, лесорубы, колхозники, обозники... Это люди, которые по много суток могли проводить в тайге, на реке, в дороге; зимой и летом они — в постоянном отрыве от дома, тепла, уюта. Неустроенность и суровость быта им были знакомы не понаслышке... А примите во внимание еще и другое: их быструю приспособляемость к любым условиям, непритязательность в быту, привычку к простой пище, одежде, обуви... Отменное умение обращаться со стрелковым оружием, ходить на лыжах, передвигаться по воде, преодолевать речные препятствия... Находчивость и смекалку в любых чрезвычайных положениях... Все это вместе взятое и позволило им гораздо быстрее привыкать к фронтовой обстановке... В какой-то степени она, эта фронтовая обстановка, оставалась очень похожей на ту, в которой они жили до войны... Конечно, только с одним, но самым существенным дополнением — рядом был враг; в лицо смотрела смерть...» Вероятно, именно по этой причине и оказались наши земляки по большей части в расположении северных и северо-западных участков протяженного театра войны... На Калининском, Волховском, Карельском, Ленинградском фронтах... Общеизвестно, что отличились они и в поистине судьбоносных битвах: Москва, Сталинград, Курская дуга... Когда решалось — быть или не быть стране...

А напоследок играли свадьбу под берлинским небом, как супруги Мясниковы, и шли по Красной площади в день Парада Победы, как Григорий Григорьевич Кукушкин.

По выражению участника сражения на Курской Дуге, сургутянина Матвея Михайловича Малышкина, «рубеж великого противостояния напоминал собой крутой излом гигантской молнии, располосовавшей небо над смертным человеком. Ее разряд прошел через сердца миллионов людей...»

И, добавим, через сердца полусотни сургутян – участников Курской битвы. Сегодня ветеранский строй заметно поредел. Все меньше приходит их на ежегодные августовские встречи, чтобы в очередной раз воздать должное живым и павшим. И вспомнить о том, каково оно там было – на Огненной дуге, в году 43-м... К сожалению, нет уже среди тех, кто приходит на такие встречи, и Матвея Михайловича Малышкина... Сибиряка, солдата, учителя.

Около сорока лет Матвей Михайлович учил детей, директорствовал в сургутских школах, организовал и возглавлял ветеранскую организацию педагогов города, создавал музей педагогического труда. Внешне он был удивительно интеллигентен и тактичен, а подчас и чрезмерно, пожалуй, стеснителен в общении с окружающими его людьми. Коренастый, вовсе не богатырской внешности человек. Но это лишь до тех пор, пока дело не доходило до решения каких-то принципиальных для образовательной сферы города вопросов. И вот тут перед вами был уже совершенно другой Малышкин. Твердый до неуступчивости, не умеющий сдавать выверенных позиций человек. Причем, очень близко все принимающий к сердцу.

Долгое время для меня были не совсем понятны истоки его упорства и нестигаемости. Выпал, однако, случай нам познакомиться поближе и ответ нашелся сам собой. Оказалось, двумя медалями «За Отвагу» было отмечено уже начало его ратной судьбы. До Курской Дуги он успел повоевать и под Сталинградом.

Учебу в Ханты-Мансийском педагогическом училище закончил прямо в день начала войны. В тот же день подал заявление в военкомат: «Прошу направить добровольно на фронт». Не взяли. Во-первых, слишком уж молод, да и внешность какая-то тщедушная. Зрение, к тому же, подвело. Наверное, можно было бы и успокоиться, заняться учительским делом. В соответствии с тем, что предписывалось полученным в Ханты-Мансийске дипломом.

Но тут-то и проявился его характер. «Чтобы с чистой совестью учить жизни и всяческим наукам детей, сначала надо эту жизнь защитить от смертельной опасности... Когда на этом поприще будет сделано все от меня зависящее, тогда и в учителя не стыдно будет пойти... Если останусь жив, конечно».

В военный Комиссариат за его подписью ушло еще несколько заявлений. И все – с одной и той же формулировкой: «Настоятельно прошу (потом он будет писать – «требую») направить меня, Матвея Михайловича Малышкина, добровольцем на фронт. Оружием владею, к воинским лишениям вполне подготовлен; стрелять можно и в очках». Одна из его настоячивых реляций возымела действие, и вскоре в одном из зенитных подразделений Сталинградского фронта появился невысокий коренастый сибирячок...

«Вот, сколько живу, – вспоминал он много позже, – а ощущение холода той памятной Сталинградской зимы никогда не проходит. Представляете, земля в те дни промерзла до каменной твердости.

Ее не то что лопата — лом не брал. И сами мы, наверное, были до такой же твердости проморожены. Хотя в бою приходилось — ой как жарко!.. Когда отлеживался после ранения в госпитале, подумал однажды: «Как бы дальше не складывалось, а ничего более трудного и даже страшного уже не будет... Ибо чего-то страшнее и напряженнее быть просто не может».

Из Сталинградских боев Матвей Михайлович вышел с первой фронтовой отметиной, с первой солдатской наградой (медаль «За отвагу»), с первым воинским опытом, с надеждой на то, что все самое трудное осталось позади... И — ошибся.

Впереди была — заштатная железнодорожная станция Прохоровка... За ней — небольшое поле. Недалеко от железнодорожной линии — еще живая, не сметенная беспощадным артиллерийским огнем и танковыми треками, рощица. В ней и выстроили новоприбывшие на центральный фронт батальоны и роты пополнения. Перед солдатским строем появился кто-то из офицеров. Звания его Матвей Михайлович, спустя годы, уже не помнил.

— Сталинградцы есть?.. Вижу, что есть. Отлично! А сибиряки тоже есть?.. Еще раз — отлично! На вас, ребята, особая надежда. А потому, сталинградцы и сибиряки — шаг вперед! Построиться! Слушайте боевой приказ!

Одним из первых шагнул тогда, подчиняясь командирскому приказу, Малышкин.

Спустя годы Матвей Михайлович говорил, пытаясь описать, как там все было, на Курской дуге: «Впечатление было такое, что земля трещала, как орех, под разрывами снарядов и бомб. Вообще-то, никогда не представлял, что земля может гореть, а она, бедная, горела». Прослушивал я как-то архивную запись с голосом Матвея Михайловича, и вдруг невольно обратил внимание на то, что именно вот на этой концовке фразы проявилось в его глуховатом голосе напряжение, что ли. Почувствовалось, как он искал, и никак не мог найти определение, которое бы точно выразило все, что ему хотелось тогда выразить. Ведь после боев он обнаружил, что добрая половина их подразделения уже никогда не узнает, что они наконец-то «распрямили» Курскую дугу. И что над Москвою в августе 43-го впервые с начала войны вознеслись грозды салюта.

Он потом признался: «Я их мертвыми не помню... Я их лица еще и после войны долго во сне видел... Живые лица».

Как и Малышкин, там в аду Огненной дуги в те же самые дни и ночи теряли своих однополчан и другие наши земляки. Санинструктор Лариса Ивановна Золотухина, техник авиационного подразделения Мария Александровна Бриненко, связистка Екатерина Филипповна Канева, участник Парада Победы Григорий Григорьевич Кукушкин, ветеран войны Николай Петрович Васильев...

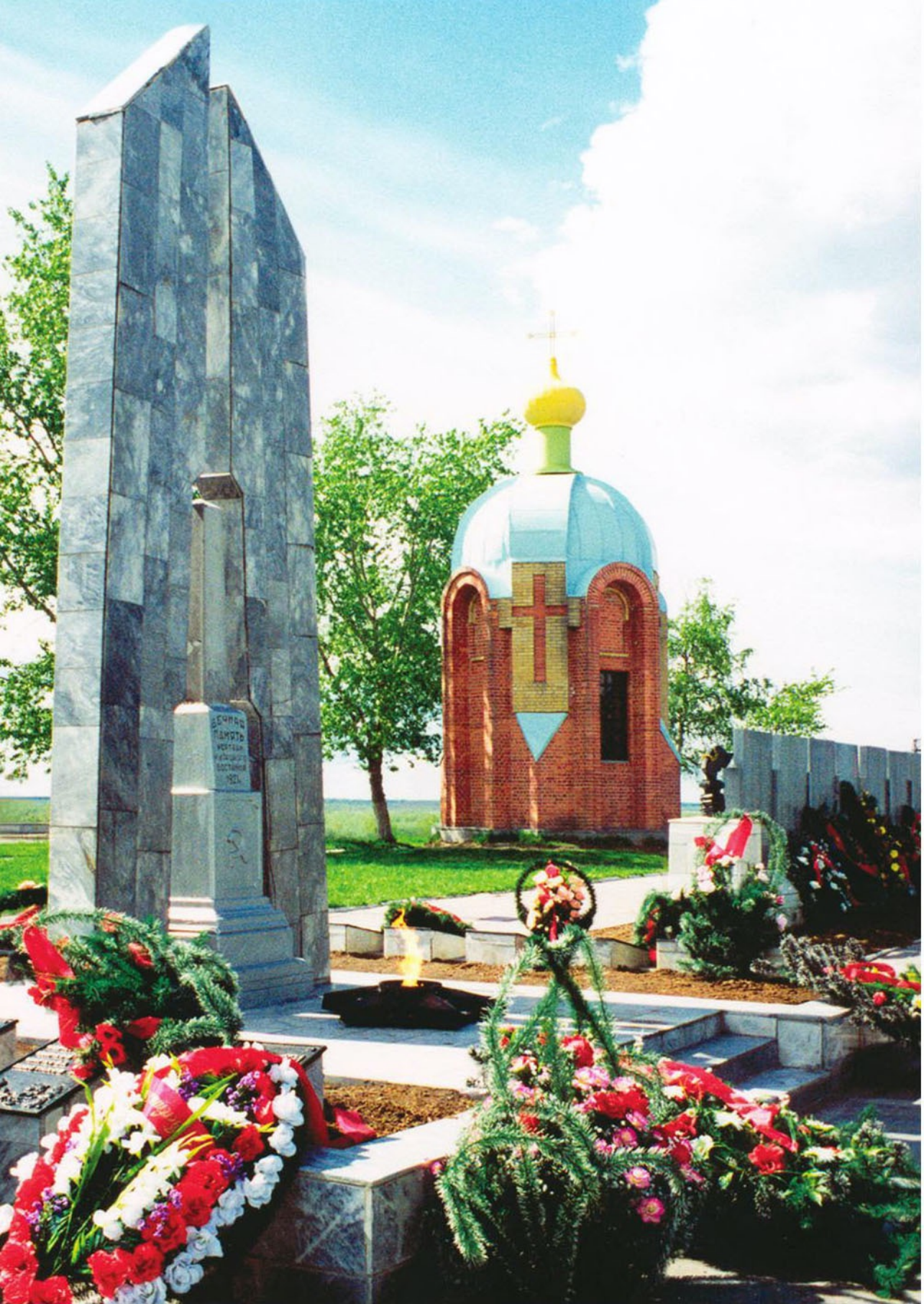
Что же касается дальнейшей воинской судьбы Матвея Михайловича, она повела его дальше навстречу Победе. И были на этом пути — форсирование Днепра, бросок к столице Украины — Киеву... Освоение профессии минера. Ходил вместе с разведчиками за линию фронта, обезвреживая минные поля... Во время оборонительных боев на Корсунь-Шевченковском направлении, когда фашисты пытались деблокировать свою окруженную группировку, был еще раз ранен. Война для Матвея Михайловича закончилась в Вене. В 1946 году он

вернется на Сургутскую землю, и впервые, наконец-то, войдет в класс учителем... Чтобы потом им оставаться на протяжении 36-и лет. На протяжении всех этих 36-и лет будет Матвей Михайлович хранить не только знаки солдатской доблести и грамоты, подписанные Верховным Главнокомандующим...

Была в семейном архиве Малышкиных еще одна, не менее памятная и дорогая реликвия: книга Николая Карамзина «История Государства Российского», изданная в начале XIX века... Он подобрал эту книгу во время наступательных боев на Украине; до конца войны лежала она в его вещевом мешке вместе с солдатским обиходным добром... В редкие минуты фронтового затишья перелистывал. И поражался мужеству, упорству русских ратников иных времён. Роза Андреевна Малышкина, когда Матвея Михайловича не стало, передала книгу в городской музей. Она и сегодня там.

Сургутяне-фронтовики. Фотографии из фондов Сургутского краеведческого музея

Юрий
Переpletкин

ФАРМАН
НЕУКРОТИМЫЙ

Салманов от операции отказался категорически. Человек, десятилетиями показывавший в самых сложных ситуациях свою решительность и бесстрашие, вдруг остановился, как перед стеной. Доктора настаивали: надо удалять аппендикс! В принципе, операция несложная, но дело зашло так далеко, что откладывать хирургическое вмешательство дальше нельзя. Именитый пациент - Салманов к тому времени был начальником Главтюменгеологии, Героем Социалистического Труда, доктором наук и вообще личностью легендарной - снова и снова отвечал: нет, резать себя не дам!

Позже я узнал причину его столь странного поведения. В Москве попал в больницу близкий ему человек. Врачи удалили аппендикс больному, но он скончался на операционном столе. Умер совсем по другой причине, из-за тромба, закупорившего кровоток в сердце, но на Салманова это произвело сильнейшее впечатление, оставив в сознании схему: «аппендицит, операция, смерть».

И все-таки он сдался. Врачебный консилиум представил бумагу: операция жизненно необходима, если больной отказывается, он должен подписать документ, снимающий с медиков ответственность за возможные последствия. Случилось так, что в то же время и с тем же диагнозом попал в областную больницу и я. Оба случая оказались сложными. Операции нам сделали в один день. У меня она длилась почти час, а у Салманова - около двух часов. Через 2-3 дня мы уже выходили в коридор из наших палат. У той, где лежал я с товарищами по несчастью, был номер 27. Придерживаясь за стенку, бледный начальник главка подходил к нашей двери, смотрел на номер и, слабо улыбаясь, говорил: «Крепитесь, мужики! Вы ведь помните: было 27 бакинских комиссаров? Вот и проявите мужество, как они».

А еще через пару дней Салманов, встретив меня в больничном коридоре, заявил: «Послезавтра состоится совещание актива главка. Соберутся геологи со всей области. Я выступаю с докладом. Обязательно приходи - читателям «Известий» будет интересно узнать о наших планах».

У меня глаза полезли на лоб. «Какой актив, Фарман Курбанович! Какой доклад! Мы же еле передвигаемся...». Не принял я всерьез его слова. А в назначенный день во время врачебного обхода спросил доктора: «Как себя чувствует Салманов? Не поверите, но он собирался выступать на активе». Доктор ответил: «Не поверите, но он действительно отправился на актив. Мы ему про шов, который не зарастает, а он про то, что его ждут люди...»

Я познакомился с Фарманом Курбан-оглы Салмановым в самом начале шестидесятых годов в Сургуте. Журналистская судьба много раз сводила меня с этим удивительным человеком, фанатично влюбленным в Сибирь и столь же фанатично верившим в ее огромный нефтегазовый потенциал. В те годы, когда подавляющее большинство специалистов считали поиск нефти в Среднем Приобье абсолютно бесперспективным, сохранять такую веру было очень непросто.

Впрочем, его вера имела надежную основу. Прежде всего, молодой человек опирался на наследие академика И.М. Губкина. Когда Салманов учился в институте, как раз вышел в свет двухтомник трудов выдающегося отечественного нефтяника, предсказавшего удивительные открытия за Уралом.

Черновой работы Салманов не боялся. Проходя производственную практику в Успенке и Кармаке, что неподалеку от Тюмени, выполнял любые задания своих наставников, лишь бы это было связано с поиском нефти, с приближением раскрытия тайны сибирских недр.

В том, что недра эти богаты, он не сомневался. Тогда в ходу было определение «второе Баку», которое получили нефтяные месторождения Куйбышева, Башкирии, Татарии. Сибирь должна стать «третьим Баку»!

В своей дипломной работе студент Азербайджанского индустриального института Салманов утверждал, что «следует немедленно и планомерно развивать поисковое бурение в центре Западной Сибири, причем перспективными считать не древние породы, а более ранние отложения, залегающие на вполне подвластных долоту разведчиков глубинах. Это даст возможность открыть в стране новую богатую нефтью провинцию...»

Увы, далеко не все разделяли радужные надежды честолюбивого азербайджанца.

«Спасибо скептикам, которые лишь крепче сдружили меня с оптимистами... Тем не менее, и раньше случались, и сейчас бывают у меня крупные неприятности. Причины разные, довольно часто не зависящие от меня. Хочу с полной откровенностью сказать одно: ни в коем случае нельзя бросаться в две крайности - озлобляться или, наоборот, опускать крылья. Всегда надо быть готовым к сложным жизненным коллизиям. Уметь сохранять стойкость в несчастье - качество не только необходимое, но и важнейшее, особенно для молодежи».

Из книги Ф.Салманова «Сибирь - судьба моя», 1988 год

В числе тех, кому Салманов искренне благодарен за помощь, - Н.К.Байбаков, видный государственный деятель, нефтяной нарком, многие годы руководивший топливной индустрией страны, бывший позднее зампредом Совмина СССР, председателем Госплана, а с уходом на пенсию - государственным советником при Президиуме Совмина. Одна из его книг, «Дело жизни», лежит сейчас передо мной, и я позволю себе привести здесь отрывок из нее, где сказано о начале пути Фармана Салманова. Историю эту я слышал в разных интерпретациях, но пусть она будет изложена словами человека, чей авторитет не подлежит сомнению.

«...В Сибири я встречался с одним из энтузиастов тюменской нефти - главным геологом Усть-Балыкской экспедиции Фарманом Курбановичем Салмановым, который в свое время добился перевода разведочной экспедиции из Новосибирска в Тюмень.

Но об этом человеке - особо...

1946 год. Страна восстанавливает разрушенное страшной войной хозяйство. Как никогда, нужна нефть, недаром ее называют «кровью индустрии». А добывали ее в тот год всего 19 с половиной миллионов тонн. В основном, это было «черное золото» Азербайджана.

В 1946 году проходили первые послевоенные выборы в органы народной власти. Труженики Азербайджана оказали мне высокое доверие, назвав своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. И в феврале я приехал на встречу со своими избирателями.

...Шамхорский дом культуры был заполнен до отказа. Выступали рабочие, колхозники.

Председательствующий предоставил слово школьнику Фарману Салманову. На трибуну поднялся худощавый, черноволосый парень. Смущенный большой аудиторией, он говорил сначала сбивчиво. Рассказал об учебе, о том, что собирается поступать после школы в нефтяной институт. Постепенно освоившись, он заговорил более уверенно, энергично. Фарман обратился ко мне как к кандидату в депутаты с просьбой решить два вопроса. «Нам бы очень хотелось, - сказал он, - чтобы асфальтировали дорогу к школе и провели электричество».

Я подошел к Фарману, обнял его за плечи и пообещал выполнить указы. Затем выступил перед избирателями, рассказал о том, что наша страна начала освоение «второго Баку» в Поволжье, а в перспективе мы думаем и о нефти в Западной Сибири. Говорил я тогда и о тяжелом положении с кадрами в нефтяной промышленности. «Так что ты сделал правильный выбор, Фарман, - обратился я снова к пареньку. - Если нужна будет моя помощь - помогу!»

После собрания мне сказали, что Фарман очень сильный ученик, кандидат на получение медали. (Действительно, он окончил школу с серебряной медалью).

...Шли годы. Началась, а вернее продолжилась разведка недр Западной Сибири. В конце сороковых годов в Новосибирске был создан трест Запсибнефтегазгеология. И вот однажды, где-то в пятидесятых годах, разбирая утреннюю почту, вижу - телеграмма из Баку на мое имя. Подпись - Салманов. Не сразу вспомнил, кто такой Салманов.

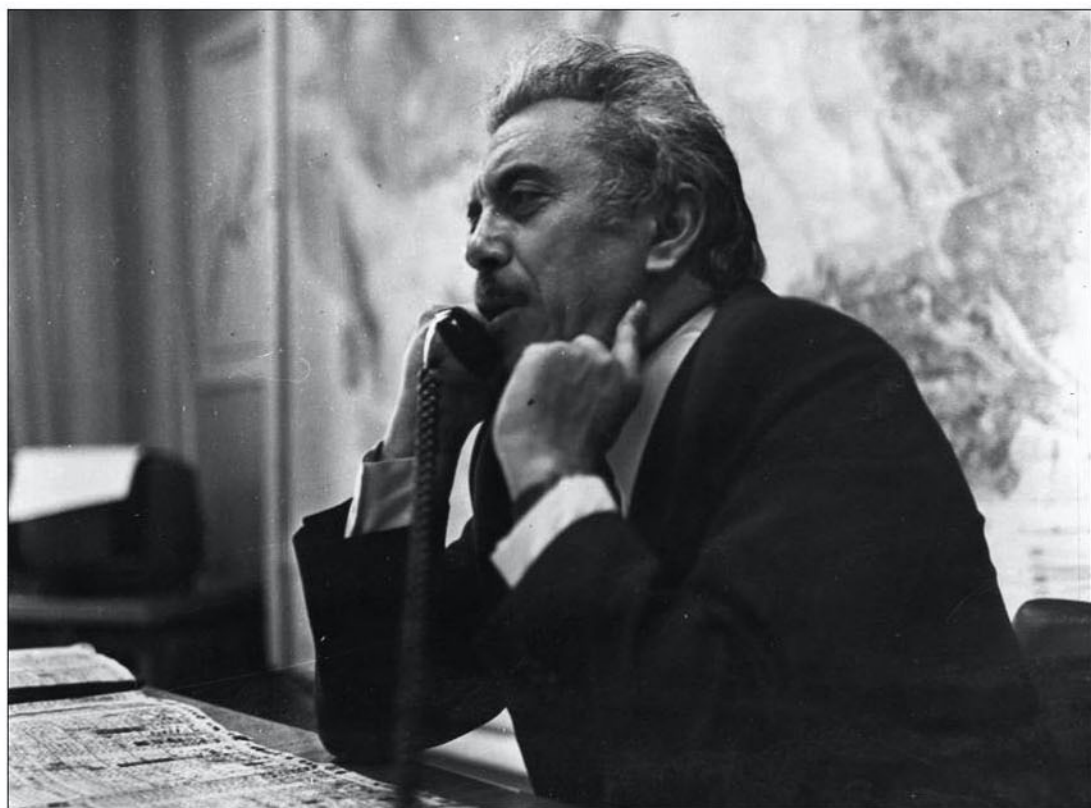
Читаю текст: «Уважаемый Николай Константинович! Свое обещание выполнил: поступил и успешно окончил нефтяной институт. Дважды был на практике в Западной Сибири. Верю в перспективность этого региона! Но комиссия по распределению оставляет меня в Баку или Небит-Даге. Прошу оказать содействие в получении направления на работу именно в Западную Сибирь...»

Тут я вспомнил и собрание, и своего юного избирателя. И, конечно, помог ему.

В первую же мою поездку в Тюменскую область услышал я о геологе Салманове, о его увлеченности и его слишком горячем оптимизме. А в Нефтеюганске мы с ним встретились...

Кое-какие детали были неизвестны и Байбакову. Он пишет о том, что молодой геолог-азербайджанец «добился перевода разведочной экспедиции из Новосибирска в Тюмень». Увы, добиться этого не удалось! Новосибирское начальство с упорством, достойным лучшего применения, настаивало на поисках нефти в Кемеровской области. Фарман Салманов, изучая геофизические материалы, рассматривая керн, извлеченный из недр, все больше убеждался, что нефти в этом регионе нет. Снова и снова вспоминал студенческую практику в Сибири. Там надо искать!

Его урезонивали: слишком, мол, горяч, молод, неопытен. Впрочем, были среди руководителей и сторонники его идеи перебазировки геологов в Тюменскую область. Но решающего шага никто не делал: дело спорное, небезопасное и очень затратное. А время шло. Позднее Салманов скажет, что три года были потеряны ...

Фарман Курбан-оглы Салманов.
Фотография из фондов
Сургутского краеведческого музея.

Однако подвиги все же происходили. Настойчивые, порой назойливые утверждения Фармана о перспективности Западной Сибири вызывали у руководителей раздражение, но и среди них находились люди, разделявшие мнение молодого специалиста или хотя бы сочувствовавшие его постоянным схваткам с «ветряными мельницами». Так или иначе, весной 1957 года было получено разрешение побывать специалистам новосибирского треста на Севере, познакомиться с обстановкой на месте, оценить плюсы и минусы поиска нефти в Западной Сибири.

«В Сургут мы вылетели на Ан-2 в середине мая. Трасса проходила вдоль Оби. Прильнув к окну, пытался что-либо увидеть. Насколько хватал глаз, до самого горизонта под солнцем ослепительно блестела река с ее притоками и старицами. Впервые в жизни доводилось видеть столь величественное безмолвие. Ни дорог, ни троп, ни поселков. Одни бесконечные рыжие болота, лесные гривы. Всмотривался вниз и напрасно искал хотя бы малейшие признаки жизни.

Увидев эту картину, не представлял себе, как можно в таких условиях жить и работать. Ведь тяжелое буровое оборудование нужно будет перебрасывать на огромные расстояния - на сотни километров. А жилье?.. Честно признаться, расстроился».

Из книги Ф.Салманова «Сибирь - судьба моя», 1988 год

За короткий период пребывания в Сургуте Салманов успел познакомиться с местными руководителями, с колхозниками, рыбаками, таежниками - он уже прикидывал, как сделать возможное появление здесь геологов удобным, выгодным как для гостей, так и для хозяев.

Однако возвращение в Кузбасс, дальнейшие переговоры с начальниками из новосибирского треста ничего хорошего в обозримом будущем не обещали.

И тогда он решился.

Сгитировав полтора десятка специалистов из числа работников своей нефтеразведочной партии,

базировавшейся в селе Ивановка, Фарман приказал не отвечать ни на один звонок из треста и организовал срочную загрузку барж буровым оборудованием и предметами быта, чтобы отправить караван с людьми и техникой по Томи, а потом по Оби до Сургута. Лето кончалось, речники беспокоились, успеют ли суда вернуться до ледостава. Но вот загрузка завершилась, были отданы швартовы, караван судов отправился навстречу неизвестности... «Мосты сожжены», - подумал Салманов и поехал в трест, предвидя бурную реакцию. Он недооценил масштабы случившегося. Начальство метало громы и молнии из-за того, что в Ивановке целую неделю не могли наладить нормальную связь с трестом. А салмановскую партию намеревались перевести на какую-то новую точку - там же, в Кемеровской области. Его обвиняли во всех грехах, еще не зная самого главного... Он собрался с духом и заявил: поздно куда-либо передвигать партию, она уже начала перебазировку на Север, в Тюменскую область.

Гробовая тишина, повисшая после его слов, сменилась бурей негодования. Каких только слов ни прозвучало в его адрес! Говорили о самоуправстве, безответственности, аполитичности, хулиганстве, грозили выгнать с работы, исключить из партии, отдать под суд.

Постепенно зазвучали и трезвые соображения. В конце концов, геологическая разведка Среднего Приобья имела свои резоны. Правда, к этому надо было идти планомерно, расчетливо, а не так, как сделал Салманов. Ну, раз уж он верит в сибирскую нефть - пусть ее находит! Не найдет - последуют оргвыводы.

В Сургуте геологов встретили радушно. Всем миром помогали им на первых порах обустраиваться, а скоро и нефтеразведчики стали поддерживать местных тружеников - техникой, запчастями, горючим, советами специалистов. В январе 1959 года началось бурение первой опорной скважины. Партийные лидеры районов Приобья В.Бахмат, Н.Вокуев, В.Бахиллов, Л.Черемных всячески поддерживали геологов и очень ждали результатов их поиска. А главным результатом мог быть только один - нефтяной фонтан. Фонтана же, к сожалению, все не было... И год, и два, и три. Уже не Новосибирск, а Тюмень, где было создано геологоуправление, стала руководить поисковыми работами в Приобье, уже возникла вместо партии Сургутская экспедиция, которую возглавил Ф.Салманов, уже стали поговаривать о свертывании работ в этих местах, а упрямый азербайджанец не переставал утверждать: нефть обязательно будет! Его опередили. Летом 1960-го ударил первый фонтан промышленной нефти в Шаиме.

«Сожалел ли я после сообщения о шаимском фонтане, ослабла ли привязанность к Среднему Приобью? Нет! Разве что иногда щемило сердце от мыслей, что так много времени ушло на Кузбасс, раньше не решился на переброску нефтеразведки. Конечно, все мы честолюбивы, и в нашей профессии еще долго сохранится привкус азарта, жажда первенства. Но, зная, какой ценой достигается успех, геологи искренне рады удаче других. Зависть или неприязнь к чужой победе настоящему нефтеразведчику не к лицу!»

Из книги Ф.Салманова «Сибирь - судьба моя», 1988 год.

Увы, сургутские нефтеразведчики еще не знали, что нефть таежной Конды заставит срочно пересмотреть карту наступления, и на новой схеме северянам будет отведена скромная роль резерва...

Геологи резко изменили жизнь Сургута. Обосновавшись возле поселка Черный Мыс, который вскоре сольется с райцентром, они не только бурили скважины, но и построили взлетно-посадочную полосу для самолетов, возвели Дом культуры, наладили автобусное сообщение. Салманов, заядлый футболист, не пожалел средств на стадион, спортивный зал. Вошли в практику соревнования по разным видам спорта.

Все эти замечательные дела сплошь и рядом входили в противоречие с финансовой дисциплиной, с общепринятыми правилами. А по тогдашним правилам на первом месте стояло производство, социально-бытовые проблемы были делом третьестепенным.

Мало кому было известно, что порой и целеустремленный, живой, как ртуть, Салманов переживал моменты мучительных сомнений. Время от времени на него наваливались тяжелые мысли, когда обида на превратности судьбы и людскую неблагодарность отнимала силы, заставляла испытывать жгучее чувство горечи.

Ну почему, почему все нет и нет долгожданного фонтана - единственного неоспоримого аргумента в схватке с влиятельными и безжалостными оппонентами? Да, конечно, остро ощущается нехватка хорошей, надежной техники. Да, недостает многих видов бурового оборудования. Да, из-за бездорожья и других объективных причин невозможно наладить четкую систему снабжения. Все так, но почему нет промышленного фонтана, ведь нефтепроявлений обнаружено немало? И сейсмограммы, и керн показывают: есть продуктивные горизонты. Нефть обязательно будет! Но когда?

И еще эти изматывающие объяснения по поводу жалоб. Откуда столько завистников и недоброжелателей? Любая его оплошность обростала домыслами, а изложенная на бумаге и отправленная «по инстанции» обретала статус документа, на который следовало реагировать, проверять факты, прояснять ситуацию... Выбирая ранние часы, Салманов уходил к обскому берегу и присаживался на какую-нибудь корягу. Черный Мыс и Сургут обычно еще спали, только на реке подавали голоса подвесные шлюпочные моторы рыбаков и покосников да изредка отрывисто пробовал бас мощный грузовой теплоход.

Салманов думал. Может быть, он действительно не прав? Порой резок с людьми. Непоследователен: с вечера дает одно задание, а наутро, когда рабочие, что называется, уже начинают входить в ритм, круто меняет задачу... Но ведь его резкие замечания - по делу, а зл он не держит, погорячится и отойдет. Что касается изменения заданий, так они связаны исключительно с новыми фактами, которые произошли в течение ночи и доложены ему диспетчерами. Правда, он никогда этого никому не объясняет... Надо вот так - и точка. Кто-то сообразит, что этого требует новая обстановка, а кто-то подумает, что начальник самодур, у него семь пятниц на неделе.

Салманов смотрел, как исчезает, тает над Обью легкий туман, и ворошил пятерней жесткие курчавые волосы. Проверяющие въедливо выпрашивали, на каких основаниях давал он местным колхозникам бензин, выделял для срочных работ трактора, тщательно изучали бумаги и не находили оправдательных квитанций.

Он буквально вскипал: а на каких основаниях, когда геологи прибыли в Сургут, им здесь сразу отыскивали помещение под временную контору, потеснились и освободили часть складов для оборудования, помогли разместить людей, поддержали всем, чем могли, на первых порах... Легковушек в Сургуте еще не было, и начальнику нефтеразведки для неотложных поездок выделили резвого коня по кличке Казбек.

Строительство социальных объектов, конечно же, не значилось ни в каких планах. Но как молодежи обходиться без клуба, стадиона, спортзала? К сожалению, его эмоции холодных ревизоров не убеждали.

Он вставал с коряги, отряхивался и быстрым шагом направлялся к месту работы. «Свидание с собой» закончилось, и на лице начальника снова не было ни тени колебаний.

А жаловались на Салманова много - и в открытую, и путем анонимок (тогда этот вид «творчества» очень даже приветствовался в инстанциях). Но по-прежнему главной виной начальника экспедиции являлось отсутствие видимого результата. Деньги тратятся - нефти нет.

Разговоры о расформировании Сургутской нефтеразведки звучали все настойчивее. Нефть Конды, та самая «первая ласточка», о которой писал Салманов в своей книге, грозила сыграть с геологами Приобья злую шутку: высокие авторитеты посчитали, что зря тратить силы и средства на Оби не стоит, надо буровикам перебираться в район Шаима. Искерпав весь запас устных аргументов, Фарман все ресурсы бросил на проходку и испытание скважины Р-1 неподалеку от Мегиона. Там, у протоки Баграс, работала бригада Г.И.Норкина. Туда же вылетел старший геолог экспедиции, вожак молодежи предприятия Евграф Тепляков. Наконец, испытания. Салманов не отходил от рации. И вот она ожила: «Произвели перфорацию.

Подготавливаем спуск...» А через несколько часов: «Скважина фонтанирует чистой нефтью дебитом 200 тонн в сутки...» Это случилось 20 марта 1961 года.

Сколько ликования, счастья, восторгов вызвали короткие строки радиogramм! Приехавший к геологам первый секретарь райкома В.В.Бахиров, человек добрый по натуре, очень уравновешенный и сдержанный, вдруг, обнимая Салманова, воскликнул: «Пусть умрут от зависти те, кто не верил в ваши прогнозы! Спасибо вам!» Начальник экспедиции должен был ответить на «последнее предупреждение» в связи с принятием мер по предстоящей передислокации на Конду. В Тюмень и Москву отправили телеграммы одинакового содержания: «В Мегионе получен фонтан нефти дебитом 200 тонн. Вам это ясно? Приветом Салманова». Это была победа. Первый фонтан на огромной территории поиска от Ваха до Тром-Агана. Чуть позже мне довелось быть в Сургуте на одном из торжественных вечеров. Выступая там, Салманов тряс своими буйными, как и его характер, кудрями, свирепо сверкал белками глаз и буквально кричал, обращаясь к залу: «Товарищи! Нефть мегионской скважины - это нефть высокого качества! Это исключительно хорошая нефть! Она не уступает туймазинской! Мы еще посмотрим: может, она превосходит туймазинскую! Двадцать процентов бензина! Двадцать четыре процента керосина! Другие ценные компоненты. Я не это хочу сказать! Совсем другое хочу сказать! «Черное золото» мегионской скважины - только начало! Я хочу сказать: скоро вы услышите о фонтанах на других скважинах!..»

И он как в воду глядел. Через несколько месяцев, в сентябре, сургутские поисковики открыли Усть-Балыкское месторождение. Оно оказалось многопластовым: целых шесть продуктивных горизонтов! Естественный подземный резервуар с сотнями миллионов тонн нефти.

Холодным осенним вечером, а если быть точным, то 29 ноября 1961 года в Сургутской нефтеразведочной экспедиции проходило комсомольское собрание. Много говорили о производственных делах, о трудовой и технологической дисциплине, о перспективах развития Среднего Приобья, о бытовых проблемах. Потом парни и девушки устроили танцы, а присутствовавших на собрании секретаря Ханты-Мансийского окружкома ВЛКСМ В.Салмина и меня, как представителя областной молодежной газеты, Салманов пригласил к себе в кабинет. Все мы знали друг друга. К моменту прибытия «десанта» геологов в Сургут Володя был здесь секретарем райкома комсомола. Когда знакомились, Салмин и Салманов еще пошутили по поводу созвучности своих фамилий: мол, не родня ли? Я тоже нередко встречался с нефтеразведчиками, а комсорг и руководитель геологической службы экспедиции Евграф Тепляков даже значился у меня в числе активных авторов «Тюменского комсомольца».

Мы вспоминали былое и рассуждали о будущем. Володя Салмин договорился с Фарманом Курбановичем, чтобы нас на попутном вертолете подбросили в Усть-Балык, где уже вовсю разворачивалось обустройство нового месторождения и трудилось много молодежи. Начальник экспедиции обещал это устроить. У нас

23
F-2 07180
WESTING
TEL 0441 40 26
GATE 1312140 23

сложилось впечатление, что Салманова беспокоили какие-то мысли, казалось, он хотел что-то сказать... Но разговор так и остался дружески-деловым. Только потом мы узнали о причине непривычной сосредоточенности нашего собеседника.

Сургутская экспедиция между тем набирала обороты. Сложился прекрасный коллектив. Многие из первопроходцев со временем стали крупными руководителями, заслуженными людьми, удостоенными самых высоких правительственных наград. Но это потом, позднее. А пока нефтеразведку продолжали терзать бесконечные комиссии, которые приезжали проверять «сигналы» на Салманова. Они касались и производственной, и общественной, и личной жизни. Приезжали из Тюмени, из Москвы - по партийной, профсоюзной линии, по линии народного контроля... В конечном итоге все эти разборки вынужден был анализировать и оценивать начальник геологоуправления Ю.Эрвье.

Юрий Георгиевич очень ценил способности Салманова. Годы спустя в своей книге «Сибирские горизонты» он напишет:

«Мне многое было известно из биографии Ф.К.Салманова. Но одно дело - анкета, другое - личное впечатление и то, как человек выполняет вверенную ему работу. Отзывы были разноречивы.

В первый же его приезд в Тюмень на совещание в обкоме партии мы познакомились. Худощавый, очень подвижный, Салманов говорил по-русски быстро, но с довольно большим акцентом. Он сразу же принялся убеждать меня в широких перспективах Приобских земель, говорил о несерьезном к ним отношении новосибирцев: не дают разворачивать работы. Высказал ряд своих предположений и оценок. Его черные, большие, навывкате глаза блеснули.

Мне понравился и сам Салманов, и его мысли о перспективах, и энтузиазм, с которым он говорил о них, и страстная любовь к нефтяной геологии. В то же время в его темпераментных высказываниях было и такое, что свидетельствовало о недостаточном опыте. Что ж, опыт - дело времени, было бы желание его приобрести...»

К тому времени, о котором здесь идет речь, - когда разбор анонимок буквально не давал нормально работать, у Салманова вроде бы опыт уже был немалый. Но Ю.Эрвье просто устал отвечать проверяющим и «воспитывать» начальника Сургутской экспедиции и однажды в сердцах посоветовал Фарману: напиши сам заявление об уходе.

Салманов написал. И был переведен на должность главного геолога вновь созданной Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции. Это он, Салманов, открыл здесь богатейшее месторождение нефти, он поставил первые палатки на месте будущего города Нефтеюганска. И он продолжал поиск. Изучая данные геофизиков и буровиков, пришел к выводу, что нейтральная Салымская зона может оказаться очень перспективной на нефть. Параллельно с производственной деятельностью неутомимый Фарман готовил кандидатскую диссертацию. Он, как всегда, старался быть терпимым к людям, доверял им, умел разбираться в характерах.

«Я всегда был спокоен за людей, с которыми работал в Сибири. С ними можно было сделать все, даже то, что порой казалось невозможным. Деловые качества являлись главным мерилом для каждого, кто работал в нашей экспедиции. Костяк коллектива составляли сибиряки. Удивительный это народ! Им не страшились ни пурга, ни морозы, ни болота, ни бездорожье. Их мужество и выносливость были жизненно необходимыми в суровых условиях Севера. Сибирь каждый день рождала новых героев. Зато в коллективе не терпели лодырей и разгильдяев, нытиков и тунеядцев, для них у нас не было места».

Из книги Ф.Салманова «Сибирь - судьба моя», 1988 год

Чтобы начать детальное исследование Салымской зоны, в 1964 году была создана Правдинская нефтеразведочная экспедиция, и начальником ее утвердили Ф.К.Салманова.

Правдинская экспедиция и поселок Горноправдинск - это особая страница в богатой биографии Фармана Курбан-оглы...

Вначале базу хотели разместить в селе Цингалы. Но там низкий, затапливаемый берег. Выбрали село Горнофилинск - место красивое, на высоком обрыве. Как всегда, с приходом геологов, жизнь в селении разительно менялась. Появились пекарня, баня, первые дома. Заглянул Салманов в ветхую избу, где размещалась школа. Ребятишки сидели на полу. Начальник экспедиции дал задание, и плотники за одну ночь изготовили простейшие лавки, на которых ученикам можно было сидеть. Одна из них до сих пор хранится в краеведческом музее Горноправдинска. К следующему учебному году сдали новую школу на 320 мест с производственными мастерскими, столовой, большим актовым залом.

Здесь, как когда-то в Сургуте, Салманов тоже иногда приходил на берег. На иртышский берег - к самой кромке воды, под высокий обрыв, на котором в живописном лесу раскинулся Горноправдинск. Он слушал неумолчное бормотанье волн, думал о далеком своем Баку и о здешнем «третьем Баку», думал о семье

и о будущем геологии. Под обрывом хорошо отдыхалось, мысли текли спокойно, никто не мешал размышлять. Несмотря на служебные зигзаги, он не мог упрекнуть себя в отступлении от главной линии, которую наметил еще в юности.

В молодом поселке «на диком берегу Иртыша» для него главным правилом стало - делать все для удобства людей. Салманов строжайше запретил рубить кедры при строительстве объектов. И красавицы-деревья сохранились, не помешав появлению хоккейного корта, стадиона, Дома культуры, дача, поликлиника. Геологи много места отдели под теплицы - дети и взрослые стали почти круглый год получать свежие овощи, женщины получали в подарок букеты живых цветов. Поднялась в небо вышка телецентра. Открылась музыкальная школа, наладилась работа вокальных, инструментальных, танцевальных ансамблей. В поселок стали приезжать интересные гости. Перед геологами выступали композиторы Я.Френкель, В.Шаинский, молодая певица А.Пугачева - тогда еще мало кому известная.

Наветов недоброжелатель Салманов, как обычно, не боялся. А их было предостаточно. Мол, чего только ни позволяет себе взбалмошный начальник экспедиции. Перед встречей команд областного первенства по футболу вымоченное ночным дождем поле несколько часов подряд сушил при помощи зависшего над стадионом тяжелого вертолета Ми-6. Агрономов завел в штатах геологов! Плясунов-балалаечников содержит за казенный счет... Однако Горноправдинск уже гремел на всю страну, и это стало служить Фарману Курбановичу своего рода охранной грамотой. Впрочем, проверочные комиссии все-таки приезжали и нередко наказывали своенравного руководителя - и морально, и материально. Салманов как-то подсчитал, что, уходя с должности начальника Тюменского геологического главка в Москву, в министерство, он увозил с собой 66 выговоров и предупреждений - последние из них касались строительства в Тюмени (опять же вопреки циркулярам) прекрасного Дворца культуры, который по сей день является украшением областного центра. Люди лучше жили и лучше работали. Они нашли на Сальме нефть! И, что принципиально важно, нашли там, где, как считалось, ее просто не могло быть, - в глинистых отложениях. А их на территории области много. Сегодня открыты уже десятки такого рода нефтяных месторождений. Об этом в свое время широко сообщала центральная печать.

«Газеты «Правда» и «Известия» были самыми первыми друзьями тюменских нефтеразведчиков. Они регулярно освещали жизнь и быт геологов, с ними были связаны все успехи первопроходцев. На их страницах печатались материалы, наносившие один за другим удары по тем, кто отрицал перспективу, не верил в потенциальные богатства Тюменского Севера. Эти газеты первыми известили мир о тюменских открытиях, о создании новой крупнейшей нефтяной базы страны Советов. Вот почему мы считали своим почетным долгом назвать экспедицию и поселок на диком берегу Иртыша именем «Правды», решили, что и первое открытое нами новое месторождение назовем Правдинским...»

Из книги Ф.Салманова «Сибирь - судьба моя», 1988 год

Добавлю здесь такую деталь. Будучи собственным корреспондентом «Известий» по Тюменской области, я как-то обратился к начальнику главка Салманову: «Фарман Курбанович, Правдинское месторождение на геологической карте появилось, а Известинского нет. Между тем, как вы знаете, эта газета много пишет о нефтеразведчиках, да вы и сами в ней не раз выступали...» Через некоторое время я отсылал в Москву оперативную информацию: тюменскими геологами открыто еще одно месторождение нефти и названо оно Известинским.

В июле 1966 года Ф.Салманов, страстный футбольный болельщик, стал счастливым обладателем путевки на чемпионат мира в Англию. И там, в туманном Лондоне, представитель советского посольства вручил геологу телеграмму, в которой сообщалось, что ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1970 году - сразу три важных события: Ф.Салманов защитил диссертацию и стал доктором геолого-минералогических наук, удостоился звания лауреата Ленинской премии и был назначен главным геологом Главтюменгеологии (позже он в течение десяти лет будет начальником этого главка).

Получив возможность планировать разведку на территории всей области, Фарман Курбанович снова задумался о Сургуте. Да, и Мегион, и Усть-Балык открытия сургутские, но неужели нет нефти близ самого райцентра? Салманов дал указание детально обследовать Северо-Сургутскую площадь, там была заложена буровая Р-62 и уже в августе 1971 года получен мощный фонтан нефти. Месторождение назвали Федоровским. Давняя мечта неутомимого геолога осуществилась. Федоровское оказалось одним из самых крупных месторождений в регионе, встав в общий ряд с такими уникальными гигантами, как Самотлорское и Мамонтовское.

«Более трех десятилетий прошло с того дня, когда геологи прибыли в Сургут. Небольшой, казалось бы, отрезок времени в истории, но сколько изменений произошло за это время! Невиданными темпами развивается наш регион.

Уже, словно так и было всегда, люди не удивляются тому, что идут поезда из Сургута, летают современные лайнеры, что действует Сургутская ГРЭС, мощность только первой очереди которой вдвое больше Днепрогэса. Сейчас в Среднем Приобье в разработке находятся десятки месторождений, из которых каждые сутки добывается более миллиона тонн нефти. Иными словами, за 15 дней «третье Баку» дает столько же «черного золота», сколько бакинские нефтепромыслы за год. А если говорить о той первой экспедиции, то она стала родоначальницей многих крупных нефтеразведочных подразделений региона...

Я часто бываю в Сургуте. Люблю ходить по улицам молодого города, с пристрастием всматриваюсь во все изменения: не по дням, а по часам растет он и виширь, и ввысь, и это меня радует особо, ведь я - почетный гражданин этого города. И вспоминаю, с чего мы начинали...

Из книги Ф.Салманова «Сибирь - судьба моя», 1988 год

Ярким, но отнюдь не легким был жизненный путь Фармана Салманова, ныне члена-корреспондента РАН, президента компании «Роспан Интернейшнл», Заслуженного геолога России. О сильном характере этого человека, его сложной, неоднозначной натуре говорили и говорят многие, знавшие его близко, работавшие с ним.

И.Нестеров, академик РАН: «Он человек на удивление энергичный, пробойный, умеющий понимать людей и увлекать их за собой. Иногда говорят: он ткнет пальцем в карту - тут надо бурить, будет нефть - и не ошибается. Кто-то приписывает это интуиции. Но такая интуиция может опираться только на огромную научную базу, на колоссальный объем знаний, которыми он обладает».

В.Абазаров, лауреат Ленинской премии: «Он покорял нас силой своего убеждения. Неистовая вера в успех заставляла людей подчиняться его воле и в конечном счете через все трудности приходило к успеху».

Н.Григорьев, Герой Социалистического Труда: «Он у меня в бригаде был коллектором еще во время студенческой практики. Все вокруг него крутилось! Футбольную команду создал. Взял моих ребят, привлек вышколкомонтажников из бригады Николая Драцкого. Угломился лишь после того, как ногу сломал - загибали его и отправили в больницу. А потом мы уже через много лет встретились, вспоминали про это...»

А.Халин, буровой мастер: «Всегда заботился о людях. Помню, даже по квартирам ходил, смотрел, как живут геологи, допытывался, почему не приобретены, например, ковры, другие нужные в быту вещи. Снабжение наладил прекрасное. Широкая кавказская душа!»

В.Салмин, комсомольский, партийный, советский работник: «Во всем хорошем, что было создано в Горноправдинске, - заслуга Салманова. Он геолог и механизатор, футболист и агроном, цветовод и педагог, плановик и бухгалтер, товаровед и кулинар. Он был вездесущ, всегда оказывался там, где надо было сделать что-то сверх положенного по должности...»

Фарман Курбан-оглы Салманов прекрасно понимает, что Россия вступила в новую фазу развития. Ход истории неумолим. Однако некоторые особенности современной ситуации ему решительно не нравятся. И прежде всего - развал отрасли. Озабоченность в связи со сложившимся в геологии положением он пробовал донести до первых руководителей страны. Вот что человек, принимавший участие в открытии 250 месторождений нефти и газа в Западной Сибири, сам говорит по этому поводу:

«Я не первый раз пытаюсь «достучаться» до властей со своей тревогой. Но практика подавления любой инициативы снизу существует давно...

В 1985 году в Нижневартовск прилетел Горбачев. Было совещание, я там выступил. Говорил о состоянии отрасли, приводил конкретные цифры. В заключение Горбачев заявил: «Геологи меня убедили. Отрасли надо помочь». А на следующий день, когда услышал его доклад в Уренгое, ушам своим не поверил. Горбачев просто зачитал бумагу, составленную бюрократами в Москве. Все, что я доказывал, прошло мимо ушей. Потом я письмо на имя Горбачева написал. Реакции - никакой.

Писал письмо Ельцину. Я его хорошо знал, он приезжал к нам из Свердловска на охоту, выпивали там немало... Ельцин письмо отдал Черномырдину. Тем и закончилось.

Мы создали в 1991 году ЗАО «Роспан Интернейшнл», создали промысел, взяли лицензию на изучение и разработку аномально сложных месторождений на севере Тюменской области. Под честное слово Вяхирева работали два-три года. Денег от «Газпрома» нет. И тут узнаю, что Вяхирев дал Гусинскому 700 миллионов. Это меня задело, звоню: «Прими меня». Через неделю принял. Кабинет - 300 квадратных метров. Говорю: «Знаешь, мне плевать, что мы вместе столько лет работали, я на тебя в суд подам». Он вскочил: «Ты что, мне лекции читать пришел? Посидели в задней комнате, выпили пол-литра коньяку. А денег так и не дал...»

Салманов написал В.В.Путину.

«Более 40 лет своей жизни я отдал поиску и разведке нефтяных и газовых месторождений, работе по созданию надежной сырьевой базы нефтяной и газовой промышленности России. Естественно, что пристальнее всего я продолжаю наблюдать за процессами, происходящими в топливно-энергетическом комплексе.

К сожалению, те выводы, которые я вынужден сделать на основе анализа наблюдаемых в ТЭК явлений, мало утешительны для ближайшего будущего нашей страны. Если не принять энергичных мер по исправлению создавшегося положения, нас ждут серьезные трудности в сфере энергообеспечения народного хозяйства. Сегодняшние уровни добычи газа, и особенно нефти, складывающиеся условия их реализации на внутреннем и внешнем рынке не позволят удовлетворить возрастающий спрос на эти ресурсы с началом роста промышленного и сельскохозяйственного производства...

Для оценки серьезности складывающейся ситуации достаточно сравнить уровни душевого потребления нефти в России и промышленно развитых странах. Сегодня Россия оказалась на 23 месте в мире, пропустив вперед такие «богатые нефтью» страны, как Дания, Израиль, Финляндия, Швеция, Япония и другие.

Для возвращения с началом подъема экономики России к более высокому уровню потребления нефти необходимо преодолеть целый ряд негативных тенденций, объективно препятствующих увеличению объемов ее добычи в стране. К ним следует отнести количественное и качественное ухудшение минерально-сырьевой базы нефтяной отрасли, что, несомненно, ограничивает возможности увеличения добычи нефти.

Потенциал наших недр далеко не исчерпан, однако сегодня преобладающей тенденцией стало «проедание» ранее созданной сырьевой базы. В качестве иллюстрации крайне тревожного положения в нефтегазовом секторе можно привести следующие данные: ежегодный прирост запасов нефти и газа составляет не более 50-60 процентов от уровня их добычи. То есть с каждым годом разведанные запасы нефти и газа непрерывно сокращаются, снижая уровень обеспеченности страны этими ресурсами. Такое положение явилось следствием того, что в условиях рыночных отношений государство прекратило финансирование поисково-разведочных работ на нефть и газ из бюджета, а взамен не были сформированы действенные экономические рычаги, стимулирующие компании-производители вкладывать средства в эти работы. Постулат, что рынок сам все отрегулирует, в данном случае не сработал.

Тяжелое положение складывается и с выбыванием ранее созданных мощностей в добыче нефти: эксплуатационное бурение и ввод новых скважин сократились практически вдвое, выбытие промысловых мощностей в нефтедобыче в 2-3 раза превышает ввод новых мощностей...

В этих условиях можно с полной уверенностью утверждать, что дальнейшее развитие негативных процессов в секторе ТЭК продолжится...

Одновременно хотел бы донести до Вас свою озабоченность состоянием нефтяной и газовой промышленности и потенциальных ресурсных недр России. Мой многолетний опыт позволяет мне сделать вывод, что на сегодняшний день существуют опасные предпосылки уменьшения темпов добычи нефти и газа нашими производителями. Я уверен, в первую очередь экономика России будет развиваться вместе с увеличением добычи нефти и газа независимыми производителями.

С искренним уважением - член-корреспондент Российской Академии наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Ф.К.Салманов.»

И что же?

Слово - Фарману Курбановичу:

«Письмо, которое я послал Путину, передали его помощнику Илларионову. Тот отправил его Христенко - разобраться. Христенко отослал письмо в министерство, Юсупову. Министр мне позвонил: мол, надо встретиться, приезжайте, поговорим... Я отвечаю, что отношусь к ним с большим уважением, спасибо за звонок, но во встрече нашей я не вижу смысла. Я ж не ему писал, да он и не нефтяник.... Потом замминистра звонил, пошли разговоры: Салманов зазнался.

Нет, я еще буду драться. Страна горит, а реакции - никакой.»

Салманов не успокоился. Он убежден, что для нормального развития экономики страна обязательно вынуждена будет вернуться к масштабному расширению геологоразведочных работ.

Скорее всего, так оно и произойдет. Раньше или позже, но в итоге слова Салманова всегда подтверждались жизнью.

ВЕРНИСАЖ

*П.С. Бахлыков.
Автопортрет.
1990-е годы*

Елена
Корниенко

ЮГРА,
ЗЕМЛЯ
ПЕТРА
БАХЛЫКОВА

*Потребительский образ жизни
современного человечества
ведет к глобальной катастрофе.
И лишь Сибирь,
вполне возможно,
остается последним резерватом
земного сообщества
с экологически-культурной точки зрения.*

В.Г. Распутин

«Я, Бахлыков Петр Семенович, родился в 1932 году в деревне Вахлова Сургутского района Тюменской области, - начал он так, как и положено писать свою автобиографию и сразу сказал о том, о чем болела душа: - Родной деревеньки уже нет. Ее постигла такая же горькая участь, как и большинство малых деревень России. В соседнем селе проучился четыре года в начальной школе, ибо в Вахловой ее уже не было. Больше учиться не довелось. Как и многим ребятам тех трудных лет, с 12 лет пришлось работать в колхозе наравне со взрослыми. Происхождение по отцовской линии знаю, к сожалению, плохо. Отец - из тобольских крестьян, родственники утверждают, что они - потомки ермаковых дружинников. По материнской линии: дед Дмитрий Иванович Вахлов - основатель деревни Вахлова. Прежде он был мастером золотых дел. Был он и художником: расписывал церкви и писал иконы. Был родом из купцов. Бабушка талантами особыми не обладала, умела вышивать и вести хозяйство. Рукодельница. Была она из княжеского рода, чем и горжусь...»
Так говорил о своих корнях человек, без которого уже немыслима история Сургутского района, да и, пожалуй, всего Югорского края.

К своим двадцати годам Петр Бахлыков уже хорошо знал природу Тюменского Севера, а по сложившейся традиции потомственных сибиряков был страстным поклонником охотничьего дела. Но настоящий охотник в Сибири - не бездумный истребитель дичи. Люди подобного склада - одни из самых тонких и бережных ценителей лесной красоты. Вахловой суждено было исчезнуть с лица земли в шестидесятые годы, когда советская власть занялась укрупнением сел, определив родную бахлыковскую деревню в малоперспективные. Вахловцы стали разъезжаться по другим местам в поисках лучшей доли. Семья Бахлыковых выбрала отдаленный хантыйский поселок Угут, где жил тогда Алексей, брат Петра. Там Петр Семенович стал работать в охотничье-промысловом хозяйстве и постепенно познакомился с культурой коренных жителей здешних мест - юганских ханты. «О, что это за народец! До наивности простодушный и честный, - восхищался он. - В отличие от прочих цивилизованных наций, ханты не умеют обманывать, врать, воровать. В случае

необходимости делятся последним, что имеют, не могут отказать в помощи. Никогда не претендуют на лучшую жизнь и блага, довольствуются тем, что имеют.

Эти прекрасные качества ханты так поразили меня, что я уже не разделял их судьбу со своей, старался хоть как-то облегчить их положение. Захотелось сделать все, что могу, для пропаганды их истории и культуры».

Будущий краевед, художник и летописец в буквальном смысле оказался погружен в благодатную атмосферу, сотканную из уникальной самобытной культуры коренного народа и природной красоты юганской тайги.

Его философия жизни основана на принципе: «Человек - часть природы, органично вписывающаяся в ее систему. Всякое вмешательство в вечные, тысячелетиями отрегулированные законы жизнедеятельности всего сущего - недопустимо. И исключений здесь нет!».

Эта позиция в полной мере отражает представление художника Бахлыкова об истинном назначении человека.

Разрушение природной среды, нынешний крах экологического равновесия между цивилизацией и Природой, так ярко проявившиеся на землях древней Югры, не что иное, как явная неспособность человека пользоваться тем, что дает ему Природа, будь то сырьевые богатства или даже новейшие технологии.

Петр Бахлыков обладал особым даром - чувством глубокого единства с духовной, творческой энергией окружавших его людей, их древней югорской культурой. Именно этот дар позволил ему и, можно даже сказать, вдохновил его создать в своем роде уникальный музей, который фактически начался с одной случайной и, казалось бы, немудрящей находки...

«Стою на крутом берегу маленькой таежной речушки, на еле заметной тропинке, которую лишь мой опыт может угадать. Держу в руках древний хантыйский самолет «черкан», который я узрел среди сучьев многовековой ели. Сколько лет тому назад повесил его на этот сук хозяин? Что произошло после? Почему он не вернулся к своей добыче? То ли недостало сил еще раз пройти по своей извечной охотничьей тропе? Кончилась жизнь? Исыкли силы? Почему-то не продолжили его путь потомки и начала зарастать его тропа...

И только этот единственный инструмент, созданный его талантом, напоминает мне о хорошем человеке, некогда пребывавшем на суровой земле Югры и не принесшем ей никаких бед, никаких разрушений. Повесил свое великолепное создание на сук древнего дерева, словно на память, словно в знак хорошего отношения к природе и как символ чистоты дел и помыслов своих.

Разглядываю этот удивительный предмет и поражаюсь простоте и вместе с тем гениальности мышления неизвестного ханты, создавшего этот уникальный самолет. Мысленно ухожу в те далекие времена, в седую старину, в истоки жизни лесного народа, окунаюсь в его культуру, духовный мир. Но возвращаюсь опять к одному из его представителей, точнее, возвращает меня к нему вещь, которую держу в своих руках, держу трепетно, как великое сокровище, которое наконец-то мне удалось отыскать, за которым я ходил долго и упорно.

И вот она лежит на моих ладонях, осязаемая, пахнет древностью великой. Надо, надо хоть немного поведать о ней людям. Но как? И тут я снова возвращаюсь к мысли, которая посетила меня давно. Если бы удалось сотворить музей. Это единственное место, где можно обо всем поведать, обо всем рассказать, все показать.»

Этот нехитрый самолет и стал первым музейным экспонатом. С того дня Бахлыков принялся нести в дом все, что удавалось найти или приобрести. Односельчане смеялись: для чего ему нужно это старье, поэтому приходилось скрытно вести свой поиск, и коллекция росла.

В начале шестидесятых и к отдаленному юганскому краю вплотную приблизился «нефтяной фронт». Бахлыков со своим чутким отношением к окружающей природе одним из первых заметил это и спрогнозировал последствия.

«Неоднозначная и сложная проблема - продолжение или прекращение разработки и добычи нефти на территории Угутского района. Если и дальше такими темпами и разорительно вести запланированное сверху освоение нашего региона, то будет загублена вся юганская земля. Она не

сможет восстановиться и за сотни лет. Вот что грозит растительному миру. Что касается животного мира, то большинство видов исчезнет навсегда. Это бесспорно. Пока еще не поздно, надо остановить подобную промышленную деятельность в нашем крае. Надо сохранить хотя бы заповедную территорию в нашем округе. А главное - сохранить ханты. Я бы сказал - сохранить Богом данную, вопреки всему дожившую, дошедшую до наших дней через многие века человечность и культуру, как пример настоящей жизни, неразрывной с природой, умеющей ценить и беречь свои богатства, оставлять их на будущее...»

Бахлыков наметил большую программу исследований. Он собирал и реставрировал предметы духовно-материальной культуры ханты, занимался историей и природоведением края. В буквальном смысле спасал все, что еще можно было спасти.

После долгих уговоров поселковое начальство уступило ему для музея старое помещение детского сада. С друзьями мастер переложил печи, перебрал полы, строгал доски, обшивал стены, устроил витрины. Сам добывал и делал чучела зверей и птиц.

И потом девять долгих лет работал в музее один: заготавливал дрова, топил печи, отгребал снег, убирал помещение. Был и директором, и собирателем, и хранителем, и экскурсоводом. И лишь спустя девять лет его детище оформили как филиал окружного музея, утвердили штат работников. Появилась возможность больше времени уделять для приобретения новых экспонатов.

В конце девяностых в музее уже насчитывалось более тысячи единиц хранения - от капкана на медведя длиной в один метр до «чешуек», копеечных монет времен царствования Ивана III и Ивана Грозного.

Музей стал принимать почти по шесть тысяч человек в год, в нем проводились десятки экскурсий. Бахлыкова начали посещать гости из западноевропейских стран, из Канады и США, даже из далекой Австралии.

Так музей стал делом всей жизни скромного угутского художника. Подобного учреждения, представляющего прародину финно-угорских народов, больше в мире нет...

Но Бахлыкова одолевала еще одна мечта.

«Еще в детстве потянулся к рисованию и музыке. На чем только не рисовал! На песке, на снегу, на старых книгах. И вот когда я стал лесоводом, а затем егерем, появилось свободное время, а мне уже было за сорок, и часто мучило сознание того, что годы идут, а я все не осмеливаюсь заняться живописью, боялся - вдруг не получится маслом.

Я перечитал и пересмотрел о художниках все, что попадалось под руку. Наконец решился скопировать из учебника для 4-го класса иллюстрацию картины Васнецова «Три богатыря». Подготовил полотно, самодельные кисти и, собравшись с духом, коснулся маслом до влекущей и пугающей поверхности полотна.

О чудо! Какой восторг! Не верилось, что это мои руки творят такое. И что за чудо краски! Какой запах! Какие цвета! С этой минуты забыл все на свете, все тяготы и лишения. Ночью стоял перед картиной при свете свечки (электричества не было).

Затем два года художничал на досуге, и вот прошла первая моя выставка в сельском клубе Угута. Следующая была в тюменской картинной галерее. Три работы приобрел Ханты-Мансийский окружной Дом народного творчества.»

Критики теперь определяют его искусство как «особое философско-символистское и провиденциальное, мифологическое направление в искусстве перехода к XX веку, знаменующее экокультурное возвращение лучшей части человечества к своему первородному космосу, обогащенному информационными технологиями, той техногенной начинкой, которая не вызывает «ни слезинки ребенка, ни гибели животного-растительного мира». Не назад в природу, а вперед, в гармонии с ней».

Центральное место в картинах Бахлыкова занимает человек, его взаимоотношения с природой, с себе подобными, взаимовлияние культур. Любимые темы Бахлыкова - разумный и гармоничный союз человека и природы, судьба духовно-культурного наследия юганских ханты, их история, возрождение края.

Лейтмотив творческих исканий - история соразвития и взаимодействия двух различных цивилизаций: хантыйской и русской. Прожив долгие годы на земле коренных обитателей Югры - ханты и манси, - художник глубоко познал культуру этих народов и относился к ней как к неотъемлемой части общечеловеческой культуры.

Последние десятилетия, как и предвидел Петр Бахлыков, принесли немало стеснений культуре народов Севера, в том числе и хантыйской. Покорение, «новое освоение» Сибири, основанное на добычи газа и нефти, повлекло за собой уменьшение охотничьих угодий и, следовательно, сужение жизненного пространства, распад традиционных способов существования целых этносов. Ко всему прочему добавились многочисленные попытки «оцивилизовать» жителей тайги. В результате ханты, манси и другие малочисленные народы Севера, как носители цельной самобытной культуры, оказались на грани вырождения и вымирания.

Лишь в девяностые годы усилиями новых властей Ханты-Мансийского автономного округа, местной интеллигенции, национальных деятелей началось шаг за шагом возрождение культуры обь-угорских народов. Петр Бахлыков по-своему пытался защитить бесценное достояние Югры. Он создал большую серию картин, посвященных ханты.

Чрезвычайно интересна его портретная галерея. В ней вошли и герои народных эпических сказаний («Богатырь Тонья»), и образы земляков («Рукодельница»), и хранители древнего культа («Шаман»). По сути дела, эта небольшая серия стала своеобразным концентратом национальной культуры ханты.

Ее дополнила и выразительная в своей художественной, живописной наивности серия «Культура и история ханты». Как правило, сюжеты картин Петра Бахлыкова основаны на реальных событиях, имевших место как несколько столетий назад, так и в наши дни. Картины подкупают своей простотой и искренностью, а более всего - безграничной добротой, которая пронизывает все полотна художника.

Выставяться начал Бахлыков с 1973 года: в Угте, Сургуте, Нефтеюганске, на окружных и областных выставках, наконец, в 1995 году, в далекой Португалии. Позднее стал хорошо известен в Голландии, Бельгии, Швеции. В Москве его работы, кроме ВДНХ, экспонировались в Третьяковской галерее.

Живопись и увлечение историей родного края настолько тесно переплелись в жизни и творчестве сибиряка, что отдать предпочтение чему-то одному невозможно. Увиденное и пережитое он старался передать всеми возможными способами. Так родилась его публицистика - статьи и очерки. Помимо этого, Бахлыков вел дневниковые записи, а затем приступил к написанию большого романа. «1979 год был для меня наполнен важными делами и событиями. Решил попробовать осуществить свой дерзкий замысел - начал писать книгу: решил описать историю моего родного края, рассказать о моих предках, о деде Дмитрие Ивановиче, о быте и культуре русских и ханты. Я подумал: если я не напишу, то кто же сможет?

Многое мне рассказала мать, да и бабушку я хорошо помню, но плохо помню деда. Многое помню сам, да и многое испытал на собственной шкуре.

Пишу о том, как все было, не меняя ни имен, ни фамилий, хотя книга художественная, и название уже придумал - «Медвежья падь». Что из этого получится, пока не знаю».

«Медвежья падь» - это роман-быль о жизни деревни Вахловой, начиная с исхода XIX века. Первая русская революция, первая мировая война, революция 1917 года, гражданская война, установление советской власти... Несмотря на этот непрерывный круговорот трагических событий и перемен, вахловцы сумели создать свой, особый крестьянский мир в государстве. Они могли, знали и умели делать все, что нужно человеку для достойной жизни в гармонии с природой, соседями и местными жителями - остяками. Они создали, говоря современным языком, «экологически чистый мир», и главными героями этой эпопеи стали сама земля, природа.

Роман был издан в Тюмени в 1997 году. Тюменский литературовед В.А. Рогачев считает, что «Петр Бахлыков впервые в нашей литературе поставил природу как божественно распорядительную силу всего сущего на планете, выше человека, отверг образ человека как венца вселенной, правда,

не отменяя при этом его огромную роль в земном Бытии».

Годом раньше, также в Тюмени, вышла книга Петра Бахлыкова «Юганские ханты: история, быт, культура». Раскрывая особенности хантыйской жизни, фольклора и мифологии, нравов и обычаев, Бахлыков стремился убедить нас взять все полезное от этой северной цивилизации, сохранить культуру ханты, способствовать их возрождению. Главы о жилищах, поездках и походах, промыслах и орудиях, одежде и домашней утвари, прикладном творчестве и музыке вносят и научный вклад в угроведение. Многие Бахлыков описал впервые (к примеру, некоторые игры и праздники, инструменты). Фактически, одной небольшой книгой этот человек подарил целый клад научных знаний историкам, финно-угроведам, этнографам.

«Нередко мне задают одни и те же вопросы: что двигает мной, что заставляет заниматься творчеством, как успеваю, где беру столько времени, какие закончил университеты?

Главный, непревзойденный и незаменимый университет мой - это жизнь, трудная, с трагедиями и лишениями. Жизнь в этом суровом крае, в этом противоречивом мире, жизнь среди людей разной веры, различной культуры, интеллекта, национальности, обычаев, трудовой деятельности.

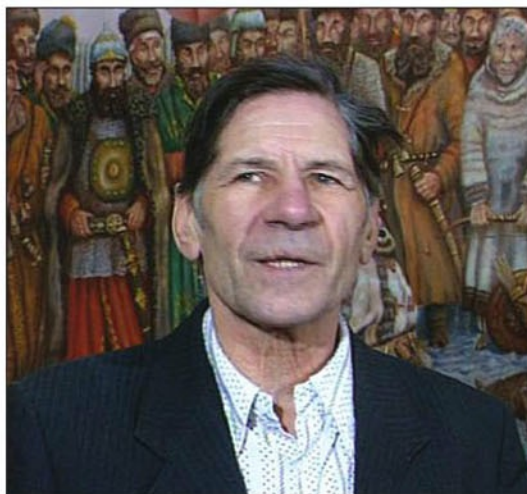
Приходится часто сталкиваться с непониманием меня окружающими, с несправедливостью и некомпетентностью тех, кто вершил судьбы людей, кто обязан поднимать культуру на местах.

Уверен, что суть и содержание искусства, его значение связаны с человеком и пробуждают его духовные и нравственные силы. Гуманистические идеалы, ценности, человечность и добро должны пронизывать жизнедеятельность государства».

Бахлыков 35 лет занимался тем, о чем заговорили лишь недавно. И трудился в условиях непонимания, недоверия, неприятия. Слыл эдаким деревенским чудачком. У него пытались выторговать уникальные находки, обокрали музей, крали и портили картины. Обыватели завидовали его заслуженной славе, признанию, которое пришел в начале восьмидесятых. Для местных чиновников Бахлыков тоже не вписывался со своими трудами в ведомственные рамки. Зато в Угут зачастили иностранные гости, западные ученые-угроведы. Слава пришла, как это часто у нас бывает, из-за рубежа.

В 1990 году Петру Семеновичу Бахлыкову было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», в 1995 - «Заслуженный деятель литературы и искусства Ханты-Мансийского округа». 1 января 1999 года он был удостоен звания «Почетный гражданин Сургутского района», а в мае того же года его не стало...

Несколько лет спустя в Угута было возведено новое современное здание музея, куда вошли большая часть из двух тысяч экспонатов, собранных деревенским энтузиастом, и постоянно действующая выставка его картин. Музею было присвоено имя юганского подвижника, по велению сердца создававшего духовное пространство не только любимых им просторов Югана, но и без преувеличения - всей Сибири. И, значит, всей страны.

Мадонна.
1994

*Последний.
1988*

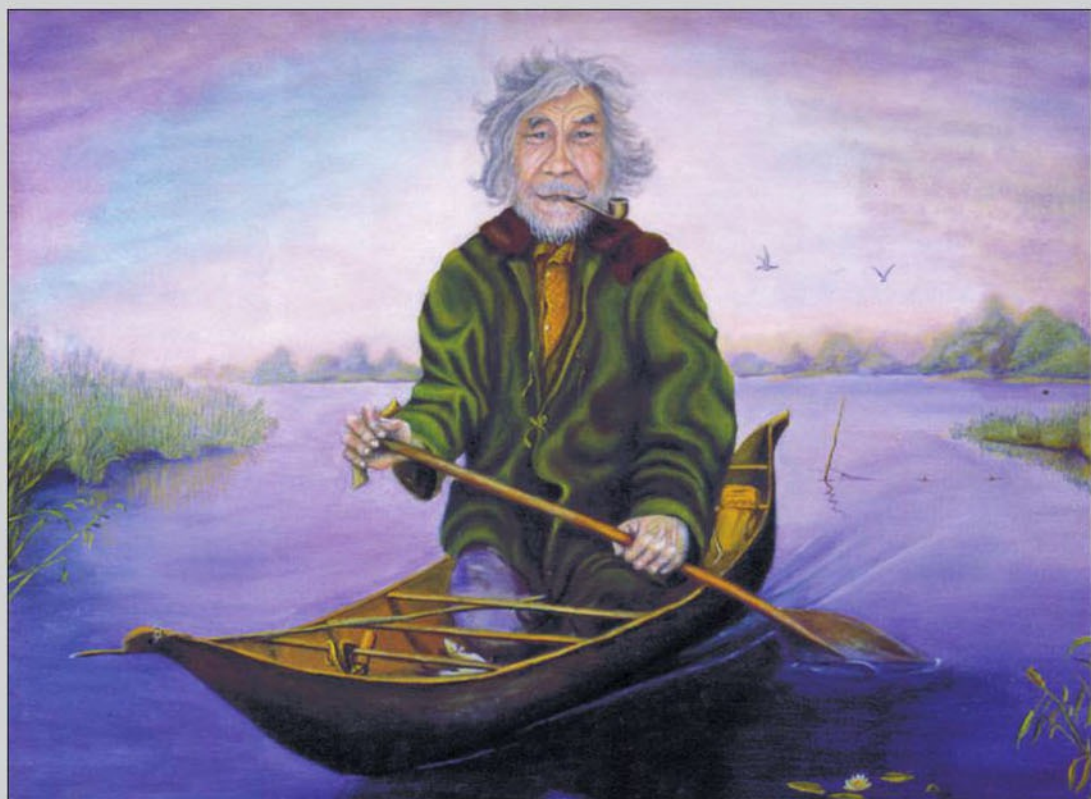

Клятва.
1987

Приехали на ярмарку.
1988

Дитя природы.
1976

Тимоха курит.
1994

Cupoma.
1991

*Новый облас.
1983*

*Идол и одуванчики.
1988*

Т Р И Б У Н А

Игорь
Иванов

НАМ
НЕГОЖЕ БЫТЬ
«РОДИНОЙ СЫРЬЯ»

Чуть более полувека отделяет нас сегодня от незабываемой даты: 21 сентября 1953 года. В Ханты-Мансийском округе, на окраине районного села Берёзова, ранее известного разведкой своим знаменитым сырьём - Александром Даниловичем Меншиковым - в тот самый день произошёл первый за Уралом мощный выброс природного газа. Тогда ещё многие не догадывались, что Западная Сибирь тем самым вступает в новую эпоху своей истории. Прорыв энергии недр определил новое место и назначение края в истории России, а судьбы тысяч и тысяч людей - на многие десятилетия вперёд. Время помчалось, понеслось... Но, наверное, такова уж особенность всякого исторического прорыва, будь то в ходе военных действий или на экономическом фронте, что он по сути своей не бывает однороден. Какая-то или какие-то из его составляющих формируются с решительным опережением, а в соседних сферах могут, наоборот, проявиться инерционные процессы... Так было и здесь. Требовалось как можно быстрее продолжить обширнейшую разведку месторождений. Быстрее наладить добычу. А, значит, быстрее собрать на нужных направлениях прорыва достаточное число специалистов, техники. Далее, быстрее наладить хранение и доставку добытого. Наконец, быстрее и выгоднее продать. И, конечно, во время отправлять «наверх» рапорты с обязательными в таких случаях словами «досрочно», «с опережением плана», «в ознаменование» и т.д. И неукоснительно наращивать, наращивать темпы...

В такой обстановке газовики и нефтяники Обь-Иртышского бассейна жили и трудились эти полвека. Так, во многом, продолжают жить и сейчас. Оглядываясь на прошедшее, отчётливо видишь, что в тени стремительных темпов накапливались отставания, наслаивались ошибки. Как всегда в советские десятилетия, сильно отставали с жильём для добытчиков и эксплуатационников. Позволяли себе неосмотрительность в обращении с очень хрупкой, как выяснилось, природой края. Непростительно долго глазели на то, как обогревается небо факелами газовых месторождений. Об этих ошибках, огрехах, бедах, упущениях много говорилось с экранов телевизоров, писалось в нашей прессе. И в мировой тоже, потому что поспешность и жадность при освоении природных богатств, как выяснилось, равно оказались свойственны и капитализму и социализму. Впрочем, осознание этого факта нас не оправдывает и не утешает.

Что касается собственно сибирского опыта деятельности в условиях прорыва, можно сделать такой вывод. Опасно жить всё время в пылу безудержного энтузиазма. Нельзя всегда и во всём руководствоваться романтическим лозунгом «Время, вперёд!» Нельзя всё время учиться на ошибках. Надо учиться их не допускать. Надо учиться только на лучших домашних и зарубежных образцах. Часто по телевизору можно услышать из уст творческих людей: «Художник имеет право на ошибку!» Они даже с каким-то вызовом, с бравადой произносят эту фразу. Ну, и пусть, думаешь, если эти люди так уж снисходительны к собственным промахам. Но мы подобную снисходительность не имеем права к себе применять. Иначе наши прорывы обернутся великими огорчениями.

И всё же прорыв, несмотря ни на что, состоялся. Что и говорить, сегодняшние успехи моих коллег впечатляют. Получаемые страной газо-нефтедоллары, благодаря удачной конъюнктуре, заметно подпитали государственную казну, и это вселяет надежду, что страна стала выходить из опаснейшего системного кризиса.

Экспорт газа оказался крайне выгоден. Двести тысяч работников «Газпрома», то есть всего 0,4% всех работников хозяйства страны, обеспечивают сегодня 17% поступлений в федеральный бюджет, дают каждый шестой доллар валютных поступлений.

Худо-бедно, Россия имеет 33 процента разведанных запасов газа планеты и свыше 40 процентов прогнозируемых. Доля газа в мировом энергобалансе растёт и к середине XXI века может составить 28-30 процентов. Углеводородное сырьё оптимально отвечает триединому критерию - высокой энергетической, экономической и экологической эффективности. Такое триединство лежит в основе того, что называют «общественно приемлемой энергетикой», необходимой мировому сообществу. Необходимой, в первую очередь, самой России, которая к 2004 году в качестве «новогоднего подарка» получила третью очередь разрабатываемого Заполярного газового месторождения.

На пуск первой очереди (35 миллиардов кубометров газа) к нашим газовикам приезжал президент Владимир Владимирович Путин. Затем была запущена вторая очередь - ещё 35 миллиардов.

В первом полугодии 2004 года месторождение выходит на проектную мощность в 100 миллиардов кубов. Так что к дню рождения Сургута (410 лет!) наш «Сургутгазпром» подготовил свой подарок.

Ввод в эксплуатацию Заполярного месторождения и системы газопроводов позволит не только поддерживать, но и наращивать уровень добычи. Вокруг уже действующего газопровода имеются в запасе месторождения, которые могли бы планомерно подключаться к трубе в 2015-2025 годах. Если Сургут сегодня стал крупным культурным, университетским центром, то во многом потому, что газ «Сургутгазпрома» не весь мимо города проходит. И не весь он проходит мимо региона в целом. Такие промышленные центры как Тюмень, Екатеринбург, Челябинск, Нижний Тагил напрямую зависят от сургутгазпромовских углеводородов. А газификация тюменского села позволила поднять на новый качественный уровень крестьянский труд на земле. Речь идёт о сельскохозяйственных районах юга Тюменской области, которые по урожайности зерновых, животноводству, молочной продукции не уступают благодатнейшим кубанским и ставропольским чернозёмам.

И всё же от этих внушительных цифр и фактов, от «победных релизий» хочу вернуться снова к тому, что недоделано или сделано не так. Сошлюсь ещё раз на прессу, на наши СМИ. Страницы газет, журналов, даже тех, которые вчера говорили о реформах взхлёб, с восторженным придыханием, пестрят жалобами, упреками, как это могло получиться, что мы превратились в сырьевой придаток Европы, мира! Об этом с обидой, с возмущением говорят везде: в школьных классах и студенческих аудиториях, на митингах, на теледебатах, в транспорте. Говорят пенсионеры, молодые учёные, домохозяйки, те же газовики. Как это мы дошли до жизни такой?

Увы, эта наша сырьевая составляющая объявилась не вчера, не позавчера. Вспомним про вековые «мёд, пеньку и сало». Так уж исторически сложилось, что Русь, а потом и Россия, а потом и СССР вывозили и выносили на всемирный торг всё своё самое лучшее, самое свежее, самое доброкачественное. Русские продукт или вещь говорили сами за себя. Не нужно было никого обманывать эффектными обёртками, пёстрыми упаковками, назойливой рекламой...

Но ещё в XVII веке нашёлся человек, который в этой особенности русского вывоза углядел изъян. Это был Юрий Крижанич, славянский мыслитель и путешественник, автор очень глубокого трактата «Политика», предназначенного для русского читателя. Немало лет Крижанич прожил в Сибири, в Тобольске, куда был сослан из Москвы по подозрению то ли в ереси, то ли в шпионаже. Но он, несмотря ни на что, считал себя защитником русских национальных интересов и не стеснялся писать о случаях, когда мы сами же этими интересами пренебрегали. В частности, о характере нашего экспорта говорил так: «Надо бы накрепко установить, а ослушников наказывать, чтобы за рубеж не вывозилось никакого сырого материала, а чтобы дома наши люди делали всякие изделия, и готовые вещи продавали за рубеж».

Но это ведь и про нас, и для нас, сегодняшних! Да, безусловно, России негоже быть «родиной сырья». И негоже покупать за границей изделия или продукты, из нашего же сырья изготовленные. По крайней мере, мы у себя в «Сургутгазпроме» стараемся жить, руководствуясь аксиомой: конечный промышленный продукт всегда выгодней получать самим, а не отдавать сырьё для его переработки на сторону. Как бы «рыночные отношения» ни подстрекали нас «быстрее добыть

и продать», оправдываясь заботой о скорейшем возмещении затрат, мы не имеем права забывать об авторитете всего региона, всей Сибири, всей России.

Ещё в 1985 году вблизи Сургута мы пустили в строй завод по стабилизации конденсата, который стал крупнейшим в России предприятием по переработке газового конденсата.

На этом своём заводе перерабатываем «сырой материал» в дизельное топливо, в бензин; производим разделение широкой фракции лёгких углеводородов для предприятий отечественной нефтехимии.

Цикл переработки постоянно расширяется. Сейчас работаем над открытием производства реактивного топлива, авиационного керосина, а также производства горюче-смазочных материалов, мазута. На очереди - проведение глубокой переработки фракций с получением из них других важных товаров народного потребления.

Метан - тот самый природный газ, что из подземных кладовых идёт по трубопроводам, - практически в любой точке трубопровода может перейти из категории сырья в полезный продукт. К примеру, заменить более дорогой продукт нефтепереработки, бензин, используемый в качестве моторного топлива. В мире происходит постепенный переход на газовую заправку автомобилей, работающих на пропан-бутане. Так называемый «попутный газ», сопровождающий добычу нефти, является очень ценным сырьём для высокотехнологичной и высококорентабельной нефтехимической промышленности. Хотя цена пропан-бутана растёт, и его активно покупают за рубежом, но, получая прибыль сегодня, необходимо учитывать и перспективу. Если запасы пропан-бутана в обозримом будущем истощатся, то запасов природного газа хватит как минимум ещё на столетие.

Вот почему мы выступили с предложением включить в законопроектную деятельность областной Думы разработку Закона об использовании природного газа в качестве моторного топлива.

Надеемся, что опыта по внедрению такого закона в практику у нашего молодого даже по сибирским меркам предприятия - ему чуть больше четверти века - хватит.

«СТАРЫЙ СУРГУТ»? ТОТ, ДА НЕ ТОТ...

Когда здесь стоит тишина, острее чувствуешь удивительную отрешенность этого островка от реалий сегодняшнего города. От ближайших жилых кварталов, подобных надвигающимся ледяным торосам, и от растущих поодаль высотных новостроек. И уж тем более - от зримого символа нового века, этого фантастического, космической красоты «кристалла», именуемого офисным зданием «Тюменьэнерго», а в народе за его грозное, неприступное величие - в шутку «Пентагоном»...

И бродя в тишине между старинными домами по новеньким асфальтовым дорожкам, невольно останавливаешься взглядом - особенно зимой, когда они занесены снегом - на пустынных островах посреди обмелевшей Черной речки. Тогда странная отрешенность охватывает тебя, и появляется живое чувство, даже уверенность, что этот явно искусственный мирок с громким именем «Историко-культурный центр «Старый Сургут» не есть просто «виртуальная», театральная декорация, подновленная кем-то для памяти после спектакля, который уже давно снят с репертуара да и основательно подзабыт всеми... И жизнь, живая душа в этом мирке все же теплится - и будит в нас ответное тепло, будит память, если не личную, то глубинную, родовую.

...Какой-то особенной домостроительной традиции в старом городе не существовало, да и строили, как правило, не сами сургутяне, а артели приезжих мастеров. Специалисты фирмы «Спецреконструкция», готовившие первоначальный проект этого архитектурного музейного комплекса под открытым небом, пытались воссоздать черты города по архивным фотографиям. Оказалось, что мотивы резьбы, украшающей наличники, фронтоны и прочие детали построек, одни и те же в разных населенных пунктах. Как будто по Тобольской губернии ходила и повсюду подряжалась плотничать одна и та же ватага! Заборы, судя по фотографиям 20-х годов, были совсем примитивны. Легкие, можно даже сказать изящные штакетники, как у дома учителей Знаменских, появились позже, уже в XX веке. Дом учителей Знаменских, располагавшийся по известному адресу - Ленина, 1 - выделялся, конечно, не только своим резным балкончиком и прихотливой изгородью. Все, кто бывал здесь, вспоминали - и еще вспоминают! - огромный палисадник с цветами, которые так любила Анна Андреевна. Увы, это памятное строение не удалось ни перенести, ни реконструировать. Хотя «духовное покровительство» учительских имен распространяется и на здание школы, от которой осталась лишь более или менее точная копия, поставленная на новом месте.

...Школа, школа, кто тебя построил, когда? В твоих стенах во время оно текло спокойное и практичное житье-бытье легендарного купца Тетюцкого. Только он да другие состоятельные торговцы могли позволить себе ту добротную мебель - черную, с бордовым оттенком, что мастерил местный корифей-краснодеревщик Антон Кирьянович Коробов. Во всяком случае, в доме купцов Клепиковых, по слухам, стояла такая же: крашенные черным и покрытые растительным лаком конторка, комод, этажерка и большая кровать - неотъемлемая часть респектабельной жизни старого Сургута. Антон Кирьянович и станки для точения делал сам, и учеников, наверно, имел... Интересно, для чего он хотел скрыть фактуру дерева? Мода, видать, была такая уже тогда - на «фирменный» лоск почтенной и благородной старины... Ну, а потом этот дом стал «белой школой». Неподалеку стояла еще «красная» - для начальных классов. Вокруг был большой двор с красивыми воротами, множеством построек и небольшой

спортивной площадкой. Школа была, как и везде, культурным центром села... И чувствуешь, что главное невозможно воссоздать в музейном «новоделе» - ту атмосферу, которая позволяла людям в убогом быту захолустного, часто сгоравшего дотла сибирского села, окраинного даже по отношению к окраинному Тобольску, да еще в самые тяжкие времена, в 20-40-е годы XX века, сохранять в себе одухотворенную, осмысленную тишину, наполнять будничные промысловые походы в лес - разгадкой тайн и природы, острым переживанием ее красоты и вселенской гармонии. Об этом с тоской вспоминают все без исключения люди, состоявшие в переписке с Аркадием Степановичем Знаменским.

Всматриваешься в твои окна, «белая школа», и видишь внутренним взором, как за единственным в Сургуте роялем «Мюльбах», которому уже больше ста лет, сидит чудаковатый учитель Знаменский и играет ноктюрны Шопена. А в соседних классах к звукам этим, таким странным для тихих таежных болот, прислушиваются ученики, пишущие на газетной бумаге... Да, по нынешним меркам, эти люди кажутся какими-то инопланетянами.

...Вот на этом высоком сухом месте и было, собственно, построено когда-то казачье военное поселение. Только дома - копии исторических - перенесли сюда с разных улиц старейшей части города. Подлинные либо сгорели, либо были просто снесены - за «полной исторической ненужностью».

Бывшая аптека - улица Республики, 16 - работала до 1987-88 годов. Здесь жили провизоры. Здание было разобрано для переноса в этнографическую зону, да так в первоначальном виде и не восстановлено. По «новой версии», входные двери расположены в другом месте, раньше они выходили прямо на дорогу. Теперь здесь пристанище творческой интеллигенции, точнее, Дом журналистов.

В жилом доме на ул. Просвещения, 18, жили предки известного краеведа Валерия Константиновича Белобородова, в свое время прибывшие из Тобольска. Купили они его или были заселены в него как сосланные - неизвестно, ибо домовая книга, сохраненная жительницей поселка Широково, которая квартировала здесь позже, отражает записи лишь с 1941-42 годов. Дом тогда был поделен на две половины, и в одной вечно квартировали какие-нибудь постояльцы (сюда часто присылали то учителей, то рабочих). Дом был окружен замечательно просторным двором, рядом стоял характерный для Сургута крытый амбар, где его жители проводили, наверно, половину своей жизни, поскольку здесь и было сосредоточено домашнее хозяйство. На полках с кастрюлями, в кадках, ящиках хранились, как правило, запасы пищи, отсюда же вела лестница на чердак - там покоились старые вещи.

Сейчас в этом здании разместился Дом краеведа. Валентина Федоровна Пастухова, его «хозяйка», пытается воссоздать здесь хотя бы стилизованный облик старосургутского жилья. Она и разыскала сведения о прежней истории постройки. «Однажды по лету пришли сюда какие-то люди, - рассказывает Валентина Федоровна, - стали фотографироваться около одного из домов. Выяснилось, что сургутяне решили показать приезжему родственнику комплекс, и он «узнал» свой дом, выстроенный в 50-е годы. Такая же непритязательная резьба на карнизах, то же крыльцо, схожий с «родным» наличник, словом конструкция та же. Но сейчас там почему-то ...кавярня. Никакой кавярни в старом Сургуте не было...».

Откуда есть пошла эта «кавярня»? Конечно же, «с легкой руки» украинской общины, которая, пока строился Центр, имела тут свой собственный «центр». Сейчас он переместился в другое место, а «кавярня», хоть убей, выросла в Историю... и стала частью «Старго Сургута». Не было в старом Сургуте и тракторов, но заведение под такой вывеской тоже пустило корни - наверно, потому, что звучит колоритно, по-старинному. Правда, сей трактор пока рассчитан только на «групповое обслуживание» - еще один исторический загиб!

...В настоящем старом Сургуте вместо кавярни и трактора были чайные. В 1912 году одну из них открыл уездный исправник (тогдашний «мэр») Григорий Пирожников. Чай пили из самоваров, закусывали мучной выпечкой. В то время много говорилось о народной трезвости, и в качестве альтернативы «веселию питья» в чайной разместили еще и читальню. Удивительно, но заведения приносили даже некоторую выручку (покупная сумма 1797, а продажная 2235 рублей), на нее Пирожников и покупал книги.

Впрочем, интерес к сургутской старине не преувеличен, и все больше растет. Спасибо краеведам - благодаря им события прошлого, судьбы людей «прорастают» в наше время, как новая поросль

на сплошных вырубках. Масса подробностей из жизни прошлого фиксируется, публикуется. Правда, эти публикации по большей части производят впечатление каких-то энциклопедических сводов, анналов, не соотносимых с нынешней реальностью города. Внутренний посыл есть: историю родного города и края надо знать. Но вот живая связь этой истории с нынешней «нефтегазоносной» эпохой как-то слабо налаживается...

Ясно, что нововел «Старый Сургут» к Сургуту историческому отношение имеет весьма отдаленное. Идея реконструкции улицы, состоящей из домов, взятых с разных мест, возникла тогда, когда все предыдущие замыслы - к примеру, взять фрагмент застройки улицы Казачьей (вблизи нынешней улицы Энергетиков), разобрать все дома по бревнышкам и перенести в другое место - отпали сами собой. Энергетики хотели скорее заполучить замечательное, удобное место, и все конкретные решения нужно было проводить в жизнь практически молниеносно.

В целом, как видно сейчас, мало кому это оказалось жизненно необходимо - сохранить остатки прежней жизни. Уж такой малозначительной она казалась на фоне головокружительных превращений, связанных с наступлением нефтяной эры. Строилась ГРЭС невиданного доселе мирового масштаба, буквально на глазах старая болотная грязь закатывалась асфальтом, рядом уверенно вырастали блочные постройки, с горячей водой, центральным отоплением. Оголившиеся от вырубленных деревьев улицы создавали пространство для новых дерзаний, а неуютное настроение временности, «пролетности» жизни врачевали бодрые голоса радио и газетных журналистов, напоминавших о том, что все мы - участники строительства великого будущего всей страны. Темп жизни возрос необыкновенно!.. Машина преобразований набрала такую скорость, что веселая причастность к открытию этой «новой страницы истории» диктовала единственно возможный способ отношения к происходящему: все - впереди!

Честно признаем, ожесточенной битвы общественного мнения с прагматичными промышленниками и чиновниками, с губителями всего «исконного-посконного» - не было. Да и пресса тех лет выдает лишь «взвешенные» обсуждения за круглым столом: о возможности сохранить хоть что-нибудь из вроде бы стоящего в ходе, несомненно, более важных, исторически оправданных и совершенно необратимых изменений. Были, правда, выступления П.И. Мунарева, председателя местного отделения ВООПИК, да еще пара возмущенных возгласов (от представителей молодого поколения, между прочим), после того, как в 1990 году при странных обстоятельствах сгорела первая музыкальная школа, памятник архитектуры республиканского значения. Указывались даже некие фамилии виновных в истреблении старого Сургута! Но и те, кто ныне активно участвует в формировании мифологии об уникально древнем и значительном историческом прошлом Сургута, авторитетно зывали к актуальной по тем временам «резвости мысли»: «Да вспомните, кого интересовали раньше эти хижинки!.. Никаких туристов и в помине не было, а вот сейчас, когда у нас есть ГРЭС, когда торчат повсюду нефтяные вышки, к нам едут и жаждут посмотреть на наше новорожденное чудо». Да уж, вспомнить иногда полезно бывает...

Дух стали переводить после 400-летнего юбилея. Болезни акселерации, то бишь бурного роста, стали отходить. Все увидели, что нефти много, хватит надолго и жизнь в новом Сургуте может быть устроена куда удобнее и уютнее. А какой же уют и покой без родословной? И мы стали во многом напоминать перестроечных нуворишей, готовых на многое, лишь бы «расширить» и «углубить» свое «благородное происхождение».

Что же касается «этнографической зоны», как вначале называли Историко-культурный центр (ИКЦ), то несмотря на предоставленные городской администрацией заманчивые условия, лишь три частных строительных предприятия вызвались построить ее и сдать под ключ к 400-летию города. Государственные строительные организации конкурс вообще проигнорировали... Ставить бетонные «коробки», конечно, проще и выгоднее, чем кропотливо возрождать деревянное зодчество. Пафос патриотизма не сыграл ожидаемой роли, строили комплекс на редкость бестолково.

Относительно того, как его использовать, судя по документам, было создано немало концепций, но, видимо, неубедительных, потому что денег ни под одну из них так и не было выделено.

Лишь недавно была утверждена мэром и «защищена» на общественном совете ИКЦ «Старый Сургут» концепция его развития. Она содержит два направления. Первое - изучение живой истории.

«Каждый из 14 домов, - рассказывает директор ИКЦ И.С. Вербовская, - предполагается быть открытым для посетителей. Но это должны быть не обычные музейные экспозиции.

Разрабатываются интересные формы работы со студентами, целый ряд тематических блоков,

а также практикумы-приложения к урокам краеведения в школах. Это лекции, экскурсионные и игровые программы.

Дом-музей семьи Знаменских должен стать «салоном» для проведения поэтических вечеров. Дом краеведа - выставкой архивов почетных жителей Сургута, краеведов Ф.Я.Показаньева, И.П. Захарова и еще ряд экспозиций. В Казачьем доме предстанет история первопоселенцев. В Доме старожилов откроется комната - «Семейный альбом Сургута» с историей родовых фамилий, генеалогическими схемами. Интерьер стилизуется в духе 50-60-х годов. Еще один важный проект - «Дом природы с экспозицией флоры и фауны Сургутского края».

Второе направление развития - сохранение традиций в формах, адаптированных к новой эпохе. Наибольший интерес внушает деятельность двух учреждений - Дома ремесел и фольклорного отделения Колледжа русской культуры им. А.С. Знаменского (последний не входит в структуру ИКЦ). Задача первого - сохранить традицию ремесел как таковых.

«В отличие от финно-угорских народов, русские старожилы в Сургуте не имели своей художественной традиции, - рассказывает художница Наталья Родионова. - Одежду покупали, а не ткали - из чего было ткать? В Тобольском музее-заповеднике сохранились, правда, образцы красивейших тканых изделий из крапивы - но они принадлежат южным ханты. О промыслах как о традиции говорят тогда, когда им сто-двести лет, когда есть стиль, есть люди, сросшиеся с нею, сырьевые ресурсы. Но таким сроком консервации на севере может похвалиться разве что Тобольская косторезная традиция - ей более ста лет... А для нашего Дома ремесел важно сохранить сами ремесла - и ханты, и русских - и обучить этому молодое поколение, чтобы навыки не были забыты... Но у нас есть проблема: как только мы касаемся чего-то национального, бытовавшего на данной территории, есть риск что-то нарушить. Вот висят в Ханты-Мансийском Центре народных ремесел бисерные подвески - они, вроде бы, являются традиционными, но семантика орнамента в них не сохранена. А это, собственно, и есть традиция, это же письмена! Поэтому наша цель - еще и пропаганда знания всего этого. А то живем на территории севера, а ничего по существу не знаем о культуре его коренного населения. Так только, внешний колорит...». Дом ремесел способен создать традицию фирменных сургутских сувениров. В городе знают талантливые, стильные работы его мастеров - по регулярным выставкам, которые проходят здесь, на территории «Старого Сургута», в Доме творческой интеллигенции, и даже на выставках международного уровня.

Что же касается фольклористов колледжа им. Знаменского - они известны, главным образом, по большим шумным праздникам, которые проводятся на территории «Старого Сургута» - Масленица, Пасха, Троица. На Покров, на Рождество они приглашают горожан на посиделки, вечерки... Здесь все настоящее - если костюмы, то тканые самими участниками вручную, точные копии тех, что хранятся в запасниках колледжа; если обряд - то это аутентичные образцы поведения и пения, характерные для тех сибирских деревень, в которых они побывали в экспедициях. Это не стилизация, а реконструкция в самом «профессиональном» смысле слова... Чего стоит завораживающее исполнение древних песен, когда слезы к горлу подступают, и - да-да! - наконец, осознаешь свою - и общую - кровную причастность к родовым истокам...

По выходным в Доме-музее А.С. Знаменского показывают спектакли фольклорно-этнографического кукольного театра профессиональные актеры Ю.А. Евдокимов, Н.В. Фисенко и Т.А. Корпачева. Если фольклористы реставрируют традиции, то «кукольники» ее по-своему интерпретируют. Они ставят сказки - и воссоздают зрелище, в котором явно ощутимы отголоски родовой культуры, интонации сказителей Севера, тонко трансформированные культурой современной, городской. В чистом виде традиционное, мифологическое восприятие мира почти не сохранилось, но фольклорно-этнографический театр моделирует его, играет.

Вот это, по всей видимости, и есть пока лучшие примеры того, какими средствами можно воссоздавать образ старины. От прочих они отличаются тем, что не картинки «а ля рюс» создаются, не муляжи прошлого, а - живые образы реальной жизни: не только - как люди внешне выглядели, а, главное, как мыслили, как видели, слышали мир... Только вот среда для этих образов должна быть не случайная, а соответствующая. Атмосфера нужна подходящая...

Вместе с тем, в согласии с официальной концепцией развития ИКЦ, все, что делается в «Старом Сургуте», должно быть, прежде всего, ориентировано на въездной туризм, на массовую посещаемость. Посетители должны иметь возможность не только узнать историю Сургута, но и поучаствовать в мероприятиях, отдохнуть, развлечься и, конечно же, что-нибудь купить

на память. Комплекс услуг предполагает зимой - прокат коньков, кофе в той, уже прямо-таки мифической «Кавярне». Летом - для малышей - карусели и нечто вроде летнего лагеря, для взрослых - прокат роликов. Для пожилых - участие в программе «Улада» (по воскресеньям на площадке звучала бы музыка 60-х, а народ валил бы толпами, фотографировался). Все это звучит вполне невинно и естественно для любого «парка отдыха». Но если вы когда-нибудь бывали на городских праздниках, которые всей своей мощью навалились на территорию «Старого Сургута», то чувство исключительности - как ныне говорят, «эксклюзивности» - этого места вас уже вряд ли осенит, не говоря уж о духе Истории, Времени, Вечности. И этот «старый Сургут» что называется, тот, да не тот. И церковь не тех строгих форм, что были в старом Сургуте и так естественны для людей, живущих среди суровых северных ландшафтов, а какая-то сказочная - с Кижей, что ли, «привезенная». И шумная эстрада такой нелепой кажется среди этих домиков. Или сами они - все же не более, чем малоуместная для массовых действ и праздников декорация? Глядишь, бывает - ну, все смешалось: и фольклористы здесь, и поп-музыканты с их децибелами, и кадеты со своими военными «этюдами»... Кажется, появившись сейчас, в эту минуту, собака - это внесло бы в происходящее какую-то жизненную правду... Но собаки сюда почему-то не забегают.

«Старый Сургут» превращается в одну из городских площадок для проведения праздничных мероприятий, но их ведь и так немало в городе. Этой территорией нельзя злоупотреблять, пытаться заработать на ней великие деньги, она не для этого предназначена. Музей деревянного зодчества в Великом Новгороде больше комплекса «Старый Сургут» в несколько раз, но ландшафт оставлен исторический: от гумна до церкви - все сохранено. В течение года там проводится всего два праздника - один летом, другой зимой. В остальное время там очень тихо, люди приезжают (стоянка машин очень далеко от центра территории) и просто осматривают этот музей. С большой деликатностью там к старине относятся.

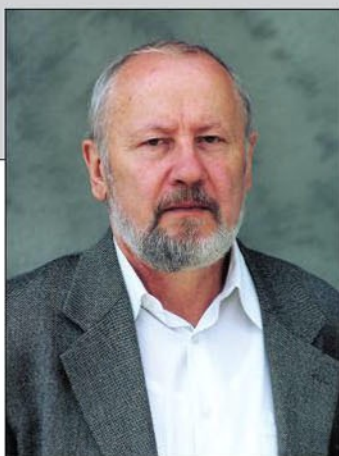
В «Старом Сургуте» нужно создать еще один «заповедник» - заповедник тишины. И не стоит стараться заполнять ее во что бы то ни стало с целью хоть как-то имитировать жизнь. Тишина сама себя заполнит - это в ней зарождаются и мысли, и люди, и судьбы. Надо просто впустить людей в тишину.

В Сургуте мало по-настоящему общественных организаций, тех, что не нуждаются в тесном финансовом сотрудничестве с властью, но это наша, так сказать, национальная особенность. А, между тем, были прецеденты, когда группы людей, объединенные общими интересами - любовью к ансамблевой игре на баяне, например (а он-то - сугубо исторический, широко распространенный в старом Сургуте инструмент), решили было, что именно здесь самое подходящее место собираться на репетиции, петь, общаться, чаевничать, вполне скромно веселиться, вспоминать, старые альбомы рассматривать... Нет-нет, их и сейчас приглашают, но только на праздник, когда мероприятию требуется «фольклорный» антураж.

Или взять клуб «Коллекционеры Сургута». Вот уж от кого слушаешь увлекательнейших рассказов о том, какие в старину бытовали монеты или, скажем, колокольца. Где, как отливали, по какому историческому случаю... За двадцать лет в Сургуте образовалось целое сообщество, в которое с воодушевлением вливались люди, приезжающие на собрания из других городов. Разумеется, обмен предметами, составляющими коллекцию, часто сопровождается «финансовыми расчетами»; это - естественная сторона коллекционирования. Но в восприятии большинства чиновников эти увлеченные люди - просто «проклятые спекулянты». Так выжили и коллекционеры из «Старого Сургута»... Вообще-то торговля и обмен есть собственно сургутский исторический фон, от этого нигде не деться. Но на 410-м году жизни в Сургуте совсем иной фон и спекуляции иные. Между тем, такие общества, в сущности, и есть главные, живые «хранилища» Истории. Они-то и создают особую городскую субкультуру - у них есть свои сокровенные даты, свои присказки и песни, воспоминания и личные архивы, у них бытует свой этический кодекс, их общению и их «продукту» присуща собственная эмоциональность, особая звуковая среда... Это и есть живой новый фольклор. Это в поисках следов их деятельности будут сбиваться с ног историки через пятьдесят лет, пытаясь понять - что же представляло собой это, все-таки, не вполне монолитное общество города Сургута накануне его 410-летия?.. Правда, для вызревания всего этого нужно немалое время, ведь «экзотика» традиции вызревает медленно. И она, увы, совсем не окупается, если пытаться перевести ее в «доходную часть городского бюджета». Но именно это и есть та заполняющая тишину ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ, которая, по всем замыслам, обязана возрождаться на заповедном острове «Старого Сургута»...

Юрий
Лошиц

КТО
КОГО
ПОКОРИТ?

Первое покорение

Сургут по времени основания входит в десятку самых первых городов, построенных в Сибири московскими воеводами и сподвижниками Ермака.

Он всего на 8 лет моложе Тюмени
и только 7 лет уступает Тобольску.

Он срублен через год или два после Пельма и Берёзова,
в один год с Тарой на Иртыше.

Если не брать в счёт Обский городок, просуществовавший всего-ничего
и упразднённый как раз перед строительством Сургута,
то, вместе с Тарой, Сургут делит пятое-шестое места в списке первенцев.

Имена этих первенцев можно бы - для лучшего запоминания - уместить
в четырёхстопную ямбическую строку:

Тюмень, Тобольск, Пелым, Берёзов...

Помните ритмический строй «Евгения Онегина»?

Зима!.. Крестьянин, торжествуя...

Так и хочется созорничать:

К Сургуту проторяет путь.

И так далее.

Далее будут:

Обдорск (1595), Нарым (1596), Мангазея (1601), Томск (1604)...

Вдохновенная стремительность освоения, действительно,
сама просится в стихотворную строку.

Именно таков был бодрый ритм русского первопроходческого эпоса.

Но на этих скоростях как бы не пронестись мимо Сургута
и не пропустить одну важную подробность, касающуюся его основания.

Вот она:

ни в одном из ранних источников по истории города не сохранилось сведений
о каких-либо кровавых потасовках между русскими новосёлами
и местными остяками князя Бардака.

Не случилось (или не запомнилось) боевых стычек и с князем Пегой Орды Воней,
чьи владения находились на той же Оби несколько выше Сургута.

Хотя известно, что подготовка к воинским столкновениям и с той, и с другой стороны велась.

Но похоже, воеводы, присылаемые Москвой, на ту пору уже научились покорять,
поддасачивать князьков и их людей «лаской, а не жесточью».

Именно так предписывали им действовать в маловедомой Югре строгие государевы указы. Иногда прибегали и к практике заложничества. Её, кстати, Русь позаимствовала у того же Востока. Ведь это сразу остужает пыл противной стороны, когда кого-нибудь из её родовитых строптивцев берут в плен, в «аманаты». При самом появлении своём в этих краях казаки полонили Урунка - сына князя Вони. И правитель Пегой Орды враз как-то сник. Не смог он теперь отважиться на решительные действия в отношении пришлых чужаков.

Ещё среди историков царской России не было единодушия по поводу того, как всё же определить смысл и качество русской устремлённости на восток. В советский период исследователи накалили температуру споров на эту тему до предела. Одни настаивали на самых жёстких оценках: «захват», «колонизация», «порабощение»... Даже - «военно-феодалный грабёж». Другие предлагали использовать более сдержанные формулировки: «присоединение», «приращение», «вхождение», «добровольное присоединение». Доказательства и та и другая стороны черпали из первых сибирских летописей, из переписки государственной канцелярии с воеводами, из жалоб с мест - от рядовых участников походов или от туземных князьков. Действительно, повседневная жизнь в первые века русского освоения Сибири давала повод для контрастных выводов.

Но даже историки, настроенные крайне резко по отношению к царскому режиму, как таковому, не могли оспорить одного: Москва последовательно пресекала местные злоупотребления, пресловутую «жесточь». Как это, скажем, случилось в самом начале XVII века, в пору сургутского воеводства Якова Бярятинского, чье жестокое обращение с остяками московское правительство объявило «воровством». Власть предписывала своим посланцам обходиться с сибирскими народами полюбовно, не прибегая без крайней нужды к оружию. Никто из новых историков не решился оспорить обобщение своего коллеги, сделавшего такое заключение: «Поход Ермака был первым и последним более или менее крупным военным предприятием русских в Сибири». Можно лишь добавить, что «первый и последний» поход назвать крупным как-то уж совсем неловко. У Ермака Тимофеевича под рукой было всего 540 бойцов.

А ведь его экспедиция - лишь пролог русского покорения Сибири. Получалось, что и он сам и его последователи покоряли не столько людей, сколько дикие пространства. Малолюдные или вовсе необжитые.

Стоит всё же остановиться более подробно на этом старом и добротном понятии «покорение». И вспомнить в связи с ним название знаменитой картины Василия Ивановича Сурикова «Покорение Ермаком Сибири». Казалось бы, что ещё в этом сюжете сегодня нуждается в толковании? Всё и так видно: сам тусклый день, нависший над беспощадным побоищем, над клубами порохового дыма, над тёмными роями стрел, дышит смертью. Но вот строки короткого стихотворения Велимира Хлебникова, написанного как раз под впечатлением суриковского полотна.

Мы, воины, во иной край уверовав,
Суровой ратью по лону вод текли.
Шеломя наши не сверкали серые,
Кольчуги тускло отражались в них.
Пищали вспыхнули огнём.
Мы знали, - верой и огнём
Рати серые согнём.
Моряной тихо веяло,
И, краше хитрых крас,
Над нами реял
Наш незлобивый тихий Спас.

Вот кого мы как-то проглядываем в картине яростного поединка! «Незлобивый тихий Спас»... Ведь не ради одной только этнографической точности художник поместил на полотне старую казачью хоругвь-икону. Его Спас, действительно, смотрит с полотнища на удивление незлобиво.

Но присутствие его здесь напрямую соотносится с событиями покорения.

Вообще в русской речи само слово это - покорение - немалая загадка. Оно вдруг способно развернуться смыслами, прямо противоположными общепринятому. Ну, хотя бы так: «Вы меня покорили»... Или - «ваш покорный слуга»... Или - «покорный общему закону»... Целый спектр состояний: от добровольного смирения, мудрой самоукрошающей воли - до обожания, сердечной тяги, любви! Савва Есипов, первый летописец тобольский, говорит как о чём-то совершенно обыденном:

«По взятии сибирском в 4 день прииде во град князец остяцкой Бояр со многими остяки и принесоша

Ермаку и казакам многие дары, потом же и многие начаша приходят татарова з женами и з детьми и начаша жити в первых своих домех».

Значит, пришли вовсе не на руины, не на пепелище. Пришли как ни в чём не бывало. Будто вернулись домой с сенокоса. Или отрыбачив на дальних речных ямах. Не пряча ни жён своих, ни детей.

Четыре дня всего прошло после лютой схватки под горой Чувашево, а такая удивительная невозмутимость, покорность «общему закону»!

Всё говорило в этом их мирном возвращении, что Кучум, отсекот чингисхановичей, им не люб. Что не ищут от него твердой защиты. Что ждут от новой власти большего милосердия, великодушия.

И что готовы ради этого приносить свои дары, свой ясак, свой государев налог.

Да, это так: и на Tobол, и на Иртыш, и на Обь Русь пришла как сила покоряющая. Но она покоряла Сибирь двояко: не только (и даже не столько военным принуждением), сколько властью политического охранительного великодушия, хозяйского пригляда, гражданского, общего для всех и потому примиряющего всех закона. Покоряла, наконец, мудростью своего уже многовекового на ту пору мирного общения с ближайшими соседями, многие из которых и соседями осознавать себя перестали, посчитав за честь быть русскими.

Второе покорение

Человек, приезжающий в Сургут сегодня, видит в облике города промежуточные итоги уже второго по счёту покорения Сибири. Покорения, чьим автором изначально была советская эпоха. Сколько бы ни писали об этом событии журналисты, сколько бы ни предлагалось нам для запоминания впечатляющих цифр, но глаза новичка-невежды, спросонья промытые водой из вагонного умывальника, скажут ему о невиданной битве с природой куда больше. Вот он - тот самый, напоминающий какую-то колоссальную арфу, автомобильный вантовый мост через Обь. Вот они - те самые нефтекачалки, с каждым своим комариным наклоном высасывающие из глубин земли по столлларовому глотку чёрной крови. А вот - на чистейшем приречном песочке - свалка искорёженного металлического хлама. Ну, не гора до неба, но при переплавке на пару танков хватило бы. Догадываешься, что горожане вряд ли с каким-то умыслом оставили подъездные пути к вокзалу неприбранными. Скорее всего, руки до этой ржави не дошли и не скоро дойдут. Сами-то привыкли, привыкнет и новичок...

Я не знаю, привозили ли сюда в составе какой-нибудь писательской делегации прекрасного нашего поэта Николая Ивановича Тряпкина, но почему-то кажется: именно эти виды внушили ему горькие, со зловещинкой, строки, написанные ещё в 1970 году:

Знакомое поле, а в поле - траншеи да рвы,
Засохшая глина да куст полумёртвой травы.
Разбросаны трубы. Да вышки. Да снова - быльё.
Знакомое поле - моё и совсем не моё.

Усни, моя горечь, и память мою не тревожь.
Пускай тут склонялась, как лебедь, высокая рожь.
Пускай тут звенели овсы и гуляли стада.
Усни, моя горечь. Пусть вечная льётся вода.

Железное поле. Железный и праведный час.
Железные травы звенят под ногами у нас.
Железные своды над нами гудят на весу.
Железное поле. А поле - в железном лесу.

Засохшая глина. Смола. Да забытый бурав.
Огромные трубы лежат у глубоких канав.
Знакомые травы куда-то ушли в никуда.
А сверху над нами густые гудят провода...

Уже хотел прервать цитату из его «Знакомого поля». Но тут же спохватился. Нет, это стихотворение нужно читать полностью и эту сгустившуюся в нем «железную горечь» русскому человеку нужно испить до конца.

Проснись, моё сердце, и слушай великий хорал.
Пусть вечное Время гудит у безвестных начал.

Пускай пролетает Другое вослед за Другим,
А мы с тобой только травинки под ветром таким.

А мы с тобой только поверим в Рождение и Рост
И руки свои приготовим для новых борозд.
И пусть залепечет над нами другая лоза,
А мы только вечному Солнцу посмотрим в глаза.

Знакомое поле. А в поле - траншеи да рвы.
Железные сосны вершиной во мгле синевы.
Железные своды над нами гудят на весу...
И песня моя не пропала в железном лесу.

Конечно, в этих строках - не только картина Западно-Сибирской равнины в пору штурма её недр. Это и картина человеческой души, сократившейся до размеров травного стебля при виде полчищ техники, брошенных на покорение природы. Такое состояние оторопи, наверняка, навешало хотя бы изредка душу каждого, кто в той битве так или иначе участвовал. Или просто наблюдал за ней из окна поезда. Слишком всем знакомое поле сражения.

Но кто теперь в праве упрекать тогдашних победителей? Уж, по крайней мере не тот, кто пользуется в городском своём или сельском жильё газовой плитой, а по делам ездит на собственном автомобиле или на городском автобусе.

Кто оспорит героизм тех людей? Разве они не мёрзли в балках, не кормили своей кровью лошадь, не тонули вместе со своими бульдозерами в васьюганских топях? И кто докажет, что всё это делалось ими только ради чинов, наград и денежных коэффициентов?

Событие состоялось. Даже об экологическом уроне говорить теперь приходится выборочно. Многие изьяны по ходу дела давно или недавно подправлены. Тысячи факелов больше не обогревают небо. Не торчат там и сям над лесами оставленные за ненадобностью буровые вышки. Леса, мхи и травы кое-как позаботились, чтобы залатать глубокие раны. Свалки? Если не человек, то те же самые природные стихии доберутся и до свалок. Пережуют, изотрут в прах, завеют песками.

Между тем, поднялись среди лесов и тундр шеголеватые города победителей. На месте старых, как Сургут, или на пустом месте. Возникла ни на что не похожая цивилизация западно-сибирских городов-триумфаторов, с железными дорогами, которые с большим запозданием обозначились на картах. С автотрассами, современными аэродромами. С компрессорными станциями вдоль трубопроводов. С электролиниями, дорогами отелями, образцовыми библиотеками, суперсовременными музейными комплексами. С новенькими православными храмами, кирпичными и деревянными. Ну, и с культовыми заведениями для иных конфессий, адепты которых страстно желают слышать пульс утекающего на их родной Запад газа.

Тысячи семей в том же Сургуте проживают во вполне приличном - не только по сибирским меркам - жильё. Можно только порадоваться за людей, которые в зимнюю пору больше не страдают от лютых стуж, ведь их быт не уступает по многим показателям московским стандартам.

Но, проезжая или проходя по сургутским проспектам и улицам, оглядывая панораму города со смотровых площадок здешних льдисто-синих «небоскрёбов», то и дело задаёшься вопросом: а где же они - эти сургутские четыре с лишним века? Только в музейных залах? Только в путеводителях? История будто исчезла отсюда за полной ненадобностью. Со старым деревянным Сургутом здесь боролись, догадываешься, так же рьяно, как с лесами и болотами. И теперь на многих лицах читаешь недоумение. Если не раскаяние. А надо ли было так уж разгоняться?

Одному моему знакомому, рассматрившему город более подробно, чем это удалось мне, Сургут напомнил воинский лагерь. Или бетонную крепость, поставленную для охраны отвоёванного у природы добра. Мне осталось лишь согласиться. Ведь при его словах я тут же вспомнил угрюмоватые серые грани железнодорожного вокзала, похожего на неприступный дот.

Но сургутский вокзал - не один такой на здешней равнине. То была эстетика целой эпохи, считавшей долгом укрощать и усмирять природу с помощью больших бетонных символов и предостережений: а ну, кто сунется? И новые западно-сибирские города все как на подбор - кареобразны и шеренгообразны в поступи своих крупноблочных массивов.

И это событие состоялось. Его нужно принять как данность. Значит, иначе было нельзя, иначе было некогда.

Иное дело, что как данность нужно будет принять и то отдалённое (или не очень отдалённое?)

будущее, когда и этих бетонных кварталов и микрорайонов не станет, как не стало в одночасье сургутской деревянной старины. История всё же не забывает расплачиваться за нанесенные ей обиды.

Для обозначения такой перспективы разве нужно быть чревоушателем или дипломированным футурологом? Достаточно послушать геологов и добытчиков здешних нефте-газовых залежей. Некоторые ещё недавно знаменитые месторождения сильно или почти истощены. Причём, количественно этот список пополняется быстрее, чем предсказывали долговременные прогнозы. Дело не только в том, что недра не бездонны. Свои сюрпризы преподносят газовые и нефтяные «бароны» Сибири, наловчившиеся выжимать из глубин только то, что даётся с наименьшими затратами, и забрасывать скважины, за которыми нужен более внимательный и дорогостоящий уход. А всякая заброшенная вещь, всякая запущенная работа, если и возобновляется когда-нибудь, то с неизменно большим приложением сил и средств.

Можно без преувеличения сказать: Сибирь ещё не знавала такого хищнического натиска на свои подземные да и наземные сокровища, какой откровенно и даже нагло обозначился после распада СССР, в котором царила плановая экономика и государственная монополия на природные богатства. Социалистическое покорение природы на этих пространствах, при всей его самонадеянности и неряшливой жадности, носило всё-таки старинный ясный характер. Газово-нефтяной «яск» обслуживал по преимуществу страну и свой лагерь, их запросы и нужды. Нынешние доходы России на душу населения от утекающего в трубу на сторону западно-сибирского сырья, как ими ни похвляйся, оскорбительно несопоставимы с барышами узкого круга домашних и иноземных магнатов.

Но получилось так, что от советских покорителей сибирских недр, людей в большинстве своём наивно и романтически настроенных, с какой-то поразительной ловкостью, природа которой ещё изучается, эстафета была вручена именно этим господам, домашним и иноземным. Так что второе по счёту покорение Сибири продолжается - и оно, по своему замаху и зарёбу, всё в меньшей степени исходит от Москвы и всё в меньшей мере ею контролируется и используется для нужд России.

А в-третьих?

При такой перспективе не нужно много фантазировать на тему: кто кого здесь покорит? Все самые худшие из уже известных нам приёмов насилия над естеством земли будут применены и, конечно же, в кратчайшие сроки. Как только опустошат недра, как сон, как утренний туман развеются, исчезнут города-добытчики, со всеми своими компрессорными станциями, нефте-химическими комбинатами, аэропортами, международного класса отелями, ночными клубами, игорными домами и музеями под открытым небом. Не переключатся же враз сотни тысяч их обитателей на промышленный сбор кедрового ореха, брусники, морошки и грибов. Или на восстановление коровьих и оленьих стад, конских табунов, лесной фауны, речных и озёрных богатств. Кое-как, очень медленно залатав раны, нанесённые глобальным нашествием, здешняя природа сама, уже без участия сбежавших невесть куда горожан, позаботится о своих кедрачах, оленях и лосях, клюквенных мшаниках, мальках стерляди, хариуса и тайменя. По привычке заядлые браконьеры из бывших баронов ещё будут прилетать сюда для всесезонных отстрелов и уловов. Но и эти банды быстро утомятся неприглядностью ими же осквернённых пейзажей.

Таким, в общих чертах, может выглядеть великое Приобье на исходе Второго покорения - в его цинично-хищнической, и по сути своей глобалистско-оккупационной фазе.

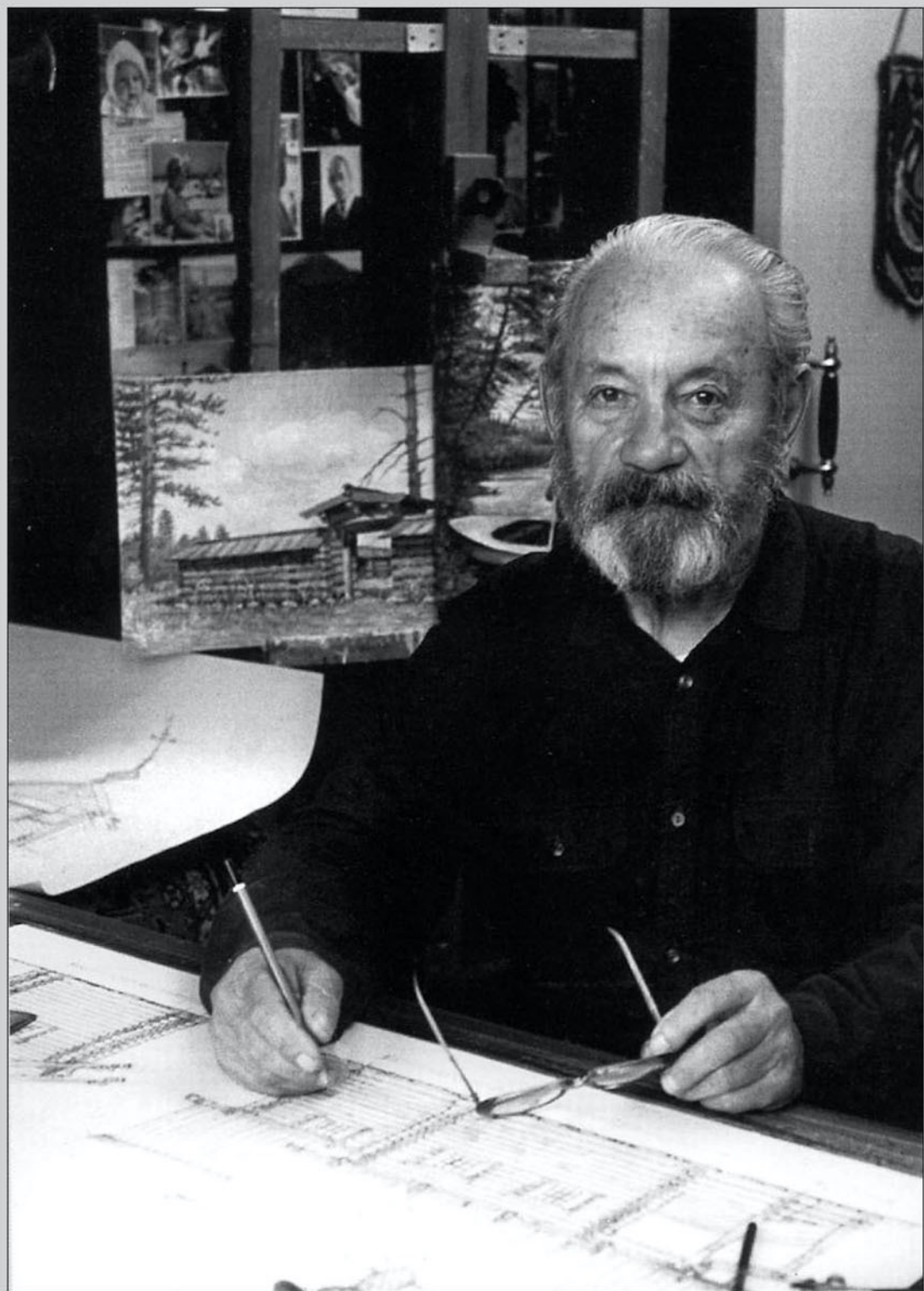
И всё же: «Пускай пролетает Другое вослед за Другим...»

Потому что возможен - и не завтра, а сейчас же, сегодня - ещё один путь: возврат к лучшему опыту многовекового русского освоения Сибири. Он ведь хорошо известен: «Не жесточью, но лаской». Такой путь надолго продлит сроки усвоения энергетических богатств этой натерпевшейся земли. Благо, неспешность и рачительность всегда свойственны поступкам настоящего хозяина в своём доме. А когда и эти продлённые сроки всё же истекнут, наверняка уже будут освоены более чистые и безопасные для человека средства его жизнеобеспечения. И тогда Сибирь, как и вся Россия, перестанет скапливаться в разбухших городах. Начнётся радостный и повсеместный исход на землю - поближе к тем же коровам и лошадям, рыбам и травам, о которых так прекрасно, с таким знанием и любовью повествует на страницах нашего альманаха коренной сургутянин Александр Кузнецов, подлинный русский Покоритель Сибири.

БЕСЕДЫ

А.В. Ополовников.
Фото С.В. Беяева. 1993

«ЛЮБЛЮ РОССИЮ ДО БОЛИ СЕРДЕЧНОЙ...»

С кандидатом архитектуры
Еленой Ополовниковой
беседует журналист
Наталья Ярцева

Н.Я. Елена Александровна, Ваш отец, Александр Викторович Ополовников, слова которого вынесены в заголовок, был выдающимся отечественным архитектором-реставратором. Он всю свою жизнь посвятил исследованию и реставрации памятников древнерусского деревянного зодчества и по праву стяжал всемирное признание и как практик, и как автор замечательных исследований по деревянной архитектуре России. В продолжении не одного десятилетия Вы были его помощницей, а после кончины Александра Викторовича продолжали знакомить специалистов и широкую общественность с его громадным творческим наследием, в том числе с его работами, посвященными Сибири. Может быть, мы и начнём нашу беседу с сибирских глав в жизни Вашего отца? Мне кажется, и Вам эта тема особенно близка. Ведь Вы постоянно в сибирских маршрутах Александра Викторовича были с ним рядом.

Е.О. Да, это так. Хотя Александр Викторович Ополовников, мой отец, известен и в нашей стране и за ее пределами, прежде всего как знаток зодчества русского Севера, я имею в виду европейский русский Север, но Сибирь - это, конечно же, большая и очень насыщенная часть его трудов. Когда он побывал в Сибири первый раз? Я затрудняюсь точно сказать: он часто приезжал туда на различные конференции. Но, наверное, подлинной встречей с этим краем стала его работа по исследованию Спасо-Защиверской церкви на Индигирке. Это было в 1969 году.

Спасо-Защиверская церковь - удивительнейший памятник русского деревянного зодчества. Она была построена на севере Якутии в 1700 году, но возведена по классическим традициям древнерусской деревянной архитектуры. Здесь как раз и подтвердилось то, о чем писали и отец, и другие исследователи до него: всё изначальное сибирское деревянное зодчество - это перенесение традиционных основ древнерусской архитектуры на сибирскую землю. Перенесение не механическое, а творческое. То есть, русские люди, приходя в Сибирь, приносили туда, в частности, и привычные им архитектурные образы. Но здесь, в другой, ещё более суровой природной среде, их строительные навыки как-то видоизменялись, хотя суть оставалась та же.

Н.Я. А что характерно для этой привнесённой в Сибирь традиции?

Е.О. Прежде всего, использование дерева не только как строительного материала, но и как материала искусства. Это самое главное. Вообще, дерево никогда не затушевывалось, не красилось. Текстура его выявлялась, то есть в зависимости от характера древесины оно использовалось в разных частях строения. Например, осина шла на кровлю, на лемех. На сруб - сосна, а в Сибири чаще - лиственница. А, например, «курицы» делались только из корней ели. И так далее. Максимально использовались цвет, фактура и другие особенности дерева. И это был подлинный творческий, созидательный процесс.

Н.Я. То есть каждая порода дерева играла всеми своими возможностями, своими лучшими качествами...

Е.О. Совершенно верно! И как в человеке - единство духа и материи, так и здесь, в древнерусском деревянном зодчестве, это единство сохранялось. Дух - это красота, которая создавалась, не нарушая Божьего мира, а как бы продолжая его в очеловеченных материальных образах.

Отец считал, что древнерусское зодчество - это некий особый срез русской истории, истории русского человека. И с великим огорчением наблюдал, что в этом срезе отпечатался зигзаг - от высоких взлетов до совершенно вроде бы непонятных, даже непостижимых уму падений.

Взять хотя бы такой факт, как повсеместная обшивка в XIX веке бревенчатых храмовых стен досками. Или более поздняя и тоже повсеместная оклейка обоями бревенчатого сруба! То есть вдруг перестали видеть красоту, естественную красоту дерева. Вот это и есть деградация. А известно: что видит око, то и принимает и сердце. Всё это, к великому сожалению, проникало очень глубоко, в какие-то тайники народного духа. Отец давно об этом писал. Особенно точно и аргументированно - в книге «Реставрация памятников народного зодчества», изданной в 1974 году. Эта книга легла в основу его докторской диссертации...

Когда-то отца ругали, что он взял да и снял обшивку с наших выдающихся памятников храмового зодчества, появившуюся в XIX столетии. Но он не был здесь первым. Первым был Пётр Дмитриевич Барановский.

Вот именно в XIX веке, особенно во второй его половине развился этот высокомерный и эстетский взгляд на деревянное зодчество, как на «раскольниковую архитектуру», «топорную работу», «подлый вкус». И вот началось это «благолепное обновление» храмов. Всё-всё обшивалось, чтобы было «благолепно».

Н.Я. И к иконе было такое же отношение. Непонимание красоты древнерусской живописи.

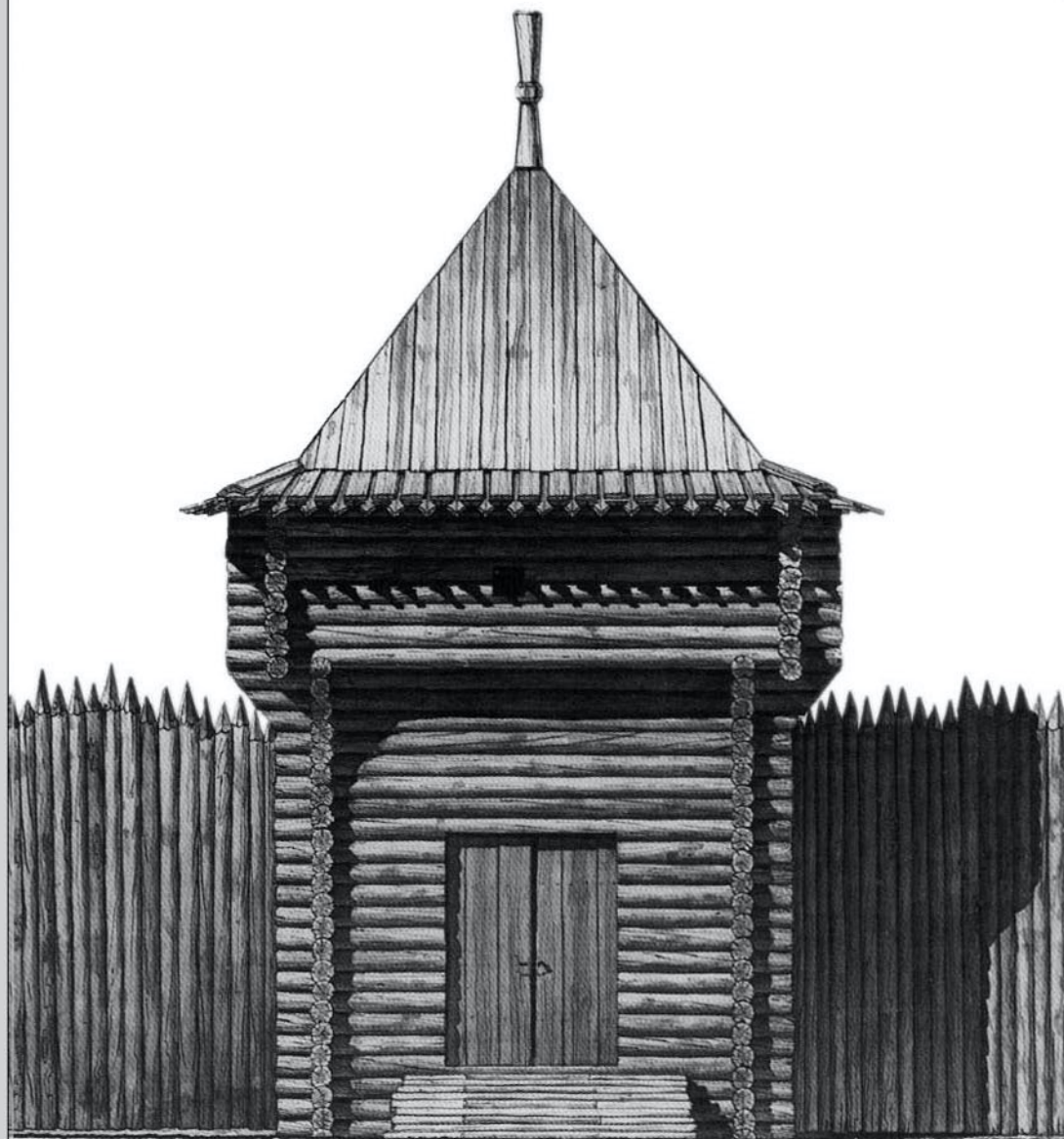
Е.О. Да, да. Вот отсюда и эти многочисленные серебряные да позолоченные оклады. Ведь и «Троица» Рублевская - она вся в маленьких ранах, в следах от гвоздиков, которым приколачивали золоченый оклад.

Призывали любоваться дорогим облачением. А как же сама «Троица» - бесценная, причисленная к самым выдающимся шедеврам мировой живописи?

И вот какую точную формулу вывел из своих обобщений отец: понятие прекрасного было подменено понятием дорогого. Но ведь у нас и до сих пор постоянно совершаются подобные подмены. Хотя предистория давняя. Еще в начале XX века все издания Императорской Археологической комиссии пестрят протоколами о том, что, с одной стороны, Церковь просит о сносе деревянного храма «за ветхостью» или, с другой стороны, предлагают его «благолепно» обновить: совершенно преобразить, обшить, оклеить внутренние стены, оштукатурить под мрамор, привесить золоченые люстры и так далее. И всё это было сделано даже в таких храмах, как оба Кижские, Потяговский и многие другие. Но в этих же изданиях были и другие, пусть негромкие голоса реставраторов, таких как Милеев, Покрышкин, позднее тот же Грабарь, которые не соглашались с подобным отношением к памятникам деревянного зодчества. И эту их линию достойно, в обстановке непрерывных конфликтов, продолжил Александр Викторович.

Н.Я. Не потому ли он и «ушел в Сибирь»?

Е.О. Его фактически отодвинули от Кижей. Это была его и моя боль. Отец понимал, что приходят люди - как бы назвать? - околореставрационные. Я их называла активистами слова. Они на всех конференциях выступают, они так ратуют за Россию. Но только после их ратания остаются одни подмены, а то и сплошная пустыня. И тогда отец сказал: «ухожу в сторону». И такой стороной, - целой страной - стала для него Сибирь.

Башня Юльского острога на реке Казым. Реконструкция

Вы знаете, у него где-то есть, в его записках: «Якутия - моя вторая родина». И это так. И потом, эти невероятные просторы Сибири, замечательные совершенно, эта поразительная первобытность... И вдруг - посреди такой первобытности, на месте вымершего когда-то от морового поветрия Зашиверска - церковь... Она как бы ждала нужного ей человека, очень долго ждала, И дождалась!

Н.Я. А в каких ещё районах Якутии побывал Александр Викторович?

Е.О. Он достаточно много там поездил. По преимуществу летал, конечно. И я с ним ездила, начиная с 80-го года. Там, в Якутии, отец нашел и открыл для себя уникальнейшие памятники - это так называемые осадные амбары, то есть крепостные амбары с бойницами. Их прообразами являются классические

зимовья первопроходцев, упоминаниями о которых пестрят наши летописи, донесения казацких отрядов, других служилых людей. Они как строились: это был сруб, на котором делалась так называемая нагородня, то есть еще маленький срубик. Это на тот случай, если зимой снегом занесет, то вход можно устроить с крыши. Хотя в центральной Якутии снега, как правило, небольшие, в южной Якутии - уже побольше. Да, и плюс ко всему эта нагородня давала дополнительный обзор на случай опасности. И потому ставились осадные амбары на открытых местах. Они описаны в книге «Деревянное зодчество Якутской земли».

Н.Я. Скажите, пожалуйста, а знаменитый Якутский острог ваш отец не мечтал восстанавливать? Или эта идея не представлялась реальной?

Е.О. У отца был проект восстановления Якутского острога. Но ведь от него тогда оставалась всего одна башня, да и та сгорела недавно. У меня, кстати, есть одна из последних ее фотографий. Но кто же знал, что она вскоре сгорит. Сейчас, правда, есть большие надежды, что Якутский острог всё же восстановят, и именно по проекту Александра Викторовича Ополовникова. Теперь там вновь директором музея стал Егор Спиридонович Шишигин. Его одно время «сослали» в Мирный, как, знаете, поступали с особо беспокойными людьми твёрдых убеждений. Нынешний президент Якутии Штыров вновь вернул Шишигина в Якутск. И вот Егор Спиридонович мне сообщает: «Всё! Восстанавливаем башню, по-настоящему, без калиброванных брёвен. Готовьте проект Александра Викторовича».

Н.Я. Елена Александровна, вы все время говорите про калиброванные или некалиброванные бревна. Объясните, пожалуйста, в чём разница?

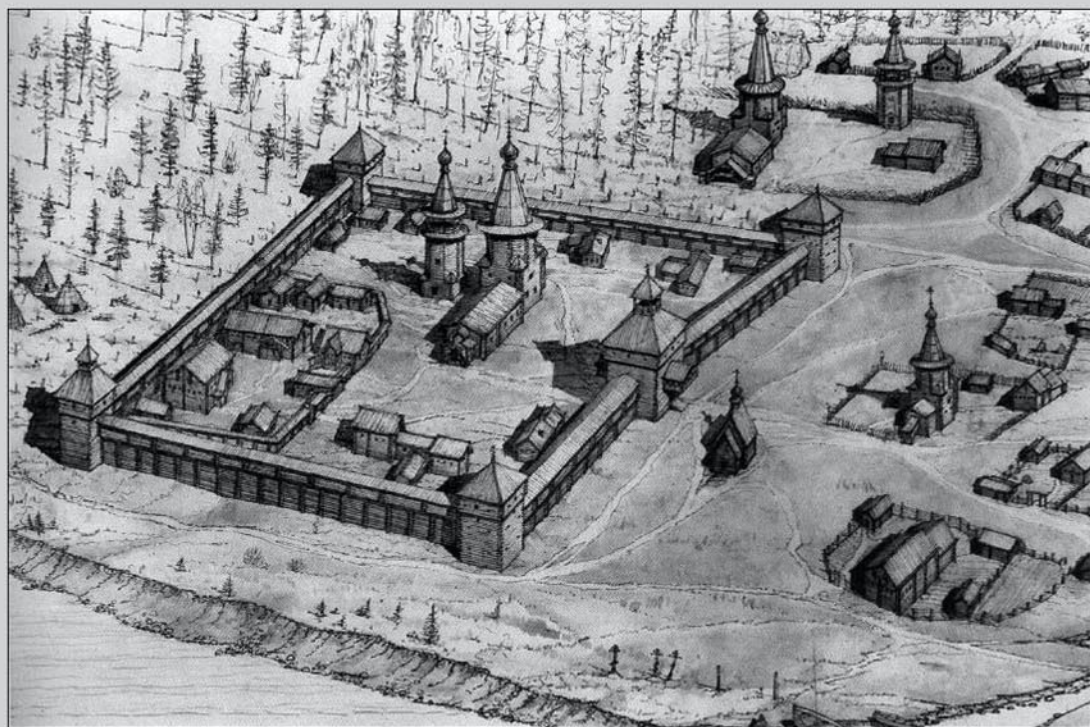
Е.О. Некалиброванные - это живые, не обтесанные, как бы не обработанные, ну, почти не обработанные, так только топориком. Потому что дело даже не в материале, а дело в том, что везде есть нюансы. Вот как в древности говорили: прямая линия - от дьявола. В природе нет прямых линий.

Калиброванные - это те бревна, которые как карандаши, их пускают в машину, и они оттуда выходят ровненькие, гладенькие, ну просто, как на подбор, специально для «новых русских». Они это особенно любят. А некалиброванные - неровные, с каким-то своим естественным рисунком, с одного конца толще, с другого тоньше, как и само живое дерево; там, глядишь, какой-то бугорок плотник не стал снимать, какой-то заусенец оставил, но вместе они создают ощущение непередаваемое. Это на уровне подсознания. И то, что это красиво, любой человек чувствует. Рядом с чем-то подлинным, рядом с красотой человеку хорошо. Вот наши привезли в Швейцарию баню, в «русском стиле», но из калибровки, так швейцарцы их обсмеяли. И другое дело, некалиброванные бревна. Ну, это как в лесу: одно дело по посадкам искусственным ходить, другое - по настоящему лесу. А, казалось бы, какая разница? Тут сосны, и там... Но настроение разное.

Н.Я. А в какие годы и почему внимание Александра Викторовича переместилось с Восточной на Западную Сибирь, на Обдорск и другие места?

Е.О. А уж эта перемена как-то связана с обстоятельствами моей личной жизни. В 83-м году я познакомилась с моим будущим мужем Валерием Александровичем Цыгановым. Он в то время был заместителем генерального директора «Уренгойнефтегазгеологии». И я приехала к нему в Уренгой. Мы там и расписались... И уже туда приехал ко мне отец, мы вместе занялись архитектурными исследованиями. А когда Валерий стал работать в Москве, он придумал создать реставрационную фирму. И вот после того, как мы создали эту фирму, первым местом, куда мы направились, был Салехард, до 1933 года, как известно, называвшийся Обдорском.

А там нас как будто ждали. Только что закончилось совещание, на котором

Мангазея. Реконструкция

обсуждалась подготовка к празднованию 400-летия города. Согласитесь, это солидный возраст для сибирского города. И вот местные руководители раздумывали: «Надо бы нам найти архитектора, который бы поднял историческую среду». Папа еще тогда, слава Богу, был достаточно силён, чтобы приняться за такой проект. И вот он занялся воссозданием башни Обдорского острога. И когда Евгений Евгеньевич Смирнов, художник бывшего издательства «Искусство», с которым мы много лет работали, делали книги, увидел эту башню, то сказал: «Ну вот, это и есть настоящая старина». Вообще мы застали еще Салехард старый, почти сплошь деревянный. Еще не был он газовой столицей. Еще шли разговоры о переносе столицы в Новый Уренгой или в Ноябрьск. Но, слава Богу, отстояли старинный Обдорск. И там был замечательный народ, они нам очень помогли и тогда, и позже, когда книгу издавали, выставку делали...

Н.Я. Ну, а легендарная Мангазея? «Мангазея златокопящая»? Это уже после Обдорска внимание Александра Викторовича обратилось на Мангазею?

Е.О. Не совсем так. Интерес к Мангазее у него возрастал как бы параллельно. Была произведена графическая реконструкция. Мы с отцом ездили в низовья Оби, в Тазовскую губу. Там еще был когда-то поселок Тазовский. В 80-е годы там работали замечательные люди, газовики, геологи. Они даже хотели переименовать свой поселок, назвать его Новой Мангазеей. Но им не позволили.

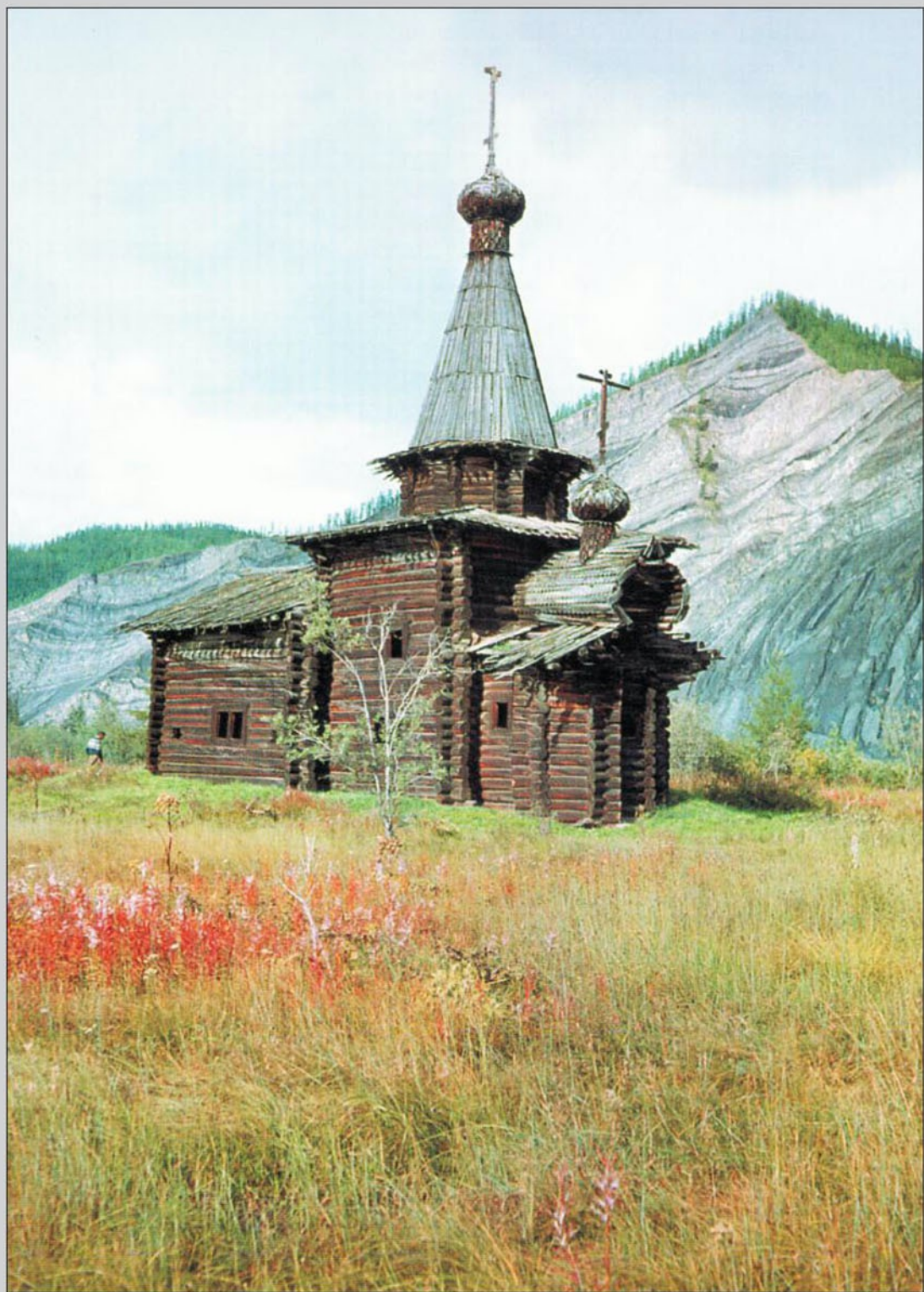
Н.Я. Не потому ли, что уже была Новая Мангазея в истории Сибири - нынешний Туруханск?

Е.О. Не знаю, может быть и из-за этого. Логику тогдашних чиновников, как, впрочем, и нынешних, понять трудно.

Мы ездили на место, где была старая Мангазея. Это просто грандиозные места, какие-то мифологические. Вот, представляете себе, Тазовская губа, в которую впадают реки Таз и Пур, (на Пуре стоит Уренгой) была пройдена

Никольская башня Обдорского острога,
воссозданная на своем историческом месте

Спасо-Преображенская церковь в Зашиверске.
1969

нами и вниз до Карского моря и вверх до поселка Сидоровска. Мы - это я, Валерий Александрович, Михаил Иванович Белов, питерский ученый-исследователь, занимавшийся этой темой, у него много книг по Мангазею. Он и проводил там археологические раскопки. И вот по обмерам Белова отец вместе со своим учеником Крадиным из Хабаровска делал реконструкцию Мангазея.

Н.Я. А до болезни Александра Викторовича вы ведь каждый год, наверное, ездили с ним куда-нибудь в места, прямо скажем, неблизкие?

Е.О. Да, на каждый полевой сезон. Сибирь открывалась нам постепенно, всё полнее и неожиданнее.

Н.Я. А лето северное, короткое. И комары, и мошка...

Е.О. Ну, в самом Салехарде комаров не очень много. А вот в тайге, когда мы искали корневища ели для «куриц», вот там было много. Но это не идет ни в какое сравнение с тем комарьем, которое было на Алазее. Это между Индигиркой и Колымой. Мы в 81-83 годах обследовали там Алазейский острог. Вот там не комары, а слоны! Причем, спастись от них почти никакой возможности не было. И это всё, замечьте, на фоне потрясающей красоты. Природа уникальнейшая! Мы плыли на двух лодках, а река извивается так, что ощущение такое, будто ты то назад плывешь, то куда-то в сторону, то вперед. Иногда наши лодки шли параллельно - такое необычное течение.

Н.Я. Елена Александровна, а как выглядел ваш экспедиционный быт? Ведь во время строительства Обдорской башины Ваш отец уже был на инвалидности после перенесенного инсульта.

Е.О. «Несгибаемый организм», - так шутил отец. Потому что колени у него на ту пору уже не гнулись, не сгибались... А быт наш был, как обыкновенно в то время и в тех условиях, достаточно суровым. Рабочие в вагончиках жили, мы тоже в каких-то проходных комнатах располагались. Уж какие там удобства! Но отец никогда не жаловался. Наоборот, он был все время в таком приподнятом, я бы сказала, вдохновенном состоянии. Для него было главное - дело идет хорошо. «Заметь, - говорил он своему другу, журналисту Альберту Николаевичу Родионову, - впервые XVII век делаем!»

Н.Я. А сам Александр Викторович топор в руки часто брал? Приходилось ему самому топориком махать?...

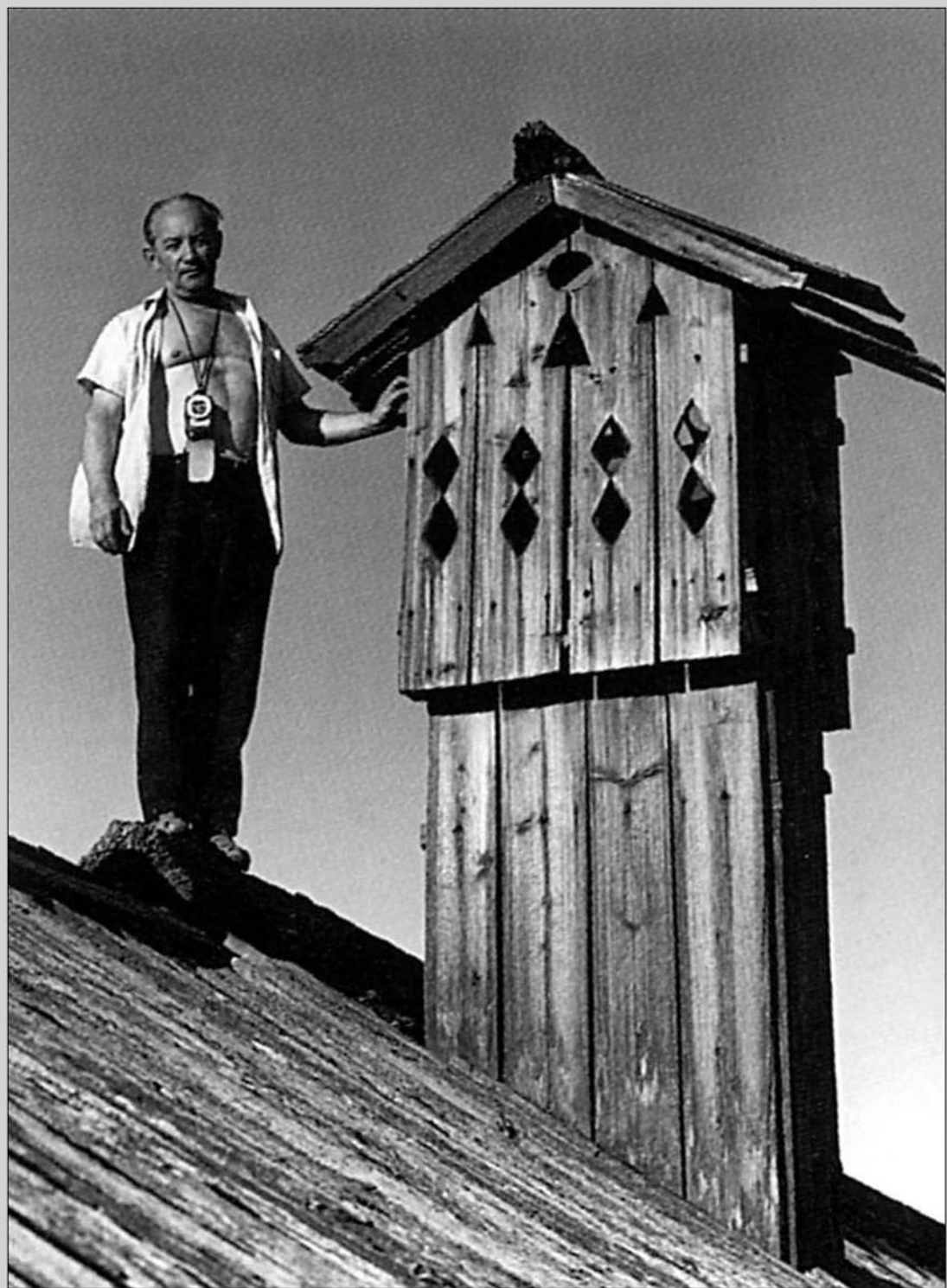
Е.О. Да, конечно, много раз. И даже там, в Обдорске, уже после инсульта. Обязательно брал в руки топор. Хотя и руки не так уже слушались, но навык остался. И он показывал рабочим, как надо что делать. И фотографии такие есть: отец в кепочке и с топориком. Он вообще требовательным был и на реставрации, и на строительстве, его все побавались. К сожалению, отцу не всё удалось доделать в Салехарде. Еще есть проект, недовоссозданный, одной часовни и одной церкви деревянной. Это в самом Салехарде, на новом кладбище.

Н.Я. По фотографиям видно: Александр Викторович был в молодые годы, похоже, заядлым охотником. А охота ему помогала как-то отвлечься, уйти на время в другой мир?

Е.О. Конечно, помогала. Охота была его как бы эмоциональная психологическая ниша. Это был уход от действительности с ее ложью. Я его очень хорошо понимаю, потому что невыносимо тяжело бывает, если у тебя нет какого-то эмоционального выхода в другое пространство. А природа, вечная и прекрасная в любое время года, дает человеку возможность соприкоснуться с чем-то незбылемым и, одновременно, таким живым, естественным.

Н.Я. А не было так, что Александр Викторович, допустим, что-то обмеряет, а тут рядом рябчики пролетают? Не разрывался он между делом и охотой?

Е.О. Нет, с годами страстное охотничье начало как-то ушло. И он просто любил бродить по лесу. Он понимал, что уже не тот возраст для охоты. Ведь охота - это занятие, требующее полнейшей отдачи. Хотя он иногда

А.В. Ополовников у дымохода курной избы.
1967

хорохорился, говорил: «Для меня охота - главное». На самом-то деле для него всю жизнь главным была охота за прекрасным в его любимом деревянном зодчестве. Я каждый год всё больше и больше открываю для себя отца. И понимаю, почему он всю свою жизнь посвятил, как у нас говорят, дереву. Не он первый, повторяю, нашел и открыл чудо деревянной архитектуры. Но он уловил нечто очень важное: необходимость этой красоты для понимания России, причем не только ее прошлого, но и будущего.

Н.Я. Наверное, это не частый случай, когда реставратор вот так всю жизнь посвящает одному-единственному делу?

Е.О. Я вам скажу, что это случай очень и очень редкий. У отца была в молодости одна маленькая работа - статья о камне. А дальше - только о дереве. Всю жизнь. А вы знаете, с кем ни поговоришь из известных и понимающих архитекторов, ведь во всем мире именно русское деревянное зодчество признают и ценят особенно. Оно стало нашей маркой, брэндом, как теперь говорят, эталоном самобытности.

Н.Я. А разве в камне у нас нет мировых достижений? А Покрова-на-Нерли, а Кремль, да и русский ампир, разве не самобытен?

Е.О. Ну, конечно, конечно, богатства нашей культуры, как говорится, неоглядны. И всё же того, что у нас сохранилось в дереве - нигде в мире нет. Ничего подобного, что делалось в деревянной архитектуре. Хотя строили когда-то много из бревен и финны и норвежцы. Но они не достигли тех высот архитектуры, которые были у нас.

Н.Я. Вы имеете в виду, прежде всего, церковную, или как у нас раньше говорили, культовую архитектуру?

Е.О. Ну, прежде всего, церковную, но не только её. Вообще мне кажется, что пронизанность религиозным чувством отличает наше искусство. Вот если перефразировать Евгения Трубецкого, его известное выражение, что «икона - это умозрение в красках», можно сказать, что русское деревянное зодчество - это умозрение в формах.

Н.Я. Если суммировать представления вашего отца о русском деревянном зодчестве, что его в этом зодчестве в наибольшей степени вдохновляло, подкупало?

Е.О. Я поняла это недавно. Когда уже отца не стало. Наткнулась на слова Тертуллиана: «каждая душа - христианка». И мне кажется, таким умонастроением руководствовался и отец. То есть наш русский человек, простой плотник, чтобы он ни творил - рубил ли он церковь тринадцатиглавую или амбар, всё делал во имя Божие. Пусть сам того и не ведая. Отсюда эта удивительная гармония, о которой писал Георгий Федотов, «чувство мерности», меры. Наверное, отец это почувствовал и умом и душой своей. Тут и была его настоящая любовь. Потому что всё остальное можно как-то разложить, а любовь - это причастность сердца человеческого к Богу. Это и от его русскости. От того неистребимого русского духа, который никакие большевики, никакие меньшевики не могли уничтожить. Мне кажется, сама русская земля дает человеку понимание красоты. «Я люблю Россию до боли сердечной», писал отец в своих записках. И это, действительно, так. Мы уже говорили, что русская архитектура неразрывно связано с природой, «вписана» в нее. Поэтому для отца и русская природа - это храм. Отец как-то сказал про своих недоброжелателей: «Они меня ненавидят за то, что не видели столько восходов и закатов, как я». И вы знаете, вот это глубокое настоящее общение с природой, оно сближает очень разных людей, учит их мудрости. Какие мудрецы были наши русские крестьяне. И не только русские. Вот на Алазее, я помню, сколько мудрости и, я бы сказала, аристократизма было у якутов, которые и по-русски-то почти не говорили. Но мы отлично понимали друг

Юльский острог. Реконструкция

друга. Эти якуты - простые люди - набирались всего от природы, в которой они жили.

Н.Я. Елена Александровна, у меня напоследок есть вопрос и о Тобольске. Вы, наверное, знаете, что существует проект восстановления, хотя бы частичного, деревянного острога в первой столице Сибири? Осуществимо ли это?

Е.О. Вполне осуществимо. Я была в Тобольске не так давно, на конференции, на которую меня пригласили из Тобольского музея. И очень внимательно все осмотрела в кремле. Там есть такая возможность! Там есть место. Ведь совсем не обязательно делать всё точка в точку, с точностью до метра. Важно воссоздать изначальный образ. Но делать всё нужно по-настоящему. Чтобы это была не пресловутая «калибровка», а веяло бы от постройки стариной, настоящим чем-то. Дерево - это основа Тобольска, и там, где остались деревянные постройки, старые, их надо обязательно сохранять. И, кстати, в Тобольске в тяжелейшем состоянии находится Подгорье, нижняя часть города, где как раз и находится большинство памятников деревянной архитектуры. Это деревянные дома конца XIX - начала XX века. Конечно же жить в них, по нынешним понятиям, с точки зрения современного комфорта, нелегко. Людей можно понять. Но что-то делать нужно. Иначе нижний город может погибнуть. А ведь там многие храмы возвращены епархии, но приходов нет, население убывает. И дома, мне говорили, горят почти каждый день... Когда думаешь о повсеместных масштабах разрухи, вспоминается наш философ Владимир Соловьев, который писал, что нация - это не то, что думает о себе народ, а что думает о нем Бог во времени и пространстве. И нам остается уповать на Бога. На Его вразумления нам. И надо делать свое дело. Несмотря ни на что. Упорно и честно. По крайней мере, так до последнего своего дыхания делал мой отец.

Александр Быков.
Бусы. Посвящается мастеру Минсалиму.
Из серии «НЛО» /«Неопознанные лирические отступления»/.
2004

ИСТОРИИ

*Остяк-охотник. Сургутский уезд.
Фото Г. Дмитриева-Садовникова.
1912*

НА ВАХЕ

В 1912 году мною были получены от консерватора Тоб. Губ. Музея Вас. Ник. Пигнатти небольшие средства на снятие фотографических снимков по Ваховскому району. Желая летом того же года выполнить это поручение и имея в виду обследовать одно интересное место на протоке р. Ваха Ларьятской, где, как я слышал, находится шаманская избушка, в которую остяки складывают свои приношения (состоящие из кож, халатов и проч.) и которая охраняется одним из инородцев, живущих в соседних остяцких юртах, я взял в проводники одного из жителей села Ларьятского - остяка Егора, который знал о существовании вблизи Ларьята указанной шаманской избушки. Чтобы не навлечь на себя гнева инородцев, нам пришлось свою экскурсию замаскировать поездкой на охоту на большое Ларьятское озеро, лежащее на том же пути, но несколько далее.

В один ветреный и морозный день конца августа мы нагрузили облас недельным запасом провизии, захватили ружья, фотографический аппарат, неперменного спутника на охоте - сеттера Плутона, и оттолкнулись от Ларьятского берега. С версту пришлось нам ехать против быстрого течения протоки, на берегу которой стоит село... Наш узкий облас на двух веслах быстро подвигался вперед. Из протоки выехали мы на Вах, который в этом месте имеет сажен до 80 ширины...

Местами перетаскиваясь по волокам, протоптанным подобно конским дорогам, чтобы не кружить длинные луки, мы подвигались вперед. Дорогою нам изредка попадались инородцы, ехавшие в село из горных еганов, впадающих в Ларьятскую, где они чистят орех. Они с любопытством поворачивают к нам свои обласы, а мы, слегка подгребая, поддерживаемся против течения и вступаем в разговоры. Остяки любознательны: им надо знать все - куда поехал, зачем, скоро ли вернешься, где думаешь ночевать и т. д. Удовлетворив их любопытство, мы опять подвигаемся вперед. Попадавшиеся на берегах юрты все были пусты: народ - в материках, чистят орех. Едем дальше, - все так же пустынно и тихо, но видно, что в обычное время здесь есть жизнь: то и дело встречаются начавшиеся от воды и убегающие в глубь берега тропинки, - это охотники протоптали к утиным озерам, протоптали крепко и широко, чтобы и в тихую погоду можно было неслышно подкрасться к уткам. Вот на пустынном берегу обласок. Хозяина нет, но мы знаем, что лежит он тут не зря: где-нибудь в глубине сора загорожен котец, и хозяин, приехав в тяжелом нагруженном обласе, быстро съездит туда с этим легким обласом. Иногда дорогой встречаются на четырех столбах высоко положенные жильники, кругом - ни малейшего следа юрт: где-нибудь близко есть удобная для запора речка, и где-нибудь поблизости же или самая юрта, или место ее, жильники же здесь, - значит, это место мало затопляется водою и жильникам не грозит опасность быть унесенными.

У одних юрт нам встретился наполовину вытащенный на берег облас, в котором, судя по еще не высохшему дну, кто-то недавно приехал. Мы подъезжаем все ближе, но из юрт никто не показывался. Подъезжаем к обласу - никого. Решаем, что кто-нибудь пошел подкрадываться к уткам, и перестаем грести, чтобы не выехать вперед и не спугнуть уток: таков обычай здешних охотников. Подождали. Ни выстрела впереди, ни из юрт никого. «Ягай!» - крикнул Егор. Никого. «Так, должно, ушел куда-нибудь», - решил Егор, и мы тихо двинулись вперед за крутой поворот, ярко освещенный солнцем. Оглянувшись неожиданно назад, я увидел, как чья-то голова спряталась за стоявшее у дверей юрт весло. «Смотри: человек спрятался, - говорю Егору - вон - за веслом!» Егор повернул облас. Макушка чьей-то головы виднелась за веслом; чуть показалось лицо и опять уткнулось, увидев нас. «Эй, тарах-парах, чего прячешься?» - крикнул по-остяцки Егор. Голова неподвижна. Мы спрашивали его и по-русски и по-остяцки - не вылезает. Решив, что человек боится нас, поехали вперед своей дорогой. Неожиданно

оглянувшись назад, я увидел, как из-за весла показывалось лицо и снова пряталось, заметив, что за ним следят. Отъехали дальше. Я вышел на берег, прошел лесом до места, откуда была видна юрта, и видел, как с того места поднялся старик и пошел к обласу; за ним бежала собака, которую он, вероятно, все время держал близ себя. Это было в чисто старинном остяцком духе, когда, заведя русского, остяки, если их было мало, прятались, и стоило немалого труда вызвать их. Ниже от Ларьята, по Ваху, теперь русских не боятся: там уже привыкли к ним, то и дело проезжающим или с Оби, или на Обь, но выше русские не ездят, а если и пройдут, то «непременно варнаки» э- «мычим-яг», решают остяки, и нет ничего удивительного, что нас испугался одиночка остяк, приняв за каких-нибудь варнаков.

Порою я выходил на берег и подкрадывался к замеченным вдаль уткам, Егор же оставался под прикрытием берега. Заслышав выстрел, он ехал ко мне. Мы подбирали уток, садились в облас и ехали вперед, обсуждая случай с остяком и вспоминая рассказы стариков о далеком прошлом Ваха. К вечеру мы были уже недалеко от того места, где находилась шаманская избушка. Переночевав на крутом яру протоки, мы ранним утром наконец подъехали к самому месту.

Это был небольшой, но густой кедровый островок, саженях в 100 от берега протоки, стоящий на крепком, волнистом сору. Мы подошли к нему, перейдя небольшое высохшее озерко, и первое, что нам бросилось в глаза, был белый «ир» (жертва), резко выделяющийся на темном фоне острова. Мы подошли к самому «иру». Кусок полотна, обернутый вокруг середины и вершины очищенной от сучьев березы, перетянутый в нескольких местах поясками, а на самом верху повязанный платками и затем, привязанный к небольшой березе - вот что представлял из себя «ир». Белый «ир» - жертва Богу, черту же ставят черный «ир». На краю острова виднелось еще несколько ировых палок, но без одеяний. В глубине, недалеко от белого ира, выделялся громадный серого цвета кафтан с широкими рукавами, перекинутый через горизонтальную толстую палку, опирающуюся концами на высоте сажени от земли в развилки двух недалеко друг от друга стоящих палок. Длинною кафтан был более сажени, шириною - сажени 1,5; длина рукавов - аршина 1,5, ширина в плечах - четв. 3, в кистях - до 2 четв. Из-под кафтана, внизу, выставлялись копыта повешенной под ним рыжей лошадиной шкуры, а сбоку, в подоле ее - черный хвост; головная часть кафтана была повязана шалью, а сверху - платком; посредине он был перепоясан длинным, узким поясом, - получалась слабая картина коня в кафтане, коня, перепоясанного поясом и повязанного шалью.

Материал кафтана, пояс и шаль были производства русских фабрик. Кафтан был сшит, по-видимому, недавно нитками из синей бумазеи (теперь уже посеревшей); по его подолу и по оконечностям рукавов проходил нашитый из той же бумазеи угловатый узор.

Кругом тихо. Не шелхнутся высокие кедры и ничто не нарушит покой мертвого коня, наводящего на размышления: откуда это поклонение коню в краю, где должно быть поклонение оленю?

Незнакомый с прошлым ваховских остяков объяснил бы это пустою прихотью, между тем как культ коня очень давно существует у них и явился на Вах вместе с ними. К тому же, и в их старинных сказках лошадь стоит на первом месте и ей отдается предпочтение пред оленем, разведение которого остяки переняли от покоренных ими самоедов, до этого же времени они были безоленны. Недалеко от лошади находился амбар на невысоких ножках, сделанный из толстых плах, с дощатою, на два ската, крышею. В амбаре - небольшая дверь, лестница от которой (березовый тонкий кряж с зарубами вместо ступеней) была прислонена к углу амбара. Дверь - на железных петлях и заперта на крепкий замок. Над дверью красною краскою изображен крест, по бокам ее красною же краскою сделаны грубые маленькие изображения людей и животных - не то оленей, не то лисиц. Амбару, как и кафтану коня, можно было насчитать не более 5 лет существования. Вероятно, они были сделаны в обильные по промыслу белки года. Старые амбары, как говорил Егор, остяки, разобрав, сжигают во время ворожбы, а старые приклады, подобные кафтану, закапывают в яму. Недалеко от амбара я видел эту яму, не более сажени в поперечнике, осевшую сверху. Видно было, что очень давно никто не дотрагивался до нее.

Ниже амбара и по ветвям окружающих деревьев висело множество всевозможных, частью истлевших, частью новых лоскутков, поясков, лент и отрезков материи; встречались платки и шали; иногда подобные приношения обвивали стволы деревьев. Близ избушки, слегка наклонившись, уходила вверх старая, толщиной в обхват, высохшая и кой-где покрывшаяся древесным мохом сосна, раскидывая сверху, как руки, сухие короткие ветви. Это та сосна, в которую инородцы пускают стрелы, оставляя их в дар лесному духу. Сначала на ней нельзя было разглядеть ничего, но, присмотревшись, я был поражен обилием наконечников стрел, усеявших средину и нижнюю часть

вершины сосны. Древков стрел мало: они истлели от времени: лишь одна или две, взявшиеся мохом, как тонкие сучья, торчали в стволе, и только по перьям можно было узнать, что это стрелы. Кроме наконечников сосна была усеяна ружейной дробью: это, за неимением стрел, инородцы стреляют в сосну из ружей. Ружейную дробь сыплют и к подножию сосны. По верованию остяков, пролежав некоторое время у сосны, эта дробь становится меткою, т. е. попадает в птицу без промаха, так что каждый инородец старается захватить ее отсюда хотя немного и за этим ездит даже нарочно, если не отличается особой меткостью стрельбы. Взамен дробь взявший должен оставить несколько денежных монет. Если инородец, проезжая в обласе мимо шаманской избушки, не имеет возможности сходить к ней, - бросает на берег или в воду немного дробы, а за неимением дробы пускает по направлению к избушке стрелу. Стрелы пускают и на хвойные лесные мысы, выходящие в реку и служащие, по их уверениям, местопребыванием лесных духов.

У подножия сосны, разрыв сверху хвою, можно было заметить дробь, иногда взявшуюся желтизною; лежало несколько томаров (стрела с толстым деревянным наконечником), черепки битых чашек и бутылок, остатков недавних ворожб, по всей вероятности, сопровождавшихся попойками. На земле кой-где чернели огнища - остатки костров: видно было, что место посещается остяками.

В амбар невозможно было попасть, так как он был заперт на замок, сломать который никто из нас не решался. Мы заглядывали в щели, но можно было разглядеть лишь висевшие какие-то ситцевые одеяния и ничего больше: тьма царила внутри.

Сняв здесь фотографии, мы побродили по острову, но ничего интересного не нашли: те же лоскутки и пояски, лишь в меньшем количестве, видны на деревьях, да порою в каком-нибудь высохшем дереве торчит одинокая стрела. Опять вернулись к амбару и, как лиса пред виноградными кистями, ходили вокруг него. А внутри, вероятно, было немало старинных вещей - прикладов, на которые не скупилась прежние инородцы, съезжавшиеся сюда еще тогда, когда, как это передавали Егору, было много дикого оленя. «Ворожат, бывало, - дикий олень прибежит, - и застрелят его, и сердце ему перережут, чтобы не мучился, умер скорее». А это было давно, около 100 лет тому назад.

Скоро мы ехали далее по протоке, направляясь к Ларьятскому озеру. Дорогою встретился знакомый остяк Килька, гонявший с луком подстреленного гоголя. Несколько раз стрела летала в гоголя, но он ловко увертывался, ныряя в воду. Килька положил лук и начал гонять его в обласе, решившись утомить. Скоро гоголь действительно прижался к берегу, и Килька, подъехав, заколол его стрелою. «Давно бы убил, - лук худой, - жаловался он. И лук действительно был никуда не годен: стар, слаб, с привязанными кремлевыми палками для упругости, однако мало помогавшими горю. Далее поехали вместе.

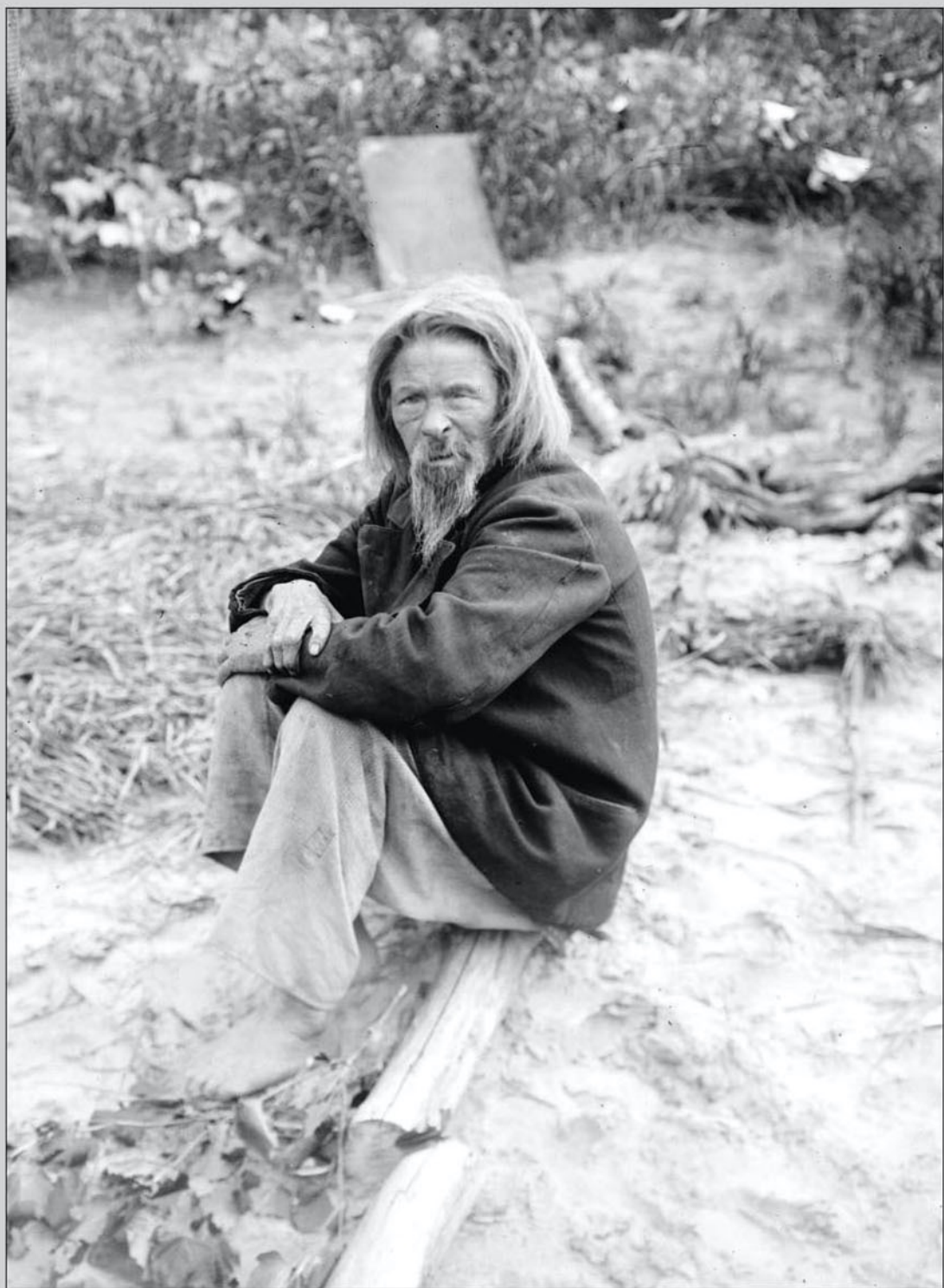
Дорогою мы спросили Кильку, откуда он взялся тут, когда весь народ в еганах. Килька усмехнулся и спросил в свою очередь, откуда взялись мы, когда все русские сидят в селе. В результате - обоюдно рассмеялись. Потом Килька рассказал, что ореха в материке не густо, народ скоро выйдет; он выехал на время за утками, потому что в материке нет еды. Ставили слопцы и сначала поймали хорошо, но потом повалился медведь. «Как ни пойдем, он уже вперед обходил и все повьтаскал». На него натянули лук, и чем кончилось дело - Килька сейчас не знает, так как находится с нами. Так, весело балагуря, мы ехали вперед. Кроме лука у Кильки в обласе были два пистонных ружья и лежало десятка полтора уток. Лук на Вахе еще не вывелся из употребления, - почти каждый охотник летом берет его с собою, чтобы не тратить другого заряда в подстреленную, но не выходящую на берег птицу. Из-за одного поворота выпорхнул табун гоголей. Я выстрелил. Один был убит наповал, другому же переломило крыло, и он нырнул. Килька, по обычаю, взял застреленного мною себе, другого же начал гонять. Показываясь на миг, гоголь снова скрывался под водою. Килька не отставал и вдруг, положив весло, натянул лук и стал ждать. Из воды показалась голова, но не успела исчезнуть, как свистнула стрела, и гоголь всплыл на поверхность, пробитый посредине.

А Килька положил лук и поехал дальше вперед, даже не взглянув на гоголя. «Да ты хотя стрелку возьми, - говорили мы ему. Ни малейшего внимания - едет и едет вперед.

Старый народ, старые обычаи! Не возьми мы гоголя, Килька ни за что не вернется за ним, не вернется и за стрелкой с дорогами для него орлиными перьями.

Захватив гоголя и стрелу, мы едем дальше.

Ежегодник Тобольского губернского музея, 1916, вып. 26.

*Остяк с реки Вах.
Фото Г. Дмитриева-Садовникова.
1912*

ИЗУЧЕНИЕ РОДИНЫ

Мне вспоминаются первые годы своего учительства. Я провел их среди остяков р. Ваха, правого притока р. Оби, в Сургутском уезде.

Место глухое: верст на 500 к юго-востоку и западу и «бесконечность» к северу. Лишь два небольших селения с русскими полуобстоячившими жителями, остальные инородцы.

Они зверолово-рыболовы, живущие замкнутой, безынтересной с первого взгляда жизнью.

Слегка познакомился с ними.

Лето остяк живет в берестяном конусном чуме. Некоторые из вас видели его воочию и почти каждый - в воображении; по видимости просто, но на деле не так просто. Бересто сдирается с березы в известное время года (весною, когда дерево полно свежего душистого сока), известным образом обрабатывается (проваривается иногда в воде, иногда в рыбьем жиру, чтобы не было ломким), сшивается крапивными нитками (выработка которых также дело сложное) в полотнища, из которых выкраивается поверхность конуса - чума.

С первых же шагов пришлось натолкнуться на целые отрасли местных ремесел, незнакомых как мне, так и широкому кругу русского населения других уездов.

Последуем за остяком-охотником.

Он едет в обласе, легкой лодочке-душегубке, выдолбленной из осинового ствола, едет по зеркальной поверхности широко разлившегося сора. В обласе у него лук с коллекцией разнообразных стрел. Как лук, так и облас достойны изучения, но последуем за остяком.

Навстречу ему несется табун уток. Остяк берет стрелу с яйцевидным, пустым внутри, с прорезанными в пустоту отверстиями наконечником и пускает ее пред утками.

Стрела летит и свистит, как ястреб-утятник; утки «дождем сыплются» в воду, ныряют, выплывают, но подняться боятся. Остяк перестреливает их особой стрелой, имеющей вилообразный наконечник, из развилок которого не выскользнет утиная шея.

Остяк едет дальше.

Он нашел выводок уток, кричит отлетевшая и севшая невдалеке утка-мать, хлопает крыльями по воде, кружится и захлебывается в поднимаемых ею же волнах и брызгах. Слыша призывной крик, утята с писком не плывут, а бегут к ней по воде, оставляя за собой длинные расходящиеся борозды.

Один или два остались. Вот один из них подпрыгнул и понесся к матери, поднимая брызги.

Порхнула и мать к нему, грудью налетит и ведет за собой, подзывая дальнего.

Остяк берет стрелу уже другого вида, с толстым тупым деревянным наконечником, имеющим небольшую железную развилину; эту стрелу он пускает наклонно к воде, по направлению к матке.

Стрела летит, ударится о воду, скользнет, опять ударится и понесется по поверхности, вздымая брызги, точно утенок к матери спешит.

А мать несется к этому утенку, грудью налетает и гибнет.

Остяк поет. Пение монотонное, мертвое.

Я стал знакомиться с языком. «Как красивы ее глаза, точно вода ваковская», - поет остяк про любимую девушку. «Это - кожа земли», - поет он про земное дерно. «А это глаза ее: они плачут», - поет он про береговые ключи-родники...

Чем дальше, тем шире развевался предо мною этот красочный, образный язык, язык природы.

И вдруг я был поражен: по-остяцки собравшиеся на сход люди - мыр, по-русски - мир, по-черемиски - мари, есть и финское племя меря - люди; если откинуть разницу легко смешиваемых гласных, получится однозначный корень «мр» - люди.

Это заставило меня заинтересоваться родственными остякам сибирскими народцами, и уже из научных трудов я узнал, что они являются или остатками, или преемниками той таинственной Чуди, которая занимала когда-то северную и среднюю часть европейской России и Западную Сибирь. Но в научных трудах я не нашел указаний на одно значение указанного мною корня «мр» в русском и вышепоименованных инородческих языках.

История учит, что еще до призвания варягов северные славяне и чудь составили союзы - действительно, сходились на сходбища, на которых нельзя избежать, чтобы они не назывались каким-либо одним именем. И сам собой напрашивается вывод, что это имя - Мр...

Когда я объяснял ученикам-инородцам смысл вышеуказанных слов, я ясно замечал их интерес к своему прошлому и интерес к прошлому других народов, а отсюда, как следствие, - интерес вообще к жизни,

а следовательно, и улучшение ее, начавшееся от сравнения с другой, лучшей жизнью, которая начала развиваться при одинаковых с ними условиях. Следя за параллельным развитием обеих народностей, наталкиваешься и на культурное развитие одной: пойдешь этим путем - найдешь золотое дно.

Следуя этим путем, учитель и народ увидят, что им необходимы и знания культурного народа, знания, которые были бы пригодны на этом пути; подобные знания могут на месте проверяться опытом. А это - путь, связывающий народ с наукой через своего посредника - учителя.

Но может ли учитель один более или менее успешно выполнить эту задачу?

Прошлые годы опять встают передо мною. Оторванный от населенных местностей, я шел одиноко, случайно знакомясь с научными трудами по заинтересовавшим меня вопросам, не обмениваясь мнениями с другими; работа двигалась медленно, напр., я два года доставал словарь остяцкого языка Патканова и, наконец, достал, но на немецком языке; отсюда вывод, чтобы изучение шло организованным путем.

Другие народы уже давно идут этим путем. Напр., в Финляндии учителя являются не только лично научными работниками, поддерживая связь между собою, но и руководителями местных научных кружков. Благодаря этим местным работникам были выяснены многие научные вопросы, заинтересованные наукой рядовые работники становились учеными.

Что же можно изучить нашим кружкам?

Говоря об осяках, об охоте с луком, об их образном языке, мы лишь слегка приподняли ту завесу, за которой столько таинственного (как, напр., шаманизм) и интересного!

Это в осяках, а как пестро население Тобольской губ.: тут и татары, остатки тех орд, пред которыми дрожала Европа, вогулы, самоеды, зыряне и др. Их эпос, их ценные наблюдения над природой почти не изучены. Наконец, и наше русское население, смесь выходцев из разных местностей европейской России, которое, к стыду нашему, также не изучено. А тут есть что почерпнуть: народная медицина, приметы погоды и т. д. и т. д.

Мелкие инородческие племена вымирают; вымирают и наши русские старики, носители народных сокровищ, а с их смертью навеки исчезнет и то, что успел отвоевать народ от природы; придется снова остановиться пред уже разгаданными загадками.

Нам, пока не поздно, остается последовать примеру хотя бы финляндцев: взяться за изучение своей родины, памятуя слова: знание своей страны есть сила, без которой народный труд не может быть успешным.

Земля и воля. Тобольск, 1918. N12

Очерки публикуются с незначительными сокращениями

*Остяки Сургутского уезда.
Фото Г. Дмитриева-Садовникова. 1912*

Иван
НЕКЛЕПАЕВ

ГРАДСКИЕ ДОМОВЫЕ

*Сын священника, семинарист,
а затем член революционного кружка,
И.Неклепаев отбывал ссылку в Сургуте в конце 80-х годов XIX века.
Серьезные исследования местных обычаев,
обрядов, фольклора
позволили ему создать незаурядный труд,
в котором ярко отразились как повседневная жизнь,
так и мифологические воззрения жителей Сургута и его
окрестностей.
Предлагаемый читателям отрывок посвящен «таинственному
миру»,
пронизывающему привычный быт...*

Сургутяне не объясняют, какого пола были те злые ангелы, которых Бог низверг с неба вместе с Сатанаилом, но те из них, что приютились около человека - в избах, загородах и банях, у сургутян известны под именем «суседок» - существ, несомненно, женского пола. Это видно как из самого названия - «суседка» - и обращений к ним сургутян со словами «матушка-суседушка», о чем у нас речь будет идти ниже, так и из того обстоятельства, что в разговорах сургутяне никогда не приравнивают «мужиков» (мужчин) к суседкам, но обыкновенно сравнивают с ними только баб и вообще женщин.

Смотря по местонахождению, суседки бывают трех родов и называются «избна суседка» (иногда называемая также «домова суседка»), «скотека суседка» и «банна суседка». Избная суседка заведует жилой избой, где является тайной, но верховной хозяйкой как над людьми, обитающими в доме, так и над всем домашним распорядком и, между прочим, над животными, которые временно помещаются в избе, например, над телятами, над курами и пр. Одних жильцов эта суседка любит, других нет. Первых всюду сопровождает удача и успех - во всех домашних делах, в промыслах, в торговых операциях, вторым же - везде «незадача». Тем, кого избная суседка любит, она, в знак своего расположения к ним, заплетает по ночам косы. Эти косы тщательно сохраняются их счастливыми обладателями и ни под каким видом не расчёсываются и не обстригаются. В Сургуте указывают несколько таких лиц обоего пола, которых мы имели случай сами видеть, с густыми косичками за ушами, не заплетёнными, а просто сбитыми, как войлок. Этими косичками обладатели их, по-видимому, очень гордятся, хотя, к сожалению, мы не можем подтвердить, чтобы они были из особенно счастливых и зажиточных обитателей Сургута. И даже сами сургутяне в последнее время, когда заходит речь об этих «счастливицах», меланхолически замечают: «Вот поди ж ты, и суседка их любит, и косы им плетёт, а живут как бедно»...

Если же эти косы, заплетаемые суседкой, обрезать, то тогда сразу пропадет вся дружба и любовь суседки и при этом последняя ещё чем-нибудь отомстит за такое пренебрежение её расположением: или сам этот человек опасно заболит, или из его родни кто-нибудь помрет. Сургутяне рассказывают по этому случаю, как одна женщина, которой не нравились эти войлокообразные косички, пренебрегла советами стариков и обрезала их... «И что же? - прибавляют рассказчики, - не прошло и полгода, как у этой женщины утонул муж»... И с тех пор этот предостерегающий урок живо сохраняется в памяти сургутян.

А кого суседка невзлюбит, тех по ночам она мучит - сонного «трясет до поту». Иногда, впрочем, она «наваливается» по ночам на людей, к которым не питает никакой особой злобы. В таком случае её надо спросить, к худу или к добру она давит, и она будто бы всегда ответит, потому

что и наваливается только затем, чтобы предсказать человеку то или другое. И если она давит «к худу», то на предложенный ей вопрос, она глухо продует в самое ухо три раза холодным, леденящим дыханием («ажно в голову ветер просквозит»): «К худу, к худу, к худу». Если же она давит «к добру», то тогда «теплым духом» тоже глухо ответит: «К добру, к добру, к добру»... Обыкновенно в это время, по словам рассказчиков, на человека нападёт такой страх, что не всякий решается спросить соседку, к худу или к добру она давит. Но, однако, находились такие смельчаки, что, не удовлетворяясь расспросами, схватывали соседку и, как кошку, сбрасывали с себя на пол, так, что она упадет и даже «крикнет». А на завтра находили в руках клочок шерсти (с соседки) с красными, жёсткими, как у медведя, короткими волосами... И соседка обыкновенно не сердится на то, что с ней поступили так бесцеремонно: «сонному человеку все простительно, это понимает и соседка»...

Какой же она имеет вид? Об этом сургутяне рассказывают разное. Её мало кто видел, да, по словам сургутян, «и не дай Бог никому видеть». Она всегда является в том или другом облике только к неблагополучию: или самому заболеть и даже умереть, или из близких родных кто умрет. И со всеми, кому удавалось её видеть, всегда приключались потом какие-нибудь подобные несчастья. По одним рассказам, она круглая, как клубок, с человеческим лицом, мохнатая, с красной, жёсткой короткой шерстью, без рук и без ног. Одни её видели в подполье, другие в загороди, и при этом она быстро укатывалась куда-то, как шар, и исчезала. Это по рассказам тех, кто видел её днем или вечером, в бодрственном состоянии. А кто видел её ночью, когда она наваливалась на сонного, то говорили, что она тоже мохнатая и маленькая, как ребёнок, с такими же маленькими детскими ручонками, но очень тяжёлая, пуда в три весом. Ни хвоста, ни рогов ни те, ни другие при ней не замечали. Вообще, сургутяне боятся соседки и, во избежание с её стороны каких-либо напастей, стараются её заранее задобрить. Это в особенности можно наблюдать при постройке нового дома и при переходе из старого дома в новый.

Так, при «окладке» (закладке) нового дома, когда положат первые продольные бревна, то в «гнездыях», вырубленных в этих брёвнах для наложения на них поперечных бревен, делают небольшие углубления во всех углах и в них кладут - в каждое углубление - по кусочку хлеба, по маленькому камню и сколько-нибудь денег (кто сколько может: богатые кладут серебряные монеты, бедные - медные). Это дань соседке, чтобы она благоволила к хозяевам. Затем в переднем углу ставят маленькую цельную, с корнем, кедринку и приговаривают: «Вот тебе, мать-соседушка, теплый дом и мохнатый кедр»... Потом приглашают священника и служат молебен. По окончании молебна поперечные брёвна вкладывают в свои гнезды и на веки закрывают углубления с хлебом, камнями и деньгами, а кедринка остается в переднем углу и ни под каким видом не выбрасывается вон. Потом кладут следующий венец, за ним третий, на него кладут балки и настилают пол, и кедринка, таким образом, пристраивается в переднем углу подполья, где её и можно видеть в любом сургутском доме. Эта кедринка, по-видимому, и служит главным местопребыванием домовой соседки. По крайней мере, те, кому случалось её видеть в подполье, обыкновенно видели её вблизи этой кедринки.

Точно так же, переходя из старого дома в новый, хозяева выводят с собой и старую домовую соседку, приглашая её словами: «Матушка-соседушка, пожалуй с нами в новый дом», где ей отводится обычное место - в переднем углу подполья.

В случае нерасположения к хозяевам, соседка вредит иногда также и тем животным, которые временно помещаются в избе. В особенности достается от нее курам, которых сургутяне по зимам держат в подполье. Если их невзлюбил соседка, то она мучит их не меньше людей. Это замечают по тому, что куры вдруг ни с того ни с сего, большей частью ночью, когда им следовало бы спать, поднимают под печкой возню, начнут неистово махать крыльями, биться и летать. Это, уж непременно, их «вертит» соседка. А когда их вынут из-под печи, то они оказываются еле живыми и страшно измученными, уставшими. После этого куры обыкновенно начинают хиреть и потом вскоростидохнут. И вот, чтобы умиловить соседку и заставить её полюбить кур, сургутяне пекут маленькие кругленькие караваешки хлеба, втыкают их на лучину и засовывают эту лучину за матку под печкой так, чтобы ни кошка, ни куры не могли достать этого хлеба. Потом, через некоторое время, смотрят: если хлеба нет, значит, его съела соседка, и теперь уже она не будет более трепать кур. Если же хлеб ещё лежит, то значит, соседка им брезгует и требует иного, и тогда черный хлеб заменяют белым. Если же и это не помогает, и соседка по-прежнему продолжает трепать кур, тогда принимаются уже другие меры, носящие, так сказать, оборонительный характер. Именно: к ногам кур привязывают по клочку «карсучьей» шерсти, на манер овечьей «ногавки» (так называют сургутяне клочки разной материи, которые привязывают летом к ногам овец, чтобы отличать их

Геннадий Райшев.
Женищина-прялка.
Холст, масло.

в стаде одну от другой). Карсучью шерсть соседка почему-то особенно не любит и даже чуть ли не боится её, по крайней мере, по словам сургутян, никогда не трогает тех кур, у которых привязаны «ногавки» из карсучьей шерсти.

Теперь мы перейдем к воззрениям сургутян на скотскую соседку.

Эта соседка живет в «загородях» и также является верховной хозяйкой над всей находящейся там скотиной. Точно так же и здесь: одних лошадей или коров она любит, других - нет. В первом случае скотина бывает (благодаря заботам соседки) сытая, здоровая, сильная, во втором - она начинает сохнуть, хиреть, не пьет и не ест. Если соседка полюбит какую скотину, то даже таскает из чужих загородей сено для неё, отчего скотина эта и бывает такая сытая. В знак своего расположения скотская соседка (подобно избной) заплетает у лошадей в гривах «косы» - тоже скомканные в виде войлока пряди волос. Эти «косы» хозяином лошади тщательно хранятся и никогда не распутываются, чтобы не прогневать соседки. А каких лошадей соседка невзлюбит, тех по ночам она мучит, ездит на них по загороди, и утром хозяин находит их в мыле и поту, крайне утомленными и измученными. Это значит - ночью ездила соседка. Тогда, чтобы умиловить её, пекут круглый маленький хлебец, посыпают его солью и кладут в загороди под матку, приговаривая: «Матушка-соседушка, вот тебе хлеб да соль - полюби нашу скотинушку». Если и после этого соседка не перестанет объезжать лошадей, то пришивают к уздам у лошадей карсучью шерсть.

Банная соседка представляется сургутянам существом более злым и страшным, чем избная и скотская. По-видимому, в противоположность этим последним, которые хотя и причиняют иногда неприятности, но могут также делать людям и добро, банная соседка не способна к добру и всегда причиняет людям только зло. Поэтому сургутяне боятся её гораздо больше, чем первых двух, и точно так же стараются её при случае задобрить, как и тех. Для этого, когда топится баня и все вымоются, последнему, кто мылся, ни под каким видом не позволено выливать на себя совершенно всю воду, а нужно хоть немного её оставить в кадке. Эта вода и предназначается для банной соседки, и оставляется она с обычным причетом: «Вот тебе, мать-соседушка, водица, мойся и парься в тёплой баньке»...

Если же воды не оставить, то соседка рассердится и в следующий раз, когда будут топить баню, может до смерти запарить хозяина её (или, вернее, хозяйку, так как здесь обыкновенно баню топят бабы). Точно так же банная соседка не любит, если в баню ходят в «третий пар», т.е. в третью смену. Этот третий пар - худой пар, и если пойти одному в этот раз в баню, то может явиться соседка и запарить до смерти. Обыкновенно она является в образе какого-нибудь знакомого или родственника, который тоже якобы приходит в баню помыться. И когда тот, кто мылся, обращается к этому пришедшему с просьбой окатить его или потереть спину, то банная соседка, приняв вид человека, начинает окачивать горячим кипятком, и, по словам сургутян, бывали случаи, что обваривала людей до смерти.

О таких проделках банной соседки здесь ходит немало рассказов. Так, однажды в с.Локосовом (в 100 верстах от Сургута, по Оби вверх) мылись три человека в бане - двое сургутских казаков и третий - местный (локосовский) поп. Казаки вымылись раньше и вышли из бани в предбанник, поп же остался. Вдруг они слышат дикие стоны и мычанье попа, вбегают в баню и видят, что на попе верхом сидит кто-то мохнатый (поп же лежит, растянувшись на полу). Один из казаков от страха пустился бежать, а другой не оробел и догадался, что надо сделать: скинул с себя шейный крест, окунул его в воду, зачерпнув предварительно ковшик воды, и этой водой из ковшика брызнул в мохнатого... Тогда в бане поднялся страшный «трескоток» и мохнатый (это был банный) моментально куда-то исчез, а попу подняли еле живого, в бесчувствии. Когда с попом «отводились», то он рассказал, что, в то время, как он сел мыться, из-за печки выскочил этот мохнатый, навалился на него и начал душить, тогда-то он и застонал... Но были ли у этого мохнатого хвост и рога, и вообще, какой был его внешний вид - участники этого происшествия от страха не могли рассмотреть. Другой случай был в одной из низовских деревень. Мылись раз в бане мужик и баба (такое совместное мытьё мужа с женой здесь является общим обычаем). Мужик вымылся раньше, вышел в предбанник и через некоторое время кличет свою бабу: «Скоро ли ты там? «Сейчас выйду», - отвечает баба. Он немного подождет и опять зовет её, та кричит: «Сейчас, сейчас», а сама не идёт. Это показалось мужику странным, что жена так долго замешкалась, и когда он, отворивши дверь в баню, в третий раз вскрикнул: «Да скоро же ты, наконец?» - то увидел, что жена его лежит без движения и без звука... Мужик выбежал из бани и крикнул народ, а сам тут же упал без чувств. Когда на крик сбежался народ, то бабу уже нашли мёртвой, с совершенно испечённым телом. Голос

*Геннадий Райшев.
Хантыйская Венера.
1982*

же, выходящий из бани, оказывается, принадлежал банному духу, который в это время «запаривал» бабу и отвечал за неё мужику.

Был такой случай и в Сургуте, когда банный явился раз к одной женщине, мывшейся в бане, в образе её матери, и начал обливать её кипятком, пока, наконец, эта женщина не выбежала голой из бани. Эта боязнь банной суседки служит причиной того, что баня здесь является самым страшным местом, куда не только ночью, но даже и днем сургутяне ни за что не пойдут в одиночку, а топят бани или моются там всегда компаниями...

Из работы И.Я.Неклепаев. Поверья и обычаи Сургутского края
Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. - Омск, 1903. - Т.30

Ольга
КОРНИЕНКО

ХАНТЫ: ЮРИЙ, ИОСИФ, СЕРГЕЙ, БОРИС

*Однажды мне удалось снять для документального фильма
весьма колоритную сцену...*

Ханты

*Борис Антонович Комтин
и другие главы семейств,
приехавшие подписывать*

*экономические соглашения с нефтяниками,
красовались в своих национальных одеждах.*

*Зрители солидного московского телефорума,
на котором демонстрировался фильм, удивлялись.*

*Меня даже спрашивали с иронией:
не специально ли для съемок я одела аборигенов в малицы?*

А я тоже удивлялась по-своему.

*Как?! В Москве не знают, что у нас живут люди,
ведущие в глухих лесах древний, традиционный образ жизни?*

*А побывав в Финляндии,
в саамских оленеводческих общинах,
где почти полностью утрачен национальный уклад,
еще раз убедилась в том,
каким бесценным сокровищем еще обладает Югра.*

Много веков назад предки нынешних ханты преодолели Каменный Пояс и обосновались на берегах Оби. А уж потом объявились здесь небезызвестный хан Кучум, за ним и Ермаково войско... Мирный лесной народец умел договариваться с грозными пришельцами. Богата была земля древней Югры - откупались. Наезжали порой в отстроенные сибирцами деревянные города, совершали нехитрый товарный обмен да и вновь исчезали в непролазных дебрях тайги. Шло время, и обнаружилось вдруг в здешних местах богатство, которое на долгое время разъединило лесных и пришлых. В Сибири были открыты месторождения нефти и газа. По непролазным болотным топям медленно, но упрямо продвигались молодые романтики-первопроходцы, за ними шли многотонные машины, взрывая вековую тишину тайги непривычным грохотом.

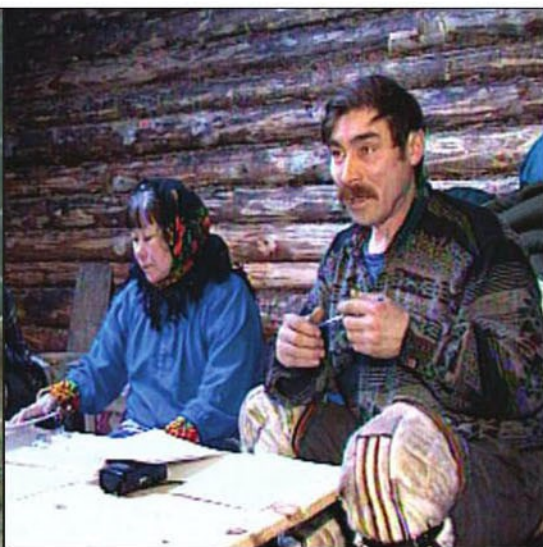
В считанные годы нефть стала самой устойчивой «валютой» российского государства. Но богатство сибирское полилось не только по нефтепроводам - нефтью оказались залиты земли и водоемы, среди которых и за счет которых тысячелетиями жили люди тайги. Первые тридцать лет нефтяной «колонизации» у истинных хозяев югорской земли мало кто спрашивал, можно ли проложить дорогу через глухариный бор или поставить буровую на месте оленьего пастбища. Страну охватила нефтегазовая лихорадка, а коренных жителей - паника и растерянность.

Наиболее зажиточные ханты бежали в глубь тайги, на еще нетронутые земли, спасая стада и потомство. Оставшиеся без земли пытались приспособиться к новой жизни.

В конце семидесятых годов минувшего века в рассыпавшихся по Югре нефтяных городах и поселках стало появляться все больше и больше людей с характерным разрезом глаз.

Юрий Айваседа

Сергей Русскин

Поначалу они еще ходили в своих ярких национальных одеждах-малицах, а затем приобшились к одежде приезжих - стандартным кожаным курткам и джинсам.

Сургут стал одним из первых сибирских городов, который принялись обустраивать для себя геологи, нефтяники, газовики. Поначалу старинный центр города просто обрастал «соседями»: неподалеку в тайге появились микрорайоны Строителей, Нефтяников, Энергетиков, Геологов... Дома были двухэтажными, деревянными, улицы были устланы деревянными же тротуарами, и ветер гонял по ним тучи пыли и песка.

Мои родители, как и многие другие, приехали сюда в начале семидесятых не только за «запахом тайги», но и, чего греха таить, за «длинным рублем» тоже.

Я тогда была еще совсем маленькой девочкой и любила наблюдать, как зимой под нашими окнами частенько останавливались олени упряжки. Люди, которые приезжали на них, казались мне такими гордыми и красивыми. Я придумывала им истории. Эти истории были не менее увлекательными, чем фильмы про индейцев, в которых добро всегда побеждало зло.

...Я выросла быстрее, чем город. Когда пришло время учиться, Сургут еще оставался неказистым временным прибежищем первопроходцев, хотя здесь уже появились первые пятиэтажные дома. Но ветер по-прежнему гонял по многочисленным пустырям тучи песка, потому что деревья упорно не хотели приживаться на болотистой почве...

Время шло, менялись взгляды и обстоятельства, и вот, выучившись в столице, я вернулась в родной город и не узнала Сургут. Микрорайоны подтянулись друг к другу, старенькие пятиэтажки потерялись среди современных домов, кругом высились еще более величественные новостройки. Город был затянут в бетон и окружен скверами и газонами... Вот только красивые олени упряжки на его улицах больше не появлялись, а в близлежащих поселках стало концентрироваться безработное коренное население, оставшиеся без земли и без средств к существованию.

Собранную вертолетами со стойбищ хантыйскую ребятню пытались обучить русскому языку, русской культуре. А смысленные хантыйские дети, оторванные от родной среды, превращались в безразличных ко всему инфантильных молодых людей, разучившихся вести хозяйство на земле своих предков и осевших в нефтяных городах и поселках. Так появилось «потерянное поколение» хантыйской молодежи.

Правда, некоторые из родителей противились, не отдавали своих детей в интернаты, прятались вместе с ними в тайге, когда подлетала к стойбищу большая винтокрылая птица. Время показало, что именно из тех, неграмотных, не перемолотых интернатскими жерновами людей и выросли крепкие хозяева, хорошие оленеводы.

В самом начале своей новой, сознательной, жизни в Сургуте я познакомилась с человеком, который в одиночку пытался реформировать всю систему национального образования.

Иосиф Сопочин

Борис Комтин

ШКОЛА ЮРИЯ АЙВАСЕДЫ

Между двумя нефтяными городами, на самой границе Сургутского и Нижневартовского районов расположено стойбище Юрия Айваседы.

Судьба самого Юрия Кылевича богата событиями советского периода: служба в армии, работа в советских органах власти, учеба в столичном институте... Но когда у него появились внуки, Юрий твердо решил не отдавать их в интернат, а начал обучать прямо у себя на стойбище.

Его первая учительница была маленькой хрупкой русской девушкой. Она обучала малышей грамоте: чтению, письму. А малыши учили ее разжигать печь в избе, кормить оленей. Они старательно собирали по утрам портфели с тетрадками, чтобы добежать до соседней избы, которая находилась в десяти метрах от их дома, а в конце урока звонили в колокольчик, и получалась переменка, совсем такая же, как в поселковом интернате, только лучше, интересней: ведь за это время можно выбежать на улицу и посмотреть, как бабушка готовит обед, или как отец собирается на рыбалку... А как здорово проходили уроки природоведения! Старшие братья ходили с дедом ставить ловушки на лисиц, а маленькие сами проверяли мордушки: не попала ли рыба маме для ухи? Конечно же, Юрий был прав, несмотря на активное сопротивление общественных образовательных структур: дети не должны отрываться от дома, от семьи, от оленей.

Вскоре он получил премию за свои писательские труды, на премиальные приобрел пилораму и выстроил на стойбище школу. Родители из соседних стойбищ стали привозить к нему своих детей. Но власти по-прежнему не признавали очевидной пользы стойбищного образования, и в течение многих лет эта школа оставалась единственной в округе.

Помню, с каким трудом ему приходилось выбивать ставку для учителя, потом и саму зарплату, необходимые вещи: учебники, бензин для транспорта, чтобы возить своих школьников на сдачу зачетов в поселок...

Недавно я сняла фильм о Юрином стойбище. Я не стала рассказывать в нем о многочисленных проблемах оленеводов и недропользователей, просто показала, как могли бы жить эти люди, если бы мы не вмешивались так грубо в их жизнь. И еще показала их будущее двадцать лет спустя. Будущее детей, для которых Юра построил на стойбище школу, чтобы они не потерялись в интернатах, чтобы жили, не отрываясь от своей земли. Оно казалось светлым, это будущее, потому что мы так хотели, мы вместе с ними мечтали об этом.

На самом деле в школе Айваседы осталось всего два ученика. Зять Эдуард переехал жить в поселок и забрал детей, Женю и Лену. Сосед Дима Русский увез в Когалымский интернат своего Толика. Но во время нашей последней встречи Юрий вновь попросил меня подыскать учителей для его школы, потому что он по-прежнему уверен, что лесные ребяташки появятся и им будет необходимо

именно стойбищное образование. А я в который раз спрашиваю себя: если польза подобного образования столь очевидна, то почему Юрина школа вот уже много лет - единственная в округе? И отвечаю сама на этот вопрос: потому что очень мало еще у нас людей, способных плыть против течения, бороться и отстаивать свою правду.

Неудобный Иосиф

В начале девяностых коренные жители начали потихоньку отходить от «нефтяного шока». Появились лидеры, которые способны были противостоять нефтяному напору. Одним из таких людей был Иосиф Сопочин. Некоторые считали его попросту вором и авантюристом, другие ни много ни мало сравнивали... с Солженицыным. Сегодня многие из обоих «лагерей» называют Иосифа человеком-легендой. Жил он сложно, противоречиво и неудобно для большинства людей. Потому как почти в одиночку пытался противостоять безжалостной нефтяной колонизации Югорской земли. Иосиф сохранил в себе все лучшее из хантыйского взгляда на мир и при этом сумел приобщиться к жизни пришлых людей, немало нужного воспринять от них.

Поначалу его захватила романтика первопроходцев-нефтяников. Иосиф устроился на работу к мостостроителям, получил квалификацию монтажника, затем перешел в строительную организацию, строил нефтяные города Когалым, Ноябрьск... А когда изредка возвращался в родное стойбище, встречал мрачные взгляды своих соплеменников. Энтузиазм новой жизни пропадал при виде того, что происходило в тайге. В душе постепенно созревала потребность оградить тех, кто еще остался на стойбищах, от наступающей армии нефтяников.

Имея за плечами всего восемь классов интернатского образования, молодой хантыйский парень, живя в балках, после рабочей смены взахлеб читал книги. Судьба лишила его возможности продолжить образование, но взамен дала сильную волю, непреклонный характер и гибкий, пытливый ум. Иосиф великолепно знал классику русской литературы. Высоко ценил Пушкина, считал его мироощущение во многом сходным с мироощущением своего народа. Всем, о чем читал, что видел, чувствовал, делился с сородичами. Много переводил на родной язык, комментировал...

В 1989 году по настоянию коренных жителей Сопочин был приглашен в сельский Совет народных депутатов исполняющим обязанности председателя исполкома национальной деревни Русскинской. «Абориген» у власти - случай дотоле неслыханный.

На тот момент деревня Русскинская представляла собой легко воспламеняющуюся смесь безработных и обездоленных, а потому обиженных и злобных людей. Молодежь, согнанная с земли, шаталась по поселку пьяной. Жить было негде и не на что. Вековые устои были порушены, казалось, безвозвратно. Не привыкшие к цивилизованной, по нашим меркам, жизни ханты томились в безделье. Иосиф с присущей ему энергией берется за дело. Он начинает энергично благоустраивать деревню: в обход всех законов строит землякам жилье, выписывает паспорта (их у ханты в то время не было). Пытается установить новые взаимоотношения между властью, нефтяниками и населением.

Наводя порядок в деревне, Иосиф не забывает и о тех, кто живет в лесу. Он стремится узаконить факт принадлежности земель тем, кто ведет традиционный образ жизни. Опасаясь, что очень скоро земля может полностью уйти под нефтеразработки, Сопочин затевает невиданный по тем временам эксперимент: документально, на картах, закрепляет традиционно установившиеся границы родовых угодий соплеменников.

Властям все это было неудобно: лишние заботы, лишняя работа, лишние разбирательства. Иосиф вызывал недовольство и раздражение. Для нефтяников он тоже был как кость в горле: ведь теперь следовало согласовывать новые разработки с коренными жителями, продумывать, чем и на каких основаниях компенсировать нанесенный ущерб. Сразу вырос целый ком проблем, в том числе и юридических, которые предстояло решать властям и руководству промышленных предприятий. Коренным жителям тоже пришлось «пошевелиться», чтобы узаконить свое присутствие на родовых угодьях. Те, кто уже жил к тому времени в городах и поселках, тоже хотели получать компенсацию за землю. Им нужно было приложить усилия, чтобы стать владельцами родовых угодий.

Мечта построить рай для соплеменников на одной отдельно взятой территории не понравилась многим. Армия недоброжелателей росла. К тому же в Сургут по служебным делам Иосиф любил наезжать в новенькой «Ниве» (первый из ханты взял машину) и в шляпе. Не простили ему сородичи ни «Нивы», ни белой шляпы. И уж тем более поездки в Америку, куда Сопочина привезли знакомые, чтобы набрался он опыта самоуправления в индейских резервациях.

В общем, состоялись перевыборы, ему пришлось уйти. Где бы ни пытался Иосиф защищать свой род: работая председателем сельсовета или заместителем начальника нефтегазодобывающего управления по работе с коренным населением - он всегда был неудобен. Нефтяникам, власти, даже своим соплеменникам. Потому что постоянно тормозил их, призывал бороться за землю, не давал сидеть сложа руки.

Иосиф прошел многие ступени власти, но оказался ненужным. Он вернулся в тайгу, на землю своих предков и создал общину, призывая бороться сообща. Первые успехи вселили в него необычайное воодушевление и уверенность в собственных силах. Иосиф собирался заняться природоохранной деятельностью: расчисткой и укреплением берегов Тром-Агана, посадкой деревьев, открытием фактории, стойбищных школ, получением землеотвода, промысловой охотой. Он задумал заняться общинным промыслом рыбы. И был уверен, что его поддержат... Увы, времени ему было отмерено мало. Зная о своей неизлечимой болезни, раке поджелудочной железы, Иосиф торопился делать добро. Но в начале 2002 года его не стало...

И все же за десять лет неутомимой работы Иосиф Сопочин и его соратники добились немалых результатов в отношениях с недропользователями.

В округе возник институт родовых угодий, юридически закрепляющий право коренного жителя на свой участок земли. В течение целого десятилетия действовал уникальный документ - экономическое соглашение, в рамках которого нефтяники приобретали у ханты право добывать нефть за материальную компенсацию: деньги, снегоход «Буран», лодочный мотор, бензопилу, бензин. На основании этого договорного процесса ханты имели гарантированные компенсации за освоение земли, на которой пасли своих оленей.

Среди несомненных плюсов - адресная, персональная поддержка каждой семьи и согласование с главами семей установки нефтяных объектов на территории их проживания. Минус, как считают сами недропользователи - порождение за счет «дармовых» средств иждивенчества и пьянства. Итак, были созданы законы, в Думе округа заработала Ассамблея коренных малочисленных народов Севера... Однако нефть по-прежнему остается самой ходовой валютой российского государства, она диктует свою волю. Ведь за нее, нефть, бьются уже далеко за пределами Югры.

В декабре 2001 года, в связи с приведением в соответствие окружного законодательства с федеральным (как выяснится позже, в Москве уже вовсю шли дебаты о Земельном Кодексе), в округе было приостановлено действие «Положения о статусе родовых угодий», опираясь на которое, коренные жители получали правоустанавливающие документы на те земли, где они вели традиционное хозяйство. Личная «война» Иосифа Сопочина была проиграна...

Несмотря на то, что экономические соглашения в рамках вышеупомянутого договорного процесса действуют и сегодня, этнические территории продолжают сокращаться. Через недавно созданную Ассамблею коренных народов, на заседание окружной Думы уже трижды выносились разные концепции законопроектов, которые позволили бы коренным жителям подтверждать свои права на те территории, на которых они ведут свое исконное хозяйство. Но слишком пока неравны силы по-разному заинтересованных в земельном вопросе сторон. В 2003 году принят Федеральный Земельный кодекс, в котором говорится, что все земельные права, приобретенные ранее, не сохраняются и переоформлению не подлежат. А это значит, перечеркнуто действие института родовых угодий.

Захотят ли нефтяники и дальше, но уже в добровольном порядке, кормить коренного жителя, или созданный в ближайшее время в поддержку недропользователя мощный законодательный пакет напрочь уничтожит итоги достигнутых в последнее десятилетие национальных реформ округа? Что и говорить, существующее законодательство фактически лишает ханты права на землю, которой владели их предки. Получается, что рано или поздно все они вынуждены будут переселиться в города или поселки.

Готовы ли эти города и поселки встретить и содержать коренных жителей тайги? Ведь при переезде в город ханты теряют право на те компенсации за землю, которыми хоть как-то их поддерживали нефтяники.

Артист

Сергей Рускин еще в детстве остался без своего участка земли. Родители умерли, ему пришлось перебраться в поселок, а затем в поисках лучшей жизни, на свой страх и риск, он переехал в Сургут. Сегодня это симпатичный городской парень приятной наружности. Молодой, и, как говорится, в самом расцвете сил и творческих возможностей. А они у него весьма неплохие: Сергей - артист. С национальным ансамблем исполнителей хантыйского фольклора проехал по многим городам, республикам и даже странам. Не обходится без него и сургутские праздники. Здесь он исполняет роль шамана, поет народные песни на хантыйском языке.

Летом, в качестве поощрения за активное участие в общественной жизни он ездил отдыхать в Венгрию. А совсем недавно поступил в Санкт-Петербургский государственный университет имени Герцена, будет изучать сложную, но очень необходимую в наших краях специальность - этнокультурологию. Среди обязательных предметов в этой специальности - декоративно-прикладное искусство и театрално-сценическая постановка. Именно этим Сергей и будет заниматься по окончании ВУЗа. Будет воспроизводить национальные танцы, постановки, сцены, легенды, мифы на профессиональной основе.

Казалось бы, такой благополучно складывающейся судьбе можно только позавидовать и пожелать подобной каждому коренному жителю, оказавшемуся в городских условиях.

Но в песне, которую чаще других исполняет Сережа на городских праздниках, есть такие слова:

Вон, смотри, священное озеро! Вон святилища, священные места!
После моего ухода река Мак зарастет тиной, зарастет землей.
Детей троих заберу с собой, уйду с этих мест святых.
В этой реке больше ты не будешь добывать рыбу сачками...

Увы, вся культура народа ханты в последние десятилетия проникнута духом неизбежного ухода, исчезновения с лица земли.

И вроде бы обустроенная Сережина жизнь может разрушиться в любой момент. Потому что его персональное благополучие складывалось благодаря огромной и безвозмездной поддержке его крестной мамы - Людмилы Егоровны Добрыниной. Сережа - ханты, коренной житель этих мест. Правда, в новом паспорте это уже не значит. Стоит там просто не свойственная русским фамилия - Рускин. Древняя, красивая фамилия. Но в городе она никому ни о чем уже не говорит.

На сегодняшний день в Сургуте такой молодежи много. А ханты в городе - самая незащищенная в социальном плане категория. Район от них отказался, а здесь они тоже никому не нужны - своих хватает.

В общую очередь на жилье коренных жителей ставить не торопятся (по статистике, городские ханты получают квартиры в Сургуте раз в 15 лет). Вот Сережа, например, долгое время жил там же, где работал, - в помещении городского отделения ассоциации Спасение Югры. А по будням в качестве дополнительного заработка Сережа подметал городские улицы. Город не готов предоставить ему и таким, как он, ни жилья, ни работы, ни социального статуса.

Сергей Рускин - из тех, кого в свое время поглотили советские интернаты, один из почти потерянного поколения хантыйской молодежи. Иосиф Сопочин - из уже потерянного.

Нефтяное освоение Югры началось в начале шестидесятых.

Лишь через сорок лет мы начинаем думать об остатках этноса и его культуры. Только сегодня мы вроде бы начинаем прозревать. Открываем национальные отделения в университетах, создаем национальные театры, ставят спектакли, телепередачи на родном языке народов, испокон веков живущих (или уже все-таки живших?) на этой земле. Среди молодых ханты, натурализованных в этом мире, мне доводилось видеть даже банковского работника. Но будут ли его потомки помнить свое родовое древо?

И не придется ли мне, как режиссеру этнического документального кино, в скором времени и впрямь облачать Бориса Антоновича Комтина и его соплеменников в национальные одежды, воссоздавая картины недавнего прошлого?

Ведь Борис Антонович как раз из тех немногих оставшихся, кто когда-то, спасая стада и потомство, ушел глубоко в тайгу, и на сегодняшний день он является тем самым представителем истинной хантыйской породы, которые еще существуют в натуральном виде. Они носят натуральные малицы

и оленей разводят не для потехи туристов, а для своих нужд. И поют они настоящие хантыйские песни, и даже шаманят иногда - на погоду да чтобы нефтяники не сильно доставали. Будучи умным и рачительным хозяином своего участка земли, Борис Антонович вмиг раскусил как достоинства, так и недостатки экономических соглашений. Несмотря на вроде бы очевидную от них пользу, он долго не подписывал этих документов.

- Почему Вы боитесь подписывать бумаги? - спросила я его однажды при встрече.

- Мы боимся потому, - отвечал мне старый оленевод, - что у нас завтра для сыновей земли-то не останется. Где они будут жить, рыбачить, охотиться? Надо же землю сохранить. Я думаю, нефть нужна, но ее надо осторожно добывать, не варварски, вот так: напал на землю, на территорию, и там враз все понатыкал, поставил буровые, ДЭНЭски... Хозяину тоже надо выделить землю, чтоб он жил своим национальным образом...

Именно в это десятилетие такими людьми как Комтин был придуман оригинальный способ борьбы за землю: не подписывая договора, хозяева участков, таким образом, пытаются задержать освоение и сохранить хотя бы на некоторое время оленьи пастбища (думаю, что подобные задержки и вызвали в дальнейшем ужесточение законодательных мер по отношению к коренному населению).

Думаю, что Борис Антонович и другие старики, оставшиеся в тайге, и сегодня сумеют, как когда-то сотни лет назад их предки, договориться с пришлыми людьми, они уже не уйдут из тайги... Но все-таки очень тревожно за их детей и внуков.

КАК
ЭТО БЫЛО

*Лов рыбы. Сургут.
Автор фото неизвестен. 1960-е годы.*

ЛИХА БЕДА - НАЧАЛО...

Одними из первых в Сургуте появились цыгане. Они бродили по улочкам тихого поселка пестрой беззаботной толпой, таща за ручонки красивых черноглазых детей. Никто не знал, откуда они взялись. Однако все единодушно сошлись во мнении, что цыгане - это хорошо, потому как они что птицы: живут только там, где просторно и вольно. Все лето цыгане прожили налегке - где и как придется, ворожили хозяйшкам с Черного Мыса и старого Сургута, за что получали хлеб, картошку и жареных чебуков. К осени принялись строить землянки. Землянки получались ладные, теплые. И первые операторы, прибывавшие на сургутские нефтепромыслы, просили и себе смастерить такие же, за что цыгане, долго и весело торгуясь, брали всегда одну и ту же цену - сто пятьдесят рублей. Когда запуржило не на шутку, сквозь дощатые двери землянок стал набиваться снег. И женщины, топя печурки день и ночь, запрещали малышам слезать с кровати. Младенцы учились ходить на матрацах, и потом, когда появились настоящие дома, боялись ходить по полу - падали. Много было по этому поводу забавных воспоминаний и слез. По вечерам землянки нефтяников погружались в морозную звездную тишину, лишь плотные дымы над крышами да рев вездеходов говорили о том, что на эту девственную землю пришла новая жизнь.

Рыбачий поселок Сургут на среднем течении Оби много лет жил неторопливо, каждый год расцветая, увядая и уходя под снег вместе с хилыми деревьями речной поймы. Жители его ставили сети, ходили на баркасах по Оби, гужевали, рубили лес. В тридцатом году пароход привез переселенцев, крупных, осанистых мужиков и баб. Приезжие обосновались на голом тогда Черном мысу, поставили себе крепкие, крытые тесом дома, тоже стали промышлять рыбу и зверя. От Черного мыса до Сургута километра три. Зимой близко, особенно, как накатается колей. А вот весной или осенью не пройти. Лошадь, и та тонула по брюхо. Те, что построились на Черном мысу, стали помаленьку сажать картошку, лук, капусту. Потом принялись за смородину и малину. Ханты-оленьеводы, подходившие иногда со стадами к рыбозаводу, дивились на неведомые им капусту и огурцы. Война, как и везде, повыкосила в Сургуте мужиков. Увял рыбный промысел, подгнили высокие сибирские заплоты, грядки поросли сурепкой и диким щавелем. Потом, конечно, отстроились, подновили рыбозавод, завели даже лисью ферму: ряды клеток, а в них остромордческий черно-серебряный зверь. Однако круто, навсегда все переменялось позднее, в тот день, когда уса́тый, кавказского вида, паренек, как буря, ворвался в райком партии и выпалил, не переводя духа и коверкая русские слова:

- На нефти сидите, как у нас в Баку! Только здесь еще больше, чем в Баку, вот увидите! - И черные глаза, смеясь, оглядывали ошеломленные лица сургутян. Это был Фарман Салманов, начальник только что прибывшей в Сургут геологической партии.

Честно говоря, это была даже не партия, а горстка людей да груда ящиков на берегу, у Черного мыса. Пароход, выгрузив их, уплыл дальше, к Ханты-Мансийску. А геологи остались - ни кола ни двора. Салманов чуть ли не в первый день купил себе в колхозе крепкого коня, назвал его Казбеком и скакал на нем то в райком, то к пристани, то к себе во временку-контору, над которой, удивляя рыбаков, ошетижилась металлом высоченная антенна.

- Рация, чего тут не понять, - объяснил Салманов любопытствующим. - Надо мне, дорогой, передать в Новосибирск, что жду буровой станок. Я им точка-тире, точка-тире - и пришлют. Рыбаки, поглядывая на антенну, степенно кивали, чувствуя все большее уважение к здоровенной этой следе. А к концу лета, и правда, выликала она в Сургут целое богатство: два или три трактора и гору железа - говорили, что это и есть буровая, только надо ее собрать и поставить. Когда тракторы поползли от пристани к новеньким брусчатым домам геологов, сбежался весь Сургут.

- Теперь начальник, небось, Казбека оставит, будет на тракторе ездить, - решили рыбаки. Но тут та самая антенна, что вытребовала тракторы и станок, принесла странный приказ: «Всю технику срочно вернуть Новосибирск». Работы поиска нефти прекратить».

Салманов, грустный - таким еще не видел его никто, - поскакал на Казбеке в райком. Василий Васильевич Бахиллов, давнишний, уважаемый всеми секретарь, внимательно прочел странную телеграмму. Впрочем, он уже знал, что все нефтеразведочные работы передаются под начало тюменского геологического треста. И новосибирское управление, естественно, спешило вернуть свое добро.

- Ты уедешь, Фарман Курбанович? - отложив телеграмму и вглядываясь в потухшее лицо геолога, спросил Бахиллов.

- Никогда! - Салманов вскочил. - Мой дед здесь ссылку отбывал, дрался за революцию. Друзья в морях тонут - ищут нефть, а я, как дезертир, обратно в город побегу? Зачем обижаешь, Василий Васильевич?

Бахиллов усмехнулся:

- Ну, тогда ступай, занимайся делами. Обь-матушка буровую и тракторы тебе принесла, она и поможет их оставить.

Салманов, не понимая, невольно поглядел за окно.

- Ты не смотри, что тепло, - перехватив его взгляд, успокоил Бахиллов. - Я здесь десять лет живу - знаю. Скоро морозы нагрянут, шуга пойдет по реке...

Салманов пулей выскочил на крыльцо, свистнул Казбека, поскакал к буровой.

- Продолжай монтаж! - издали крикнул он буровому мастеру и, уже спешившись, вполголоса: - Скоро шуга пойдет, сам Бахиллов сказал.

Бывали ли у этого неистового геолога сомнения? Может, и бывали. Даже наверняка когда задували бесконечные метели, рация приносила недобрые вести от застрявших в болотах геофизиков и партии разведчиков, ухивившиеся в тайгу по приказу начальника управления Эрвье, одна за другой сообщали: пусто, сухо, опять пусто. Но утихла пурга, в низком северном небе проступали сверкающие куски синевы, геофизики радировали о хорошей структуре, и Салманов, рассматривая только что поднятый из скважины столбик керна, клялся памятью деда! Пахнет нефтью! Помбуры, задубевшие от ветра, выхватывая друг у друга темно-серый кусочек аргелита, тоже соглашались: отдает нефтишкой! И тащили по снежной целине еще одну буровую, упирали стальные ее, раскорячкой, ноги в мерзлую болотистую пойму, торопясь собирать насосы, дизели, замысловатую сеть сотков. И сердитое долото, взревев, вонзалось в податливый приобский грунт. Мегионская протока, Локосово, Юганская Обь... Пядь за пядью прощупывали они неприветливую вязкую землю. Месяц за месяцем, год за годом.

«Безобразия! возмущались некоторые авторитеты. Барахтанье в обских болотах стоит миллионы рублей. Кто сказал, что там есть нефть?» «Позвольте, - возражали другие, - а маслянистые пятна на озерах, соленые источники, пузыри газа? Березово в конце концов...».

А геологи все продвигались вперед километр за километром, скважина за скважиной. Были ли они счастливы тогда? Да, конечно. Несомненно! То была настоящая весна, весна их жизни, потому что все они были молоды, потому что никто не ходил до них по задичалой этой земле, потому что ни Эрвье, ни Салманов, полные сил, не сомневались в близкой нефти. Они знали, что она придет - может, так же неожиданно и грозно, как вырвался из недр Березовский газ.

У меня записан рассказ одной из участниц той первой битвы за нефть. Людмила Евгеньевна Каденкова, техник-геолог Сургутской экспедиции:

«Наша партия в пятьдесят восьмом году высадилась, по распоряжению Салманова, в поселке Локосово. Это по Оби, километрах в ста от Черного мыса - к Нижневартовску. Было это в июле. Сошли мы с баржи на берег, выгрузили ящики с одеждой и приборами. Огляделись. Несколько избенок, колхозное поле. Лошадки щиплют траву. Дети обрадовались и в миг умчались куда-то по берегу. А нас, взрослых, провели в пустую школу: «устраивайтесь». В одном углу наша семья: я, муж, трое дочек. В двух других углах - еще по семье, еще четверо ребятешек. Жарко, помню, было, тайгой тянет. Я ведь местная, из Колпашово, деревенская. Девушкой уж в город подалась, техникум кончила в Прокопьевске. А душа оказалась вся здесь, в тайге. И все мило мне: и шум речки - знаете, он особый, иные и не слышат вовсе, - и кочаны капустные у земли, и лиственничный дух. Ну, строиться начали. С утра - у буровой, а пообедали - на стройку. Песни поем, детвора

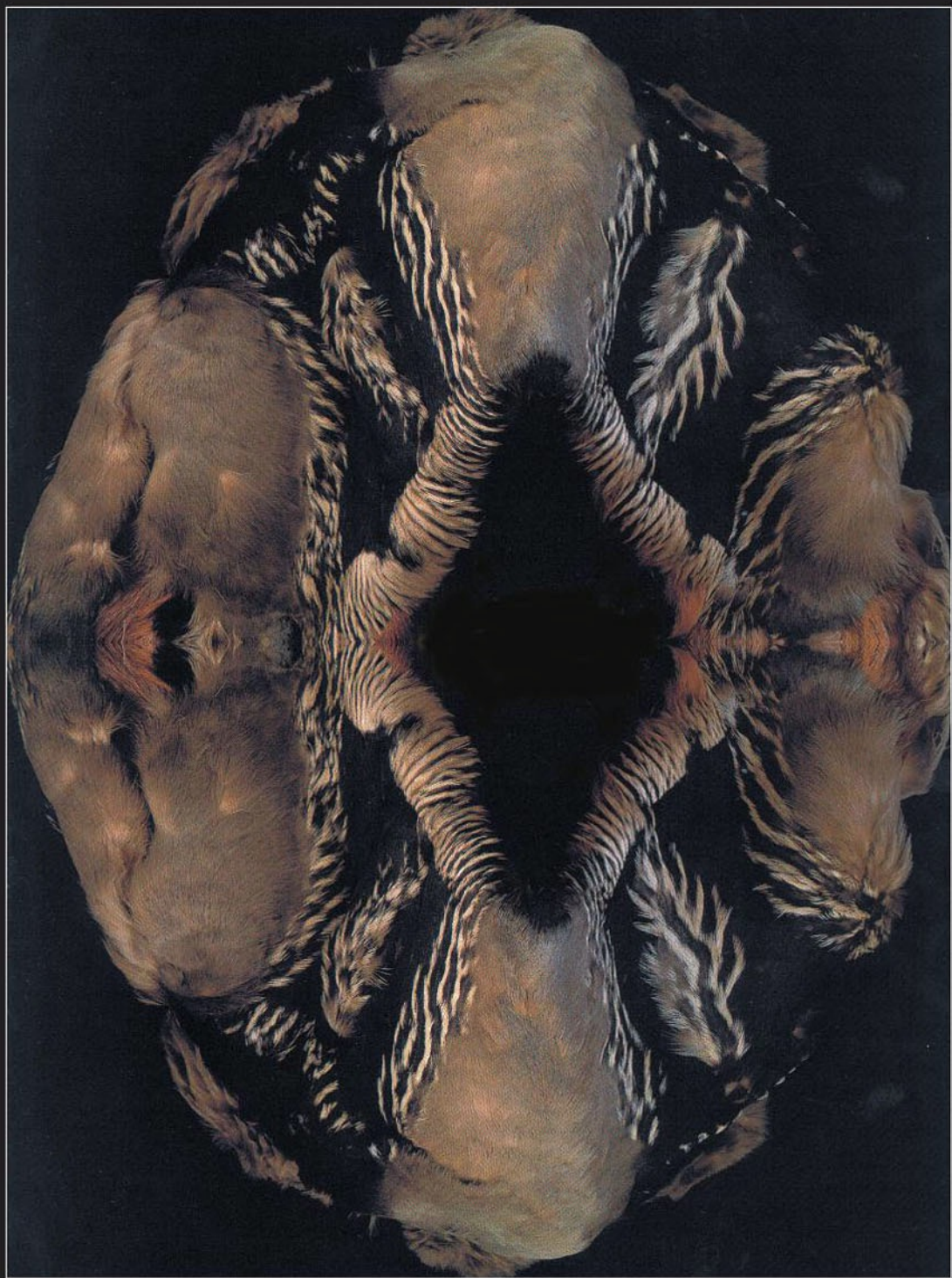
*Фарман Курбан-оглы Салманов
(вверху четвертый слева)
с литераторами Сургута.
Ноябрь. 1964*

вокруг - кто помогает, кто игру затеял. Лето здесь чистое, ясное, к вечеру и жар спадает. Хорошо было. Сколько лет прошло, а все вспоминается. К осени у всех уже угол был. Тесный, да свой. Местные смеялись: вы то вроде лесорубы, то крестьяне. Мы и деревья сами валили, и картошку с капустой помогали им убирать...».

Без малого шесть лет шла локосовская партия к нефти. Но каждый раз, как грунтоноска поднимала из скважины керн, все геологи, будто впервые, наперегонки кидались к буровой. Верили, не уставали верить.

- Геолог чувствует, когда надо верить, - говорил мне Салманов много лет спустя. - Нас называют фантазерами. Чепуха! Никто, понятно, не мог твердо знать, что под нами - Усть-Балык или Самотлор. Но чувствовать мы могли - шестым, седьмым, каким хотите чувством. Нельзя же было, ей-богу, вслепую набрести на Сургутский или Нижневартовский свод!

Вот так и кончился тихий старый Сургут. Два свода, вспучившиеся в недрах земли, в мгновение ока вознесли его в новый слой истории.

Александр Быков.
Размышления о гагаре.
Из серии «НЛО» /«Неопознанные лирические отступления»/.
2004

Вениамин
Марченков

НЕСТАНДАРТНЫЕ
РЕШЕНИЯ...

*Кажется, совсем недавно она была - осень 1983 года
с пышным заревом листвы, окутавшим город,
в который вдруг привела меня судьба.
До сих пор изумляюсь тому,
что этот город сразу заморозил меня.
Моя жизнь проходила в больших и обихоженных городах,
а здесь что?
Серенький, заштатный городок с вокзалом-хибарой,
однотипными жилыми домами, топью на дорогах,
да экзотикой балочных поселков...
И все-таки Сургут захватил меня в одночасье.
В магазинах, общественном транспорте только и говорили,
что о добыче нефти, бурении,
строительстве ГРЭС, магистрального газопровода,
об успехах той или иной бригады.
Казалось, что именно здесь происходит что-то важное,
а люди, живущие в этом городе,
своими руками решают огромные задачи
государственного масштаба.
Начинал невольно чувствовать себя
участником исторических событий.
Так уж сложилось, что большую часть жизни
я связал с этим городом,
вместе с ним проходил этапы его становления,
вместе с ним переживал загибы и перегибы перестройки,
участвовал в освоении
новых нефтяных и газовых месторождений,
праздновал победы буровых бригад-стотысячниц.
Ныне на общем фоне Сургут
выглядит одним из самых благополучных городов России.
Скажут мне: «Конечно! На газу и нефти жируете!»
А чего стоило это «освоение земных богатств»?!
Стоит, стоит
вспомнить некоторые яркие эпизоды...*

По «остаточному принципу»

Газовики сложно вживались в Сургут. Первый коллектив обосновался здесь в 1975 году, когда сюда было переведено Нижневартовское линейно-производственное управление. Сургут уже претендовал на роль нефтяной столицы Среднего Приобья. Здесь разрабатывались крупнейшие месторождения, шло строительство электростанций, железной дороги, пика успеха и славы достигли подразделения министерства геологии, министерства строительства объектов нефтяной и газовой промышленности. Линейно-производственное управление, которое получило название «Сургутское», представляло собой заштатное подразделение Всесоюзного объединения «Тюменьгазпром». Его численный состав не превышал 60 человек, обслуживали они газопровод, связывающий Нижневартовский ГПЗ и Сургутскую ГРЭС. Однако, не случайно это управление было переведено в Сургут. Предполагалось построить более 35 тысяч километров газовых магистралей, добычу довести до 400-430 миллиардов кубических метров газа. Уже в это время шла интенсивная работа по проектированию новой магистрали, которая должна была соединить Вынгапуровское, а вслед за ним и Уренгойское газовые месторождения с городами южного Урала.

И именно Сургут отвечал всем требованиям административного центра будущего объединения. Он находился в центральной части магистрали, которая должна была пройти в непосредственной близости от города, в то время как Нижневартовск находился в стороне от будущей трассы. Николай Владимирович Еремин, первый начальник Сургутского Линейно-производственного управления, прибыл в город летом 1975 года. Решение о передислокации коллектива Нижневартовских газовиков в Сургут было принято на самом высоком уровне - вопрос обсуждали в ВПО «Тюменьгазпром», в Тюменском обкоме партии. И ясно было, что теперь придется вгрызаться в Сургут, с нуля начинать всю работу по созданию коллектива, промышленной базы, налаживать отношения в городских и партийных организациях.

ЛПУ было маленькой крохой большого сургутского «пирога», который именовался нефтегазовым комплексом. Николай Владимирович отчетливо понимал, что большой поддержки со стороны города у него не будет. Масштабы деятельности управления были несоизмеримо малы с грандиозными проектами нефтяников, геологов и строителей. Да, первые Нижневартовские, а затем и Сургутские газовики выполняли важную задачу - обеспечивали топливом электростанцию, которая уже в то время становилась энергетическим центром всей Западной Сибири. Но этого мало. Мы пока не могли конкурировать с размахом сургутских нефтяников, с добычей миллионов тонн нефти, обустройством новых нефтяных месторождений, бурением, освоением скважин, выходом на все новые и новые площади.

Первый секретарь горкома партии Мачехин встретил Еремина не очень дружелюбно:

- Так, теперь в городе будут и газовики, - без воодушевления произнес он, - звонили мне из обкома, советовали помочь Вам. А что я могу сделать? Жилья у меня нет, свободных помещений тоже.

Вы посмотрите, что в городе творится. Каждый день сюда приезжают сотни человек - работы хоть отбавляй, а жить негде, детей учить негде, капитальное жилье - на вес золота.

Все было так. Город строился по ведомственному принципу. Быстро развивался микрорайон нефтяников, которые первыми приняли крупнопанельный дом, стремительно шло строительство в микрорайоне энергетиков, обустроились в городе и строители. Но все это было, по большому счету, пародией на городскую инфраструктуру. Маленькие «островки цивилизации» разделяли огромные пространства, освоенные на скорую руку: «Таратыновка», ПДУ, балочный поселок от улицы Энергетиков, балки на улицах Ленина, Механизаторов, и там, дальше, в сторону улицы Мира - не на чем было остановить глаз. А еще промышленные предприятия, автоколонны, цеха деревообработки, горы кабельных катушек, использованных шин, остовы разбитой техники. И все это в самом центре города.

При всей скупости обещаний Мачехин сумел кое-что сделать для нового коллектива. С его помощью Еремин устроился в гостиницу, с его помощью газовики получили в свое распоряжение первое помещение под управление - целый одноэтажный щитовой дом...

Директор «с нуля»

Чумакова срочно вызывали в Москву в Министерство. А он, усталый и злой после бессонной ночи, никак не мог собраться с мыслями:

- Зачем требуют в Министерство? - думал он. - В управлении у меня порядок. Последняя авария - так это рядовое дело. Поработали сутки без сна, без отдыха и газ по трассе пошел. Зачем мне в Москву?

Чумаков попытался переложить поездку на другого, ссылаясь на бессонную ночь, на то, что он только с трассы, умыться еще не успел, но Яковлев, директор объединения «Тюменьтрансгаз», был неумолим - собирайся, завтра будешь в Москве.

В общем-то, Чумаков был легок на ногу, и собраться ему - все равно, что подпоясаться. В запасе у него всегда имелся парадный чемоданчик, в котором, на всякий случай, находилась сорочка, отутюженные брюки, светлый шерстяной свитер и шикарный импортный галстук. Так было удобно: надо в Тюмень - вот он незаменимый чемоданчик, делегация приехала - он снова выручает, а тут Москва.... Не каждый день в Министерство вызывают....

В десять утра Чумаков был в министерстве. Улыбчивая секретарша Оруджева встретила его как старого знакомого.

- Сабит Атаевич на месте и ждет Вас.

«К чему бы все это?» - только и подумал Чумаков, как был приглашен в кабинет министра.

С Оруджевым ему приходилось встречаться раньше. Сабит Атаевич, министр сталинской закалки, старался вникать во все проблемы своей отрасли. Комсомольское управление, по тем временам оснащенное передовой техникой, лучшими кадрами газовиков, было на особом счету. Оруджев считал его показательным в министерстве, а Чумакова он в шутку называл «надёждой газовой промышленности».

- Ну что, «Надёжда», время твое пришло, - с заметным кавказским акцентом произнес он, встречая Чумакова, - а почему ты в таком виде? Это, что мой лучший начальник управления - не брит, одет - черт знает во что! Ты куда приехал?

- Да, вы знаете, Сабит Атаевич, оправдывался Чумаков, - я ведь с трассы. Целые сутки вели аварийные работы, вернулся в управление. Времени у меня не было привести себя в порядок.

- Я тебе, дорогой, не как министр, а как старший товарищ скажу, - прервал Чумакова Оруджев, - ты ответственное лицо министерства и должен быть всегда в форме. Сейчас я с тобой разговаривать не стану. Встретимся часа в три. Приведу тебя в норму и поговорим. Иди.

В приемной министра Чумаков мимоходом взглянул в зеркало. Да, действительно, он был не в лучшей форме. Бессонные ночи наложили свой отпечаток: мешки под глазами, стального цвета лицо, пробивающаяся щетина старили его лет на десять. А ему всего сорок.

Выпорхнула из министерского кабинета секретарша:

- Вам, Михаил Константинович, придется поработать над собой. Сейчас Вы идете в бухгалтерию.

Вам Сабит Атаевич выписал премию - деньги получите и в город. В первую очередь в парикмахерскую

- побриться, навести на голове порядок, а потом в магазин - с иголки должны выглядеть!

В полдень Чумаков прогуливался по коридорам министерства. Добротный костюм, шикарная прическа, румянец на щеках...

- Ох ты, каким красавцем стал мой лучший начальник! - с удовлетворением встретил его Оруджев. - Теперь мне и говорить с тобой приятно и видеть радостно. Садись, поговорим серьезно.

В несколько секунд Оруджев преобразился. Голос его стал жестким и сухим. Глаза, до сих пор лукавые и насмешливые, вспыхнули огоньком озабоченности, и весь он, словно перед прыжком, собрался, сосредоточился:

- Ты знаешь, что девятого декабря я подписал приказ о создании нового объединения, которое базироваться будет в Сургуте. Начинать нужно с нуля. Там есть маленькое линейное управление, которое ни по каким параметрам не отвечает задачам нового объединения. Предлагаю тебе должность директора. Откажешься - уговаривать не стану, согласишься - так знай, не на парад идешь, а на прорыв. Спрашивать буду по высшей мерке.

Еще долго Оруджев рассказывал о стратегии освоения газовых месторождений Западной Сибири, чертил на листке бумаги схему будущей трассы, говорил о невиданных полномочиях, которые он давал Чумакову, о поддержке со стороны властных структур страны и о его ответственности за стройку.

- На этой трассе будут работать сотни тысяч человек со всего Союза. Планы грандиозные. Уже через полтора года газ должен идти до Челябинска. Я понимаю, что согласиться сразу ты не можешь. Предложение стоит обдумать, поэтому даю тебе десять дней отпуска - решай свою судьбу. Хотя, доверюсь тебе, она уже решена. Сейчас мы едем в ЦК, представлю тебя заведующему отделом промышленности, а там уж все - в Сургут вылетишь не позднее середины февраля.

18 февраля 1977 года Чумаков был в Сургуте, а 21 числа этого же месяца подписал первый приказ по объединению «Сургуттрансгаз»:

«В соответствии с приказом Мингазпрома №39к от 10 февраля 1977 года и ВПО «Тюменьгазпром» №39к от 14 февраля 1977 года приступаю к обязанностям директора Сургутского производственного объединения по транспортировке и поставке газа «Сургуттрансгаз».

Директор объединения М.К.Чумаков.

«Народным средством»...

В полночь в квартире главного инженера объединения «Сургуттрансгаз» Клиновского раздался телефонный звонок. Эдуард Антонович понимал, что среди ночи кто-то из своих вряд ли будет звонить ему по пустяку. День был тяжелый - пускали очередной агрегат Самсоновской компрессорной станции. А пуск - это экзамен, где в роли экзаменаторов было министерство газовой промышленности, Тюменский обком партии, которые в свою очередь, как и газовики, держали экзамен перед вышестоящими государственными структурами. Клиновский целую неделю «сидел» на станции - со службами эксплуатации еще и еще раз проверял готовность к пуску, еще и еще раз просчитывал возможные нештатные ситуации. За эти годы он уже привык к круглосуточному ритму работы, к постоянному напряжению, неустроенности быта и ежедневному риску.

Пуск агрегата прошел без срыва. Клиновский доложил об этом в Сургут, Тюмень и Москву. Дело было сделано, и теперь предстояла небольшая передышка. И вот - ночной звонок. Клиновский только успел привести себя в порядок, побриться, принять ванну и, предчувствуя негу, позволил себе расслабиться. Легкая истомы накатывала на глаза, но спать не хотелось. Он каждой клеточкой, каждым нервом впитывал чистоту и покой своего дома.

- Ты что не знаешь, что творится у тебя на трассе?! - услышал он в трубке раздраженный голос Оруджева.

- Знаю. Почему же не знаю! - пытался возразить Клиновский, - вот сегодня пустили очередной агрегат на шестой.

- Я тоже знаю об этом, - прервал его Оруджев, - а знаешь ли ты, что в районе четвертой на трассе гидратная пробка? Не знаешь! Эдуард, учить я тебя не стану, но совет дам - прежде чем домой отправиться, интересуйся, все ли нормально в твоём хозяйстве! А сейчас выезжай на трассу. Завтра газ должен идти по графику.

Он уходил в ночь, в метель, в непогоду. Такое случалось часто, но Клиновский так и не привык без внутреннего трепета делать первый шаг в неизвестность. Трасса все больше и больше притягивала к себе, требовала постоянного внимания, какого-то внутреннего чутья, когда сознание, как компьютер, просчитывало все сложные участки движения газа. Клиновский, обладая феноменальной памятью, помнил ее наизусть. Знал все недостатки на водных переходах, проблемы крановых узлов, компрессорных станций, чувствовал, когда и где может произойти серьезный сбой в производстве. Вот сейчас, он знал, где нужно искать эту проклятую пробку, какие методы нужно применить для ее ликвидации. Единственно в чем он сомневался, что сегодня или через неделю сможет, наконец, провести несколько дней дома.

В центральной диспетчерской службе, просмотрев графики падения давления, Клиновский убедился в правоте своих предположений.

- Что тут делается у нас? - обратился он к главному диспетчеру Абанасьяну.

- Все как обычно - метанол закачиваем, но результата пока нет.

- Техника вышла на трассу?

- Да, там Гладун со своей гвардией, Кострыкин с линейщиками, связь есть.

В прокуренном помещении время тянулось медленно. Редкие сообщения по рации, когда вместо внятной речи слышалось сплошное бу-бу-бу..., не успокаивали, а, наоборот, усугубляли напряжение. И, казалось, этой ночи не будет конца.

Клиновский не мог сидеть без дела. Он чувствовал, что его место там, на трассе, что именно он может принять решение, которое наконец-то разрядит ситуацию.

В шесть утра, отмахав на газике сотню верст, он уже был на точке, где находилась гидратная пробка. Все три часа дороги он тешил себя мыслью, что за время пути все, глядишь, разрешится само собой - сумеют мужики общими усилиями решить задачу.

Не тут-то было. Все ждали главного. Анатолий Михайлович Кострыкин, начальник Приобского ЛПУ, газовик с завидным стажем, специалист, которого «сам Бог послал объединению в помощь», встретил Клиновского лукавой улыбкой.

- Ну, что, Антонович, технология подводит - надо решать проблему народным способом, как у нас говорят - «Клиновский - клином вышибает»!

- Будем вышибать, Михалыч, - но спешить в этом деле не стоит.

Еще раз изучив обстановку, переговорив с диспетчерской объединения, Клиновский приказал готовить валежник, а сам шагал вдоль трубы, трогал ее рукой, прислушивался к внутреннему звучанию магистрали, чертил что-то на клочке бумаги.

- Ну, что, Михалыч, труба здесь надежная? Конфуза у нас не будет?

- Не будет, пожалуй, - уверенно ответил Кострыкин.

К рассвету все было готово для ликвидации пробки народным способом. В месте, указанном Клиновским, гвардейцы Гладуна оголили газопровод. Нет худа без добра: он оказался без изоляции - «трубачи», как всегда в спешке, забыли заизолировать сотни метров магистрали, но, скрывая свой брак, надежно упрятали этот участок под землю. Пришлось раскапывать, углубляться в землю так, чтобы под трубой образовалось достаточно большое пространство, куда свободно мог бы пролезть человек. В дело шли вековые деревья, хворост, обрывки изоляционной ленты, доски, деревянные ящики из-под продуктов, словом, все то, что горит. Народный метод потому и был народным, что не вписывался ни в какие правила эксплуатации магистральных газопроводов: гидратную пробку можно было ликвидировать только огнем.

- Вы, что очумели огонь на трубопроводе жечь, - паниковал Гладун, - там семьдесят пять атмосфер, рванет - мало не покажется!

А Эдуард Антонович Клиновский сохранял спокойствие. Он, словно дирижер большого оркестра, руководил всем процессом - отводил на безопасное расстояние технику, людей отправлял в палатку - «чайку попить», утверждая при этом, что дело уже сделано, и когда он остался один - швырнул пылающий факел в огромную кучу сухой древесины. Занялось быстро, огонь разгулялся на славу. Магистраль находилась под давлением, и малейшая утечка могла обернуться большой бедой.

А Клиновский, внешне спокойный и выдержанный, прогуливался вдоль пылающей трассы, насистывал знакомую всем мелодию «Веселого барабанщика», поглядывал на часы и восходящее кроваво-красное солнце. Наступал новый рабочий день, с его неизвестными еще заботами, с чертовской усталостью и внутренним удовлетворением от того, что дело сделано.

Забастовка по-советски

В феврале 1981 года на трассе газопровода работали все станции. Главная задача - транспортировка газа на промышленный Урал - была выполнена, но до выхода магистрали на проектную мощность было еще далеко. Не закончены были работы по пуску в эксплуатацию газоперекачивающих агрегатов на многих компрессорных станциях. Одной из самых сложных ситуаций на трассе было положение с наладкой оборудования на Демьянской компрессорной. Она создавалась и входила в систему транспортировки газа на правах пасынка. Все лучшее, что приходило на строительную площадку, передавалось почему-то другим управлениям. Лучшие специалисты, техника, жилые вагончики в мгновение ока оказывались у соседей, а то и вовсе уходили далеко на север.

Естественно, что и настроение у наладчиков оборудования было не ахти. Работали спустя рукава, чертыхались на неудобства трассовой жизни, на низкую заработную плату, на невнимание со стороны руководства. Долго так продолжаться не могло. Бунт зрел.

И вот, в середине февраля бригада отказалась выходить на работу. Уладить производственный конфликт направили молодого начальника отдела Александра Ритенберга. Все его усилия повлиять на решение бригады находили резкий отпор со стороны бригадира. Он не только не разговаривал с Ритенбергом, но и запретил это делать своим подчиненным. Ситуация накалялась с каждым часом. План транспорта газа оказывался под угрозой срыва. Шесть неработающих агрегатов на станции - это ЧП, а в условиях суровой зимы и большого потребления газа - это преступление.

Александру Семеновичу ничего не оставалось делать, как обратиться за помощью в управление, к заместителю начальника Виктору Ивановичу Решетняку.

- Хорошо, - выслушав его сообщение, ответил Решетняк, - скоро будем у вас, там и разберемся.

Несколько часов спустя вертолет доставил на станцию представительную делегацию, во главе которой был заместитель директора объединения Владимир Иванович Кожан.

В первую очередь решили убедить бригадира.

- Посмотрите, в каких условиях мы живем, - возмущался он.

И действительно, вагончик бригадира представлял собой неприглядное зрелище: промерзшие стены, неприбранный стол, всюду разбросаны вещи....

- Ничего, - парировал реплику Кожан, - жить можно. Есть вагончики и похуже. А здесь, если навести порядок, вообще будет комфортное жилье.

-Что? - заорал в ответ бригадир, - Вы, наверное, издеваетесь. Сами не жили в таких условиях!

- Жил и работал, никому на горло не наступал с такими проблемами - сам их решал!

Совсем рассвирепел бригадир. Грохнул кулаком по столу и... плюхнулся на кровать.

- Все! Разговор окончен. Бригада на работу не выйдет. Где обещанные деньги? Где продукты?

Где нормальные условия? Все... это мое последнее слово!

Ясно стало, что бригадира с кондачка не уломать, что дипломатия руководства объединения не только не разрешила конфликт, но и усугубила положение.

Заснеженная Демьянка дышала морозом. Казалось, не только природа, но и люди замерли в холодном оцепенении. Но Виктор Иванович Решетняк был спокоен. За годы работы на трассах газовой промышленности ему не единожды приходилось иметь дело с «человеческим фактором».

- Ничего, Саша, - обратился он к Ритенбергу, - собирай людей, разговаривать будем.

Решетняк был высок ростом, его движения, походка выдавали человека с большим достоинством и неукротимой внутренней энергией. Он никогда не повышал голоса, внимательно слушал собеседника и всегда старался понять его. Это казалось фокусом, как Решетняк брал ситуацию под свой контроль.

Собрание началось ближе к вечеру - усталые лица рабочих, гнетущий холод и тусклый свет электрических лампочек.

- Ну что, товарищи, слушаю ваши требования, - начал Решетняк.

Бригада молчала.

- Деньги получаете не те, на которые рассчитывали? - понимаю вас. И мне хотелось бы иметь больше.

Бригада молчала.

- Жилье у вас некудышное? - на северных станциях еще хуже.

Бригада молчала.

-Ну ладно. В Сургут нам пора. Вы здесь оставайтесь. Попробуем что-нибудь сделать.

- Как в Сургут?! - взревел бригадир, - в кои века собрались к нам на станцию и уже в Сургут?

И началось. Один за другим выступали наладчики. До хрипоты в горле кричали о худом житье, о несложившейся жизни, о человеческой несправедливости.

Казалось, все рушилось, но Решетняк, как ни странно, выглядел довольным.

- Мужики, я вас понимаю, но машины стоят, а вы не на макаронной фабрике работаете. Мы будем исправлять положение?

И снова шум, гам, новые обвинения, угрозы, упреки. А Виктор Иванович остается спокойным, выдержанным, и как только луженые глотки наладчиков уставали от потоков брани, как только наступала пауза, Решетняк произносил свою магическую фразу:

- Вы не на макаронной фабрике работаете...

- Далась вам эта фабрика, - кричал бригадир, - о людях нужно заботиться!

И все начиналось сначала.

Время шло. И возмущение затухало, преобразаясь в деловой разговор. И уже без ругани, без взаимных обвинений говорили о проблемах станции, о необходимости улучшения бытовых условий, о планах на будущее.

Утром бригада вышла на работу. И, словно наверстывая упущенное время, разделились по сменам и работали круглые сутки до того момента, пока не был пущен последний агрегат Демьянской компрессорной станции. Оказалось, и вправду никому неохота было макароны тянуть...

Елена
ОСИПОВА

РАСКОПКИ В БЕЛЫЕ НОЧИ

*Вокруг Сургута,
да и на территории округа
в целом нет сохранившихся памятников,
объектов гражданского зодчества,
монументальной архитектуры или скульптуры.
Зато в научном археологическом мире
Сургутский район известен довольно широко.
Раскопки показали,
что вся территория Сургутского Приобья
насыщена археологическими памятниками -
городищами, поселениями, святилищами, могильниками и др.
И по сей день открываются новые памятники
древнейшей истории края
в бассейнах рек Пим, Тромъёган, Большой Юган, Аган.
Возраст предметов варьируется от 6 тысяч до 600 лет.*

Первые любительские раскопки относят к 1889 году. Начало же научной работы связано с именем шведского академика Ф. Р. Мартина, который в 1891 году вскрыл 11 погребений могильника Барсова городка. Около десятка ящиков археологических, этнографических, антропологических коллекций были отправлены тогда в Стокгольмский краеведческий музей. Время исследований Мартина совпало с краткой остановкой в Сургуте будущего императора России цесаревича Николая, который путешествовал по России и которому ученый был представлен. И хотя раскопки нового времени ведутся уже в течение тридцати лет, единственная монография об удивительной горе принадлежит перу другого шведского ученого - Т. Арне. Схематичный план с этой территории был снят только в 1925 году, но лишь в 1966-м была оценена вся колоссальная ценность этого археологического комплекса.

По иронии судьбы первые широкомасштабные раскопки были связаны с освоением нефтегазовых месторождений Приобья.

«Тогда действовал закон об охране памятников истории и культуры, изданный в 1948 году и лично подписанный Сталиным, - вспоминает В.Викторов, участник первых экспедиций нового времени, - об этом было написано в открытых листах, выдаваемых в то время археологам. Когда открытый лист показывали местным деятелям, они вытягивались в военной стойке и были готовы к оказанию всякого рода помощи. Именно в рамках этого закона до одного процента стоимости капитальных строительных работ могло быть выделено на исследование археологических и культурно-исторических памятников. С этого и начались обширные исследования Приобья. Второй момент - перестройка высшей школы и инициированное Хрущевым приобщение студентов к практической деятельности. На исторических факультетах ввели обязательную, начиная с первого курса, полевую практику. Это существенно облегчило комплектование экспедиций людьми, уже прослушавшими общий курс археологии, хотя и не факт, что все этого хотели».

Научный интерес Уральского Государственного университета к сургутскому региону, не ослабевающий до сих пор, связан с личностью Владимира Федоровича Генинга. Именно

под его руководством была создана Уральская археологическая школа. Человек широкого научного кругозора, хорошо знающий территорию Прикамья и Приуралья, Северный Урал, а затем и Зауралье, он непрерывно расширял круг своих интересов и не мог не увлечься изучением Обского бассейна, Иртыша и прилегающих к нему регионов. Поразительный это был человек! Всегда подтянутый, элегантный, с безупречно белым воротничком, при галстук и в синем костюме, он выглядел так, словно только что вернулся с дипломатического приема. Впрочем, все это сопровождалось исключительной естественностью его поведения. Он появлялся на раскопе среди потертых, растрепанных и изрядно опростившихся молодых археологов и часто давал полезные советы, о которых они до сих пор с хохотом вспоминают: «Ешьте только натуральные продукты: яйца, сметану, молоко». В условиях экспедиции это звучало как удачная шутка.

Первый же беглый обзор сегодняшнего Барсова ошеломил: поселок Мостоотряда размещен на пространстве земли, просто переполненном археологическими памятниками. Их было невероятное количество - на территории в сотни квадратных метров. Приходи, обмеряй, копай!

В 1973 году здесь работало около 120 человек. Палатки были уже не нужны, археологи жили в домиках, предназначенных для рабочих, а ели не под открытым небом, как в первые годы, а в столовой.

На третий год работы приехали студенты-астрономы и, в отличие от археологов, работающих на глаз, замерили каждый сантиметр и создали план центральной части комплекса вокруг поселка. Примерно в это же время начали появляться интереснейшие находки. В углу одного из жилищ на городище был обнаружен клад медных изделий, а найденное вскоре серебряное блюдо среднеазиатского происхождения из Сургута было доставлено напрямую в коллекции Эрмитажа.

Словом, все показывало: природа наградила этот край огромным пластом потенциальных открытий.

Разговоры были примерно такие: «Ты сколько вскрыл за это лето?» - «Две с половиной тысячи.» -

«Что, так мало?!» В.Ф. Геннинг глядел на учеников с укоризной: «Что вы делали вообще - две с половиной тысячи!...»

Нынешним археологам и подумать страшно о таких масштабах.

Надо сказать, у Тюменских чиновников отношение к ним было очень подозрительное. Главным были нефть, железные дороги, сельское хозяйство, а археология... Но в 1972 году газета «Правда» на последней странице опубликовала заметку о раскопках на Барсовой горе. Этот номер археологи всегда носили с собой и предъявляли, когда приходилось обращаться в партийные и другие органы и объяснять, чем они здесь занимаются. Заметка подвергалась тщательному исследованию, но, удостоверившись, что это именно «Правда», помогали всем, чем могли.

Вспоминают один эпизод из раннего периода «Барсовской эпопеи». В 1972 году среди студентов-практикантов Тюменского университета оказался и сын первого секретаря обкома партии Богомякова, закончивший первый курс. Тогда Богомяков-старший, в связи с резко возросшим статусом региона, был очень уважаемым в стране человеком, о чем археологи, конечно, знали. Сына его, правда, встретили как обычного студента, да и сам он не стремился выделиться. Но вдруг на раскоп зачастили работники Сургутского горкома партии, стали интересоваться условиями жизни. Обнаружив, что студенты спят на полу, очень возмутились: «Как, вам никто не дал матрацев? Надо потребовать от руководства Мостоотряда, чтобы вам немедленно их выдали!» Потом выяснилось, что в ходе текущего оперативного разговора Богомяков-отец попросил местных партработников, если будут случайно на Барсовой горе, узнать, как там его сын устроился. Это «когда будете» немедленно превратилось в приказ вышестоящего руководства, и ребятам оказывали большое внимание.

В 1975 году новоприбывших удручили новостью: одно городище разнесено бульдозерами - местным нужен был чернозем на огородах. Вот так - пришли на раскоп - а слоя уже нет, так, одни очертания. Весь сезон насмарку!

Городок, о котором идет речь, в далекой древности был, скорее всего, центром княжества, судя по мощности культурного слоя. Ведь копают археологи не только ради находок и изучают не только находки как таковые. Вырванные из контекста культурного слоя, находки обесцениваются как носители исторической информации. Полная картина того, что здесь находилось когда-то, складывается из анализа именно напластований - их цвета, формы, состава... «Трудно было ужасно, - рассказывает археолог Н.В. Федорова, - ничего не понятно! Собираю какие-то кусочки и пытаюсь понять, что я делаю? Вдруг слышу: «Наташа, у нас тут формочка детская». - «Да выбросьте, не мешайте работать!» Еще через время: «Она почему-то не вынимается». - «Сейчас все брошу и начну формочку вам вынимать!» - все же подхожу. Действительно, желтая алюминиевая формочка, с волнистыми такими краями. Начали выковыривать вместе, и вдруг вынимаем византийскую чашу, да такую тяжелую! А в ней серебряные украшения... состояние шоковое!..»

Это были одни из первых находок. В то время представление о культуре древних аборигенов края не было настолько полным, чтобы предполагать наличие здесь, в этом таежном захолустье, находок из столь отдаленных территорий, из той же Византии. Но оказывается, подобные предметы быта и роскоши могли доходить и сюда - в результате многократных торговых обменов.

«Работал у меня на раскопе один мальчик с истфака, Сережа Прибавкин, - продолжает Наталья Федоровна, - зачистки делал идеально. Но всё горевал: «Все что-то находят, когда я-то найду?» Я ему наобум: «Через десять дней». Проходит неделя, дождь зарядил, погода отвратительная. Я говорю: «Что время-то терять, пошли разбирать оставшиеся бровки (стенки между участками раскопа). Ты, ты и ты». И Прибавкин среди них, он здоровый. А он идет и ворчит: «Добрый хозяин собаку не выгонит...ну, где копать?» - «Здесь!». Он бабах лопатой - а из земли блюдо серебряное выскакивает, на ребре стояло. (Я ведь сказала - через десять дней). Прибавкин был в полубоморочном состоянии, схватил это блюдо, обнял его - и в лес! Бегаёт с ним кругами, ничего не соображает от счастья... Кто бы мог подумать, что такая находка могла скрываться на этом узком, нетронутом участке, тогда как весь основной раскоп уже завершен!

Окно в комнате, где мы жили, выходило на поселок Мостоотряда. Вот на него мы и поставили то византийское чудо. Когда приехал Стоянов, один из мэтров сибирской археологии, у него от этого чуть удар не случился: «Вы что, не понимаете, что это?!» А мы действительно не понимали, про византийское серебро тогда мало что знали».

За тридцать лет Барсова гора объединила огромное количество людей из самых разных мест. Для кого-то археология стала профессией, единственно возможным образом жизни, кто-то стал изучать историю, кому-то запомнился как опыт междурсовой практики. Но для всех слово «археология» навсегда связано с Барсовой горой.

«Люди, с которыми я там встретила, запомнились мне навсегда, - рассказывает И. Игнатьева, доктор философских наук из Великого Новгорода, участница одной из первых экспедиций. - В сетках-накомарниках, брошенных на почти голое тело (а комаров тогда было страшное количество, просто тучи, и жужжали они как майские жуки!), они поражали какой-то одержимостью делом, которое делали. Тем более, что совсем рядом велось огромное строительство, и все эти потрясающие находки нужно было спасать...Есть такая известная притча о трех строителях, которых спрашивают, что они делают. Один ответил: «Таскаю тяжелую тачку». Второй: «Зарабатываю на хлеб», а третий ответил: «Я строю Храм». Так вот, нами, первыми, наша археологическая жизнь осознавалась именно так - как служение какому-то большому делу. Это было начало всего, дружбы, сознательной жизни, того, к чему мы всегда мыслями возвращаемся».

Все вспоминают атмосферу какого-то деятельного хаоса, царившую в лагере. Но новыми были не только впечатления. С точки зрения развития профессиональных методик Барсова гора давала совершенно уникальный опыт. Конец семидесятых связан с еще одной удивительной личностью, Юрием Петровичем Чемякиным, научным сотрудником археологической лаборатории УрГУ, главным исследователем Барсовой горы и одним из самых цитируемых авторов, когда речь идет о Сибири (многочисленные ссылки, как известно, один из критериев научного авторитета). Он дорожит любым найденным материалом о Барсовой горе. Иногда коллеги даже иронизируют по поводу его... научной стяжательности, что ли, хотя это замечательная черта для ученого. Второй важный критерий - наличие хороших учеников - они у Юрия Петровича тоже есть. Некоторые из них стали и хорошими администраторами, а ведь исследования во многом зависят от наличия средств. Сам Юрий Петрович был неутомимым добытчиком. Набив карманы всякими яркими находками, он шел в администрацию и рассказывал о них так же элегантно, как это делал в свое время В.Ф. Генинг. Он методично и терпеливо убеждал всякого рода начальников в культурной значимости найденного. У его спутников порой не хватало терпения: «Уйдемте отсюда, сил нет!» - «Нет, еще один кабинет!». И добывал-таки деньги (которые вообще-то должны были быть выделены по закону), объясняя, что данные памятники трудно переоценить, ведь по своей научной значимости они находятся в одном ряду с... Московским Кремлем.

Что же касается археологических методик - один из его учеников, ныне доктор исторических наук С.Ф. Кокшаров вспоминает о том, как в 1979 году Чемякин приходил на участок, выделенный ученику «в вотчину» (он был расположен в 16 км от лагеря), и начинал отчитывать: «Это заповор, это прокопал». Кокшаров только руками разводил - не ясно было, чего добивался Чемякин. Умение «читать» землю приходит с годами, а когда оказываешься с раскопом один на один впервые...

Только теперь он осознал: Чемякин нарушал тогда все инструкции... не давая им никаких инструкций!

Вероятно, считал, что это неправильно - держать учеников около себя и консультировать их по 30-40 лет, как это делают некоторые. Чем раньше люди начнут работать самостоятельно, тем лучше для них. В 1980 году Барсова гора была уже огромным палаточным городком. Выделили улицы, пронумеровали палатки - почтальон теперь знал, где искать адресатов. Кипучая деятельность не угасала даже ночью: при свете белых ночей преподаватели мучили студентов многоразовыми попытками сдачи экзаменов по археологии. Да и сами раскопки велись в белые ночи, а бывало, что и при свете костров и бульдозерных фар, ибо утром этими же бульдозерами памятники должны были быть уничтожены...

...Археологи и студенты времен бурного нефтяного бума 70-х годов прошлого века стремились попасть в экспедицию куда-нибудь подальше, на Север. А нынче - энергия освоения иссякла, что ли, - во всяком случае, бородатый романтизм и бардовское хрипение у костра уже не в моде. Нынешние практиканты вообще не хотят никуда ехать. Они предпочитают работать в окрестностях города, чтобы вечером на электричке возвращаться домой.

Что же касается профессионалов - они называют Барсову гору археологической Меккой. Это место, где в течение трех десятилетий сотни самых разных людей проходили свои университеты, отработывали методики, расширяли круг своих научных представлений, стартовали в научной карьере и жили незабываемой жизнью экспедиций, о привязанности к которой профессиональные археологи говорят: «Барсова гора - это диагноз».

*Куклы
«нёрым ях»
из фондов Сургутского краеведческого музея*

МАЛЫЙ
ЭПОС

Виктор
КОЗЛОВ

ЗАРНИЦЫ С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН

Никто из буровиков точно не знал, как и почему произошла на этой скважине авария. Казалось, что скважина эта с зацементированными в ней трубами существовала изначально, как окружающие ее болота, озера и кедровые гривы, как принявшие ее в себя недра... «Железобетон» в скважине воспринимался всеми безропотно, как естественная преграда, как обычные осложнения вроде крепких пород, осыпей, обвалов, - куда денешься? Надо бурить - и бурят. Тем более что есть план, по которому надлежит вести работы. План утвержден самим «генералом»! Какие тут могут быть сомнения?..

Пункты плана ясны и лаконичны. Главный состоял всего из четырех слов: «освободить колонну путем обуривания...» Вот этим сборная бригада и занималась уже целый квартал. Леонида Ширяева начальник, еще не вошедший в курс дела после отпуска, попросил подменить аварийного мастера на пару дней, пока тот сдаст отчет. Прошло три дня, пять - мастер не возвращается. Ширяев по рации запрашивает: - Где аварийщик? - Уволился... - отвечают. - Сбежал к нефтяникам... - А кто ж здесь будет? - Пока вы закреплены... Прошло полмесяца. У Ширяева появилось ощущение, что он торчит здесь всю жизнь. Вахты летные. И штрафники, и энтузиасты регулярно улетают-прилетают, а он, как абориген, все время здесь. Будто в балке родился и выучился. Все бы ничего, да время идет как-то странно: одновременно

и летит, и тягуче длится. Диалектическое время: миг как вечность и вечность как миг. Разномасштабность времени осязается физически, особым чувством, словно меняющееся электростатическое поле, когда с тихим шелестом шевелятся волосы и потрескивают зеленоватые разряды... Не со сверхъестественным ли все связано? Ведь пишут же, что в Бермудском треугольнике происходит что-то с течением времени, гравитация там не в порядке, кажется. А почему бы и здесь им не быть - чудесам? Там гравитационные аномалии природные, а здесь - рукотворные. Два миллиарда тонн нефти выкачали, а это что-нибудь да значит. Вот и меняется ход времени в синие вечера. Лето стояло жаркое. Сушь кругом. Даже болота и трясины обнажили самые сокровенные свои места, аспидно-черные или, наоборот, белесые, словно в тальковой присыпке.

Где-то за горизонтом постоянно горит тайга. И торфяники начали шаять. От дыма ест глаза, першит в горле. Ветра нет. Синеватый воздух слоится, как туман в горах. К вечеру дымный воздух тяжелеет, жмет, охолодевший, к земле. Случались ночи, когда дышать было нечем, только на вышке находилось спасение.

На солнце можно смотреть, как при затмении. Вечером, когда оно, словно раздавленная клюквина, сползает за горизонт, со всех сторон начинают рдеть зарницы. Временами они поднимались, становились ярче, багровее... Казалось, на смену ушедшему солнцу вот-вот взойдут четыре фантастических светила. Потом зарницы тускнели, уменьшались. Всю ночь колыхались тревожные восходы-закаты. И только один из них, на востоке, около пяти утра разгорался все ярче и ярче, пока наконец не показывалось настоящее солнце, и тогда исчезали ночными кошмарами остальные псевдовосходы.

- А что, аварийщиком очень даже интересно работать. За одну заездку такого насмотришься, чего у другом месте за усю жизнь не побачишь! - Славик, по прозвищу «Летчик», на секунду умолк, демонстрируя в ослепительной улыбке золотую коронку. - А такую вольну жизнь ихде еще найдешь? Спим - сколь хотим, работаем - когда желанье маем... Соби хозяева!

Под черными бровями веселые карие глаза. Улыбка настоящая, не вымученная. Чуб - каштановый, густой, небрежно взбитый. Только затылок более темный, с проседью, выдает Славика. Надо же! В такую жару,

в тайге, среди одних мужиков - и в парике! Ширяев застал как-то Славика перед зеркалом. Тот испуганно отдернул руки от чуба и вспыхнул, как уличенный в постыдном деле школьник. Однако буровики никогда над ним не подтрунивали. - Да уж, спите по-богатырски! - ответил Ширяев. - Вижу. Не разбуди - к обеду подыметесь.

- Плохо, Николаич, вы о них думаете! «К обеду»! Оне и до паузна могут подушку давить, - со смехом заметил Повжик, пожилой дизелист.

У Ивана Ивановича армейская выправка, каска ему идет, вид у него командирский. Тем не менее зовут его ласково - Ваней. Встает он раньше всех - электростанцию запускает. Себя считает самым главным на буровой, ко всем относится свысока, снисходительно. От общих работ - заготовки дров, воды - уваливает под разными предлогами. Буровики за это костерят Ваню, без скидки на возраст, последними словами. Другой бы не выдержал, а с Вани - как с гуся вода.

Ваня, Славик и еще двое парней помоложе работают в аварийной бригаде постоянно и друг друга знают как облупленные.

Иван Повжик старается быть поближе к начальству, к рации: тут и сводку послушаешь, и что на других буровых делается узнаешь, и какие «пэу» идут. Каждого нового начальника Ваня прошупывает на интеллект или, как говорят бурильщики, «на тям», - по тому, как он реагирует на Ванины многозначительные реплики и тонкие комментарии. Одни, взяв у него отчет по ГСМ и заявки, бесцеремонно выпроваживают на буровую, другие, закончив связь, втянутся в разговор. Тут уж Ваня себя проявит!

В этот раз до политики не дошло, помешал бурильщик Костя, молодой крепыш с густыми усами.

Обрывистый голос электростанции перекрылся низким рокотом буровой. Ваня газанул на всю катушку - словно артподготовка началась перед новой атакой на «железобетон». Черные клубы дыма, рассеиваясь, голубели.

Утро ясное. Небо высокое, с широким горизонтом. С вышки видны все четыре факела - при дневном свете они кажутся восковыми свечами.

Вахта закончила спуск нового фреза в скважину. Ширяев подобрал режим работы, измерил ведущую квадратную штангу, сделал мелом метки и уступил место у пульта Косте. Спустился по трапу к устью скважины, проверил циркуляцию.

Поднимаясь вновь на рабочую площадку, заметил, что северный факел нещадно зачалдил – словно гигантский кальмар выпустил в небо огромное чернильное облако. Видимо, у эксплуатационников опять аварийный сброс нефти. Молодежь ушла на «хозработы». Остальные сосредоточенно смотрят на мельтешение граней квадрата, на замершую стрелу верньера индикатора веса. Все словно бы ждут чуда: а вдруг новый фрез какой-то особенный и «железобетон» спасует перед ним? Десять минут... Полчаса. Чуда не происходит: стрелка стоит как приклеенная. Славик стучит легонько по трубкам датчика: стрелка вздрагивает, а успокоившись, замирает у прежней черты.

- Ну шо там говорят? Долго скребтись будемо?..

- А тебе не усе равно? По мне так хоть усю жизнь: тяпло, гроши добры платют.

- Та я шо? Просто интерес маю. Усю скважину мисья-другий бурили, а колуемся вже шостый. И конца не видно...

- Я у конторы слыхал: колы «железобетон» разбуриш, «генерал» мильен з гаком отвалит!

- Покроют не покроют – все убытки. Не дай Бог к тому же в сторону соскользнуть – профрезеровать «окно» в колонне. Как раз ведь против пласта! Сами можем открыть не то что «окно», а дверь фонтану! Так что держать надо ухо остро!

- «Там» знают! Предупредили ба...

- Счас – позвонят тебе сюда! Вон – вуртухалка летит! Солярку ташит. Беги, отцепляй!

Ваня поправил на мужественном подбородке ремешок каски и, лихо отбив чечетку на ступеньках трапа, скатился на землю и потрусил на вертолетку. Вертолетка – двойной настил из кедрача и осины, скрепленный скобами, – располагалась, чтобы не поливать в жару, в самой трясине. К ней вела узкая лежневка, покрытая торфом, натасканным тракторами. Шоколадного цвета сухой торф прикрывал трясину, создавая иллюзию ровной площадки. Вертолетчики, впервые прилетающие на этот «ротор», как они зовут буровые, часто ставят подвеску именно сюда. И в этот раз вертолет, без обычного разворота, прицельно шел к трясине.

- «Духи» летят – без захода, – не скрывая вздоха, произнес Слава-летчик. – Их почерк.

- Да уж после Афгана к гражданским порядкам не сразу привыкнешь, по себе знаю, – заметил Костя. – Ты вот, Славка, если бы училище закончил, тоже б, поди,

сейчас где-нибудь атмосферу рассекал? Тот не отозвался.

Ваня, преодолевая воздушный поток, шел к вертолетке, где возле отбойного бревна, сжавшись в комочек, примостился тракторист Якуб. Вдруг Повжик, видимо оступившись на краю лежневки, нелепо покрутив руками, опрокинулся на спину. Все с ужасом закричали: над барахтающимся Ваней зависла многотонная емкость. Сейчас бортмеханик нажмет кнопку сброса подвески и...

По-обезьяньи жестикулируя и крича, прыгал Якуб. Слава бежал от буровой, размахивая скрещенными над головой руками.

Экипаж то ли увидел сигнал, то ли сработало шестое чувство, видимо не раз выручавшее «духов» в жарком небе Афгана, – вертолет, словно всхрипнув по-конски, осадил назад, к лежневке, и, освободившись от груза, улетел на базу в крутом вираже.

Босой, в болотной жиже, в корнях, как леший, и в неизменной каске с рельефной надписью «ТРУД», выглядел Ваня комично: как говорится, смех и грех.

- Я... как пал, встать хочу и не могу. Ноги у грази, воздушная подушка давит. А тут еще ен з емкостью. Ничего не пойму. Да шче солярка как из форсунки брызжет. Горловина пропускает, звать...

Ваня нервно смеется, словно всхлипывает. Нашли его сапоги. Отмылся он под душем из системы охлаждения дизелей. И все пошло своим чередом.

За ужином повариха выделила Ваню: на второе дала ему самый лучший кус мяса. Славик не преминул съязвить по этому поводу.

Он вообще в эту заездку озверел: каждый вечер с поварихой цапается, слезливой, предпенсионного возраста женщиной, издерганной пьяницей мужем, запросистой дочкой и вечным безденежьем. Сбила ее «спонтальгу», как она говорила, товарка, проработавшая на Севере несколько лет: «Бросай обузу, Надька, поезжай! Не покаешься. Какое там кулинарное образование! Борщ варишь? Блины печешь? Пирожки стряпаешь? Тесто заводишь?.. И хорош! Триста рублей в месяц будешь иметь... Какая зарплата? Навару! При честной работе – учти! Не вздумай переборщить!...»

Вот Михайловна методом проб и ошибок и определяла пределы «честной» работы. И в этом ей Славик невольно помогал. Варила Михайловна сносно, а стряпала однообразно: пекла одни блины, поскольку

духовка не пропекала. А всем хотелось горячих сдобных булочек и пирожков...
 - Задолбала повариха блинами! - помбур Цветков надул пухлые губы. - На нас тренируется, чтоб потом зятю угодить?.. Этот прямо нестеровский отрок с незабудковыми глазами и светлой пушистой головой мог так произнести обычные слова своим мягким гнусавым голосом, что они казались последней гадостью. При этом глаза его прояснялись: проступала в них берлинская лазурь.
 - Стараешься-стараешься... и все не угодишь... - запричитала Михайловна. - Бедный повар!..
 - Бед-ных по-ва-ров не бы-ва-ет! - ехидно отчеканил Славик.
 - А я мо-жет быть ис-клю-че-ни-е! - в тон ему ответила Михайловна. Тот даже опешил.
 - И вообще... Я давно хочу сказать! - обратилась она к Ширяеву. - К этому заезду у меня претензии. Да-да! Хватит ко мне одной предъявлять претензии. Я - повариха, да. Но у меня, между прочим, есть имя: Надежда Михайловна! А вот за этими молодчиками, - она показала в сторону Цветкова и его напарника, Глебского, - я ходить больше не буду. Если бы не тракторист Якуб - спасибо ему и поклон! - не знаю, что бы я делала. Потому ставлю ультиматум: воды и дров не будет - готовить не буду, получите сухим пайком. И тогда - не обессудьте!
 - О!.. О!.. Так их! - загоготал тампонажник. - Распустились, помбурики! Смотри, старшой, не будет кормежки по расписанию, я фыть! - и до дому.
 - Да и вы, не знаю, как звать-величать, - обратилась к нему повариха, - могли бы помочь: не больно, гляжу, заняты. Парень - кровь с молоком! Не надорвались бы...
 - А вот это уж не ваше дело! Мы теперь от вас наособицу! По договорам работаем. А там: заказчик обеспечивает теплое жилье и горячее питание три раза в сутки.
 - Может, еще сто грамм?
 - А это уж как оговорят при заключении договора. Запишут: сто грамм, пирожок и бабу - будете выставлять... Прекратив перепалку, Ширяев с нажимом поблагодарил за ужин:
 - Спасибо, Надежда Михайловна!
 - На доброе здоровье! - по-доброму отозвалась та, забыв про расчет. Проходки почти не было, счет шел на миллиметры. Ширяев сделал ловушку для металлических опилок - только они и говорили о том, что ротор крутится не зря: на забое строгаются металл.

В сероватой массе опилок сверкали золотистые блески. Буровики ахнули: золото! Но откуда? Ширяев разочаровал: бронза, из фрезы.
 И вдруг случилось чудо: за час углубились на двенадцать сантиметров! Буровики возликовали: теперь дела пойдут! А Ширяев помрачнел: еще раз отобрал пробы, долго их рассматривал. Потом остановил работу: «Добурились - дальше некуда! «Окно» в колонне прорезали. Скоро в пласт выйдем, на волю».
 - Выходит, у нас теперь, хлопцы, артель «совсем напрасный труд»?
 - Уж ты-то... за то, что ходишь в каске «ТРУД», сполна получил. Хату построил?
 - Та я ж не про то... Шо ты заводишься? Просто иной раз думаешь-подумаешь: шо мы робим? Яку пользу приносим? Хош на цей же сверловине. А у Сибири? Или усесоюзном масштабе? а? Мы всем - нефть, газ. Они нам - трубы, технику. Шоб траншеи рыть - «нитку» тянуть. А дальше - шо? Схвалили трубы у землю, технику оставили на трассе. Бо поломалась она, сносилась, у металлолом и годна. Гроши, что заробили, потратили на кроссовки, порошки, джинсы и разную резину з «хвостиком», шо воны зробили. Вот и думаю: кончится газ, нефть... кроссовки сносятся, резина используется... а дальше - шо? Как без хаты?..
 На утренней связи Ширяев доложил свои опасения главному инженеру. «Какое может быть «окно»! - кричал тот. - Проходка пошла - бури! Нечего фантазировать! Не забывай, на этой скважине не один миллион тонн запасов висит!» Ширяев пообещал первым же рейсом выслать образцы шлама, если ему на слово не верят, а работать, сказал, начнет только после получения письменного приказа.
 - Ладно, высылай! - нехотя согласился главный. - Будет тебе приказ!
 До вертолета успели поднять фрез - по характеру износа было видно, что он работал по металлу: протер колонну. Ширяев вручил бурильщику фрез, образцы шлама и в конверте, склеенном из крафтбумаги, свои соображения по дальнейшим работам.
 На смену Косте прилетел другой бурильщик - Роман.
 - Прощтрафился? - вместо приветствия обрадованно воскликнул Славик. - Вы скважину начинали, вам и...
 - Выходит, что так, - добродушно усмехнулся Роман и тут же пояснил Ширяеву: - Из отпуска я... С графиком накладка: у вас поработаю, а потом - в свою бригаду.

Роман широколиц, румян, осади́ст, от его фигуры, манеры разговаривать веет доброжелательностью.

- Как вы тут? - спрашивает обступивших земляков. - Много грибов засушили? А как рыбка - клюет? Мы зимой во-он на том озере из-под льда таскали.

- Да мы здесь как за железным занавесом - никуда не выходим! В болоте, говорят, можем увязнуть! Не пушают! - пожаловался Цветков. - Технику безопасности блюдут...

- Что ж вы с ними так неласково, а, Николаич? - упрекнул Ширяев Роман. - Болота здесь не опасные. Я все исходил. Во-он - сто пятидесятая, мы бурили. За гривкой - сто шестая. Там вон - сто тридцатая. Счас сбегая на разведку, гляну. Соскучился, Николаич, ей-Бог!

И Цветков запросился
- Все равно ж стоим. Если что, Борька один управится - насчет дров и водички. Посопровивался Ширяев внутренне малость и отпустил людей за грибами. Чуть погода и сам решил прогуляться... Шагать по мшаникам тяжело. Донимает мошка. Слабый попутный ветер не сносит ее - наоборот, прижимает. Остановишься, обернешься лицом к ветру, словно жгучую вуаль откинешь назад.

Заядлые грибки зигзагом шли. Ширяев и напрямую не мог угнаться за ними. Даже маленький Якуб, развернув раструбы болотников, спорым гномиком мельтешил впереди. «Вот лоси! - завистливо чертыхнулся Ширяев. - Как от медведя ломятся...» Он решил побродить сам по себе и крикнул путникам:

- Ребята! Чтобы к ужину - как штык! Ветерок приятно остудил лицо. Ширяев осмотрелся: до ближайшего леса было уже ближе, чем до буровой. Взглянул на часы: четверть часа и прошло-то. «В самом деле, как за колочей проволокой сидели!» Места клюквенные, но ягод не видно. Попадают прошлогоние: или засохшие, или вспухшие - надавишь, брызнет какая-то гнилая сукровица. Неприятно! Грибы тоже не попадают.

Лес издали казался сплошной стеной. Вскоре он распался на отдельные деревья. Вот уже видно, что за опушкой большая поляна, сквозь подлесок угадываются на ней громоздкие продолговатые предметы. «Да это ж никак старая буровая...» - осенило Ширяева.

Странное чувство вызывает вид заброшенных буровых! Чем-то сродни оно шемящему чувству печали на поросших бурьяном пепелищах, у развалин домашнего очага. И тут вырубка позарастала мелколесьем

и поседевшим кудрявым иван-чаем. Только в центре поляны, вокруг двух металлических емкостей, земля безжизненно черна.

Рядом с мерниками огородным пугалом возвышалась фонтанная арматура - «елка», - кто-то набросил на нее брезентовую робу и нахлобучил на макушку ведро. На мерниках остались куски укрытия, торчат трубопроводы. Тут и там обломки ферм, конструкций, бочки, пропитанные нефтью бревна, доски. В заустенье мошка совсем обнаглела, жгла лицо, уши, запястья, проникала даже в сапоги. Ширяев вышел на вертолетную площадку. Между бревен настила пробивалась березово-осиновая поросль. Веерообразно лежащие вокруг деревья напоминали место падения загадочного Тунгусского метеорита. Только ровно опиленные пеньки говорили о рукотворном происхождении вывала.

Деревья, а среди них были могучие кедры и осины, уже теряли кору, были изъедены древотосом; сквозь их поверженные кроны прорастали настырные осиннички. Обойдя вертолетку по опушке, напрыгавшись через стволы, Ширяев присел отдохнуть на приступку широчайшего пня. Срез могучего дерева был бархатисто-серый, но годовые кольца еще хорошо заметны. Леонид несколько раз принимался считать, сбивался и был потрясен результатом: в любом случае выходило, что кедровый орешек пророс еще при крепостном праве! Реликтовое дерево! На него бы табличку «Заповедный кедр», а он под бензопилу попал. Нет чтобы сместить чуточку вертолетку в сторону!

Приближался вечер: в воздухе запахло багульником, он перебил даже запах гари. Ветерок стал прохладнее. Ширяев больше не искал грибов. Так бы шел и шел. И тут что-то толкнуло его: надо обследовать мерники! Нет ли чего интересного? Монтажники часто кладут в них свою «мелочовку». А потом забывают.

Он вернулся и вышел на плотную торфяную, похожую на асфальт площадку, на которой стояли мерники. Это были стандартные емкости от циркуляционной системы объемом сорок кубометров каждая. Ни трапа, ни приставной лестницы. Пришлось применить всю сноровку, чтобы подняться наверх - больно уж были они замазучены. Емкость, на которую взобрался Ширяев, полностью забрана рифленкой, на ней обрезки труб, уголки, остатки обшивки. Другая - открыта, в ней какая-то жидкость, отсвечивающая как черный осенний лед, и в ней стайка уток, но какие-то они странные, словно в сонном царстве: замерли в разных позах, - эта - дремлет, та - пытается

взлететь, другая - ныряет. Наконец-то до него дошло. «Да это же нефть! - ужаснулся Ширяев. - Ну, испытатели! Вот варвары! Отработали пласты, а нефть не выжгли! Или нарочно оставили, чтоб потом использовать?»

Он оторвал рейку от укрытия и, балансируя ею, прошел по краю мерника до середины. Там поперек мерника была приварена широкая тавровая балка. Он встал на нее. Уток было семь пар: кряквы, свиязи, чирки, чернети, шилохвости, нырки, гоголи... Большинство, видимо, попали еще по весне: к характерному гудронному запаху выветрившейся нефти примешивался запах падали и тленья...

Когда Ширяев ступил на перекладину, две птицы - нырок-селезень и гоголиха - трепыхнулись и снова заваляли головы на спину. Они обессилели: глаза подернуты беловатой пленкой, клювы беззвучно ловят воздух.

«Дурашки! Меня не надо бояться. Я - ваш спаситель-избавитель!»

Идея ему понравилась.

«Спасу их... а гоголиха окажется заколдованной царевной... Сбросит перья она и скажет: «А бери-ка ты меня, Леонид-свет Николаевич, в жены!» Отвечу ей:

«Милая моя! Есть в Пургае у меня законная жена. Правда, сейчас она в отпуске. У дочери. А ты у меня будешь полевой женой! Согласна? Будешь сама перелетать за мной с буровой на буровую, чтобы диспетчера не засекали».

Гоголиха приоткрыла шторы на глазах, посмотрела на него и слабенько и нежно крякнула. У Ширяева мурашки по затылку пробежали: «Гли-ко, чудеса! И впрямь спасать надо...» Он протянул к ней рейку: может, догадается клювом за нее уцепиться?

«Таскали же лягушек на прутике твои родственники. В клювах. Цепляйся же, ну!»

Но утка, не поняв добрых намерений, спрятала голову под крыло. Тогда Ширяев попытался подвести рейку под утку и приподнять ее или подтолкнуть к стенке. Но нефть оказалась липкой и тягучей.

Никакая это, выдать, не нефть, а скорее всего раствор на нефтяной основе. В нем всякая всячина: синтетические жиры, окисленный битум. Он понял, что находится на сто пятидесятой скважине.

Сто пятидесятая бурилась три года назад на спецзаборе. Надсмотрщиков у нее было много, и все толкали: быстрее-быстрее! Нужен прирост «запасов». «Совмещение промышленной эксплуатации с разведкой!», «Ускоренное вовлечение приращенных запасов в народное хозяйство!»... За это

стрелять надо, ан нет! - авторам высочайшие премии и награды! Гер-рои!.. Лаур-реаты!.. Детей и внуков грабим. Осознанно, планоно, на уровне государственной политики... «План - закон, перевыполнение - честь!» После нас хоть трава не расти. И ведь не растет! Ширяев огляделся: во все стороны, на пятьдесят - сто метров, языками чернильных клякс растекались ядовито-коричневые, безжизненные торфяники, - сверху хорошо было видно. Даже неприхотливый иван-чай не пробивался сквозь болезненные струпья земли. Ни одной былинки!.. Ширяев решительно шагнул по балке, опираясь на рейку, присел, потянулся - до уток было буквально рукой подать, и... сорвался вниз!

...Дышать было трудно, грудные мышцы ныли. Дыхание у мужчин диафрагменное, у женщин - грудное... Вот в чем дело! Был бы женский тип дыхания - все полегче было бы. Диафрагмой и сейчас можно было выдохнуть, но зато вдох требовал неимоверного напряжения пресса, получался он затычным, таким, что начинало жечь в горле и стучать в висках. Стараясь дышать осторожно и экономно, Ширяев отдыхал после неудачной попытки, сумбурной с испуга, выбраться из этой тягучей, как смола, тяжелой жидкости, если ее можно так назвать.

Нестерпимо захотелось по малой нужде.

«Да, это тот случай, когда терпеть нет смысла. Что же, сэр, надо полагать, никто вас не осудит...» - с горькой иронией сказал он вслух. Вспомнился ему давнишний случай. Встретил он как-то друга на вертолете, из отпуска тот летел. И угостил от души редкостным в то время баночным пивом. Натерпевшись во время мучительно длительного полета, Леонид послал другу язвительную, как ему казалось, телеграмму: «Спасибо за пиво». При следующей встрече друг растроганно напомнил: «Ты единственный, кто хоть раз спасибо сказал. Мелочь, а приятно...» И он не стал разуверять его в заблуждении.

Оказывается, это непростое дело - пустить в штаны осознанно! - не получается, и баста: какое-то реле не сработает. Ширяев забылся - рука произвольно потянулась к ширинке и ткнулась в раствор, он оказался теплым. «Значит, воздух холодает, - уже спокойно отметил Ширяев. - Этот вар еще долго будет хранить дневное тепло...» Руки, согнутые в локтях, постепенно погружались в раствор, держать их на весу не было сил. Плечевые мышцы, отдыхая, блаженно

заныли. Зато появилось ощущение полной несвободы: казалось, его туго спеленали. Мерник был расположен почти в широтном направлении. На короткой его стороне, справа от Ширяева, солнце высвечивало узенькую полоску. Освещенный участок быстро уменьшался: нижняя кромка его на глазах поднималась. «Будто в кубок золотой наливают темное вино. Кипрское... какое кипрское! «Вермуть» тюменскую!..»

Раствор на нефтяной основе, сокращенно «рэнэо», доходил технологу до подмышек. Легкие фракции из раствора за годы улетучились, он загустел, может быть, даже полимеризовался. «Главное - не суетиться. Оценим ситуацию с точки зрения стратегической. Жизненные ресурсы: воздух, вода, пища. Воздух - не ограничен. Дышать трудно, но можно. Пища - по нулям. Но полмесяца люди терпят. Вода. Трое суток можно без нее. Если дождь будет - можно и больше. После дождика... Кстати, сегодня четверг. Завтра пятница. Смена вахт. Завтра будет не до меня. Те, кто прилетят, подумают, что я сменился. Только на Романа надежда. Он будет всю неделю. Итак, три дня можно ждать. Вот и все ресурсы на... ожидание помощи». Солнце село за горизонт. Леонид определил это по едва заметной перемене, произошедшей в небе: оно приобрело глубину, как при стереоскопическом эффекте. Замерцали звезды. Те, что поярче, казались совсем близкими, дальние - мельчали, сливаясь в светлые пятна, молочные капельки, брызги, белесые ручейки... Вот так же кто-то впервые обнаружил, что днем из колодца видны звезды. Тот, кто копал его, или тоже нечаянно упавший, как я? Избавитель! Друг и защитник уток и селезней! Глядишь, без меня принцесса пожила бы еще день-два. Впрочем, доброе дело сделал: сократил мучения заколдованным существам. О, мама миа! Кар-рамба! Какая нужда потянула меня сюда? И почему меня?.. Почему не того, кто все это сотворил?! Мастер, технолога, прораба? Разве трудно было хотя бы сжечь? В мерниках прямо в конце концов! Наверняка дело было зимой. Мастер получил команду засклазировать «рэнэо»: «Будем на другой номер вывозить». Потом другой «номер» раздумали бурить, а команду отменить забыли. Замерзший раствор не горит, не долбится - резина! Греть? Некогда! «Нулевку» - скорей-скорей! Сам «генерал» следит, начальнику руки выворачивает: «Что вы со старой

буровой возитесь, драгоценное время теряете?!» Вот начальник монтажникам и скажет: «Бросайте все к чертовой матери!» И бросили ради новых метров. «Генерала» бы сюда вместо меня. Или хотя бы за компанию... Начальника тоже. На какое-то время это развеселило его. Ширяев вспоминал и вспоминал все неприятное, что мешало ему жить. Разминая мышцы, медленно сокращая их, он незаметно развернулся на запад. Долгое время просто бездумно смотрел на закат. Краски вечернего неба как бы зазвучали, превращаясь в слова и фразы:

...Закат на оттенки богат,
на каждый - примета в народе.
Телесного цвета закат -
к какой, интересно, погоде?
Уж больно в нем нежны тона...
Румянец его золотистый,
бледнея, меняется на
какой-то тревожно-землистый.
И не уловим переход
оттенка в оттенок
и в жизни:
давно ли родился? - и вот
друзья соберутся на тризне...

Уже смеркалось. Ласково блестело рэнэо, отражая звезды. Высоко светилась Большая Медведица. Видны Кассиопея, Лебедь... Какие он еще знает? Стожары... Нет, их не видно. Может, забыл где они? Марс, Венера. Не видно, в сектор обзора не попали...

«Да, Леонид Николаевич, влип так влип. В прямом и переносном смысле. Посижу. Но не как муха на липучке! Найдут. Или сам что-нибудь придумаю. Не на морозе ведь. Бывало и похуже...» Он снова вспомнил, как однажды в пути кончилась солярка. Тракторист и механик запаниковали и ткнули пешедралом добираться до подбазы. Был страшный мороз с ветром, и надежды на успешный «вояж» было мало. Ведь сообразил же он использовать солярку из тракторного радиатора, куда ее заливали вместо антифриза. С грехом пополам, но натопили из снега воды в радиатор, а на солярке доехали до ближайшей буровой.

Вдруг ему показалось, что со стороны вертолетки кто-то идет. Он затаил дыхание, напряг слух: «Шу-х, шух... шу-х, шух...» Будто осока о болотники шуршит. Закричал громко, даже весело, с шутливой иронией: «Ау!..Тута я!.. Ту-точки!..» В ответ мелкие ветки затрещали, источник звуков быстро удалился в лес: чух-чух-чух-чух... «Что за зверь? - Ширяев так и не понял.

И рассердился: - Шляются тут всякие!» - в сердцах сплюнул. Слюна была тягучая. Очень хотелось пить.

«Странно, почему не слышно буровой? Ведь электростанция молотит! - в который раз задавался вопросом. - Или опушка леса так чисто экранирует звук? А здесь - застойная зона. Глухая. Беззвучная...

Омут...»

«И зарниц от факелов не видно...

Странно! Подожди-ка, а всегда ли они появляются? Факела горят постоянно. Это точно. А зарницы?... Ведь зарницы - это отсветы пламени на чем-то: на облаках, на клубях дыма, тумана. Зарницам нужна среда обитания. Поэтому-то в ясную ночь их практически не бывает: горизонт у факелов чуть-чуть светлеет, словно там ластиком подчистили. Так. С этим разобрались. Что еще? Ага, столбы. Над факелами иногда столбы света! Четыре огромные свечи! Только пламенем вниз. Свечка у пламени наполнена матовым светом, а выше - утолщается и постепенно меркнет. Да - стеариновые свечи.

На круглом торте, внутри которого буровая. Или... Да-да! Это прожектора! И не торт это, а огромная вертолетная площадка.

Для ночных полетов она должна подсвечиваться. Вот эти прожектора и обозначают таинственный вертодром.

К нам сюда, выходит, не только хохлы и татары могут летать, но и космические пришельцы. Фу, дорассуждался.

Чертовщина какая-то! Что-то надо делать, жжет, как огнем, съест всю промежность...»

Леонид почувствовал, как занемели мышцы ног и по всему телу забегали злые, донельзя раздраженные мураши. Лет двадцать назад ему удалили аппендицит.

«Еще бы двадцать минут - и перитонит!» - обрадовал его хирург. У него не было сил, чтобы возмутиться и сказать: «Какого же хрена двое суток крутили, шупали, передавали по дежурству один другому?»

Пришлось несколько дней лежать, не шелохнувшись, на спине. Вот тогда мураши дали ему прикурить! Будто натурально бегают по спине желтые древесные муравьи...

«Ну по-че-му, по-че-му я-я-я!.. - он даже закричал зубами, напрягся, завертел плечами, помогая рукам вырваться из плена. - Что за жизнь! Что за судьба! Кто-то выигрывает в лотерею, в спортлото, а я - я только влипаю во что-нибудь!» Он развел руки в стороны, пытаясь вытереть ладони о липкую и без того куртку.

Отодрал один от другого пальцы. Помахал руками над головой, испытывая иллюзорное чувство свободы. Коснулся

пальцами балки. Делов-то вроде: чуть подпрыгнуть, ухватиться как следует, подтянуться на руках, рывком закинуть за балку ногу и - на свободе! Гуляй на все четыре стороны!..

«Эх, росточка сантиметра четыре бы прибавить! Давно бы выбрался, смыл соляркою эту «мазуту» и гулял!.. Не зря поется: «Я столько в жизни потерял все оттого, что ростом мал...» Бабы не дуры, когда заказывают: «...рост не ниже 180 см». Все предусматривают. И такие ситуации. Конечно, ихние молодцы нигде не увязнут. Особенно в такой параше...»

Он снова, с усилием, кончиками пальцев ухватился за балку, затратив на это несколько минут. Устал так, что забухало в ушах.

«Нет, это напрасная трата сил, - решил он. - Надо менять тактику. Активное

ожидание. С минимальной тратой сил.

За балку без рывка не ухватиться: слишком широка полка, надо заводить ладонь. Так?

Так. У борта уголок. Максимум пятидесятник. Пусть даже сотка! Так? Так! Это у-же ко-е-что! Это уже хо-ро-шо! Ухватиться же

можно будет! А ухватившись - выбраться. Теперь задача: добраться до борта!»

Ширяев переместил центр тяжести на левую ногу. Легко сказать: переместил! Уперся правой и стал ждать, подается ли тягучая среда. И перестарался: стал падать.

Пытаясь восстановить равновесие, изогнулся так, что стало больно позвоночник. Свободными были только плечи, остальная часть корпуса находилась в «корсете».

Но тем не менее ему удалось удержать равновесие, и теперь, опираясь на пятку, Ширяев мог подтянуть другую ногу.

Учитывая опыт первого шага, он решил сначала выставить ногу, а затем, боком, перемещать корпус. Дело это было тягостное и утомительное. Во время отдыха наступала апатия, хотелось спать, голова непроизвольно падала на грудь, как у той уточки, которую он хотел спасти. В минуты забыться ноги подгибались, и он чуть не по плечи погружался в рэнэо.

Один раз даже окнул подбородок.

Очнувшись, вдруг обнаружил, что темнота стала сероватой. Перемена погоды?

Облачность? Туман или дым? Или присмотрелся?

Когда он добрался наконец до стенки мерника и оперся о нее, зарницы разыгрались уже вовсю, их блики отражались даже в черном лаке рэнэо - тяжело, зловеще, кроваво, словно в бычьем глазу.

Решив, что отдохнул достаточно, Ширяев крепко ухватился за борт мерника и стал

подтягиваться...

В школе и институте Леонид спортом не занимался. Но зачеты по физкультуре сдавал нормально. Преподаватель советовал борьбу, штангу. Он попробовал, но бросил: дурная работа! Находились у них спортсмены: на тренировках тонны ворочают, а как до сельхозработ - баклуши бьют, у костра оттираются: печенки с молочком дармовым кушают, над ним, дурачком, потешаются: «Леня! За того парня еще не забудь мешочек!» И сейчас он не считал зазорным помочь такелажникам бочку закинуть в вертолет, на буровой подменить бурильщика. А уж про субботники говорить нечего! И еще: везде, где ни приходилось жить, сажал на пустырях, без всяких призывов и кампаний, деревья. Рука у него была легкой: даже кедры и елки приживались. А секрет прост: ямы копал глубокие, деревца приносил из лесу с огромным пластом дерна; коленки трусились от тяжести, а не сбросишь - земля осыплется, корни обнажатся, осушливого воздуха хлебнут. Вот и росли деревья безболезненно, радуясь простору и солнцу! Куда с ними тягаться тем «хвостикам», приткнутым в мелкие лунки во время озеленительных кампаний.

«Еще...еще...чуть-чуть...чу-ть! -приказывал своим мышцам Ширяев. - Е-еш-ше!.. Самую ма-лость! Еще минутку-две!.. Только бы локти закинуть за край мерника!.. Только бы локти завести... Н-ну-у... ээ-ээ-х!» С какой легкостью, бывало, подтягивался он на турнике! И десять... и двадцать, а надо - на спор! - и тридцать! А сейчас - только единственный раз и надо-то! Бесконечно долго, сантиметр за сантиметром вызволял он свое тело из липкого плена. И вот, когда подбородок уже цеплялся за холодный край емкости, когда оставалось резким движением вскинуть локти, бесчувственные пальцы разжались, и он стал оседать... «Выпадать в осадок!» - с горькой иронией прокомментировал он свою неудачу. Руки онемели, суставы аж мозжат. А рэнэо уже вновь засасывало его с поцелуйным причмоком...

Положение усугубилось. Пока он подтягивался, рубашка и майка выбились из-под ремня, и при вторичном погружении он ощутил раствор поясной. «Залипаю все больше! - произнес вслух. - Еще внутрь наглотаться, можно не беспокоиться: не сгнию, буду, как мумия, забальзамирован». Он почувствовал страшную усталость.

Пришло безразличие.

Он как-то враз очнулся от забывья.

«Прошу прощения... прошу прощения...» - остатки каких-то повинных мыслей таяли в сознании.

«А кто у меня попросит прощения? Хотя бы за эту западню? И вообще, кто скажет мне спасибо за все мои труды, стойкость в лишениях? Да и зачем мне это надо: не скажут и не скажут, делов-то! Вот мама... Ей и так несладко. Нет, мама, я не огорчу тебя! Я не допущу, чтобы ты, оставаясь одна в квартире, разговаривала с моей фотокарточкой, как с отцовской. Жене тоже не причину страданий. Я выберусь. Выберусь, хотя бы для этого пришлось вылезти из собственной кожи! Стоп!..» Его словно током пронзило: «А не из собственной кожи, так из одежды! Из о-де-жды!.. Из одежды!.. Дурак! как раньше не сообразил? Когда еще силы были свежие? Дело техники! Расстегнуться: ремень, замок на брюках. Руки из рукавов куртки вытащить - самое сложное! Отдыхимся и за дело. Только сейчас уж - чтоб наверняка!»

Из одежды на Ширяеве остался один носок, пропитавшийся рэнэо.

Он уже мало-мальски отдышался и критически, внутренним зрением, оглядывал себя со стороны. Сейчас можно было и поиронизировать над собой! Когда-то он лечил радикулит - вот так же его тогда вымазали лечебной грязью и запеленали. Так же потом тянуло кожу и было холодно в очереди к горячему душу. Эх, сейчас бы тоже неплохо встать под горячий санаторный душ! Впрочем, такую «мазуту» простым душем не смыть. В детстве, классе в шестом, купаясь на Белой, он залез на плот и отдыхал на толстенной осклизлой пихте, пока его не прогнал сердитый бабай-плотогон: «Киттала, малай!» Потом все шпанята со смеху полегли: «Негра!.. - визжали они, показывая на него пальцами. - Тарзан!»... Оказалось, что вся грудь и подбородок в мазуте... Вода и песок оказались слабым средством, пришлось керосином оттираться... «Да... Немало придется извести солярочки, чтобы принять человеческий облик...» Леонид встал на подрагивающие ноги, придерживаясь за показавшуюся теплой стенку мерника. Голова кружилась. В висках били звонко. «Как будто по бильярдному шару вставили: временами они соударяются, разбегаются и сходятся снова...» Внутри все тряслось мелко-мелко... «Нич-чего! Как врежу студенческой рысью!

А кто встретится, спрошу: наши тут не пробегали? Согреюсь! Только сообразить: в какую сторону двигаться? Темень и зарницы со всех сторон одинаковые! Где оно, мое нерукотворное светило?... Он стал вспоминать: как шел сюда, с какой стороны заходил на вырубку. И ничего не мог сообразить: его внутренний компас как бы залип! Он крутился в темно-серой тьме, всматривался до рези в глазах в зарницы - ему нужно было идти в сторону одной из них, но в какую? Хоть бы что-то характерное выглядеть! Задира голову вверх: хоть бы звездочка проклюнулась какая? Может, это наваждение такое? Разбалансировка пространства? Силы тяжести?

У него закружилась голова, и он упал. Вскоре сел поудобнее и стал разминать мышцы по очереди, растирание не получалось - волосы липли к рукам, боль была нестерпимая. Попытался вспомнить, как делается аутогенная установка. Почувствовав, что онемение мышц проходит, встал, попрыгал, размахивая руками, побоксировал с темнотой, поприседал. И вместе с теплом стало возвращаться к нему внутреннее спокойствие. В какой-то момент он ощутил, как что-то шевельнулось в нем, будто вздрогнула невидимая стрелка сложного прибора, завешанного ему чередой предков в процессе эволюции - чтобы он мог определить свое место во времени и пространстве...

Тюмень. 1989

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЛЕТО

- Молодой человек! Вы не ошиблись, взяв направление в Тюменское геологическое управление: перед вами блестящие перспективы!

Низкорослый мужчина расхаживал по толстому ковру, взглядывая на меня на поворотах, и низким голосом значительного человека неторопливо рисовал перспективу. Я был польщен вниманием главного инженера к своей особе.

- Главная опасность, которая ожидает молодого человека на Севере, - это не падкие на буровиков местные невесты, хотя - да, да, не улыбайтесь - существует и такая опасность. Все же главная - скука. Свободное время! Безделье!.. И, как следствие, употребление алкоголя. Бойтесь алкоголя, молодой человек! Только он способен сломить буровика, лишить

перспективы...

Я не мог удержат улыбки.

- Не усмехайтесь: «Все это мне не грозит!»

- понял мои мысли главный инженер. - Каждый так думает. Но я бы не стал отнимать времени ни у вас, ни у себя, если бы не имел для этого достаточных оснований. Поэтому мой настоятельный совет: не позволяйте себе скучать. Работайте! Занимайтесь охотой, рыбалкой, ремеслом, чтением... Стихи пишите, в конце концов, только не скучайте! И тогда вас ждет счастливое будущее. А теперь позвольте узнать, куда бы вы хотели поехать? Вы, так сказать, первый слеток в этом году, и у вас право выбора...

Шел июль 1961 года, и выбор был небогат: Березово, Шаим, Сургут. «Зергут»?..

И я решился: в Сургутскую экспедицию!

Какими жалкими показались мне строения Сургута, притулившегося в излучине свинцово-серой Оби. Смурно и тревожно стало на сердце, когда поплавки гидросамолета коснулись зыбкой воды и затрясло, как на телеге, едущей по вспаханному полю. Попутчики мои прильнули к затуманившимся иллюминаторам. Не река - море! Что тот берег, что другой - далеко-далеко!

Причалились к «бочке» и долго ждали, пока нас отправят на берег.

В экспедиции еще раз пришлось заполнять личное дело, отвечать на десятки вопросов.

- Привыкай! Без бумажки ты букашка, а с бумажкой - человек! - утешает меня очередной кадровик и выдает новое направление: помощником бурильщика в Усть-Балыкскую партию глубокого бурения. - База у них в Пиму. Туда летит гидроплан с начальником Бочаровым. Караульте его и летите...

Мои попутчики - два хлопца «з Донбассу»: по-взрослому серьезный Грицько Синенко и шаловливый Павло Беседа. Дружат они со школы, закончили техучилище и - вместо Крыма - сорвались в самоволку в Тюмень. «А так - долю пошукать! - объясняет Павло. - Мир побачить, пока свободен, як птица!» От высокопарности сравнения ему смешно, улыбка его белозуба, весела, заразительна...

Знал я, что Россия необъятна, знал, что есть Сибирь в ней и тайга - белые неведомые пятна, белая упругая пурга... Напрягал свое воображение, только видел всю ее такой: белых яблонь майское круженье

и метель черемух за рекой,
города в узорном обрамленьи
спутников, поселков, деревень.
И поля - вблизи и в отдаленье -
золотом заполненные вскленъ.
Да дороги в шумных перелесках,
где ночуют встречные ветра...
И конечно, что-нибудь довеском
виделось из нашего двора...
Но в душе с неясною тревогой
вспыхнуло желанье посмотреть
ту Сибирь и самому потрогать
и своим дыханием согреть...

- О! Точно: пощупать самому и - хы! хы! -
согреть дыханием. Кто ж таки вирши
написал? Словно мысли мои разгадал!
Я пожал плечами.

В дороге мы уже целую неделю, и не
предвидится, когда будем на месте.
В Пиму нас встретили неласково: выдали
спецодежду и послали на заготовку сена.
Тут лошади есть: действует так называемая
«веревочка» - что-то вроде ямской почты.
- Ямщик, не гони лошаде-ей!.. - дурачится
Павло. - Зимой, гляди, прокатимся
по тракту на тройке... С бубенчиками!
Дзинь-дзинь!..

Поселок Пим - несколько приземистых
строений барачного типа и пяток вросших
в землю маленьких, словно из спичек,
брусчатых домиков со странным
названием «балок»...

Берега у Оби низкие, торфянистые.
Вокруг лес - темный, сырой: ель, кедр, осина...
Черная тайга. Заросли багульника. Горелый валежник. Комаров -
не продохнуть... Неуютно.

К нашей радости, пришла новая команда:
ехать дальше, через Усть-Балык в Ярсомово.
В Усть-Балык идет катер с вахтой,
крохотное суденышко. Буровики лежат
на палубе, в трюме около движка. Они
уговорили моториста проскочить
по Сингапайской протоке: ближе, да и волна
на Оби. Ребрами высвечивают в протоке
отмели. Спасают водометные рули:
покрутившись на одном месте, взбаламутив
воду, катер снова устремляется вперед
по извилистому руслу, распластав до самых
берегов коричневые, с белым пенным
подпушком крылья...

Но вот сели основательно: водяную помпу
забили песком, двигатель перегрелся.

- Станция Березай, кому надо - вылезай!

- Приехали...

Один парень, в охотничьих сапогах и ружьем
на шее, спрыгнул в воду.

- Э-э... да здесь по... пройдешь и не замочишь...

Буровики начали прикидывать:

- Пехом-то - не быстрее ли?..

Вернулся «десантник»:

- Мужики! Юганская Обь рядом -
прорываться надо, мель-то - пяток метров.

А по берегу - телепать да телепать!

- Ладно сказать - прорываться. А как?

- Развернем и - как монитором!

- Удержишь его...

- Пробовать надо!

Раздеваются буровики аккуратно, как
в бане. Кожа у всех ослепительно белая.
Видимо, никто не был в отпуске.

Вода чертовски холодна. А тут еще
отраженной струей песок из-под ног
вымывает - бульк с головкой в пульпу
и в сторону, как мальки.

Все же шаг за шагом, под дружное «ура!»
мы вытолкнули катер из
«Сингапайканала»...

- Как, Пашка, Сибирь-то?.. Поди, каешься,
что в Крым не проданся?

- Тю... хйба мы холодной воды не бачили?..

- Вода водой, - не отстает пожилой
пембур, - а вот как наживешь здесь
ревматизм?.. Радикулит - эт-т само собой,
а вот писторхоз ишшо есть... не слыхал?
Эт-т когда в печенке червяки заводятся,
навроде мормышки. Только вот рыба кака
на нее берет - ученые пока не определились...

- Тю-ю, дядько, це - мелочи...

- Да и нос отморозишь.

- Нос? .. - Павло косит глаза на кончик
посиневшего носа, прыскает: - Что е то е!
Мороза мой нос не любит!

- Ну шо ты пристал к хлопцу, - заступаются
за него, - да он из меховушки футлярчик
приспособит - мороз и не проймет!

Между тем уже за полдень. Буровики
развязывают «торбазки». У одного,
хозяйственного, даже ведро с молоком.

Окликают и нас:

- Эй, хохлы! Сала хотите?..

Павло оборачивается, вроде бы
непонимающе спрашивает:

- Шо вы казали?..

Все смеются. Добродушно уговаривают:

- Давайте, заправляйтесь. Не тушуйтесь:

ешьте! С сытым брюхом и холод не страшен.

А Сибири не бойтесь: люди в Сибири

испокон живут - не тужат...

Согревалось озябшее тело, да и на душе
потеплело.

Собственно, Усть-Балыка как поселка
нефтеразведчиков еще не было: между
остатками древней деревушки и буровой
Р-62, там, где бор выходил к самому
берегу Юганской Оби, стояло несколько
палаток и балков; груженная пиломатериалом
баржа напоминала о будущем поселке. На
гриве, с краю, бор уже неровно вырублен -

словно неумелая рука выхватила из густой шевелюры клочок волос тупыми ножницами. В палатках живут плотники и подсобники. Они выгружают баржу и валят лес, корчуют вырубку, дерут мох. Работами руководит пожилой слесарь, временно назначенный прорабом. Нас он встретил приветливо, свозил в старый поселок на рыбацком неводнике с одноцилиндровым движком - «крикуном». Посмеиваясь в толстые усы, густым баритоном он улешал нас:

- Счас, хлопцы, решим продовольственную программу, потом жилищной займемся. До коммунизму у нас далековато, но с голоду не подохнете, под открытым небом ночевать не будете.

В полуразвалившейся избушке размешался магазин с чудной вывеской: «мыр-лавка». У хлопцев «грошей» было «нема». На мою «заначку» купили тушенки, сгущенки и несколько буханок черного - военного образца - тяжелого хлеба.

Поселил нас прораб в дошатую баню-временянку. Казалось, весь гнус слетался к нам: звон стоял натуральный! Пологов не было. Мы с головой забирались в спальники. Стоило, забывшись, высунуть наружу распаренное лицо - сотни кровопийц тут же впивались в него. И только вечерами, перед заходом солнца, когда от реки несло прохладой, комары затихали. «К ночному штурму готовятся!» - чертыхается Павло.

Мы сидим у костра со строителями. Они недавно из Ярсомово - разбирали там дома, здесь их будут собирать.

- Дураки вы, робя! - говорит нам красивый увальень. - Все отшель бегут, а вы - туды. Пра, дураки... Магазина тама нету -чо лопать будяте? Мы с голодухи чуть не подошли... Ей-бо, пра... Муки хучь берите - лепехи печь... Говорит он горячо, сбивчиво, но искренне, смотрит сочувственно. Другие слушают молча, изредка смачно сплевывают в огонь. Докурив самокрутки, швыряют окурки в огонь и уходят в палатки, где у каждого свой ситцевый полог. Расходимся и мы. Укладываемся с затаенной надеждой: может, сегодня у гнуса выходной? Август уже - то-то ночи и темны.

Электростанции у строителей нет. Палатки и баня сливаются с берегом. И только вдали светится буровая. Слышится характерный свист воздуха, рев дизелей и гromыхание стальных труб.

Наконец, в одно из «завтра» пришла самоходка «Кеть», мы закатали двадцать бочек машинного масла и дизтоплива и «вышли» из Усть-Балыка... Долго еще виднелся ажурный силуэт вышки на фоне высокого вечернего неба и еще долго

сопровождал нас, то приближаясь, то удаляясь, приглушенный рокот буровой, похожий на гул тетеревиного тока...

Ярсомовский участок ликвидировался. Для освоения скважины оставлены две вахты, остальной народ на Большой земле, в отпусках, витаминами запасается, смутное время переживает; с места не тронулись три-четыре семейства.

Неуютно в поселке: костры из бревен, теса, кучи закопченного кирпича, темнеют воронки обрушившихся подполий. Брошенные вещи, битая посуда, незамысловатые детские игрушки.

Вразброс стоят несколько домов, окна их поблескивают неприветливо, растерянно. Мужское население поселка в свободное время собирается в нашей просторной избе, где стоят три койки со спальниками, чисто выскобленный стол, пара скамеек. Мы, как школьники в середине сентября, уже свыклись с новой обстановкой, новыми соседями и жадно впитываем в себя новые знания, обучаемся с интересом, каждая мелочь западает в память...

Спуск бурильных труб в скважину... Сто пятьдесят свечей! Вроде бы монотоннее работы и не придумаешь - ан нет!

Движения-то какие разнообразные: тут тебе и фехтование, и бокс, и тяжелая атлетика! Рок-н-ролл!.. Танцплощадка!.. Упор на левую... Выпад вправо... приседание... пируэт... прыжок... А музыкальное сопровождение?! Все духовые.

Электроорган! Скрипки!! И вдруг - вахта кончилась. Так быстро? Как у счастливичков?..

Возбуждение, словно от глотка шампанского, проходит. Тело наливается заметной усталостью. Сами собой появляются строчки про труд буровика:

В урмани дизели урчат.
Лебедек цепи лязгают.
А он - всем телом на рычаг!..
Увидеть можно разное
в его фигуре налитой:
одни увидят грацию,
а я - что нужно нам с тобой
внедрять механизацию.

На практике, в Альметьевске, в Туймазах, приходилось работать электроключами, на одной буровой даже автомат для установки свечей действовал. А здесь... стыдно сказать, тросиком наворачиваем резьбы, упираясь при этом, как козлы. Когда он, технический прогресс, в Сибирь придет?..

В культбудке приглушенный говор. Кто-то анекдот рассказывает. Вахту мы передали.

Ждем, когда бурильщик Гордеич буровой журнал заполнит. У нас есть свежая - «хлебная» - «Аврора» фабрики Урицкого. Курим со вкусом. Смотрим в глаза друг другу - никто взгляда не ответит. Молчание связывает нас, тишина эта не тягостна, наоборот, полна глубокого смысла, в это время, мне кажется, мы общаемся где-то на уровне подсознания... Обед готовим по очереди. Грицько занимается этим делом обстоятельно и с удовольствием. Павло стряпает что-нибудь на скорую руку или вообще норовит увильнуть: «Гриць, будь ласка, сготовь. Шо-то руши болят...» Зато на охоту или рыбалку готов он иди в любое время. Едим мы здесь царские блюда: утичий!.. Разнообразим окуневой ушкой, утиной похлебкой, грибным супом... Охота и рыбалка здесь... неинтересные. За дичью ходишь как в курятник, окуней тоже таскаешь, как из садка. Мы с Павлом добываем дичь и рыбу, Грицько потрошит, «скупбит» - по-здешнему. Иногда он бунтует, приходится соседку просить - расчет добычей. Охотимся мы каждый день, даже после утренней вахты - хоть вдоль Югана или в сосняке у хантыйских зимников - да пробежимся. Кирзачи через месяц каши запросили. Привязался к нам старый рыжий пес, брошенный хозяевами. Он глух и слеповат, «работает» только по нюху, часто подводит нас, но облаивает дичь умно. Но одной охотой мы не прожили бы. В первый день, как приехали, выдала нам Наталья, жена инженера Егорова, со своего подотчета полмешка муки, масла, сахару, сгущенки, сигарет, индийского чаю... И все - бесплатно! Под запись. Чудно показалось! Больше всего мы были поражены долговой книгой, куда все это записывалось. Наталья, крупная смуглая женщина, громкоголосая, с копной жестких волос оказалась сердобольной. Она посоветовала нам «подкатиться» к старшему дизелисту Маслюкову. «У него корова. Доит самолично. Может, раздобьется?.. Остается ж... Творог делает. А насчет хлеба... - она вздохнула, - я бы с удовольствием... да не стряпуха я - есть не будете. У меня Петр Егорыч - и тот нос воротит. Вы вот что: попытайте бабку Гротику. Дам я вам сухих дрожжей - с дрожжами-то, может, возьмется...» Пашке досталось уламливать Маслюкова, мне - иди к Гротихе. Миссии наши увенчались успехом. С тех пор Павло ходил за молоком, я - за хлебом. Хлебы пекла теща слесаря Пети Гротэне -

бабка Гротики - в печи, стоящей на улице. Сказочным веяло от дымящейся печи и колдовавшей вокруг него согбенной старухи с молодыми зелеными глазами. Еще шагов за двадцать Гротики начинает причитать: «Проголодались мои хлопчики... Хлеба им надоти... Счас... счас... Сымем горяченького... С пылу-жару... С поду... Богу в угоду... животу в поправку». Мне весело, вспоминается детство: вот так встречали хозяйки возвращавшихся с лугов телят - добродушным речитативом и горбушкой хлеба посоленного... Принимаю из рук Гротики фанеру с хлебом, прикрытым шитым полотенцем, несусь осторожно, боком чувствуя хлебное тепло, и наслаждаюсь бесподобным хлебным духом. Что это был за хлеб! Режешь буханку Гротикиного хлеба - ломти сами отскакивают в сторону. В чем секрет был: в муке ли, в мастерстве ли - только не черствел этот хлеб, и через три дня был как сегодняшний... Эх, во всем бы да и всем - такое умение! Ярсомово совсем свое, будто век тут и жили: всех знаем, нас тоже ни с кем не путают. Работаем в вахте Анищенко, попросту Гордеича. Высокий, широкоплечий. Лицо продолговатое, в оспинках. В маленьких, коричневых, что кедровые орешки, глазках золотые рыбки высверкивают чешуйкой. Ни разу голоса не повысил, хотя у нас не все сразу получается. Больше того. Другой раз устанешь, сил нет, готов язык на плечо закинуть. А тут слышишь - кто-то напевает про себя: «Люблю повеселиться - мешочки потаскать». И бегом мимо тебя с мешочками под мышками - а мешочки с цементом, по пятьдесят кг! А дождь, глина под ногами чавкает, вода за шиворот течет - поневоле нос виснет. «Хлебом не корми - дай под дождиком поробить!..» - Гордеич обгоняет. Тут и встряхнешься, как бы другими глазами оглянешься: «А и в самом деле - славно-то как!..» - и дыхание второе появится... Да и все остальные рабочие - благожелательны, открыты: объяснят, покажут. Друг к другу уважительны, нас тоже величают по отчеству. Обязанности шефа исполняет у нас инженер Егоров. Волжанин, из Куйбышева. «Самарец» - с гордостью зовет мужа Наталья. Нам «самарец» не по душе: педант, в бумажках копается, дрожит: как бы чего не вышло. Заметил как-то: бурильщик Павла на таях поднимал на верхний балкон вышки, - что тут было! Сразу инструктаж: здесь распишись, здесь... Со мной казус произошел: зацепился я подвернутым рукавом брезентухи за элеватор, не успел моргнуть - уже под полатями... До сих пор

пуговицы пришиваю основательно: расстегнись тогда роба - костей бы не собрал. Егорова пошадил, промолчали. Его и понять можно: чем еще заняться? Вот и бдит. Ходит он слегка переваливаясь, штаны - от местной портихи, с провисающей мотней, как у старого гуся гузка, да он и есть старый гусак: постоянно шипит, гогочет! Вечно в клубах дыма: «беломорину» не выпускает из рта, от никотина крупные зубы пожелтели.

Незабываемое, необыкновенное время катилось!.. Долгое, счастливое времечко!.. Чем-то живоотно-бездумное, восторженное. Иной раз такое было желание взбрыкнуть молодым жеребенком, зазвенеть колокольчиком и помчаться, не разбирая дороги!..

Вместе с тем приходило и спокойное чувство уверенности, своей значимости. Работа наша становилась слаженной, движения четче, целесообразнее. Берясь за какую-нибудь незнакомую работу, мы не отчаивались, если она не получалась, - знали, что вот-вот наступит тот чудесный миг, когда ты поймешь тайну мастерства, перешагнешь невидимый порог, который отделяет мастера от неумехи, умельца от робота; мы уяснили: чтобы найти «изюминку» в любом деле - надо хорошо потрудиться. К тайге тоже привыкали, постигали ее законы: будь приметливым, сторожким, предусмотрительным, чувствуй себя хозяином в хорошем смысле.

В конце сентября после вахты, как обычно, побегал на охоту. Было пасмурно, тихо - «морочно». Даже ронжи нет - словно вымерло все. За зимовьем, где в ненастную погоду в кронах прячутся косачи, тетерки, с волнующим шумом выпархивающие сзади тебя, пугая, - и там пусто.

Покрутившись, я повернул было к дому... и фыр-р! - копалуха!.. Их я обычно не бил, а тут азарт взял: попер за ней! Подкрадусь, ложусь на прицел взять - снимается... Опять выслеживаю...

Опомнись, когда уж не разглядишь: копалуха или только блазнится? лапа густая!.. Вокруг чапыжник мелкий, болото огромное впереди. Куда идти? Вроде внутреннее чувство говорит, что надо идти через болото, но как пересек его, преследуя хитрую птицу, не припомню.

«Не до этого было, - успокаиваю себя, - вот и не заметишь. Пересеку болото и к зимнику выйду». По мшанику тяжело идти, ноги высоко закидывать надо. Вскоре выдохся, остановился передохнуть. Вдруг над самым горизонтом серый полог туч приподнялся и проглянула под ним узенькая золотистая

полоска заката... Я был ошарашен: куда ж я иду - на запад! Мне в обратную сторону надобно. Выходит, леший меня закружил!.. Но интуиция говорит, что шел я правильно. А как быть с фактом: вот она, вечерняя заря. Против фактов не попрешь! И - ноги в руки, бегом от зари... Места становятся все незнакомее: мягче мшаник, мельче сосенки, реже гривки. Выбрал деревце покрупнее, вскарабкался с грехом пополам, чтоб оглядеться: не мелькнут ли огоньки нашей вышки, все же пятьдесят три метра! Ни проблеска! Скучно стало. А как вспомнил карту: вокруг Ярсомово сплошь синие-зеленые цвета с черточками - болота! - растерянность охватила, страх окатил липким потом. Выстрелил вверх - звук слаб и беспомошен, эхо даже не откликнулось... Только пламя багрово осветило ближайшие сосенки. В ушах шумит: то ли кровь, то ли ветерок верховой шелохнулся? Тихо. Темно.

«Все! - сказал себе твердо. - Надо устраиваться на ночлег: набрать сучьев для костра. Отдохнуть. Обильное - завтра. Может, солнышко появится».

Выбрал место посуше. На ошупь насобирал хвороста. Незаметно успокоился. Хорошо, бросив курить, ношу спички - разжег костер. Прижался спиной к деревцу.

«Эх, перекусить бы чего да закурить!..» Так и задремал. Однако холодно: просыпаюсь каждые полчаса, дров подброшу в огонь и снова забудусь... Сны не сны, виденья не виденья. Встрепенешься: «Где это я?.. Тайга какая-то... костер... Что за чертовщина снится... мама, почему не будишь меня? Опять на экзамен просплю... а знаешь как сдавать у доцента на квартире? Плохо!.. Если он к тому же занимается стиркой... и вообще... Милая! Уже семьдесят дней, как мы расстались... не вижу тебя и не слышу... ни строчки от тебя... и зачем я здесь?.. Проклятый гонор!.. Почему не остался дома?.. Говорят, здесь змеи водятся? Сам же видел: через Юган плыла... Александр Иванович прав: у меня аналитический склад ума... Амбар! Ха-ха!.. Склад... Статью в «Вестнике» опубликуют, нет? Бр-р... Одевало короткое какое... детское?.. Как там хлопцы... Где я?.. Сбросил остатки сна: светает уже... Осмотрелся: ровно светает, со всех сторон ровнехонько. Пошарил в карманах - крошки хлеба в табачной пыли, те, что покрупнее, обдул и съел. На завтрак. А на обед что? Патроны пересчитал: двенадцать штук и еще жакан. Это кое-что значит, жить можно! Как-то получалось так, что я раньше никогда не бывал один. Иной раз хотелось, да не получалось. Меня всегда окружали

люди, и я не замечал: как же это хорошо! Даже в послевоенной школе можно было любому парню сказать: «Эй, чо ешь? Ухмырни!» - и редкий жадюга пробурчит в ответ: «Сорок один - ем один...» А уж про закутить и говорить нечего: никто не откажет, чинариком поделится. А вот сейчас - ухмырни, попробуй... Ладно, эмоции в сторону! Что говорит внутренний голос? Сравни со вчерашней меткой. Совпадает? Это хо-ро-шо-о! Раздвоения личности нет. Все остальное - дело техники: ищем ложбинку, ручеек - они и выведут к Югану. Хорошо бы сосну настоящую найти: по коре или кроне можно определиться. Для начала решил сделать рекогносцировку. А чтоб не потерять место ночлега, развел дымный костер - и вокруг него по спирали пошел. «По Архимедовой спирали!» Никаких примет. Вернулся, затоптал огонь и - вперед: птицы вон из каких краев находят путь домой, а я чем хуже? По интуиции! Говорят, в густом лесу забирают вправо. Учтем. Внесем поправку. На болоте - по ориентиру. Произведем штурманский расчет. Вчера я шел не более четырех часов. Это десять - двенадцать км. Сейчас у меня скорость будет больше. Значит, часа через три, по идее, я должен выйти к зимнику... Ох уж эта самонадеянность!.. Вроде знакомые места поблазняются, приблизишься - не то! Снова продираешься через чапыжник, сквозь заросли багульника... Только к вечеру подобие ложбинки попало. Пошел вдоль нее: может, к ручью выведет?.. Много раз терял ее и снова находил, - явственнее становилась она, уже бочажки появились, маленькие, с ладошку. Дальше больше: в цепочку они свиваются, а вот уж и ручеек... Радость и у меня стала родничком всплывать: живем, Витя! Ручеек он к Югану выведет! Вот уж и бережок прорисовывается. Тряхнул чахленькую березку - остальные листочки пали изнанкой на черную воду, ветку-хворостинку кинул, понаблюдал - плывут! Теченье есть! Сейчас включу «петушка» и к Югану! Одна беда - сумерки. А вот и темь сплошь: глаз выколи - не видно. Спичку зажжешь - тайга причудливая, страшная... Вверх пальнешь - звук глохнет. Шаг сделаешь - на дерево наткнешься, а то и в яму угодишь. Вдруг впереди проблеснуло что-то. Свет? Рысьи глаза? Или вода? Может, Юган?.. Он! Он, родимый. Попил я водицы. Стал соображать, куда теперь - вверх или вниз? Вспомнил физику: эхолот! Выстрелил над водой -

на мгновенье осветилась сонная вода, а гул покотился в обе стороны, быстро удаляясь. Секунд через десять справа, с верховий, звук стал усиливаться, вот уж совсем рядом словно поезд прогрохотал, следом за ним приблизился гул слева, но более приглушенный, сглаженный. И пошло гулять отдаленными перекатами эхо выстрела, вырисовывая каждый изгиб реки. Я мысленно сопоставил «эхологию» с контурами реки на карте, пытаюсь определиться: где я, выше или ниже буровой? Выходило, что я нахожусь в районе летней стоянки Миши-ханта. Пока вычислял местонахождение, внизу, за излучиной, прозвучал ответный выстрел. Забыв осторожность, очертя голову, ломанулся я вдоль Югана. Порой только зубы лязгали: срывался не только в колдобины, но и под берег! Через некоторое время в сыром воздухе почуял запах дыма. Пошел на него напрямик... На большой песчаной косе, среди продуваемых тальников, берестяные домики с пляжную кабинку. Догорающий костер. К воткнутым в песок шестам привязаны собаки, истощенно залаявшие при моем приближении. Из одной «кабинки» появился человек, цыкнул на собак, поставил на угли чайник. Уж не сам ли Миша-хант? Не могу запомнить: очень уж похожими друг на друга все они мне кажутся, как китайцы, на одно лицо, но это, я знаю, до поры до времени, пока не присмотришься... - Тепя, никак, ишут? - спросил он. - Екоров, начальника, приезжал, коворил, коротской парень тайка пропал. Екоров шипко рукался... Он принялся угощать меня чаем, я, едва коснувшись шкуры, уснул. Чуть свет я был уже у Кривого озера. Услышав выстрелы, начал палить в ответ, а услышав голоса, едва сдержался, чтобы не побежать навстречу: Пашка, Гришко, Кеша... Вот в таком же составе мы искали геолога Кима неделю назад. Тогда нас подняла его жена, мы нашли его на мысу у костра и под утро «вручили» обеспокоенной супруге. А я все же две ночи «где-тошь шлында», как сказал Кеша. Ох, каким сладким показался мне сахар! А хлеб!.. Что это был за хлеб!..

Не за добычу нравится охота, не за смолистый голубой озон в сквозном бору, не за дурман болота и не за встречи с поздней грозой...

Нет, не за стон,
томительный и колкий,
за лебедями кинувшийся вслед -
за позабытый вкус хрустящей корки...
Вкусней ее лишь хлеб
военных лет.

Я уминаю Гротихин хлеб, хрумкая рафинад,
а Кеша подтрунивает:

- Женки нет, а то б спросила: «Где шлында
две ночки?» А так - Пашка шебутился токо
маненько: не к Тайке ли ты, отнако, кулять
ушел?.. Ревнивый друг у тебя оказывается...
Миша-хант приезжал к нам за бензином
с дочерью Тайкой. Мне запомнилась
маленькая смуглянка в ярко-желтом,
с кистями, платке и шитом бисером платье.
Она сидела в сторонке, молчала и нет-нет
стреляла черными глазками в Пашку; ее
отец рассказал историю о том, как его
друга медведь помял и «мала-мала просал
- метроп пятнасть летел...». Пашка мотал
чубатой головой, сверкал белозубой
улыбкой: «Ой, не могу!...метров
пятна...мала-мала...» - стонал он, вытирая
слезы. Пунцовые губки незнакомки
трогала улыбка, в глазах взблескивали
золотинки. Ее заинтересованность заметили
все и при каждом удобном случае Пашку
подначивали: Тайка да Тайка.
Я вкратце рассказал, как было дело. «А вот
Тайку, правда, не видел, - включаюсь
в розыгрыш. - Точно! Миша еще ворчал:
опять девка убежала...»

Разобрался я потом, с зарей: подвела она
меня... Вернее, сам себя обманул: забыл,
я, что северные зори до поздней осени -
во все небо. Просвет меж тучами в тот
вечер оказался на востоке, вот и пролилась
на землю вечерняя зарница не с привычной
стороны... Все стало на свое место,
укрепилась вера в свою интуицию. На себя
можно надеяться - понял я.

В один из солнечных дней прилетел
вертолет, каротажникам заряды привез.
Вместе со всеми я дивовался на зеленую,
похожую на головастика машину. Чудеса!..
Незадолго до этого была радиопрограмма,
предписывавшая мне быть пропагандистом:
вести занятия по новой программе КПСС.
Я недоумевал, ничего не мог мне прояснить
и Егоров, - ни газет, ни радио: как вести
занятия? Попытался я разделить
общественную нагрузку с «шефом», но
Егоров, похотатывая, твердо отмежевался:
«Я сейчас «бэпэ»! Не имею-с права! А вы -
комсомолец, вам и газеты в руки...»
Занимались мы дважды в неделю. Хоть
и пытался я по студенческой привычке
отделаться экспромтом, готовиться все же

приходилось. «Так и про тайгу забудешь...»
- сокрушался я. Однако занятия вести,
признаться, мне понравилось: появилась
возможность использовать кое-какие
познания в историческом материализме
и диалектике - не зря конспектировал
первоисточники. С внутренней гордостью
почувствовал: я хоть пока и помбур
четвертого разряда, но и инженер...
На мои, так сказать, семинары приходили
не только буровики, но и Егоров, Ким.
Даже домохозяйки заглядывали. Всеобщее
внимание льстило. Горизонты коммунизма
разворачивались совсем близко, даже
мурашки бегали. В наших возможностях
мы не сомневались: непочатый край
резервов! Конечно, темпы развития
по программе требовались колоссальные.
Первым делом, Америку догнать и перегнать.
Тут, правда, у пропагандиста червячок
сомнения еще на семинарах в институте
пошевеливался: так ли все благополучно
с догоном и обгоном?.. Но ведь сдвиги
есть? Конечно! Вон и Китай рванул вперед:
домну в каждой деревне!.. С доминами,
пожалуй, они загнули: качества не будет.
Вот земля - другое дело, хлеб! В пятьдесят
восьмом в рабочей столовке, где я питался,
хлеб был бесплатный. Возьмешь винегрет,
компот, биточки - на трояк старыми. Чеки
на стол - самообслуживания еще не было.
Ждешь официантку. Скатерть крахмальная.
В вазе, под хрустящей салфеткой, горка
хлеба. Подставка со специями. Намажешь
горчицей кус и наярываешь за милую душу.
- Чем не коммунизм? - спрашивал я своих
слушателей. - Материальную базу подтянем,
сознание - до уровня: от каждого по
способностям... иначе проедем все -
никакая целина не спасет...
- Целина-то целина... - вздыхает Сашка
Кусков, - пахал я ее...Большая она,
а кончается. И так, и так: два-три года
родит, а послы выдыхается. Пыльные бури
- слышали?.. Как по писанию: тьма...
- Да-а... Вот ведь какая планида:
по потребностям да по способностям... -
Гордеич недоверчиво хмыкает, - чудно!..
Скажем, у меня этих способностей с
гулькин нос, а потребности - во каки! -
он широко разводит могучие руки. -
А у другого наоборот - тогда как? Трудно,
чай, с этим свыкнуться - потяжелше, чем
коня в колхоз свести ране.
А другие вообще при разговоре о светлом
будущем глаза в пол уставят и замолкают.
Но я верю в программу партии: для меня
двадцать лет - огромный срок, все
можно успеть! Маслюков, Ким
поддерживают меня, но, чувствуя,

неискренне. Егоров молчит, но я знаю, что к программе он относится со скепсисом: я слышал, как он, явно пародируя меня, рапортовал Наталье: «Бу сделано... к... восьмидесятому году!» - и ехидно скалил лошадиные зубы.

Сомнения Гордеича - это и мои сомнения.

Взять последние десять лет - какие изменения?.. Большие. Но равны ли они оставшемуся полшагу до коммунизма по значимости?.. Ой ли...

Испытываем пласт за пластом: голимая вода! Пробуем на язык:

- Минералка!

- Прекратите! - Егоров тут как тут. -

Отравитесь!..

Где же нефть? Столько денег народных ухлопали, а где она - отдача? Пусто! Вот она - передовая советская геология! Да тот же пресловутый метод «дикой кошки», приписываемый Западу. Так мы не скоро к светлому будущему приблизимся.

Неужели открытие, как горизонт, манит своей близостью и уходит?.. Неужели у нас

такая «планида», как говорит Гордеич, - только тянуться к нему, «кожилиться», и - безуспешно?..

А лето - необыкновенно длинное лето! - на крыльях паутины врывалось в золотую осень. Посветлели окрестные леса.

По утрам Юган курился. Начали вылетать глухари на дымок, вальяжно садились на вышку, коньки домов и смотрели на людей, занятых разорением своего гнезда. Кто-нибудь не выдерживал и бежал за ружьем. Звук выстрела звучал негромко, словно хрустнул сосновый сучок. Глухарь дергался и замирал перед тем, как упасть, или поводил седой, с красной серьгой, головой и улетал, планируя, за Юган - кормиться или тихо умирать.

В осинниках облетел лист, стало в них сквозисто и грустно. Пахло молодым вином, запахи проявились определеннее, резче. Захотелось в город, к родным и дорогим.

Началась затяжная непогода.

Мы продолжали испытание скважины...

Сургут. Июль 1964

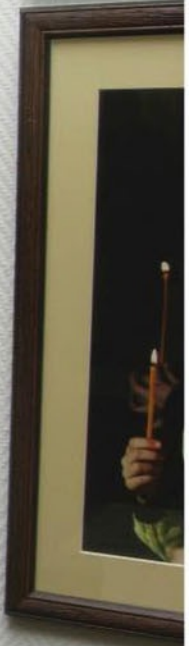
Буровики.
1970.

Фотография из фондов Сургутского краеведческого музея.

ОХРАННАЯ
ГРАМОТА

ГРАНИ НАСЛЕДИЯ

Сургутскому краеведческому музею исполнилось сорок лет. Возраст, прямо скажем, скромный в «музейных» масштабах страны да и в масштабах самой четырехсотлетней истории города. Но в масштабах отнюдь не маленького Ханты-Мансийского автономного округа (сколько в нем поместится всяких европейских стран, уже и лень считать) - вполне солидный.

И сама его, музея, история символична, ибо ярко отражает «культурно-историческую» бытийность Сургута. Поначалу экспозиция музея располагалась в одном из немногих уцелевших домов старого Сургута.

В обиходе он известен под названием «дом купца Клепикова». И в наши дни, в начале нового тысячелетия, на фоне в чем-то положительных, но для культурного наследия по большей части сокрушительных перемен, этот дом уже сделался своеобразным «сертификатом исторического качества», свидетельством исторической подлинности прожитых городом эпох. Недаром именно на базе этого обновленного реставрацией дома ныне развернут музейный комплекс «Купеческая усадьба».

Теперь главная задача как сотрудников краеведческого музея, получившего в недавнем времени новую прописку, так и всех, кому дорога память города, бережно, по крупицам, воссоздать в этом доме и сохранить атмосферу доброго, старого мещанского (в лучшем смысле этого слова) быта конца XIX - начала XX веков. Атмосферу жизни сургутян, в том числе, конечно же и бывших хозяев дома: семейства Клепиковых, глава которой Галактион Степанович торговал рыбой, пушниной, дровами, мукой и многими другими товарами. Это был незаурядный человек. В последние годы XIX века он избирался старостой городского общественного управления, был почетным мировым судьей, попечителем Сургутского мужского училища, даже участвовал в работе Тобольского губернского музея. Поистине есть нечто провиденциальное в том, что именно его «родовое гнездо» стало базой (замечу, спустя полвека после раскулачивания и, видимо, насильственного выселения ближайших его потомков) для создания музейной экспозиции. Более того, именно в этом доме располагалась в свое время Первая сургутская школа, в которой учительствовал Аркадий Степанович Знаменский. А летописные источники позволяют предполагать, что четыре с небольшим века назад именно на этом месте начиналось строительство Сургутского острога, положившее начало городу на Оби.

Да уж, не снилось, наверно, энергичному купцу и общественному деятелю Клепикову, что его дом, устояв во всех эпохальных пожарах и вихрях, станет когда-нибудь средоточием «Сургута исторического». Как, наверно, и не мог когда-то мечтать о таком красивом современном здании, в котором расположен музей сегодня, его основатель - наш знаменитый краевед и почетный гражданин Сургута Флегонт Яковлевич Показаньев.

Новый «дом музея» по сравнению с бывшим - это поистине огромное здание, оснащенное современным экспозиционным оборудованием. Музей наконец получил широкий «оперативный простор» для создания целостных, комплексных экспозиций, цель которых - не просто воссоздать «для истории» былое житье, но действительно восстановить связь времен, разорванную стремительными «геологическими процессами» в обществе, в городе, в окружающей его природе. «Программа-максимум» - буквальный образом вложить историческую память в сознание новых поколений сургутян, в сущности лишенных ее напрочь. Как? Конечно же, с помощью новых технологий, новых средств. Здесь - необозримое поле для творчества. Удастся выполнить эту программу хотя бы отчасти - долг перед потомками будет выполнен.

Сделать это, прямо скажем, непросто еще и по той причине, что даже в масштабах Сибири, не говоря уж о масштабах страны, коллекция музея пока довольно скромна. Так уж сложилось исторически. Сургут, если взглянуть на его историю, всегда, во все эпохи покорения - то самой Сибири, как жизненного пространства, то ее недр, как источника «госблагополучия» - оставался форпостом, предназначенным для сугубо практической жизни. Бытовая среда сургутянина, даже зажиточного купца Клепикова, всегда была очень простой и скромной в сравнении хотя бы с жизнью обитателей Омска или Томска. В этих более молодых городах в свое время возник круг состоятельных и образованных людей, ценителей прекрасного. Увы, в Сургуте не происходило накопления культурных ценностей «государственного значения».

*На фото слева: фрагмент экспозиции
Сургутского краеведческого музея*

Новая эпоха, эпоха «покорения недр», и вовсе прокатилась по сургутскому наследию с мощью бульдозера, мощью бессмысленной и беспощадной. Старые дома исчезали практически в одночасье целыми кварталами. Вместе с большинством вещей, не имевших для светлого газо-нефтяного будущего никакой культурной ценности. От того исторического пласта, который можно именовать «старожильческой культурой», остались действительно крохи, крупички... Поэтому даже «древности» весьма скромные, такие как скажем, иконы святого Симеона Верхотурского, некогда распространенные в сибирских домах, или образ святителя Иннокентия Иркутского становятся весьма ценными свидетелями своего века.

А нынешнее население Сургута? Ведь по большей части - это, говоря формально, мигранты среднего возраста, которые приехали из различных регионов распавшегося Союза и «материальной культурой» (не только в ее музейном понимании) уж никак не обременены... И, выходит, что главная миссия музея - сделать наследие города частью биографии этих людей, своего рода «геном», сцепленным с их собственной родовой памятью, - эта миссия, на первый взгляд, невыполнима. На первый взгляд...

Время, однако, день за днем создает властительные связи. И когда детали, крупички новой эпохи, нового быта сами собой приобретают ценность «музейных экспонатов», тогда и рождается эта удивительная зримая связь, позволяющая посетителю музея в своем сознании, в душе соединить близкое и далекое, свое и, казалось бы, чужое, давнее, неведомое...

И в этом плане музею есть чем гордиться. Говоря языком сухим, статистическим, около тридцати тысяч собранных на сегодняшний день экспонатов музея составляют более двадцати тематических коллекций. Их задача - дать целостное представление о природе и культуре сургутского Приобья с древности до наших дней. Наиболее крупные из них - коллекции по археологии и этнографии, письменные источники, фотографии и фотонегативы, старопечатные и рукописные книги, редкие книги 20-30 гг., иконы и церковная утварь, солидная коллекция самоваров XIX-XX вв. Помимо этого - художественные изделия, живопись и графика, скульптура. Имеются коллекции наградных знаков, монет, денежных знаков. Есть в музее интересные образцы геологических пород и палеонтологические находки.

Среди древнего наследия русского населения Сибири выделяется коллекция старопечатных и рукописных книг, составляющая гордость музея. Ее основу составляют раритеты из частного собрания екатеринбургского археографа А.П.Широкого, приобретенные музеем в 1993-94 годах. Жемчужина коллекции - Октоих, изданный одним из первых русских печатников Андроником Тимофеевым Невежей. Он был художником, создавал гравюры. На двух из них, включенных в Октоих, имеется его подпись. Все издания Невежи отличаются высоким художественным мастерством. Есть в коллекции и другое редчайшее издание - Октоих на крюковых нотах, напечатанный издателями-старообрядцами Л.Ф.Калалиниковым и С.Д.Чистовым в типографии С.В.Кульженко.

С освещением более близких эпох дело обстоит, конечно же, куда лучше. Сотрудники музея собрали обширный материал по истории промышленных предприятий и организаций города с шестидесятых годов до настоящего времени. И вот результат: сургутяне, которые работают на них или работали раньше, сами говорят, что благодаря этим экспозициям открыли для себя историческое значение предприятия - и, значит, собственной биографии - и даже начали собирать личные архивы. Среди этих предприятий - Рыбокомбинат, во время войны сыгравший немалую роль в обеспечении продовольственных нужд страны, Леспромхоз, Сургутская нефтеразведочная экспедиция, Домостроительный комбинат, первые Управления буровых работ и старейших НГДУ, «Сургуттрансгидромеханизация», ГРЭС.

Уникальна по-своему коллекция фотографий и фотонегативов сургутского фотографа, ветерана Великой Отечественной войны и фотокорреспондента старейшей сургутской газеты «Сургутская трибуна» (раньше она называлась «К победе коммунизма») А.Ф. Мясникова. Его снимки запечатлели историю города 60-80-х годов: виды старого Сургута, рождение города новой эпохи, портреты первых нефтяников, газовиков, строителей, будни освоения первых нефтяных месторождений...

Культурное наследие ханты, коренного населения сургутского региона - предмет особой заботы сотрудников музея. Увы, приходится признать, что и это, некогда богатое наследие - «уходящая натура». И материальные ценности этого народа, живущего прежде всего по законам Природы и в согласии с ней, - иного рода, иного смысла, нежели те, что признаются современной цивилизацией. Но если вдуматься, это и есть истинные ценности жизни - простые домашние вещи, каждая из которых имеет не только практическое значение, но и священный смысл, олицетворяя связь человека, его семьи и дома с порядком, царящим в мироздании. В собрании музея есть интересные культовые предметы - деревянные и металлические фигурки духов, ритуальные стрелы, бубен.

В отличие от многих других народов Сибири, ханты не воспринимают бубен как повседневный музыкальный инструмент. Он используется лишь в ритуальной практике, причем только мужчинами.

Но немало и предметов быта, имеющих отнюдь не меньшее значение в духовной жизни ханты. Взять хотя бы женские одежды и украшения или даже... детские куклы.

По мнению коренных жителей Обского Севера, красива та женщина, чья одежда искусно шита и богато

украшена, и ходить она должна, разливая вокруг звон металлических украшений, отпугивающий злые силы. Прихотливый орнамент на одежде столь же глубоко символичен, как и культовые предметы.

Съемные украшения у ханты бытуют нескольких видов - нагрудные, наголовные, накосные. Украшению головы и волос придавалось особое значение. Согласно традиционным мировоззрениям именно они являются вместилищем главной души человека. Душа-голова женщины укрывается платком, обозначается головной повязкой и накосными украшениями.

Сак - женская зимняя одежда ханты. меховой сак украшается меховой мозаикой и аппликацией из ткани, а суконный - богато орнаментируется бисерной вышивкой и плетеными бисерными лентами. Неизменно лишь расположение орнаментальных полос - горизонтальных по подолу и вертикальных по полочкам и груди, спинке и рукавам.

Сак издавна сопровождал человека с первых до последних дней жизни. В колыбели младенца укрывают им как одеялом, подростку ребенку шьют маленький сак. Женщина носит его днем, а ночью укрывает им себя и мужа. Орнаментированный сак - символ не только Дома, но и всей Вселенной ханты.

Все эти экспонаты несомненно имеют прямую «родовую» связь и с археологическими находками, сделанными на территории региона. В коллекции музея широко представлены изделия эпохи неолита, различные предметы быта, промыслов, вооружение эпохи сибирского средневековья. Признаны уникальными различные украшения, металлические детали костюма, культовые предметы литья, выполненные как местными мастерами, так и привозные, из Волжской Болгарии. И без преувеличения можно сказать, что в нашем крае само понятие археологии воплощено в названии места, ставшего «эпицентром» исследований. Это - Барсова гора. Раскопки на ней стали своеобразной археологической эпопеей, которая заслуживает отдельного, особого рассказа...

*Женское нагрудное украшение.
Бисер. Северные ханты.*

*Бубен с колотушкой.
Кожа, мех оленя, дерево, металл.
Восточные ханты*

*Сак зимний женский.
Мех оленя, лисы, лебяжий пух, сукно, бисер, пуговицы, капроновая лента.
Восточные ханты.*

Наталья
Потапенко

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЯХ

Уникальность и самобытность Сургутского края, до конца не познанная, не понятая современными его жителями, состоит в том, что на его территории еще сохраняются значительные археологические памятники, традиционные хантыйские селения, еще сильны старожильческие традиции. Иными словами, существует среда, которая могла бы позволить современному человеку обрести во многом утраченные связи с природой и культурой как единым целым. Именно эта тема - тема взаимосвязи культур и эпох - стала основой проектов Сургутского художественного музея.

В 1995 году его сотрудники работали над созданием экспозиции, вернисаж которой предполагалось приурочить к открытию здания музея. Эта, первая, выставка была призвана отразить наиболее яркие и специфические черты музея, особенности его коллекций, стиля работы. Вполне понятным было обращение к культурной специфике территории, на которой музей основан. Так родилась идея проекта «Возвращение в Ях», включающего в своего рода единую систему древние культовые предметы, обнаруженные с Среднем Приобье, и произведения современных сибирских художников.

В самом названии выставки заключена ее система координат: «Ях» в хантыйском понимании - «река», «люди», «народ». Смысловое содержание - предельно широкое, обозначающее весь освоенный человеком мир. Своеобразным прологом выставки должна стать коллекция средневековых бронз, символизирующая истоки, корни традиции, что сложилась некогда в «сургутском пространстве» задолго до его освоения русским населением. Нелишне повторить, что любые изображения создавались древним человеком прежде всего для постижения и упорядочивания мира. Чаще всего, эти изображения не понятны современному человеку. С другой стороны, древние сюжеты и символы универсальны для всех народов, и они возвращают нас к началам мифологического осмысления окружающего мира и жизненного пути человека: день уходит и приходит, утром угасают звезды, ночь возвращает их; человек рождается и умирает.

Так, с представлениями древних о переходе человека в иной мир было связано изготовление и использование личин. У некоторых сибирских народов до сих пор существует обычай после смерти родственника изготавливать его посмертный образ - погребальную куклу. Душа или - по их представлениям - одна из душ умершего вселяется в погребальную куклу и обитает там, пока не появится новорожденный.

Возрождение - и самой Природы и свое собственное - каждый ощущает весной, когда вскрываются реки и прилетают птицы. Птица - обительница верхней мира, вместилище душ умерших и вновь рожденных, символ расцвета и нового дня. Именно птица - утка, гадюга - в понимании северных народов, извлекала из пучины вод крупную землю, которая разрослась впоследствии до размеров заселенной людьми земной суши.

Животные в мифопоэтическом представлении древних как олицетворение совокупностей природных явлений становятся важнейшей частью иерархичной системы, описывающей мир. Один из излюбленных персонажей мифов и легенд народов всего евразийского континента - Олень. Многие предания о нем связаны с сюжетом древнего космогонического мифа, объясняющего восход и закат солнца, смену дня и ночи: Олень похитил Солнце-деву из подземного мира, избежал с ней на небо. Разгневанный владыка преисподней погнался за Оленем, сразил его и вернул свою пленницу обратно.

Медведь, по различным представлениям - хозяин либо верхнего, либо нижнего мира, сын бога, или переродившийся Богатырь-Ханты, всегда самый близкий человеку по духу и облику, сохозяин таежных угодий, младший, а значит, самый удачливый и находчивый брат. Он научил людей добывать

огонь. В его лице природа как бы заключила «договор» с человеком, он - справедливый распределитель добычи, судья в спорных делах; «медвежья клятва» считается крайней мерой ответственности и правосудия. Убитый на охоте медведь оставался «живым» - его костяк нерасчлененным прятался в лесу, мясо съедалось под знаком соединения плоти человека с плотью «брата», а сам медведь в образе его головы и шкуры становился желанным - и постоянным - гостем в доме охотника. В мифах, поверьях заключены неизменная мораль взаимоотношений людей друг с другом, этика добытчика, зависящего от главного закона Природы: не бери больше, чем тебе нужно. В этом когда-то заключалось понимание счастья.

Родственно по мировосприятию традиционной культуре творчество самобытных художников Петра Бахлыкова и Геннадия Райшева.

Предельная этнографическая точность в передаче жизни «маленького народа», все еще справляющего медвежий праздник, - отличают творчество Петра Бахлыкова. Его «Медвежий праздник» - почти документальное отражение языческого обряда, уходящего в прошлое. Праздник длился несколько суток и сопровождался общим съездом в дом охотника родственников и соседей со всей округи. Гости привозили дары медведю, в ритуальных песнях и танцах представляли своих родовых духов-хранителей и, надев берестяные маски, разыгрывали поучительные, забавные и даже «неприличные» сценки-импровизации. В понимании ханты сама Земля подобна большому зверю, по коже которого текут реки и идут тропы. Такое представление о мироустройстве раскрывается в картинах Геннадия Райшева. Пластичные образы, необычные по своему колориту (иногда яркая, иногда почти монохромная живопись), наполнены особой энергией, эмоциональностью. В них отражаются и все противоречия современного мира: растерянность перед безликостью сегодняшнего дня, умиранием Природы, ностальгия по «идеальному» времени, образ которого связан прежде всего с детством и тем местом, где человек родился.

Выставке «Возвращение в ЯХ» не суждено было осуществиться. Однако ее плодотворные идеи нашли свое воплощение в таких оригинальных музейных проектах, как «Видевшие лицо Тарн», «Зеркало воды. Живопись Геннадия Райшева», «Древние бронзы Оби».

Экспозицию «Видевшие лицо Тарн» следует выделить особо... В свое время молодому сургутскому музею очень повезло: в его распоряжении оказалась уникальная Холмогорская коллекция - археологический памятник III-IV веков нашей эры, обнаруженный в 1976 году случайно, «по ходу дела», буровиками при разработке Холмогорского нефтяного месторождения. Это предметы из бронзы и железа: созданные на высоком художественном уровне личины, объединяющие в себе черты человека и птицы, фигурки воинов и хищных птиц, бусы, наконечники стрел и копий, гравированные котел. По всей видимости, изначально «коллекция» имела сугубо культовое значение.

Ценнейшая находка поступила сначала в Уральский государственный университет, а позднее, в 1997 году, была передана на хранение в Сургутский художественный музей. Выставка, представившая памятник драматической эпохи Великого переселения народов, открылась в декабре 2002 года.

Образ древнеугорского женского божества Тарн, или Тарэн, объемлен и многогранен. Она - богиня войны, источник грозных испытаний и одновременно покровитель человека, который смело смотрит этим испытаниям в лицо. В старых легендах говорится про людей, прошедших огонь и воду: «они видели лицо Тарн». Образ Тарн - смысловое ядро мифологического сознания и символ эпохи.

Ярко освещенные витрины помещены в затемненное пространство зала. Зеркальная стена создает эффект бесконечного коридора времени, в котором отражаются не только сами витрины, но и спроецированные на полупрозрачные экраны масштабные изображения предметов Холмогорской коллекции. Возникает поистине завораживающая атмосфера, в которой оживают мифологические образы...

Создать особое визуальное пространство, пространство душевных состояний, в которых обнажаются образы глубинной, исторической памяти, - таково, пожалуй, важнейшее направление творческих поисков, связанных с реализацией данных проектов. И надеемся, они станут не только важной, но и необходимой вехой в постижении многовековой культуры Приобья.

Бляха круглая
с концентрическим
орнаментом

Бляха
с орнитоморфным
декором

Личина
условно-антропоморфная

Личина
условно-антропоморфная

Пронизка
зооморфная
в виде полый
объемной фигурки
животного

Подвеска объемная
зооморфная

Антропоморфная
фигура
с двумя животными

Бляха
прямоугольная
с изображением оленя

Сверло. Металл, дерево.
Восточные ханты. XX век.

Нож. Ножны. Металл, дерево.
Восточные ханты. XX век.

Идол.
Дерево.
Святынище Ермаково I.
XVIII – первая половина
XX века.

Птицевидное
изображение.

Идол.
Олово.
Святынище Ермаково I.
XVIII – первая половина
XX века.

Куклы.
«Нёрым ях».

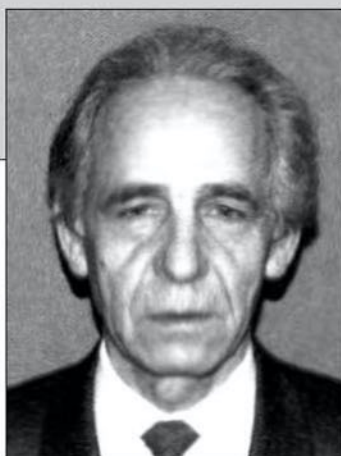

Куклы.
«Нёрым ях».

ЗАМЕТНОЕ

Иван
Лёвочкин

НОВАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕРТЕЖНОЙ
КНИГИ
СИБИРИ

В собрании рукописей графа Н.П. Румянцева, хранящемся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, сегодня насчитывается более 500 замечательных памятников русской письменности и культуры, и среди них - бесценный шедевр национальной картографии, выдающийся труд тобольского сына боярского Семёна Ульяновича Ремезова «Чертежная книга Сибири», завершённый им в 1701 году.

В отечественной науке эта уникальная книга стала известна с 1842 году, когда было опубликовано ее первое краткое описание. Через сорок лет «Чертежная книга Сибири» была издана в технике литографии. Это издание, как и всякое литографическое, нельзя считать достаточно совершенным. К тому же теперь оно имеется далеко не в каждой даже крупной библиотеке.

Подлинная «Чертежная книга Сибири» оставалась малодоступной для широкой научной общественности. А между тем она не могла не вызывать интереса не только у специалистов, но и у всех, кто увлечён историей и культурой России. К 300-летию создания этого оригинальнейшего произведения русской культуры дирекция и научные сотрудники Российской государственной библиотеки совместно со специалистами Федеральной службы геодезии и картографии России решили осуществить ее факсимильное издание. Для исполнения этого проекта потребовалось около трех лет работы группы специалистов - географов, историков, художников и полиграфистов. Потребовались и немалые денежные средства.

К концу 2003 г. тираж двухтомного издания «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова был готов (1 тыс. экз. + 50 экз. коллекционных), и 28 ноября в Российской государственной библиотеке состоялось его представление собравшейся по этому случаю просвещенной публике.

Оба тома помещены в специально изготовленный картонный (коллекционные экземпляры - в кожаный) футляр с напечатанным на нем (в орнаментальной рамке) названием издания: «С.У. Ремезов. Чертежная книга Сибири».

Первый том издания - факсимильное воспроизведение подлинника. Готовили этот том к изданию специалисты ПКО «Картография» Федеральной службы геодезии и картографии России М.Ю. Орлов, Е.Г. Сергеева, Т.И. Кошелева, Ю.М. Адамченко, А.С. Шестернин, В.А. Смирнов, а также А.Ф. Быков и О.В. Глазкова. Подбор полиграфических материалов, цветовую корректуру карт и общее технологическое наблюдение выполнил Вальтер Кастанья (фирма «График», Верона, Италия).

Том получился прекрасным. Каждый из 48 листов подлинника, из них 23 двойных листа - «чертежей», воспроизведен с завидной точностью. Все, что изображено на листах оригинала, передано именно так, как это было написано и изображено С.У. Ремезовым и его помощниками. Соответствуют подлиннику и цветовая гамма факсимиле - цвет бумаги, чернила, киновари и красок.

Переплёт «Чертежной книги» - картон серого цвета - не очень хорошо сохранился. Специалисты ПКО «Картография» решили его не воспроизводить и «одеть» издание в новый переплёт, обложенный современным материалом светло-коричневого цвета. На его верхней крышке простым рельефным тиснением воспроизведена орнаментальная рамка первого листа подлинника. Внутри рамки крупными золотыми буквами, стилизованными под старинный изысканный шрифт, напечатаны инициалы и фамилия автора книги и ее название: «С.У. Ремезов. Чертежная книга Сибири». Эти же слова (и этим же шрифтом) оттиснуты и на корешке тома.

На форзаце тома воспроизведен герб графов Румянцевых, а на его обороте - слова благодарности за содействие в осуществлении издания Губернатору Ханты-Мансийского автономного округа Угра А.В. Филиппенко, мэру города Сургута А.А. Сидорову и генеральному директору ООО «Сургутгазпром» Ю.И. Важенну.

Титульный лист оформлен несколько иначе. В его верхней части указаны организации, которые осуществили издание, - Федеральная служба геодезии и картографии России, Российская государственная библиотека и Общественный фонд «Возрождение Тобольска». В центре листа крупным шрифтом (аналогичным шрифту переплета) красной краской напечатано: «Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Том I. Факсимильное издание. Москва, 2003 г.»

На обороте этого листа указана редколлегия тома: А.А. Дряжнюк, В.В. Федоров, А.Н. Краюхин, В.Ф. Молчанов, Н.Е. Котельникова и Н.Н. Полункина. Здесь же обозначены и координаторы проекта: Н.Е. Котельникова, В.Ф. Молчанов, М.Ю. Орлов и Н.Н. Полункина.

Второй том издания отличается от первого как по своему содержанию, так и по оформлению. Он значительно меньше по формату и имеет иное название: «Чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели.»

Основное содержание тома - пояснительные тексты самого С.У. Ремезова к его «чертежам» (в переводе на современный русский язык и с краткими комментариями переводчика), краткие описания каждого из 23-х листов этих «чертежей» и указатели всех географических названий, которые на них были нанесены С.У. Ремезовым.

В статье доктора технических наук, зав. Отделом истории наук о Земле ИИЕиТ А.В. Постникова «Картографирование Сибири в XVII - начале XVIII века. Семен Ульянович Ремезов и его рукописные атласы» говорится о развитии картографии в России XVII - XVIII вв. и дается оценка труду С.У. Ремезова. В статье приведена обширная литература, как отечественная, так и зарубежная. В статье кандидата исторических наук, зав. НИО рукописей РГБ В.Ф. Молчанова «Чертежная книга Сибири», рассказано о самом Н.П. Румянцеве и об истории издаваемого памятника.

Подлинная «Чертежная книга» начинается с пояснительных текстов самого С.У. Ремезова.

Дотошнейший тобольский картограф составил их и к некоторым отдельным «чертежам».

Их перевод (кроме небольших по объему) на современный русский язык и краткие комментарии к ним выполнили автор данной статьи.

Краткие описания каждой карты С.У. Ремезова, переводы на современный русский язык малых по объему пояснительных текстов, указатели географических названий и примечания выполнили кандидат геолого-минералогических наук, зав. Отделом картографии РГБ Н.Е. Котельникова, и главные библиотекари этого Отдела Л.Н. Зинчук и Ж.Ф. Устименко.

Тексты второго тома издания набраны разными шрифтами. Но если в пояснительных текстах, в описаниях «чертежей» и в указателях это вполне оправдано, то в исследовательских статьях это выглядит странно. В статьях жирным курсивом выделяются многие слова и даже целые строки, что создает нежелательную пестроту полосы набора. Встречаются в этом томе и опечатки. Так, на с. 13 вместо слова «отдельных» напечатано «отдельные». На обороте титульного листа пропущено слово «боярским» (напечатано: «тобольским сыном Семеном Ремезовым»). Но это мелочи... К сожалению, в издательской аннотации напечатано, что в издании «даны переводы старославянских текстов.» Но «старославянских» текстов в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова нет, есть тексты на старорусском языке.

На листах подлинной «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова (и соответственно на листах факсимильного издания) имеются маргинальные тексты и пометы на голландском языке.

К сожалению, в издании об этом сказано очень кратко. Не исключено, что эти маргиналии содержат по крайней мере заслуживающую внимания информацию.

В выходных данных второго тома сообщается: «Печать издания осуществлена при участии Общественного фонда «Возрождение Тобольска» под руководством Аркадия Григорьевича Елфимова» и «Отпечатано в Италии. Фирма «График», Верона». Общественный фонд «Возрождение Тобольска» в лице А.Г. Елфимова и итальянская фирма «График» в лице господина Вальтера Кастаньи заслуживают большой благодарности.

В своем докладе на «Румянцевских чтениях» 2001 года Л.Н. Зинчук, Ж.Ф. Устименко и Н.Е. Котельникова писали о «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова: «Благодаря талантливо осуществленной систематизации полученного массива сведений (С.У. Ремезовым - И.Л.) атлас представляет собой не просто сборник обзорных чертежей, но впервые в истории мировой и отечественной науки дает достоверную комплексную историко-географическую характеристику Сибири. Информационное богатство «Чертежной книги Сибири» поразительно, а глубина ее содержания удивляет до сих пор». С этими словами безусловно следует согласиться и добавить, что факсимильное издание этой книги будет долго служить в качестве незаменимого источника для многих поколений ученых не только России, но и других государств.

Леонид
ЮЖАНИНОВ

АХТУНГ! АХТУНГ! В НЕБЕ ПОКРЫШКИН!..

«Высота - скорость - маневр - огонь!» - формула боя, рожденная Александром Ивановичем Покрышкиным в воздушных сражениях, стала для него девизом всей жизни. Все чистое, высокое, благородное соединено в этом русском витязе неба. «Лучше уж убится, чем терпеть позор!» - отвечал он на укоры командиров, осуждавших его за смертельный риск, за отчаянную удачу в схватках с немецкими асами. Именно таким - великим воином и мыслителем, создавшим тактику советской истребительной авиации, - изобразил своего героя писатель Алексей Тимофеев в недавно вышедшей книге «Покрышкин».

(Москва, «Молодая гвардия». 2003. Серия биографий «Жизнь замечательных людей»)

О том, как сибирский самородок из бедной семьи, с городской окраины Новониколаевска - Новосибирска стал отважным летчиком-истребителем, героем и любимцем России, маршалом авиации, рассказано обстоятельно, увлеченно, с любовью, с добротным знанием исторических реалий, бытовых подробностей ещё дореволюционной жизни. О многом говорит хотя бы дата рождения героя - 6 марта (по старому стилю) 1913 года. В этот день, как напоминает автор, наша православная церковь отмечает память иконы Божией Матери «Благодатное Небо»...

В одном из первых печатных откликов на книжную новинку доктор исторических наук А.Н. Пономарев говорит: «Открывая книгу писателя А. В. Тимофеева «Покрышкин», подумал: ну что нового, значительного можно сказать о лучшем летчике-истребителе Второй мировой войны после всего о нем написанного? ...И всю субботу и воскресенье не выпускал томик из рук, пока не дочитал. А ведь в нем более 500 страниц! Отдельные места перечитывал по два-три раза. Временами горло перехватывало от волнения. Убежден, что серия «ЖЗЛ» пополнилась одним из лучших произведений о героях и военачальниках Великой Отечественной».

(«Слово», №6, 2003 г.)

А вот мнение А.Фомина («Независимая газета», 10.04.2003г.): такие книги, «особенно необходимы именно сегодня, когда для многих россиян некогда славные имена - пустой звук, когда бывшие победы России разворачиваются, когда на вершине власти оказываются сомнительные люди, которых в детстве

не приняли бы в свои ряды юные покрывальщицы - есть, оказывается, такая организация на Кубани. В. Тепляков («Литературная Россия» 8.8.2003) :

«К счастью, книги, подобные этой, редко, но посещают нас в «минуты роковые» русского мира и утешают нашу извечную, подспудно живущую в каждом тоску по настоящему герою нашего времени».

Да, это был подлинный воитель-герой, и должное ему вынуждены были воздавать даже враги. В книге А.Тимофеева читаем: «Весомый аргумент в пользу того, что сбил Покрышкин много больше того, что ему засчитали у нас, - немецкое предупреждение «Внимание! Внимание! Покрышкин в воздухе!»

Ас Покрышкин в воздухе!» Более никого из наших летчиков люфтваффе не удостоивало такой чести.

Только Покрышкина! Не раз спрашивал автор этих строк у авиаторов и танкистов, которые у своих радиостанций слышали на волне немцев это знаменитое «Ахтунг!» - в какой тональности звучали голоса немецких наблюдателей? Ответ один - сильная тревога! Иногда - просто паника! Именно таким записано это оповещение на пленку документалистами в фильме 1944 года о первом трижды Герое».

Так что знаменитое, навсегда оставшееся в истории «Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин ист ин дер люфт!» - это отнюдь не «миф советской пропаганды», как утверждают некоторые.

Картины жизни Александра Покрышкина перемежаются в книге с судьбами его сотоварищей, однополчан, биографиями военачальников. Ведь он не был героем-одиночкой, героев в Великую Отечественную были тысячи. Но всё же среди этих тысяч он был первым, непревзойденным асом.

И не случайно 19 августа 1944 г. именно А. И. Покрышкину было первому и единственному в годы войны присвоено звание трижды Героя Советского Союза. Можно спорить с автором книги, но он, обозрев всю жизнь маршала авиации, увидев этого человека в полный рост, считает, что перед нами национальный герой России № 1 XX века.

Советская авиация создавалась вовсе не на пустом месте, как утверждают в новейшие времена иные мастера избирательной истории. Эскадры российских самолетов грозно бороздили небо, искусно воевали еще в Первую мировую войну. Всемирно известны были русские асы: П. Нестеров - творец «мертвой петли» и воздушного тарана, Е. Крутен - сбивший около 20 вражеских самолетов, А. Казаков - самый результативный среди летчиков России небесный боец. Всё это были путеводные для юноши Александра Покрышкина имена и судьбы... Забыт первый генерал отечественной авиации Михаил Шидловский - авиастроитель и командир эскадры самолетов «Илья Муромец», расстрелянный вместе с сыном в 1918 году большевиками. Знаменитый Игорь Сикорский, чтоб избежать репрессий, вынужден был покинуть Россию и отдал свой талант для создания воздушного флота США.

А.Тимофеев трактует и такие запутанные темы, как соотношение сбитых самолетов нашими летчиками и истребителями люфтваффе. Кто побеждал в небе и почему - на этот вопрос дан ответ, основанный на тщательном и объективном изучении многих публикаций и архивных материалов.

Мы живем в неспокойную пору. Того «всемирного рая и благоденствия», который обещали демократы в начале 90-х годов прошлого столетия, нет и не будет. Где они, «общечеловеческие ценности»?

Наоборот, международная обстановка с каждым днем становится тревожнее. На повестке дня стоит вопрос: быть или не быть России? Как сохранить ее целостность, как защитить ее рубежи? Для этого нужны могучие армия и флот, крепкие негибкие солдаты, сильная телом и духом молодежь.

Поколение Покрышкина своим мужеством, массовым героизмом, преодолевая неимоверные лишения и невзгоды, отстояло страну в лихую годину. Их непреклонная железная воля, неутомимая деятельность во благо своего народа были мощными скрепами государства. После их ухода те места в обществе, которые они занимали, остались невосполнимыми. А в сознании потомков - зияющими дырами... Разве не кошунственно, что имя А. И. Покрышкина уже в 1970-е годы было вычеркнуто из учебников по истории СССР? Не упоминается оно и в сегодняшних учебниках.

Страна начала разрушаться, и через сорок шесть лет после Победы СССР рассыпался, как картонный домик. Сейчас многие говорят, что Россия обречена, народ деградирует, настоящие мужики выродились. Это не так. Народ - это не только ныне живущие, а и ушедшие поколения, единый язык, вера и любовь к своей земле. Корни российского древа крепки и живительны. Грудью встала наша молодежь на защиту южных рубежей страны, дает отпор недругам. Героические поступки солдат, офицеров в боях с террористами, на учениях, смерть во имя спасения товарищей говорят о здоровых началах, благородных помыслах российских воинов. Наступит и возрождение армии, исцелится она благотворной силой, идущей от матушки-земли. Ведь армия у нас ныне по сути рабоче-крестьянская: служат-то в ней, в основном, парни из деревень да малых городов. А деревня всегда спасала Россию... И настанет день, когда имя Александра Покрышкина снова засияет на страницах школьных учебников. Память о нём неминуемо воскреснет.

Вышедшая книга - тому залог.

Белобородов Валерий Константинович

Родился в 1936 году в Сургуте.
Окончил геолого-географический факультет Томского государственного университета.
Работал в полевой поисково-съемочной партии на Алтае.
С 1964 года живет в Ханты-Мансийске.
В течение двадцати лет был собственным корреспондентом Тюменского областного радио по Ханты-Мансийскому автономному округу,
редактором газет в городах Урай и Нижневартовск,
председателем Ханты-Мансийского окружного комитета по телевидению и радиовещанию.
Основатель и первый редактор ежемесячного журнала «Югра»
(а также «Библиотечки журнала «Югра»).

С 1995 года – редактор «Краеведа», ежемесячного приложения к окружной газете «Новости Югры».
В настоящее время – редактор отдела в журнале «Югра».

Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа.

Буцинский Петр Никитич

[1853–1916]

Историк, профессор Харьковского университета.
Сын священника из Курской губернии.
В 1889 году получил степень доктора за диссертацию
«Заселение Сибири и быт ее первых насельников».

Васильев Павел Николаевич

[1910–1937]

Большой русский поэт XX века.
Родился в городе Зайсане.
Детские годы провел в Павлодаре на Иртыше.
С шестнадцати лет много путешествовал по Сибири, работал во Владивостоке,
на золотых приисках Витима, плавал на пароходах и баржах по Амуре, Енисею, Иртышу и Оби.
Изобразительная мощь его стихотворений и, особенно, эпических поэм
стремительно выдвинула П. Васильева в число самых многообещающих поэтов страны.
Но при жизни увидели свет всего две его книжки:
сборник очерков о Сибири и поэма «Соляной бунт».

Вскоре после второго ареста обвиненный в антигосударственном заговоре поэт был расстрелян.

Дмитриев-Садовников Григорий Матвеевич

[1885–1921]

Из мещан, родился в Тобольске.
С 1904 года учительствовал в селе Ларьяк, где увлекся краеведением и этнографией.
Активно сотрудничал с Тобольским губернским музеем и различными сибирскими изданиями.
С 1913 года работал в двухклассном училище Обдорска.
Участвовал в нескольких научных экспедициях по изучению края.
В 1919 году вернулся в Тобольск.
Погиб во время контрреволюционного эсеровского мятежа.

Захаров Иван Прокопьевич

Родился в 1929 году в деревне Поварово Уватского района Тюменской области.
Окончил Ханты-Мансийское ремесленное училище, а затем окружную партийную школу.
Был секретарем райкома комсомола.
В течение тридцати лет являлся заместителем главного редактора
сургутской газеты «К победе коммунизма».

Ведущий краевед Сургута.

Иванов Игорь Алексеевич

Родился 20 июня 1956 года в Мурманске.
В 1979 году окончил Ленинградский политехнический институт имени М.И. Калинина
по специальности «турбиностроение», квалификация – инженер-механик.
В 1992 году прошел обучение по основам управления в Великобритании, в 1993 году – в Японии.
Вся трудовая деятельность по окончании вуза связана с газовой промышленностью Западной Сибири
и проходила в Объединении «Сургуттрансгаз» (с 1989 года именуется «Сургутгазпром»).

Лауреат премии ОАО «Газпром» (1998).
Лауреат премии Правительства РФ (2003).

Награжден медалью

«За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» (1991).
Депутат Тюменской Областной думы.

Илатовская Тамара Александровна

Родилась в 1937 году в Харькове.
Окончила факультет журналистики Московского государственного университета.
Работала спецкором журнала «Смена».
В начале 70-х годов полностью посвятила себя литературной деятельности.
Автор 18 книг в жанре очерка. Член Союза писателей России.

Козлов Виктор Николаевич

Родился в 1937 году на Алтае.
Окончил Уфимский нефтяной институт.
Прошел путь от помощника бурильщика до главного инженера.
Участник открытия и разведки более двадцати месторождений нефти и газа.
Имеет ряд изобретений. Автор четырех книг стихов и прозы. Живет в Мегионе.

Корниенко Ольга Геннадьевна

Родилась в Благовещенске Амурской области.
В 1984 году окончила факультет журналистики Казанского государственного университета.
Работает режиссером документальных программ в ЗАО «Телекомпания СургутинформТВ»,
занимается освещением жизни коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа.
Лауреат и номинант ряда окружных, российских и международных телефестивалей.

Левочкин Иван Васильевич

Историк, палеограф, археограф, книговед.
Родился в 1934 году в деревне Горбуновка Рязанской области.
В 1965 году окончил Московский государственный педагогический институт (исторический факультет).
Много лет проработал в Государственном историческом музее.
В настоящее время заведует сектором рукописных книг Научно-исследовательского отдела рукописей
Российской государственной библиотеки.
Доктор исторических наук. Автор более 150 научных работ.

Лощиц Юрий Михайлович

Родился в 1938 года в селе Долинское (Валегоцулово) на Украине.
С 1947 года живет в Москве.

Закончил филологический факультет МГУ.
Поэт, прозаик, литературный критик. Автор книг в серии ЖЗЛ
«Сковорода», «Гончаров», «Дмитрий Донской», романов «Унион» и «Подумир».
Секретарь Правления Союза писателей России.

Марченков Вениамин Игнатьевич

Родился в 1950 году в деревне Крутой Ручей Тверской области.
Окончил Ленинградский институт культуры.
Работал в Псковском музее-заповеднике, затем – в Сургуте, в объединении «Сургутнефтегаз».
Был корреспондентом газеты «Нефть Приобья». Затем перешел на работу в ООО «Сургутгазпром».
Был первым редактором газеты «Газовик». С 1999 года – заведующий музеем «История Сургутгазпрома».

Матвеев Валерий Сергеевич

Родился в 1943 году в Кабардино-Балкарии.
Выпускник Воронежского сельскохозяйственного института и Высшей партийной школы.
Работал в Белгороде заместителем главного редактора газеты «Ленинская смена».
Был старшим редактором окружного радио в Ханты-Мансийске,
руководителем корпункта Тюменского областного комитета по телевидению и радиовещанию в Сургуте,
ответственным секретарем газеты «Сургутская трибуна».
Главный редактор «Радио Сургута».
Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Неклепаев Иван Иоакимович **[1865–1930]**

Выпускник Смоленской духовной семинарии.
В 1885 году выслан в Сибирь за создание кружка учащихся и издание рукописной газеты революционного направления.
Ссылку отбывал в Кондинске, затем в Сургуте.
Впоследствии жил в Перми, служил в управлении железной дороги.
Работал агрономом в Вологодской губернии.

Ополовникова Елена Александровна

Родилась в Москве, в семье выдающегося исследователя и реставратора древнерусского деревянного зодчества А.В. Ополовникова.
В течение многих лет была его активной сподвижницей,
участвовала в многочисленных экспедициях с отцом по Северу Сибири –
на громадных пространствах от Салехарда до Индигирки.
После его кончины продолжает осмысление и публикацию обширного творческого наследия ученого.
Материалы по сибирским экспедициям наиболее полно представлены в книге
«А.В. Ополовников, Е.А. Ополовникова «Древний Обдорск и заполярные города-легенды».
Москва. Издательство «ОПОЛЮ». 1998.

Осипова Елена Ивановна

Родилась в селе Березово Березовского района Тюменской области.

Окончила Тюменский институт культуры по специальности культуролог.

Сотрудник журнала «Югра».

Имеет публикации во многих популярных и специализированных периодических изданиях Сибирского региона.

Живет в Сургуте.

Переплеткин Юрий Иванович

Родился в 1938 году в Ханты-Мансийске.

Окончил отделения журналистики Уральского государственного университета (Свердловск)

и Высшей партийной школы (Москва).

Возглавлял отдел нефти, газа и геологии в «Тюменской правде», был собкором «Известий» по Тюменской области.

Работал в областной администрации.

С 1997 года – собкор парламентского журнала «Российская Федерация сегодня» по Западной Сибири.

Автор ряда книг о нефтяниках Сибири.

Первый лауреат премии Тюменского комсомола в области литературы.

Имеет правительственные награды.

Член Союза журналистов. Живет в Тюмени.

Потапенко Наталья Владимировна

Родилась на Украине, в Мелитополе.

Окончила Бердянский государственный педагогический институт,

а затем Московскую высшую школу социальных и экономических наук по специальности «менеджмент в сфере культуры».

Магистр Манчестерского университета.

Работает заместителем директора по НИР и развитию в Сургутском художественном музее.

Распутин Валентин Григорьевич

Родился в 1937 году в деревне Усть-Уда на Ангаре (Иркутская обл.).

Повести «Денги для Марии», «Живи и помни», «Последний срок»,

«Прощание с Матёрой», «Пожар»,

рассказы «Василий и Василиса», «Уроки французского» и многие другие

снискали Распутину известность одного из крупнейших прозаиков России

века минувшего и нынешнего.

Его перу принадлежит панорамное историко-публицистическое исследование

об Азиатской России «Сибирь, Сибирь...».

Лауреат Государственной премии СССР.

Инициатор проведения ежегодных фестивалей русской культуры в Иркутске

«Сияние Сибири».

Солодкин Яков Григорьевич

Родился в 1951 году в Курске.

Выпускник исторического факультета Воронежского государственного университета.

Заведующий кафедрой истории России Нижневартковского государственного педагогического института.

Профессор, доктор исторических наук.

Автор 370 научных трудов,

в том числе книг по истории позднего русского летописания и публицистики Смутного Времени,

работ по истории юга России и Сибири рубежа XVI–XVII веков.

Цареградская Лилия Васильевна

Закончила филологический факультет Воронежского государственного университета.

В Сургуте в 1970 года.

Работала заведующим отделом газеты «К победе коммунизма», спецкорром газеты «Ленинская правда»,

собственным корреспондентом газеты «Тюменская правда».

В 1990 году создала информационно-издательский концерн «Северный Дом»,

была редактором выпускающей концерном газеты.

Ныне – главный редактор газеты «Читающая Югра».

Шишкин Сергей Александрович

Родился в 1959 году в городе Стерлитамак (Башкортостан).

Выпускник Мордовского государственного театрального училища. Служил в органах милиции.

В Сургуте работал в районной еженедельной газете «Вестник».

Сотрудник сургутской газеты «Спорт-Арена».

Южанинов Леонид Федорович

Родился в 1941 году в деревне Редикор Чердынского района Пермской области.

Работал в колхозе. После службы в армии закончил строительный техникум, работал на стройках России.

Член Союза писателей РФ.

Автор рассказов и исторических повестей «Великая дорога», «Цепи Романова», «Крутые горки».

Живет в городе Россошь Воронежской области.

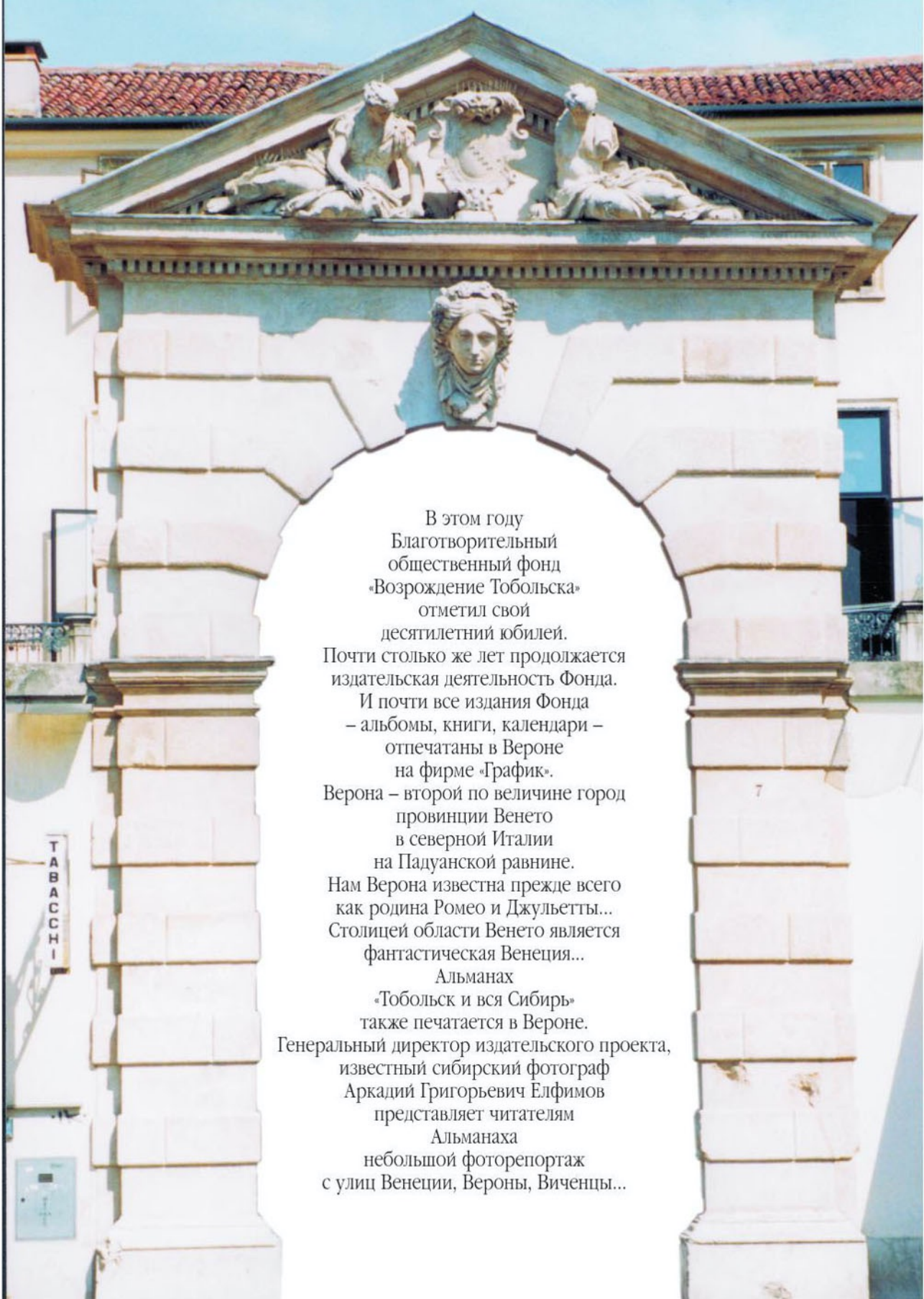
Ярцева Наталья Константиновна

Журналист, выпускница филологического факультета МГУ.

Больше 20 лет проработала в литературной редакции Всесоюзного радио.

Автор и ведущая цикла радиоочерков по истории православной Москвы «Сорок сороков».

В настоящее время – редактор программы «Слово пастыря» на первом канале телевидения.

В этом году
Благотворительный
общественный фонд
«Возрождение Тобольска»
отметил свой
десятилетний юбилей.

Почти столько же лет продолжается
издательская деятельность Фонда.

И почти все издания Фонда
– альбомы, книги, календари –
отпечатаны в Вероне
на фирме «График».

Верона – второй по величине город
провинции Венето
в северной Италии
на Падуанской равнине.

Нам Верона известна прежде всего
как родина Ромео и Джульетты...

Столицей области Венето является
фантастическая Венеция...

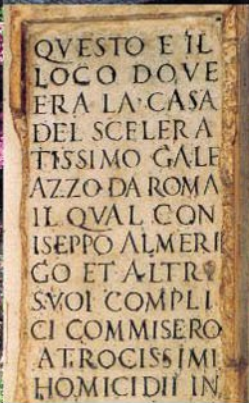
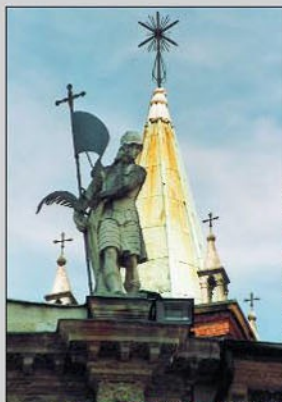
Альманах

«Тобольск и вся Сибирь»
также печатается в Вероне.

Генеральный директор издательского проекта,
известный сибирский фотограф
Аркадий Григорьевич Елфимов
представляет читателям

Альманаха

небольшой фоторепортаж
с улиц Венеции, Вероны, Виченцы...

Издательский отдел фонда
«Возрождение Тобольска»
выражает персональную благодарность
своим итальянским партнерам
за их личный неоценимый вклад
в высочайшее полиграфическое исполнение
изданий Фонда.

CLAUDIO FERRARO

Клаудио Ферраро,
художественный редактор

GIORGIO CASTELLINI

Джорджио Кастеллини,
руководитель производства

WALTER CASTAGNA

Вальтер Кастанья,
генеральный менеджер

Напутственное

7

Государев наказ 1594 года

9

Мой город

15

Александр Сидоров. Отвечая на вызов эпохи

17

Петр Буцинский. Острог и округа

27

Александр Кузнецов. Страницы милого детства

39

Сергей Шишкин. Казачата – потомки Ермака

53

Виктор Козлов. Тетя Нюра

59

Иван Захаров. Старожилы. Где эта улица?

69

Сибирский изборник

87

Павел Васильев. «Мы еще не начинали жить...»

89

Галерея

97

Валентин Распутин. Русь: Веси, Лики, Земля

99

Века и судьбы

117

Яков Солодкин. «Начальные люди»

119

Валерий Белобородов. Из рода Знаменских

129

Лилия Цареградская. Поверенный Его Величества

141

Валерий Белобородов. Он мечал изучать Родину

149

Валерий Матвеев. Тыл и фронт

161

Юрий Переплеткин. Фарман неукротимый

167

Вернисаж

179

Елена Корниенко. Югра, земля Петра Бахлыкова

181

Трибуна

195

Игорь Иванов. Нам негоже быть «родиной сырь»

197

Елена Осипова. «Старый Сургут»? Тот, да не тот...

201

Юрий Лощиц. Кто кого покорит?

207

Беседы

213

«Люблю Россию до боли сердечной...»

Беседа с Еленой Ополовниковой

215

Истории

227

Григорий Дмитриев-Садовников. На Вахе

229

Иван Неклепаев. Градские домовые

235

Ольга Корниенко. Ханты: Юрий, Иосиф, Сергей, Борис

241

Как это было

249

Тамара Илатовская. Лиха беда – начало...

251

Валентин Марченков. Нестандартные решения

255

Елена Осипова. Раскопки в белые ночи

261

Малый эпос

265

Виктор Козлов. Зарницы с четырех сторон. Необыкновенное лето

267

Охранная грамота

285

Елена Осипова. Грани наследия

287

Наталья Потапенко. Возвращение в Ях

291

Заметное

295

Иван Левочкин. Новая жизнь «Чертежной книги Сибири»

296

Леонид Южанинов. Ахтунг! Ахтунг! В небе Покрышкин

298

Об авторах

300

*Следующий номер альманаха
«Тобольск и вся Сибирь»
будет посвящен
400-летию
города Томска.*

*Таким образом редакция хочет
не только отдать дань уважения
одному из старейших городов
Сибири,
но и напомнить интересную страницу
нашей общей истории:
когда-то, четыре века тому назад
в строительстве Томска
участвовали посланцы государевы
из Тюмени, Тобольска, Сургута.
Сегодня общественность этих городов
взяла на себя финансовое обеспечение
Томского номера
альманаха.*

В оформлении шмуцтитлов использованы работы косторезов
из коллекции Сургутского краеведческого музея:

- Стр.7
Кривошеина А.Ф. Первые шаги. Бивень мамонта. 1993
Стр.15
Кривошеина А.Ф. Масленица. Бивень мамонта, кость. 1991
Стр. 87
Климов Ю.А. Первый поцелуй. Бивень мамонта. 1992
Стр. 97
Замятин Ю.Н. Дед Мазай и зайцы. Цевка. 1993
Стр. 117
Климов Ю.А. Признание. Бивень мамонта. 1993
Стр. 179
Русаев В.А. Танец оленей. Зуб кашалота, олений рог. 1993
Стр. 195
Лобаков В. Странники. Зуб кашалота. 1993
Стр. 213
Галактионова Н.С. У плетня. Бивень мамонта. 1992
Стр. 227
Кривошеина А.Ф. Чаепитие. Бивень мамонта. 1993
Стр. 249
Кривошеина А.Ф. Подружки. Бивень мамонта. 1992
Стр. 265
Фофанова Н.Ф. За околицей. Цевка. 1985
Стр. 285
Замятин С.Н. Семья мамонтов. Бивень мамонта. 1992
Стр. 295
Фофанова Н.Ф. С рыбалки. Цевка. 1992

Сургут. Бизнес-центр

АЛЬМАНАХ
ТОБОЛЬСК И ВСЯ СИБИРЬ
ВТОРОЙ НОМЕР
СУРГУТ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Тюменский региональный общественный благотворительный фонд
«Возрождение Тобольска»

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Аркадий Григорьевич Елфимов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Юрий Михайлович Лощин

ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК

Александр Федорович Быков

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

С.А. Смирнов – составитель

А.Ф. Быков – макет и художественное оформление

О.В. Глазкова – компьютерная верстка

Н.Л. Неретина – технический редактор

В ОФОРМЛЕНИИ НОМЕРА ИСПОЛЬЗОВАНЫ ФОТОГРАФИИ

И. Мутуль, А. Бессмертных, Л. Березницкого, А. Запки, Г. Корченкина, А. Елфимова,
изобразительные материалы из фондов
Сургутского краеведческого музея,
из архива фонда
«Возрождение Тобольска»

При перепечатке ссылки на альманах
«Тобольск и вся Сибирь»
обязательны

Рукописи и фотографии не рецензируются и не возвращаются

ISBN 5-92172-002-2

Формат 70х100/16

Печатных листов 19,5

Тираж 5000 экземпляров

© Составление – Издательский отдел
Тюменского регионального общественного благотворительного фонда
«Возрождение Тобольска»,
Тобольск, 2004
626100, Россия, Тюменская область,
Тобольск, 4-й мкр-н, д. 25
тел./факс (2-34511) 5-02-64
адрес веб-сайта www.tobolsk.org

© Оформление – Быков А.Ф., Москва, 2004

Отпечатано в Италии
Фирма «График»
Верона

